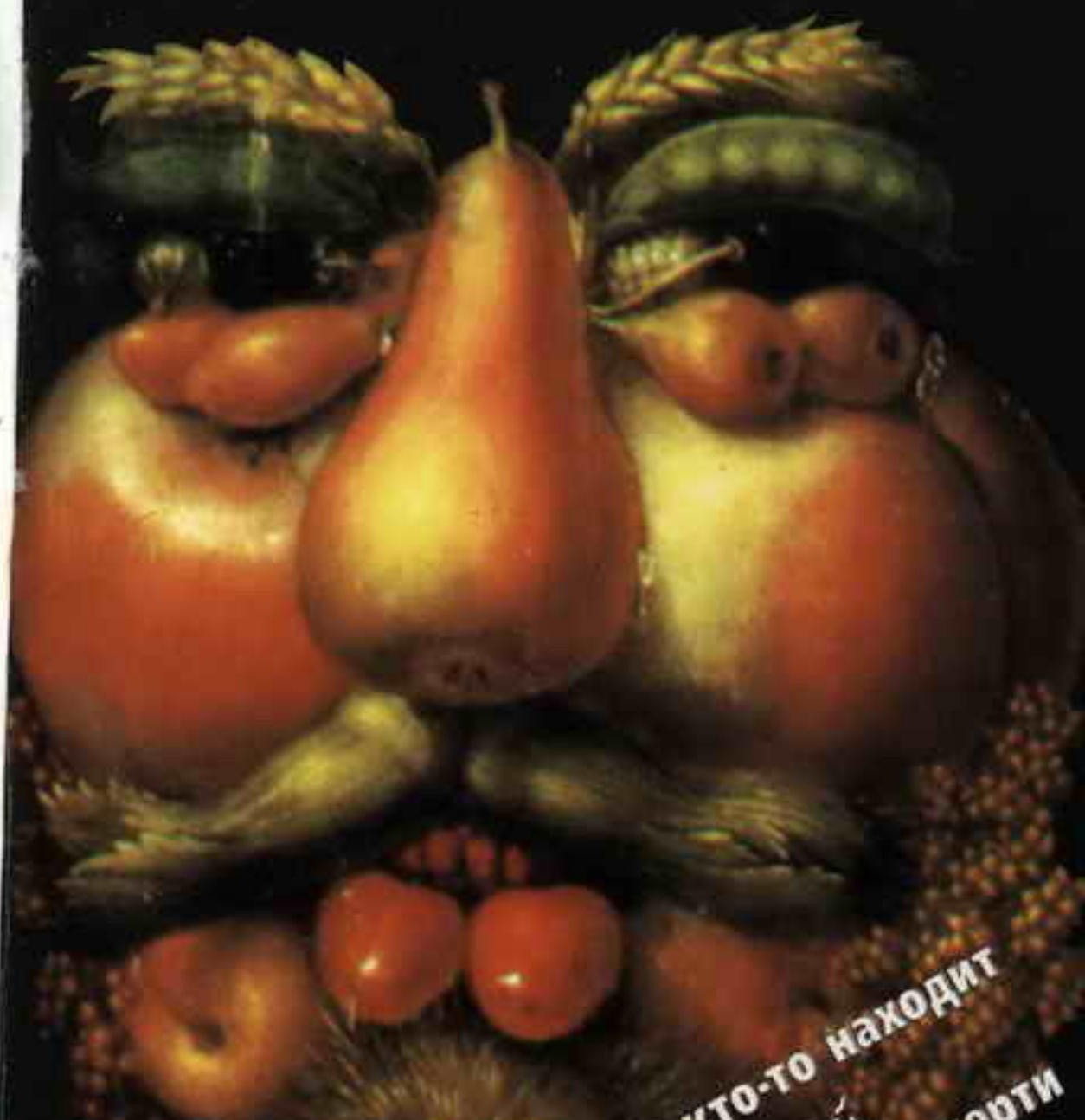

ОШОИ 117 96

Жан Брюс

Кто-то теряет, а кто-то находит
Валерий Азраковский
3 часа до смерти

ПУТЕШЕСТВУЙТЕ

с нами в Италию

на остров

ИСКЬЯ

«Вормос-Травел»

тел. Москва: (095) 912-73-60 / 912-49-63 / 912-39-79

СМЕНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
Основан в январе 1924 года.

Главный редактор
МИХАИЛ НИЗИПОВ

Редколлегия:

ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ

зам. главного редактора
БОРИС ДАНОШЕВСКИЙ
НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ

зам. главного редактора
СЕРГЕЙ ПОПОВ
МИХАИЛ ТЕЛИНИН

главный художник
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ
ТАМАРА ЧИЧИНА

оформление

ВАЛЕНТИНА ДАВИДОВА

худ.-технический редактор
АЛЕНСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 23.06.96.
Подписано к печати 29.07.96.
Формат 84x108 1/32.

Бумага офсетная.
Печать офсетная.
Усл. п. л. 15,54.
Усл. фр. отт. 17,84.
Уизд. л. 23,10.

Тираж 67000 экз.
Зенза № 970

Цена свободная.
101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14.

212-15-07 — для справок.
250-29-39 — отдел реализации.
250-49-98 — отдел рекламы.

Факс (095) 250-59-28.

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.
Reg. №014832

**Учредитель — коллектив
редакции журнала
«Смена».**

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Набор, верстка и
цветоделение — «Институт
новых информационных
технологий».

Отпечатано в типографии
издательства

«Пресса»,
125865, ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.

В случае полиграфического
брака обращаться
в издательство «Пресса»:
257-28-30, 257-41-03

11 (1585) НОЯБРЬ

© «Смена», 1996

СОДЕРЖАНИЕ

- 56 *проза* ЖАН БРЮС
**КТО-ТО ТЕРЯЕТ, А
КТО-ТО НАХОДИТ**
Детектив
- 168 ДОРОТИ СЭЙЕРС
**ЧУДЕСНОЕ
ОЗАРЕНИЕ
МИСТЕРА БАДДА**
Рассказ
- 192 НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ
БРОСОК КОБРЫ
Криминальная повесть
- 184 *поэзия* ГЕННАДИЙ
КРАСНИНОВ
- 4 *время и мы* ВАЛЕРИЙ
АГРАНОВСКИЙ
**3 ЧАСА
ДО СМЕРТИ**
- 22 ОЛЬГА ЧАЙКОВСКАЯ
**ТОЛЯ, ТОЛЯ,
ТОЛЯ, ТОЛЯ...**
- 34 СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВ
**ЛИЦА НЕОБЩИМ
ВЫРАЖЕНИЕМ**
- 134 СТАНИСЛАВ ПЕСТОВ
НАНОТЕХНОЛОГИЯ
- 144 НИКИТА ЗЛОБИН
МОЛОДЫЕ ВОЛКИ
- 160 АЛЕКСАНДР ПЬЯННОВ
**РАБОТА УМНЫХ
ЛЮБИТ**
- 44 *история и культура* ИВАН ЗЮЗЮКИН
**«КРЕСТ НА СЕБЯ
НАЛОЖИЛ Я...»**

124 ЛИЛИЯ БАЙРАМОВА
АРЧИМБОЛЬДО

180 ВАЛЕРИЙ ГАРНАЛИН:
**«ОСТАВЛЯЮ СЕБЕ
ШАНС БЫТЬ
НЕПРЕДСКАЗУЕМЫМ»**

■
На 1-й обложке:
Арчимбольдо.
Вертумен (фрагмент). 1590 г.
[Читайте стр. 124]

АНТИНС

ГРЕГОРИ МАНДОНАЛЬД
«СЫН ФЛЕТЧА» Обязательный и смелый Ирвин Флетчер уже стал одним из любимых героев читателей «Смены», а серия романов о нем стоит в ряду лучших произведений детективного жанра. И вот снова на страницах журнала встреча с Флетчером — но уже в новой для него роли, роли отца...

ЛЕВ КАНЕВСКИЙ
«НИМФА»
И «ИДОЛ» Судьба Мадам дю Шатле — замечательный пример того, как женщина может приобрести бессмертие благодаря своим любовным связям. Правда, при условии, что ее страстный обожатель — великий человек. В данном случае — Вольтер...

3 ЧАСА

Не люблю сенсаций. Возможно, потому, что никогда не умею писать репортажи. Оказавшись свидетелем или даже участником каких-либо невероятных событий, не торопился порепортерски на газетную полосу. Такой журналистский хлеб считал относительно легким, так как материал не успевал утяжелиться размышлениями, для которых, согласитесь, необходимо время. В итоге я неизменно опаздывал со своими историями на встречу к читателю, но не завидовал первопроходцам нашей печатной целины: надеялся, что когда-нибудь догоню. Особенно мне интересно было копать и выкапывать свежие тематические повороты именно на тех дорогах, по которым уже прошли до меня многие резвые (и непременно отмеченные талантом) репортеры.

ВАЛЕРИЙ АГРАНОВСКИЙ

ДО СМЕРТИ

Еще одно соображение: прежде я наивно полагал, что любое событие, когда бы оно ни происходило и когда бы ни достигало широкой известности, самодостаточно в том смысле, что главное его достоинство в том, что оно было. Затем вдруг однажды сообразил, что в нашей реальности часто оказывается, что главное как раз другое: чтобы события, наоборот, не было, и еще надо молить Господа Бога, чтобы его не было никогда. Вспоминаю старый оптимистический одесский анекдот: "Жора, ты пока жарь, а рыба будет!". В анекдоте — пусть будет, а в жизни — нет, не надо. В минувшей истории, которую я намерен вам рассказать, "рыба", к сожалению, была.

Четверть века назад мне удалось чудом избежать авиационной катастрофы. Случилось так, что в самолете находился пас-

Сингапура

сажир, который еще в воздухе обнаружил неисправность и успел сказать пилотам, а уж те ломали головы, как спасти машину. И, представьте себе, спасли: экипаж и сто двадцать пассажиров имели дело с первым и, кажется, единственным случаем выживания этого типа самолетов, причем именно с такой неисправностью. Если вы пока не почувствовали горькую "изюминку" события (а чуткий читатель обычно угадывает такие вещи), скажу: человеком, распознавшим неисправность, был, извините, я. Увы, из песни, предложенной вам, местоимение "я" выкинуть уже невозможно.

Написать репортаж по горячим следам можно было, и наша бы газета, которая рискнула бы на публикацию (и она была: моя "Комсомольская правда", где я работал в ту пору корреспондентом), и нашелся бы редактор, который сумел бы без особых потерь преодолеть цензуру (он тоже был: Борис Панкин, бывший, с моей точки зрения, лучшим "главным" за всю историю существования "Комсомолки"), а вот репортаж я написал бы в спокойных тонах, и назывался бы он, конечно, не "Катастрофа" и даже не "Самолет разрывает небо столицы", а без каких-либо претензий на сенсацию.

Но рука моя не потянулась к перу. Я не только близким, но и дальним не стал рассказывать о пережитом, а возможность писать вообще отложил до лучших времен, пока сам не успокоюсь и пока не родится мало-мальски стоящая мысль. Потекли дни и месяцы, потом годы, которые докатились до сегодня. Все минувшее время я категорически отказывался летать самолетами (на отдых и даже в командировки), буквально сойдя с неба на землю: поезда, автомашины, теплоходики, да хоть лошадки. В небо душа не пускала. Более того, я упорно избегал встреч с коллегами-журналистами, вместе с которыми оказался тогда над землей. До сих пор не знаю, известно ли им, что в действительности произошло тогда с самолетом и в самолете, в каком кошмаре был экипаж (о себе не говорю), каким странным поступком отличился я в самый острый момент, и кому, кроме пилотов, обязаны они сохранением своей жизни? И вот, наконец, пишу, так как откладывать дальше некуда: лимитируют возраст и здоровье. Если я не расскажу, никто уже не расскажет.

Был конец апреля 1969 года. Аэропорт в Риме. Оставались последние полчаса безмятежной жизни на земле. А затем произошло одно из нескольких происшествий (сколько их было на самом деле, я и сам не знаю, пока не начну в процессе повествования восстанавливать шаг за шагом их последовательность). Наша маленькая делегация (чуть позже представлю всех поименно) прибыла на взлетное поле прямо к самолету в микроавтобусе. Шел противный острый дождь. Несколько минут мы оставались в машине, наблюдая за тем, что происходило вокруг нас. По стеклам стекала вода, и картина приобретала кинематографическую, почти сюрреальную форму.

На бетонке в двадцати метрах от нас стоял "ИЛ-62" – серебряный красавец с иллюминаторами по всему фюзеляжу от кабины пилота до конца салона. Хвост самолета (стабилизатор) был почти неестественно задран вверх, а две мощные ноги (шасси, каж-

дая из которых была с четырьмя спаренными баллонами) помещались точно по центру корпуса, а еще одна небольшая нога была на носу. У нас, таким образом, имелись три точки опоры, обеспечивающие при взлете и посадке запас устойчивости машины. Я не зря все это подробно вам рассказываю именно сейчас, потому что потом, когда приближусь к событию, объяснять будет некогда: темп повествования ускорится до сумасшедшей степени. Закончу описание еще одной немаловажной подробностью, но не внешней, а как бы внутренней, незаметной глазу и пока не оцененной умом: "Ил-62" только начал выходить на международные линии, был гордостью отечественного самолетостроения, и наше высшее руководство надеялось этими машинами торговать со странами мира. По этой причине первые рейсы вполне официально назывались "коммерческими", я бы даже сказал, "показательными": купцы показывали товар во всей красе. Я настоятельно прошу вас, читатель, это обстоятельство не забывать: именно оно сыграло с нами, возможно, роковую роль.

Зато великим счастьем явилось то, что мое место в самолете оказалось ровно над шасси, причем именно с правой стороны, как бы компенсируя то, что было потеряно нами из-за коммерческого интереса высшего руководства. Ну а теперь прошу вас немного потерпеть, потерплю и я, умеряя себя в "живописании", мне уже самому не по себе: застучал пульс в висках, а дыхание становится затрудненным. Странно: как много лет прошло с тех пор, и все закончилось, как вы и я теперь знаем, благополучно, но даже мысленное возвращение к тому событию способно вызвать волнение у рассказчика (стало быть, у меня), заново переживающего минувшее. Наверное, так и должно быть, когда касаешься (даже мысленно) грани, проходящей между жизнью и смертью (хоть своей, хоть чужой). Хотя я вовсе не хочу нагнетать страсти, но они нагнетаются как-то сами собой. Целен человек, но при этом и разобран на части...

Подошел "Икарус", в котором оказались наши соотечественники-туристы, человек пятьдесят, им следовало возвращаться одним с нами рейсом. Возникла забавная ситуация, о которой расскажу специально для того, чтобы снять с себя (возможно, и с вас) лишнее напряжение. Свидетелями конфуза невольно стали мы, но с таким же успехом свидетелями могли быть соотечественники, если бы нам предложили первыми подняться на борт самолета. Я уже говорил о противном дожде, так вот "Икарус" вплотную подошел к лайнеру, оставалось туристам сделать под дождиком несколько метров по асфальту до трапа и семь метров по трапу. Но – сервис: каждому пассажиру служители аэропорта, одетые в синюю униформу и прозрачные накидки, вручали заранее приготовленные "к употреблению" зонтики. Мог ли наш турист не взять себе на память в качестве сувенира зонтик? Правильнее сказать даже так: обязан был это сделать! Однако первый же соотечественник (им, кстати, был популярный ведущий телевизионного "Клуба путешественников" Владимир Шнейдеров, и мы его тотчас узнали) застрял в проходе: зонтик надо было сложить, а он, как на грех, не складывался! Предусмотрительные служители вручали туристам зонтики, навсегда от-

крытые. Не веря в "мертвую хватку", наши умельцы не сразу сдались: началась толкотня на трапе, посыпались советы, как все же сложить зонтики, но вскоре все уже дружно смеялись — и туристы, и "прозрачные" служители, и мы в микроавтобусе, и итальянцы-пассажиры, уже заселившие салон самолета, и даже пилоты, наблюдавшие картину через стекла кабины. Когда через несколько минут пришлось нашей делегации проделать тот же комический путь, мы не стали испытывать судьбу, а покорно посмеиваясь, отдали "наши кровные" зонтики в руки служителей, вежливо провожавших нас у трапа.

8

Теперь я могу, наконец, представить нашу компанию, имевшую официальный статус делегации двух творческих Союзов: писателей и журналистов великой страны. Начну с единственной дамы — с обаятельной и талантливой Галины (мы звали ее Галочкой) Шерговой; продолжу Саввой Тимофеевичем Морозовым — интеллигентнейшим и энциклопедически образованным корреспондентом "Известий", родным внуком и полным тезкой "того самого" легендарного Саввы Морозова; затем перейду к Борису Хессину — умному и прирожденному организатору, в ту пору главному редактору журнала "Кругозор", а позже руководителю телевизионного объединения "Экран"; а закончу собой — вашим покорным слугой, пока еще ходившим в "молодых литераторах". Остался пятый: наш формальный глава делегации, но тут я поднимаю руки, поскольку не помню ни его имени, ни его отчества; а если бы и помнил, все равно они, мне кажется, были у него "не своими", а фамилию он нам вообще не доверил, скромно представившись "писателем" — простенько и красноречиво. Замечу попутно, что ни до поездки, ни после никто из нас никогда его не видел, а его произведения не читал. Вел он себя сдержанно, особенно нас не тиранил, а тихо делал свое "нужное стране" дело, а куда и что (после возвращения в Москву) "сочинял", мы и не должны были знать. И еще: из его внешности я запомнил только одну "деталь" (если можно так выразиться): голову, похожую на бильярдный шар, который он часто и как бы привычно гладил рукой, будто приглаживая когда-то росшие на шаре густые и, возможно, кудрявые волосы. Вот, собственно, и все.

Осталось объяснить вам, зачем взялась наша команда, специально сформированная для Италии. Точно я, конечно, не знаю, но могу предположить: прошел ровно год, как советские танки побывали в Праге. И вот, я думаю, наступило время, когда нужно было налаживать отношения с бывшими друзьями. Спрашивается, а при чем тут не самые знаменитые и не самые авторитетные в стране и в мире люди, вроде нашей четверки, чтобы выполнить сложную миссию? По-видимому, роль парламентариев в таких случаях следует поручать не тем, кто велик или мал, а тем, кто не успел письменно или устно запятнать себя выступлениями в поддержку подавления "Пражской весны".

Не имею возможности говорить от имени всей четверки, но скажу о себе. Помню, в "Комсомолке" было собрание (такие проводились тогда повсюду), на котором в присутствии кураторов из двух ЦК (партии и комсомола) открытым голосованием следовало поддержать политику партии и правительства: кто "за",

"против", "воздержался"? В первом туре я руку не поднял, уверенный в том, что никто меня не заметит. Зато во втором туре решился: "Кто против?" – и вдруг увидел пристальный взгляд Бориса Панкина, сидящего визави на противоположном конце нашего Голубого зала. Борис, вероятно, увидел меня и почувствовал мое настроение, а потому печально покачал головой. Мол, Валерий, не надо, ты и мне навредишь. Руку я и на этот раз не поднял, то есть "не засветился". Могу предположить, что вся наша четверка в принципе вела себя весь минувший год ровно настолько, насколько нужно было, чтобы нас пустила к себе итальянская сторона и чтобы выпустила советская. Таков, по крайней мере, мой расклад, а уж как было на самом деле, надо искать ответ в других архивах. Но что я точно знаю: две творческие организации поставили где-то "галочку", отчитываясь перед кем-то в выполненном мероприятии. А мы в итоге получили "за красивые глаза" (сегодня эту формулу заменили на жаргонное и неприятно звучащее слово "халява", из-за чего, в сущности, ничего не меняется) блистательную поездку в Италию на двенадцать дней по маршруту: Рим, Флоренция, Милан, Венеция и целый день в Вероне, проведенный в обществе помирившихся наконец потомков Монтеки и Капулетти.

Итак, "ИЛ-62", постояв несколько минут "под парами" (с работающими турбинами), своим ходом пошел на взлетную полосу. Зажглись надписи: "Пристегните ремни!" и "Просим не курить!", сдублированные по-английски. Стюард (а у нас были две стюардессы и один молодой человек) сообщил по внутреннему микрофону, как долго мы будем лететь из Рима в Москву (три с половиной часа), на какой высоте (девять километров), какая температура будет за бортом (минус сорок градусов) и в "Шереметьево" к моменту нашего прилета (плюс шесть градусов), а затем пожелал нам от имени экипажа и персонально командира корабля "счастливого полета и приземления". Было ровно девятнадцать по московскому времени (я привычно посмотрел на часы).

На взлетной самолет остановился. Пилоты опробовали тормоза, этот момент был мною хорошо отмечен: машина стала дрожать, будто желая сорваться с места и как бы сама себя не пуская. Потом, взревев турбинами, мы двинулись с места. Я мысленно произнес фразу, многократно и традиционно мною произносимую: "С Богом" – без восклицательного знака, вполне буднично, будто поехал на велосипеде. Мимо иллюминатора пошла назад бетонка. Потом побежала. Слева от меня в кресле что-то читал Савва Тимофеевич, прямо перед нами были Галочка Шергова и Борис Хессин, а куда девался наш "писатель", я не заметил. На душе было спокойно, сердце работало ритмично, дыхание ровное и глубокое. По стеклу иллюминатора стали срываться крупные капли дождя. Скорость бетонки увеличилась настолько, что горизонт, как блюдце, завертелся вместе со столбиками, будочками и далекими и уже едва заметными глазами людьми. В момент отрыва самолета от бетонки я вдруг почувствовал под собой – пок! – звук, словно выстрел из пистолета с глушителем, но "пок" был не таким, когда убирают шасси или, наоборот, выпускают, а много мягче.

Сидел я, как уже было мною сказано, точно над правой ногой. Оглянулся вокруг: мой сосед продолжал читать. Выглянула из-за двери стюардесса на секунду и, ничего не выразив лицом, исчезла в хозяйственном блоке. За стеклом иллюминатора бетонка сменилась землей. Самолет чуть накренился и стал набирать высоту, при этом турбины заработали глуше и ровнее. Еще через секунду я почувствовал задом (зад был, кажется, единственным в тот момент органом моих ощущений), как самолет убрал в себя шасси: "пок" на сей раз был тот самый, каким и должен быть. Глаза видели обычную картину, но мысли мои уже были тревожными.

Я отстегнул ремень, встал с места и пошел к пилотам. Пройдя мимо хозяйственного блока, где стюардессы готовили пассажирам воду, я спросил девушку: вы что-то слышали? — а что именно? — а стюард слышал? — нет, а что? — ничего, все нормально. Такой получился у нас диалог.

И я открыл дверь к пилотам. То были еще те прекрасные и безмятежные времена, когда летчики не бронировали кабины и не вооружались пистолетами. К сожалению, та пора скоро кончилась. За мною любознательно сунулся было стюард, но я остановил его жестом: не надо, ничего интересного. И закрыл за собой кабину. Пилоты, как по команде, повернули ко мне головы, один только штурман копался в своих бумажках. В чем дело? — вопрос в глазах командира. "Мне кажется, — сказал я, — у нас нет правой ноги".

На этом месте, читатель, я прерву подробности нашего разговора с пилотами, поскольку он длился не более двух минут, но мне потребуется гораздо больше времени, чтобы изложить его вам, попутно объясняя непросвещенным, что было нам с летчиками понятно без перевода. Единственное, о чем я могу вам сказать, что в свое время мне пришлось пройти трехмесячные офицерские сборы в Аткарском военном авиационном училище под Саратовом, причем в качестве штурмана, а летать на "Ли-2": это был не военный самолет, всего лишь учебный, но достаточно известный и авторитетный в мире (бывший "Дуглас", изобретенный великим Игорем Сикорским). Все это я изложил пилотам в мгновение, как и то, что у меня есть право и основание подозревать шасси в неисправности.

Командир распорядился, и мы вместе со вторым пилотом отправились через два салона в хвостовой отсек лайнера. За туалетной комнатой была дверка (о чем я не знал), за которой имелся еще один иллюминатор. Командир уже выпустил шасси, и пилот смог увидеть правую ногу сбоку и наискосок. Пилот посторонился и предложил мне взглядом: смотри сам. Я в ужасе увидел вместо четырех баллонов бесформенные ошметки резины, которые свисали с металлических конструкций шасси. (Много позже, уже в Москве, члены комиссии, срочно образованной для определения причин аварийной посадки самолета, предположили: между баллонами застрял камень, который при взлете разорвал один баллон, а от него, сдетонировав, рванули все остальные. Услышать взрыв ни в кабине самолета, ни в салоне было невозможно, но почувствовать мог — только тот человек, и тоже не каждый! — кто сидел точно над шасси).

Счастливым случай выбрал на эту роль меня.

Более сложной и трагической ситуации для "ИЛ-62" придумать было нельзя. Ничего не зная, мы прилетели бы в Москву, сделали круг над "Шереметьевом" и точно по расписанию запросили бы посадку. Выпустили шасси. Загорелась бы контрольная зеленая лампочка в кабине пилотов: шасси вышли, полный порядок. С земли не только диспетчер, вообще ни один человек не смог бы увидеть, что самолет без ноги, и не поднял тревоги: десять вечера! Как только машина коснулась полосы, она тут же воткнулась бы металлическим костылем, как штыком или плугом, в бетонку; самолет, споткнувшись, перевернулся бы. И взорвался. И — все. Никто не успел бы даже сообразить, что случилось. И потом — тоже. Никакие "черные ящики" не открыли бы тайну гибели лайнера: осталась бы бесформенная груда искореженного металла. И обгорелые останки людей. Аминь. Все это пронеслось в моей голове, пока мы возвращались в кабину, чтобы доложить командиру.

Пришли. Доложили. Минуту или две молчали. Летели. У меня вариантов не было, откуда им быть? А они стали думать: что теперь делать? Ни одной аварийной посадки у этих машин пока не было. Садиться на брюхо? Как поведет себя машина — неизвестно. Куда садиться: на землю, на бетонку, на озеро? И — как? Выработав, как принято, керосин, не оставив даже пары? Но умеет ли "ИЛ-62" планировать? Не свалится ли в пике? Или все же оставить топливо в баках? Ни одного ответа на эти вопросы...

Командир дал команду, штурман связался с Москвой. Москва выслушала короткий доклад о нашей ситуации. Командир попросил руководство решить главный вопрос: лететь ли домой или, выработав горючее над Римом, тут же запросить вынужденную посадку на известную в мире специальную аварийную полосу, которая поливается снизу на всем протяжении мощной струей воды. Мы могли рискнуть садиться на пузо, но как бы в озеро, надеясь на то, что вода спасет самолет от загорания при трении.

Москва попросила у экипажа время на обсуждение.

Командир показал мне глазами, чтобы я шел в салон. Я и сам понимал, что страшнее паники в самолете, попавшем в беду, может быть только сама гибель. Вернулся в салон. Пока возвращался, как и должно быть в таких случаях, я подумал не словами, а ощущениями, понимая, что потом (если "потом" все же будет) ощущения обретут словесную плоть.

Сел на свое место. Вокруг были спокойные и безмятежные люди, счастливые (как думал я) только тем, что пока ничего не знают. Мои коллеги о чем-то переговаривались. Савва Тимофеевич скоро задремал, не выпуская книжку из руки. Уже появились стюардессы, предлагая питье: минеральная и сладкая вода. Предупредили, что через час будет готов ужин. О каком ужине они говорят, с ума посходили. Бред какой-то. Куда девать себя и что делать, я не знал. Ни читать, ни говорить, ни думать. О чем думать: о будущем? Но какое ждет всех нас будущее, если все решится самое позднее через три часа?

Вышел второй пилот-красавец, блондин с киноулыбкой, прошел по салону, проверяя обстановку, убедился: полный покой. На

обратном пути в кабину нагнулся надо мной, сказал коротко: летим домой.

Вот так. Москва разрешила ситуацию не в пользу людей, а в пользу коммерции и престижа страны Советов: зачем совершать вынужденную посадку в Риме на глазах у всего мира и спастись, если можно тихо корежиться у себя в "Шереметьево"? То была замечательная пора нашей заклеенной жизни: без тонущих пароходов, без сходящих с рельсов поездов, без взрывающихся атомных реакторов, без эпидемий сибирской язвы, без наркомании и проституции, без терпящих катастрофу самолетов, даже без отделов "происшествий" в центральных и периферийных газетах; а на кладбищах все спокойненько...

И вдруг я внезапно подумал, что зато избавлюсь теперь от необходимости проходить таможенный досмотр: мы просто скочимся, и на этом все будет кончено. Странно сегодня вспоминать те безумные мысли, но — видит Бог! — как замечательно лететь в Москву, не терзаясь испепеляющим страхом за некий груз, с которым тебя "застукали" пограничники. Впрочем, так и было: в сетке над моим креслом в салоне лежала фирменная аэрофлотская синяя сумка. А в сумке была большая кондитерская коробка, перевязанная шелковой лентой с бантиком. Ее содержание и терзало мое сердце.

Контрабанда: наркотики, динамит, газовые пистолеты, сильнодействующие яды? Право, вы не пожалеете, если я прерву воспоминания об одних переживаниях и перейду к изложению других. При этом вы почувствуете аромат той нашей искореженной психологии, в которой сами и убедитесь, если пожелаете.

Сейчас мы, совершив своеобразный оверштаг, оставим борт самолета, пока он продолжает лететь в Москву, и вернемся в Рим, в первый день пребывания делегации в Италии. Именно тогда произошло посещение нами редакции главной коммунистической газеты "Унита": визит был заранее оговорен "протоколом", который составлялся на небесах руководством.

Принимали нас далеко не по высшему разряду, проводив в тесную проходную комнатку. Мимо шныряли с гранками сотрудники (вероятно, из типографии к ведущему номера и обратно), а мы беседовали с заместителем главного редактора. Вообще-то мы не беседовали, исполняя роль массовки, а разговаривал через переводчика наш бильярдный шар. Вся процедура заняла не более получаса и завершилась сдержанными рукопожатиями. Душевности, застоля и обычных, как я слышал, в таких случаях сувениров не было. Да и за что, собственно?

Увиделись, отметили где-то "галочку" и ушли.

Восстановили братскую дружбу.

Я шел последним, уж так получилось. Сзади вдруг раздался голос: Валья! (Шепотом.) Я оглянулся: это был наш итальянский собеседник, почему-то широко мне улыбающийся. Ничего не понимая, я остановился. Когда коллеги удалились на безопасное для итальянца расстояние, он сказал с сильным итальянским акцентом: "Валья, мой зовут...", — и назвал свое имя. Я не сумел вспомнить и молчал недоуменно. "Валья, вы помните "Бели туфэлка"? Господи, вспомнил: несколько лет назад дома у Алексея

Яковлевича Каплера и его жены Юлии Владимировны Друниной по просьбе хозяев я специально для "гостя из Италии" спел, сам себе аккомпанируя на гитаре, "Белые туфельки", стилизованные под городскую романс. В доме Каплеров я был частым и желанным гостем, нежно и с уважением относясь к хозяевам, как и они ко мне, при этом никогда не отказывался от гитарного пения. Так вот именно там мы познакомились с нашим собеседником из "Униты". Он шепнул мне, что вечером, если я не возражаю, он заедет за мной в гостиницу, и чтобы я ждал его в вестибюле.

Почти три часа мы ездили на его машине по Риму, но описывать впечатления сейчас не с руки, я и так далеко ушел от нашей авиационной ситуации. Скажу лишь об одном эпизоде, органически возвращающем меня в самолет и к моей фирменной сумке на молниях.

В небольшом книжном магазинчике, прощаясь с заместителем главного редактора "Униты", я увидел на полке "Раковый корпус" и "В круге первом", прекрасно изданные на русском языке в Италии. Глаза мои загорелись, но книги мне были совершенно недоступны и по цене, и по возможности безнаказанно довести до Москвы. Но мой любезный сопроводитель-конспиратор сказал решительно: "Будем придумать, Валья!".

Он тут же купил обе книги, затем в соседнем магазине шикарную коробку шоколадных конфет, попросил изумленную продавщицу выкинуть конфеты, положить туда книги Солженицына и вновь профессионально перевязать шелковой лентой с бантиком. "Конфеты", как по заказу, точно уложились в синюю сумку на молниях.

Все последующие дни я мотался по Италии с коллегами и повсюду возил с собой бомбу, боясь, что она взорвется в присутствии нашего бильярдного шара, а потом рванет в руках таможенника. Нет, я не решусь сказать, что все мое путешествие по стране было отравлено предчувствием финала, но не размышлять об этом я не мог: снимут с работы (самый благоприятный вариант) или лишат свободы? Чемоданы мы сдали в багаж еще в аэропорту, регистрируя билеты, но коварную сумку я оставил при себе, надеясь что-то в конце концов придумать.

И вот, представьте, в первый момент, когда нас в полете настигла беда, способная для всех обернуться трагедией, я подумал прежде всего о своем ручном багаже: избавлюсь ли я от таможни или все же придется идти через нее и пограничника? Чуть ли не какая-то! — даже всласть насладиться опасностью для жизни или для свободы они мне не позволили, конкурируя между собой: Солженицын и катастрофа. Так было со мной до самой Москвы, словно в турецкой бане, где ледяная вода чередуется с кипятком: то озноб, то испарина.

К счастью, для молодого читателя мои тогдашние переживания непонятны: возможно, это и есть главное завоевание нынешней демократии; других завоеваний и преимуществ я лично пока не знаю. Зато могу с уверенностью сказать: мы, "советские", были рождены системой не для жизни, а для того, чтобы из нас делали гвозди.

Стюардессы между тем уже предложили пассажирам готовиться к ужину. Как и все, я разложил перед собой столик, позволил поставить поднос с какой-то едой, но не смог к ней прикоснуться. Полагаю, что и экипаж сделал то же, хотя, возможно, нервы у пилотов и штурмана были покрепче моих. "Что с вами?" — недоуменный вопрос в глазах Саввы Тимофеевича. Но что я мог ответить? Мне уже давно стала невыносима ситуация не столько физически, сколько морально, но облегчение могло бы прийти от чьего-то сопереживания, и ноша, непосильная мне одному, разложилась бы на многие плечи. Но даже коллегам по делегации я не имел права что-то сказать!

Вид пассажиров, мирно беседующих, дремавших, читающих, а теперь уже безмятежно жующих, меня не только не раздражал, а наоборот, вселял надежду на то, что все происходящее — мой кошмарный сон; ведь если они не спят, значит, сплю я. Мои мрачные предчувствия тоже имеют "сонное" происхождение, тем более что дома остались жена и маленькая Анечка, которой было всего три месяца. Кто-то нарочно все это мне подстроил: испытание на прочность, забава сатаны? Мудрость и целесообразность природы? Воспоминания о дочери стали самым острым моим ощущением: неужели новая жизнь действительно возникает, как бы компенсируя чью-то уходящую? И факт: старые листья уступают молодым побегам. (Кстати, когда уже взрослая Анна ждала Настеньку, я вновь подумал о том, что именно мне следует подстраховать благополучность прихода внучки своим "опадением" с дерева жизни).

14 Таким был примерно хоровод мыслей, не отпускавший меня ни на мгновение все долгие часы полета. "Что с вами?" Я загадочно ответил: "Дай Бог, Савва Тимофеевич, чтобы пришло время, когда я смогу признаться вам, где остался мой аппетит!". Не удержался, принял таки одного достойного человека в сообщники, не раскрыв, правда, ему тайны "ордена потерпевших крушение".

Внизу неожиданно появилась Москва: глянул в иллюминатор, а там все пространство до горизонта пылает.

"Бриллиантные пригоршни огня" и прочую бижутерию я решительно опускаю: Москва под нами вызвала у меня не радостное возбуждение, как у всех нормальных пассажиров, а нервное ожидание рискованной посадки и учащенность сердцебиения.

А дальше, простите, не до лирики: ограничусь протокольной констатацией событий. Как только загорелись в салоне таблички о курении и ремнях, я поднялся и в последний раз сунулся к пилотам: "На пузо?" — "Проследите, чтобы закрепились, вы же знаете". Я знал: при "вынужденной" главную опасность пассажирам доставляют они себе сами. Начнут, как бочки, летать по салону, калеча и калечась. Пошел на свое место. По дороге итальянцев пристегивал строго, будто я член экипажа (откуда они знают?), "наших" с улыбками, отечески. Потом сам пристегнулся. Глянул вниз: как раз начали первый круг над "Шереметьево". Отметил про себя: мой иллюминатор не снабжен устройством "зап.вых", которым можно воспользоваться в аварийных си-

туациях, но уже на земле. Жаль. Не выскочишь, даже если сообщай. Зато впереди сидящий Боря Хессин — может.

Начинается самый невыносимый период: ощущение, как у покойника на собственных похоронах. Лежишь, все видишь (так иногда кажется про других), но даже цветок, лезущий в рот, не поправишь. Я не первый раз висел над землей, испробовав практически все отечественные марки самолетов, легко переносил болатанку, не "ахал", проваливаясь в воздушные ямы, никогда не волновался, когда вдруг несло паленой резиной в салоне, когда искрились двигатели, когда отказывал один мотор из двух, но ситуация нынешняя оказалась для меня и, кажется, для экипажа — форс-мажорной. И все же, пока летели до Москвы, летчики могли, если хотели, даже спать, доверившись автопилоту. Но теперь наступал для них самый ответственный и счастливый момент, требующий одного: работы. А вот мое созерцательное безделье — сущий ад для взрослого, сильного и здорового человека, внезапно превращенного в ребенка, чья судьба всецело зависит от других и совершенно незнакомых людей.

Дурацкое и несправедливое положение.

Вижу: идем уже на второй круг. Потом еще один, третий. Понимаю: экипаж решает выработать как можно больше топлива, что архиважно перед посадкой на брюхо. Аэродром легко различаю по взлетно-посадочной полосе, отмеченной разноцветными лампочками, как бы бордюром окантовывающими полосу. То и дело теряю ее из виду, хотя во все глаза смотрю в иллюминатор: машина делает виражи, аэродром ползает под ногами ртутью, и это понятно. Надо не просто выйти на полосу, но и максимально верно и по количеству керосина в баках, и по расстоянию до начала полосы. Чтобы тютелька в тютельку (не уверен, что правильно говорю терминологически, но по сути — верно). В салоне тишина. Какими флюидами пользуются пассажиры, но все же перенимают напряжение (боюсь, что мое!) экипажа. Стюардессы и стюард вместе с нами за нашими спинами, где и надо быть по инструкции. Но они, думаю, пока еще ничего не знают, улыбаются. Даже знали бы, не показали виду, им не привыкать.

Жду, когда будут выключены двигатели. Гляжу на крылья: закрылки уже торчат "ушками" вверх, поддавая самолет к земле. Нормально. Вдруг вижу, что вдоль полосы движутся, светя фарами в затылки друг другу, по нескольку пожарных машин с двух сторон. Турбины умолкают. Громкий шип. Закладывает уши. Бетонка под нами. Тридцать метров (на глаз) до полосы. Десять. Пять... Вдруг сильно начинают реветь обе турбины, и машина натужно набирает высоту. Сорвалось! С места срывается стюард и исчезает в кабине пилотов. Уходим в сторону от посадочной полосы. Машина берет влево, заложив вираж, приподнимает правое крыло. В глазах пассажиров немой вопрос: что-то не так? Нет, все "так": возвращается стюард и говорит в микрофон, что полоса не готова, кто-то пролил масло, его сейчас убирают. На этом "масле", чувствую, далеко не уедешь, могли бы придумать что-то солидное. (Потом, когда мы все-таки сели, командир сказал мне: команду "еще подработать топливо" дала земля).

Новый круг, минут на десять. Внизу разворачиваются пожарные машины и вновь становятся в исходное положение: в затылки друг к другу. Свет фар. Предполагаю, что они будут ловить нас в том месте, в каком самолет коснется бетонки, а мы обязаны угадать место, которое караулят пожарные. Задача не из простых. Они будут поливать нас водой или пеной? — вопрос риторический. Гасить будут тем, чем заряжены: там видно будет. Но будет ли видно? Открутили круг. Уже молчат двигатели. Планируем. Громкий шип, закладывающий уши. Земля все ниже. Слева и справа вдоль полосы торопят пожарные машины. Кажется, мы обгоняем их.

Я впиваюсь в кресло всем телом. Задерживаю дыхание.

И вдруг, форсируя звук, турбины вновь тянут самолет вверх. Уходим от бетонки. Опять дали команду с земли? Или проскочили заветное место? Или сдали нервы у командира? Или решили попробовать другой вариант? Какой? Но что мне толку от того, какой вариант. Пассажиры задвигались, заговорили: что случилось? Чей-то голос звучит более чем требовательно. (Понимаю, что обилие деталей, связанных с давней историей, может вызвать недоверие у читателя: или память у рассказчика феноменальная, или просто врет? Но с другой стороны, если прав Монтень, утверждающий, что воображение порождает событие, я прав дважды: в моем варианте именно событие порождает воображение, в результате чего перед читателем, как в зеркале, отражаются детали, главная ценность которых не в их количестве, а в их сути.) Помню, услышав громкий голос пассажира, я тут же пошел к пилотам. Походку сделал меланхоличной (прогулочной), но мотало, пришлось перебирать руками кресла по спинкам. Увидел себя как бы со стороны и ощутил тщетность своих усилий успокоить людей. Еще пять секунд, и салон станет неуправляемым, но мне навстречу уже идет второй пилот — блондин с неотразимой киноулыбкой, берет микрофон: "Дорогие дамы и господа, не волнуйтесь! Посадочная полоса залита мазутом. Мы уходим на другую полосу. Прошу сохранять спокойствие!" Ни на какую полосу, конечно, не уходим. Ну что ж, начинается "последний решительный"? Как на пластинке, которую заело, прокручиваются прежние мотивы, я уже знаю их наизусть: очередной круг над "Шереметьево", разворот пожарных машин, притирка к земле, заложенные уши, вжатое в кресло тело, несущиеся мимо моего иллюминатора лампочки: красные, желтые, синие, зеленые (в таком или ином порядке), ощущение бетонки всем своим существом, отсчет секунд до посадки: пять, четыре, три, две... одна?! Нет, страшный рев вдруг оживших двигателей, и машина уходит вверх с бурным набором высоты.

И я понимаю, как приговор трибунала: мы не сядем. Меня заливают липкая жаркая дурнота. Не сумею описать ни выражения моих глаз, ни цвета лица, ни хода мыслей. Чувствую только одно: всепоглощающий, всепроникающий животный страх, какого я не знал никогда в своей сознательной жизни. Автоматическим движением рук, действующих автономно, достаю из сетки над креслом синюю сумку. Вынимаю из внешнего кармана металлическую мыльницу, выкидываю из нее куда-то под кресло

кусочек мыла. Не вижу, смотрит ли кто-то за моими действиями, да мне наплевать. Достāju авторучку и блокнот. Вырываю листочек. Пишу записку. Кладу ее в мыльницу, которую прячу в боковой карман пиджака. Идея проста и наивна: если мы будем гореть или просто скovyрнемся на землю, ничего от нас не останется. Один шанс из миллиона, что сохранится металлическая мыльница. Пусть родные увидят записку. Все.

Много позже жена обнаруживает мыльницу в пиджаке и показывает мне записку: что это значит? Текст оказался таким: "Толя, Толя, Толя, Толя. Прошу: Анечка, Лиля, книга в "Совписе". Я совершенно спокоен, Валя". Содержание записки, как видите, тривиально. Имя старшего брата повторено мною почему-то четырежды, однако эта подробность интересна только психоаналитику. Но "я совершенно спокоен" нуждается в комментариях, и они будут позже, когда исчерпается инцидент. Помню, тогда же, отрешенно сидя в кресле, я пытался понять, почему так быстро сдался страху, который, пройдя через каждую клеточку моего тела, оказался как бы вне моего сознания. И тогда же задумался: из-за чего приговоренные к смерти люди сами подставляют палачам шею для веревки, роют себе могилы перед расстрелом, покорно ждут выстрела в затылок, плетутся через узкие ворота к печам для кремации? Почему не упираются, не вопят, не цепляются руками за что попало? Странный психологический феномен. Они рано смирились с неизбежностью смерти? Кто-то из древних (полководец или философ?) заметил, что обреченными надо считать не тех, кто разучился побеждать, а тех, кто утратил способность к сопротивлению. (Может, это и не древний заметил, и не совсем так, как по памяти изложил, но и эта мысль не кажется мне глупой.)

Сегодня, мысленно восстанавливая те мгновения, не слышу того, что мог бы запомнить навсегда: ни криков или безумства пассажиров, ни собственной истерики. Странно все это, очень странно: в салоне царил тишина, хотя было всеобщее и безусловное ожидание гибели; говорю, по крайней мере, о себе, и мне не стыдно сейчас признаться в пережитом страхе. Но внешне никто из нас не посмел тогда "играть" другим свою трусость: наверное, потому, что "я" обычно слабее "мы", толпой мы сохранили шанс не потерять лица, которое наверняка теряли, оказавшись в одиночестве.

К реальности меня возвращает знакомый звук, принятый, как рацией, самым чувствительным моим органом (извините) — задом: "Пок!". Неужели командир выпустил шасси? Неужели рискнет садиться на одну ногу?! Я не ахти какой авиатор (просто липовый), могу запутаться в терминах, но здравый смысл помогает мысленно нарисовать близкую к реальности картину. Если действительно садиться на одну ногу, надо: правую "больную" слегка оторвать от бетонки, чтобы она не воткнулась в нее, и для этого чуть-чуть задрать вверх правое крыло, помня при этом, что автоматически опускается и левое, и надо следить, чтобы оно, не дай Бог, не коснулось бетонки. Вспомните, перефразируя: "Мы летим на честном слове и на одной ноге..." В противном случае — кульбит, взрыв, огонь. Гибель.

Ни на что не гляжу: ни в иллюминатор, ни на пассажиров. Превращаюсь в оголенный, как провод под напряжением, нерв, ощущающий каждое прикосновение самолета уже не к чему-то материальному, а к мистическому, воображенному. Понимаю, что работа пилотов будет смертельно опасным цирковым трюком, операцией на открытом сердце и без наркоза: мастерство должно быть ювелирно выверенным.

Не знаю, первым ли я почувствовал "козла" (так называют летчики первое и неуклюжее касание колесом бетонки). За первым "козлом" последовали прочие, причем дробные: мы поскакали на одной ножке по полосе: скок, скок, скок! Какая-то сила пытается развернуть нашу машину поперек полосы, но пилоты в четыре руки удерживают самолет, и он игриво, боком (со стороны) проскакивает еще метров пятьдесят или больше, после чего замирает. Секунды три-пять самолет имеет озорной вид пацана (или "поддатого" человека): стоит на одной ноге, растопырив руки-крылья в стороны, как пугало, одну руку приподняв, другую приопустив. Потом вдруг вмиг взрослеет (или трезвеет) и оседает на сломанную ногу, при этом с треском ломается кончик крыла, уткнувшегося в бетонку.

Кладбищенская тишина. Я срываюсь с места. Вылетаю на середину салона и ору не своим голосом: "Люди, вам спасена жизнь!" — после чего кидаюсь к пилотам в кабину. Они сидят, откинувшись на спинки кресел, бледные, с крупными каплями пота на лбах. Так обычно показывают в кино хирургов сразу после сложных операций: жить, говорят они (срывая маски), будет! Хватаю пилотов буквально за шивороты и выволакиваю в салон, где они попадают в толпу орущих, рыдающих, смеющихся от радости пассажиров: они только сейчас все поняли...

Переведите дух, мой читатель. И я вместе с вами.

Сделаем паузу.

А теперь, учитывая, что изложенное мною событие происходило двадцать пять (с лишним!) лет назад, я хотел бы напомнить вам мысль, принадлежащую Гете. Она звучит примерно так (цитирую по памяти): между тем, что было очень давно, и тем, чего не было никогда, разница стирается со временем. Коли так, позвольте предложить вам два варианта финала моей истории, а уж вы сами определите степень достоверности и реальности вариантов.

Когда мы оставили самолет, он уже был окружен плотным кольцом солдат. Ни нам уйти своим ходом, ни к нам приблизиться встречающим. Чемоданы служащие аэропорта сами погрузили в машины, нам подали автобусы, и цугом с чемоданами, минуя таможду (наверное, чтобы лишний раз не травмировать нас), вывезли сразу на территорию аэровокзала. Там рассадили по легковушкам и развезли по домам. Моей синей сумкой с заветной бомбой никто не заинтересовался.

(Замечу попутно, что бомба все же взорвалась: я привез ее Борису Панкину, своему близкому товарищу, оказавшемуся в больнице. Он играл с сыном на даче в футбол и сломал ногу. И попал в "кремлевку", которая была ему положена по должности. Так вот, я привез завернутый в газету "Раковый корпус", мы сели на

скамейку в прибольничном парке. Он глянул на обложку, манера была сдержанная. Чуть угрюмая, почти без эмоций на лице. Когда мы прощались и я обещал заехать дня через три, он сказал: "Не забудь второй порции". Не забыл, привез. И никому о книгах не сказал, и он, полагаю, тоже. А то, что кроме уже опубликованного в "Новом мире" Борис ничего не читал, я уверен. Первого самиздатовского Солженицына, думаю, он получил от меня, но гордиться этим обстоятельством мне нечего, и ему жалеть тоже не стоило: Солженицын пришелся ему и по интеллекту, и по нравственному его состоянию, а потом и по мировоззрению).

Дома жене о своих приключениях я много не говорил: жалел. Однако через недолгое время раздался звонок в парадную дверь. Мы жили тогда в крохотной комнатке на шестом этаже дома по улице Горького (внизу был в ту пору магазин "Малыш"). Вместе с нами в квартире было пятнадцать соседей. Что ж, был и такой период в нашей жизни. А дверь открыли соседи и провели к нам в комнату — кого бы вы думали? — экипаж "моего" лайнера. Они уже успели получить ордена за мужество и мастерство при спасении "ИЛ-62". Притащили с собой коньяк, попросили у жены "емкость", была выдана керамическая кружка на литр. Сразу из нескольких бутылок влили коньяк до "потолка", бросили туда ордена, а мне предложили "до дна". Представьте себе: выпил, не мог не уважить. Что потом, не знаю. Таков был коньячный финал. И еще: однажды, когда Хессин зарубил мой сценарий, предложенный его "Экрану", я в сердцах произнес: "Знал бы я раньше, Боря, какой ты (ипч), не стал бы спасать тебе жизнь!". Посмеялись. На том и разошлись.

Второй вариант финала печальный. Предварю его такими словами: вообще-то о смерти я говорю редко. Чаще думаю, особенно в последнее время, когда возраст допускает к теме, не боюсь уже болячек. Называю жизнь (шутя) единственной болезнью, имеющей неизбежный летальный исход. Ушла молодость, то время, когда герой одного моего материала по имени "Саша-Москва", весь татуированный и отсидевший из своих тридцати четырех лет семнадцать, говорил мне: "Не волнуйся, Валера (голос с хрипотцой), у тебя вся жизнь спереди!". Теперь я могу уверенно сказать, что у меня вся жизнь "взади". То есть отношусь к смерти спокойно. Мечтаю лишь о том, чтоб была легкой, коль неизбежна. Не один я такой умный, и великие утверждали: желайте себе не легкой жизни, а легкой смерти.

Так вот, представьте, что мы не сели в "Шереметьево". Сковырнулись. Останки расфасовали по гробам. Выдали родственникам. И осталась от меня мыльница с запиской. И, конечно, родился бы миф о самом мужественном и смелом человеке, который сумел до конца сохранить лицо. Но была ли в этом правда? Нет, не мужественным я был, а успокаивающим своих близких. Обычно мы, узнавая о смерти родных и знакомых, страдаем сознанием: как они умирали? Мучались? Плакали? Больно им было? В сознании или мгновенно? В записке моей было сказано (напоминаю): "Я совершенно спокоен". Пусть думают, что я спокоен (хотя боялся), что не трясся (хотя трясся), что не умерал раньше

смерти от страха (хотя умирал!). Для того и писал записку, чтобы родным было легче так представлять себе гибель отца и мужа, брата и сына. Храни их, Господи!

Помню, когда погибли космонавты Волков, Добровольский и Пацаев из-за разгерметизации капсулы, опускающей их на землю, говорили, что они прожили четырнадцать секунд, прежде чем закипела кровь. Я несколько раз, будучи человеком впечатлительным, пытался ощутить то, что ощущали они в эти четырнадцать секунд. И считал, и оказалось, что эти секунды – целая вечность, и уже с середины счета я начинал торопиться, желая ускорить смерть, чтобы не мучиться ее сознанием. Самое трудное – это последние три секунды, когда мозг еще не принял смерть, а сердце уже знает об этом: сколько еще успевает передумать человек за эту вечную и мучительную, не смерть еще, но и уже не жизнь. И, бывало, глядя со своего тринадцатого этажа на землю и угадывая время полета, понимаешь: последние секунды – самые долгие в жизни.

Наверное, умирать всем и всегда трудно. Говорят, что молодые, сочувствуя умершим старикам, утверждают: зато они избавили себя от огромного количества болезней, сопутствующих старости: инсульта, инфаркта, аденомы простаты, бронхиальной астмы, склероза, мигрени, бессонницы и несть им числа. Что касается лично меня, то мечтаю умереть во сне: все знают, что меня нет, а я – единственный в мире, кто не знает и никогда об этом не узнает.

Блистательный вариант!

20 Два французских слова: "репутация" и "реноме" по сути одинаковы, на русский переводятся как "сложившееся в обществе мнение о качествах, достоинствах и недостатках кого-либо". Спрашивается, какое мнение сложилось обо мне, если бы пришлось обществу увидеть записку из моей мыльницы? Была бы она достаточна для рождения общего мнения – и какого? Впрочем, из чего только не умеют в наше странное время "раскручивать" бездарей и невежд (хоть в политике, хоть на эстраде), и героев, и звезд, и целителей-мимов любой величины, были бы деньги и чье-то желание. Нет уж, порядочному человеку не нужна "раскрутка": быть собой – самое великое счастье в жизни. И совесть спокойна, и никакая инфляция не грозит – ни нравственная, ни всякая.

ПОСТФАКТУМ. В 1984 году умер мой старший брат Анатолий. Много лет я не знал, что кто-то пустил зловеющий слух, что брат умер, переживая из-за меня. Иными словами, я виноват в смерти Толи. Обвинение не было брошено мне в лицо, не сказано в моем присутствии: пустили слух шепотом. Нашлись люди (они всегда находятся), которые с готовностью приняли и, как эстафету, отправили дальше по кухням. А я не мог понять, почему вдруг повеяло холодом, недоброжелательностью, неприязнью от некоторых наших с Толей общих знакомых и даже друзей. При неожиданных встречах стали отводить глаза, не называли мое имя, публично вспоминая о брате, придушили телефон, который прежде говорил у меня дома их голосами. Где-то там узким кру-

гом (с горечью представляю себе) вынесли приговор, не нуждаясь в моем "последнем слове". Да что с вами, заочно меня осудившие, случилось? Вы могли бы иметь ко мне любые (даже справедливые) претензии, но при всем при этом не касаться самого дорогого, что есть между близкими по жизни и по крови людьми: их родственности.

Да, брат за меня всегда переживал, как и я за него: как же могут родные братья быть равнодушными к делам и заботам друг друга? И как можно на десятилетия вперед застраховаться от болезней, от бед, от сумы и тюрьмы? Помню, за два года до смерти Толя навещал меня в реанимации, куда я попал с инфарктом, вот одна из его записок, случайно сохранившаяся: "Валюшка! Держись, пожалуйста, Бога ради. Вспоминай одно хорошее, только хорошее, как я сейчас вспоминаю. Все пройдет, все минует. Главное – держись, братишка. Целую тебя, Толя". Если б я тогда в больнице вдруг умер (что было возможно), неужто нашелся бы тип, который посмея обвинить старшего брата в смерти младшего? Мало было у меня собственных переживаний, мне нужны были для смерти еще Толины? Абсурд, видимый простым глазом.

Мы не только братьями были. Когда родителей в тридцать седьмом арестовали (тоже проверяя на прочность нашу семью), долгие годы Толя был для меня и матерью, и отцом. За родителей мы сильно переживали, особенно Толя, но и сам не умер, и мне не позволил. Наши отношения всегда были по-братски светлыми и прозрачными, незамутненными завистями и ревностями. А тут такая пошла утка! Когда я впервые услышал о ней, пропустил мимо себя, буквально "по классике": первое обвинение не достигает, второе задевает, третье удивляет. Знал бы я наверняка автора той "новости", вычислил по нему мотив или мотивы, но какими бы они ни были, я все равно оказался бы в тупике: обвинение одного брата в таком страшном грехе автоматически ставит под сомнение (у размышляющих людей) и репутацию второго. Получается дуплет, но зачем "автору" и его сторонникам мой Толя, его-то за что? – не понимаю. Может, расчет на то, что, публично доказывая абсурдность обвинения, я позволю себе воспользоваться аргументацией, прямо или косвенно затрагивающей незапятнанный в моей памяти образ брата? Не дождетесь, уважаемые партизаны, не снизойду до "подробностей", лучше останусь обезоруженным. Я бы на дуэль вызвал "автора" (только бы он дамой не оказался, наш общий с братом "народный мститель"), на откровенную беседу пригласил, хоть прилюдную, хоть с глазу на глаз (только бы он с совестью был), к Божьему суду призвал (только бы он не был циником).

А всем вам, благодарно принявшим шепот (и шептуну, конечно), напомним слова Сенеки: "смерть иногда бывает карой, часто – даром, а для многих – милостью". Хулители наши, уймись! Живите долго и счастливо, а уж коли время придет, не промахнитесь, заранее о душе своей подумайте. И оставьте, пожалуйста, отношения братьев в покое: мы все равно не перед вами, а перед Богом ответ держать будем.

"Толя, Толя, Толя, Толя. Я совершенно спокоен".

ОЛЬГА ЧАЙКОВСКАЯ

Толя, Толя, Толя, Толя

Они были талантливы, энергичны (кстати, хороши собой, особенно младший), оба журналисты от Бога, но сколько ни перечисляй их достоинств, все равно не понять, пока не скажешь главного: они были братьями. Я любила смотреть на них, когда они бывали вместе, их братство казалось особым, словно бы на нем лежал некий поэтический отсвет (да, несмотря на их сдержанность, деловитость и журналистскую хватку). "Это потому, — объяснили мне, — что за ними целая история". Их истории я не знала, если не считать странного эпизода, который рассказал мне однажды Валерий Аграновский, младший.

Был он в командировке в Саратове, и незадолго перед отъездом ему представили мальчика лет десяти-двенадцати. Мальчик тот был инвалидом второй группы (болезнь почек) и жил в интернате для престарелых, хотя ему нужен был детдом, а в детдом инвалидов не брали.

Для Валерия это значило сдать билет и задержаться, чего он сделать не мог, поэтому, уезжая, он оставил свой адрес. А месяца через три мальчик пешком пришел в Москву из Саратова. В редакции его полюбили, нашли подходящий детдом, но в другом городе, везти его было некому, и потому решили отправить пацана централизованным образом через детприемник. Повез его туда Валерий. Детприемник этот был расположен в Даниловом монастыре, ныне столь знаменитом, а тогда запущенном, обшарпанном и к тому же обнесенном колючей проволокой. Глазок, тяжелая дверь, дежурный в полувоенной форме. Мальчика увели и вскоре вернули остриженным наголо. "Прощайтесь", — сказали им. Валерий спросил, когда его отправят. — "Может, скоро, а может, через месяц", — ответили ему. Когда они прощались (через окошко), мальчик долго держал валерину руку в обеих

своих, ничего не говорил, только пристально смотрел ему в глаза. Валерий пошел искать начальство – вот тут-то и стало с ним твориться что-то странное. Монастырский двор и зарешеченные окна и облезлый купол показались ему знакомыми. А войдя в административное здание, он вдруг понял, что на третьей двери направо будет табличка "Фотолаборатория" – и действительно, на третьей двери справа была табличка "Фотолаборатория". Возникло ощущение сна, надвигающегося кошмара. Где кабинет начальника, оказалось, он тоже знает. Едва осознав, что все это должно означать, он круто развернулся, пошел к дежурному, забрал мальчика и уехал.

Тогда Валерий мне эту историю недосказал и не разъяснил, наверное, из-за редакционной суеты, теперь она напечатана в его книге "Последний долг" (к ней мы не раз еще вернемся, а пока отмечу, что в оформлении художника слово "долг", семь раз повторенное, запямяет всю обложку, как бы эхом уходит в ее глубину, и в том большой смысл). Валя Аграновский уже бывал в приемнике Данилового монастыря. В 37-м, после того, как арестовали родителей, детей (Валерию тогда было семь, Анатолию – четырнадцать) именно сюда и отправили. Вале все очень нравилось, особенно, как быстро летела машина. Прижимая к груди портфель, с которым собирался идти в первый класс, он смотрел, как мелькает ночная Москва. Когда его (в той самой фотолаборатории) снимали в профиль и анфас, его это развеселило, особенно тем, что на шею ему повесили доску, где значились его имя, отчество и фамилия. Когда стали катать его пальцы по краске, а потом прикладывать к бумаге, его это рассмешило. Он не испугался даже тогда, когда увели Толю. Вот когда дядя, принесший ему ужин, стукнул его по лбу крутым яйцом, он закричал и стал биться в истерике, видно, в подсознании ребенка уже накапливался страх. Но всего трагизма их тогдашнего положения он, разумеется, понять не мог – из детприемника детей "изменников родины" рассылали по колониям, родных сестер и братьев, как правило, разлучали, а маленьким могли дать новые имена и фамилии, таким образом рвались их связи с семьей, и "враг народа", если бы ему случилось выжить, своего ребенка уже найти не мог.

Единственная возможность спасти в таких случаях детей было опекунство, но и с ним связывался риск и притом огромный. Опекун не только автоматически терял работу (и его родные тоже), тут таилась возможность самому провалиться в кромешный лагерный ад. Когда арестовали Аграновских, возле их детей образовался бы мертвый круг, если бы не тетя Гися (и ее муж), она приезжала к ним, кормила, утешала (надо думать, говорила, как и все, что тут ошибка и что – разберутся). Как видно, надеялась, что хоть детей-то не тронут. Но за ними приехали ночью, увезли в детприемник, и очень скоро Толя узнал, что через два дня их отправляют – его в рязанскую колонию, а Валу – в другую, а в какую, не говорят. Связи с "волей" не было, хотя Гися ничего не знала о надвигающейся беде – и Толя решил бежать. Пойдите к Данилову монастырю, взгляните на его стену, надставьте ее в воображении своим рядами колючей проволоки, представьте себе ночь и охрану. Как ему удалось незамеченным влезть на стену, перебраться через колючую проволоку? – не знаю, но поздней ночью прибежал он на квартиру тети Гиси. В ту же ночь все было решено и выработана тактика.

Наутро Толя пошел к монастырю, "сдался властям" и тотчас же был брошен в карцер.

А тетя Гися и ее муж отправились в райисполком, оформили опеку над детьми и в то же утро поехали за ними в детприемник.

Тетя Гися, многолетний директор школы, знала, что терлет работу, что ломает свою судьбу — так и вышло: до конца дней своих работала она надомницей, за нищенскую плату изготавливала канцелярские скрепки. И муж ее потерял работу. Содержать племянников они, таким образом, никак не могли, мальчикам приходилось самим заботиться о пропитании.

Они жили одни в полуопечатанной квартире (за печатью находились семейные вещи, мебель, рояль, все куда-то потом увезенное). В их распоряжении оставалась одежда родителей, но ее они ни за какие деньги не стали бы продавать: они ждали, что их отец и мать скоро вернутся домой. Потом к ним из деревни приехала их няня Тоня. Кстати, о том, какую роль в жизни крупных деятелей русской культуры (а стало быть, и в самой русской культуре) играли русские няньки, можно написать целую книгу — с особой главой о русских няньках 37-го года, тех, что оберегали детей "изменников родины".

Впрочем, эти школьники были скроены на особый лад. Толя, очень одаренный художник, брался за любую работу: чертил модные в те времена диаграммы разного рода успешных показателей (урожая, выплавки и пр.), расписывал стекла люминесцентными красками, раскрашивал ткани, а главное — рисовал портреты тогда еще многочисленных вождей, особенно Сталина, — тут уж и Валя ему помогал, с помощью трафарета бесконечно тиражируя сталинские усы. Они явно работали неграми, эти ребята, кто-то хорошо на них зарабатывал, это их не волновало. Им нужны были деньги, чтобы прокормиться, одеваться (они еще росли). К тому же, как только нашлись их родители (в разных, далеких друг от друга лагерях), Толя посылал им и деньги, и посылаки.

А еще он писал письма, для нас чрезвычайно интересные.

Встает в этих письмах былой счастливый мир — всегда с неизменным рефреном: все это будет снова, это вернется! Обязательно! — жизнь веселой семьи, бывшей магнитом для многих талантов, особенно молодых. Семейные праздники, когда исполнялся "национальный танец Аграновских" (забавное шествие "мужской группы" семьи); смешные домашние прозвища, когда, например, Фаню Аграновскую, мать, с ее долгоносой красотой, почему-то называли "курносой", и это в виде поощрения и даже высшей похвалы ("а какая у нас мамка курносая!").

Как-то звучали все эти веселые слова в темном лагерном бараке?

Письма рассказывали о замечательной жизни Аграна-младшего (Толю двор звал Аграном-старшим), сообщали об успехах в учебе, о кинокартинах, что тогда шли в Москве, о спектаклях Художественного театра. Братья писали о веселой зажиточной жизни — и ни слова о материальных трудностях, о непосильной работе — и ни тени тоски. Сплошная бодрость. И родители отвечали им столь же бодрыми письмами — ни следа тех нечеловеческих унижений и мук, которые им пришлось пережить и о которых их сыновья узнали много позже (и, к сожалению, не от родителей).

Выдержки из одного письма Анатолия я хочу процитировать.

Написано оно по весьма серьезному (и мучительному для Толи) поводу: их мать была в давней вражде с тетей Гисей, своей золовкой, и враждебные чувства ее, как ни странно, не утихли в годы бедствий. Пишу тебе большое и по возможности умное письмо. Хочу еще раз поговорить об одном важном для меня и для всех нас деле: о твоём отношении к тете Гисе. Да-да, мамочка, я уже писал тебе однажды, но реакция твоей не последовало, и я должен опять поговорить об этом. Боюсь, у тебя какое-то предубеждение, нехорошее недоверие и даже неприязнь к нашей тете. А это очень жаль. Мне кажется, что ты просто неясно представляешь себе, что было тогда у нас дома.

Я и хочу тебе об этом рассказать, хотя рассказ мой не будет сладким. Когда тебя дома не стало, приехала бабушка, но ее у нас не прописали. Однажды пришли при ней, чтобы предупредить нас официально: если никто не возьмет нас с Валею под опеку, нас увезут. Дали день срока. Несмотря на мои слезные просьбы, бабушка сказала, что не может брать на себя такую ответственность (возможно, она и права, не знаю), и на следующий день уехала в Харьков. Мы с Валею остались одни. Приехала тетя Гися, поддержала, подбодрила, ночью за нами пришли, и мы с Валею оказались в Даниловском детприемнике. Жили там. Потом наступил такой момент, когда должны были переправить: меня в Рязань, а куда Валею — не знаю. До отправки оставались дни, и в самый последний день тетя спасла нас (подчеркиваю: спасла!), оформив над нами опеку". Казалось бы, тут и рассказать, как он бежал из детприемника, о монастырской стене и колючей проволоке, но Толя опускает все эти подробности, у него абсолютный сыновний слух, он предвидит, как прозвучит его рассказ в лагере, где находится его мать с ее "исполосованным сердцем" — страх за сына, пусть и задним числом, будет ей непосилен. Дальше Толя продолжает: "Шаг этот был в то время очень важным, серьезным и опасным для тети и для всей ее семьи. Тебе, конечно, это может показаться обычным делом, даже долгом. Но ты, мамочка, не обижайся на меня и не пойми моих слов превратно: ты просто не знаешь той обстановки, того времени. Скажу теперь лишь одно: все папины племянники не работают там, где раньше работали, и никто из них не знает и не может знать, что будет с ними завтра". И опять же самого тяжкого Толя не говорит: о том, что судьба тети Гисы сломана, что она уже больше не директор любимой школы, что дни и ночи сидит она за своим станочком, изготавливая все те же канцелярские скрепки — он чувствует, что об этом читать его матери будет слишком тяжело. "Ты, мамочка, должна понять, — продолжает он, — если бы не тетя, я не учился бы теперь в институте, а был бы кем-то в Рязани, а Валя где-то совсем неизвестно где и кем. Но хватит о мрачностях. Всего этого, к счастью, не случилось. И, мамуся, не надо забывать, что тетя и ее семья сделали для тебя, для нас с Валею больше всех остальных родственников, вместе взятых. Ну да я не виню никого, боялись и пусть (только теперь стали посылать нам редкие письма), а до этого ни слова от них не было. Бог с ними! Я очень хочу, чтобы ты все это поняла и как-то пересмотрела свое отношение к тете Гисе. Надо глубоко понять, чем мы все обязаны ей, и выкинуть всякую тень недоверия и неприязни из сердца. Прошу, мамуля, подумай об этом. Заранее поздравляю

тебя с наступающим 1940 годом. Надеюсь, что он даст нам счастье. Целую тебя крепко. Твой сын Толя”.

1939 год. Толе только что исполнилось семнадцать. Ах, если бы все взрослые умели писать такие осторожные, такие щадящие письма – и с такой деликатностью, но и вместе с тем и твердостью разрешать семейные конфликты!

Между прочим, Агран-младший тоже был не промах. Учился он исключительно на “отлично”, получая пятерки с той легкостью, с какой ласточки на лету хватают в воздухе мошек. Надо ли говорить, что при подобном избытке энергии он был непременным участником самодеятельности, его номером была лезгинка, которую он плясал с жаром и выкриками “Асса!”. Именно с самодеятельностью, кстати, связано происшествие на кондитерской фабрике им.Бабаева, которое разом вводит нас в атмосферу эпохи. Именно там Валя плясал свою лезгинку, поскольку фабрика держала шефство над школой, где учились братья, и в тот – памятный! – день дети показывали шефам свою художественную самодеятельность. Представление кончилось, их построили в колонну, и они под барабанный бой направились к выходу, однако путь их трагическим образом лежал через приемную директора, где на какой-то тумбе стоял бюст товарища Сталина, сделанный ему в подарок из чистого шоколада. Кто-то задел тумбу, Сталин покачнулся и рухнул, расколовшись на множество кусков. Учительницы обомлели. Директор, – вспоминает в своей книге Валя, – выскочив из кабинета, “побелел лицом, затем обвел всех нас мутным взором, почему-то огляделся по сторонам и еле слышно произнес какой-то одной, правой или левой, половиной рта (обращаясь, конечно, не к нашим полуживым училкам, а к нам, как наиболее радикально настроенным элементам): “Съесть!” Мы не только услышали команду, но и правильно ее поняли, без всяких комплексов кинувшись на лучшего Друга и Учителя советских детей. От Сталина не осталось ни крошки”.

Когда после очередного бурного дня Агран-младший засыпал, уронив на стол свою многоумную голову, старший относил его, уже бесчувственного, в постель, раздевал и укладывал. За отца, за мать, за няньку.

Но тоска, которой нет и следа в письмах юных Аграновских, жила в них, пепел Клааса стучал в сердце старшего, слово “долг” повторялось в его сознании неотступным эхом – совсем, как изображено на обложке художником – долг, долг, долг! А долг свой он видел в том, чтобы вырвать родителей из лагерей – ни больше, ни меньше! Задача по тем временам абсолютно невыполнимая, но Толя так не считал и дал себе клятву – добиться свободы. Это, конечно, было в его жизни самое трудное. Каково было ему при его чувстве собственного достоинства встречаться с коллегами отца, теми самыми, что тогда по первому окрику свыше (еще до ареста!) исключили его из партии и теперь дрожали мелкой дрожью при одной мысли о том, чтобы за него вступить; со знакомыми отца, которые в разговоре с сыном отводили глаза. А ведь он еще ходил по инстанциям, был в прокуратуре, побывал в самом логове зверя – в НКВД, разговаривал с начальниками, для которых его родители были уже не людьми, а лагерной пылью. На этих путях можно было встретиться и с опасностью, требовалась осторожность – не станет ли поход к тому или иному вельможе причиной новых несчастий? Кто-то, может быть, и сам отец,

рекомендовала Толе пойти к Мехлису, но умный мальчик решил не ходить, как бы не вышло "наоборот", интуиция спасла его: в окружении Сталина, кажется, не было более жестокого и коварного человека.

Но все же иные знакомые давали Анатолию дельные советы, иные даже устраивали полезные встречи. Тут мы подходим к некой кульминации, о которой опять же должен рассказать сам Валерий.

Была у Толи мечта: пробиться к "всесоюзному старосте" Калинину — и он добился такого свидания. Обычно по инстанциям он ходил один, но тут, повинувшись какому-то наитию, решил взять с собой брата. Для Вали известие, что завтра они идут к Калинину, было неожиданным, но волнения не вызвало, просто он тотчас принял меры: раздобыл шелковый пионерский галстук вместо хлопчатобумажного.

Наконец, юные Аграновские в приемной Калинина. Это поздняя осень 1940-го или ранняя весна следующего, значит, Толе около семнадцати, Вале — около одиннадцати. Полагаю, на этой долгой цитате вы не соскучитесь. "Прошу читателя иметь в виду, что никакой предварительной договоренности у нас с Толей не было, как и никакого "распределения ролей": брат понимал, учитывая мой характер и склонность к импровизации, что такой "номер" в данном случае не проходит. Так или иначе, а я твердо знал только то, что мы идем защищать папу и маму. Все. От кого защищать, почему, зачем? — все это мне было неизвестно, по крайней мере, в ту пору, да и, подозреваю, не только мне. Одна смутная надежда могла быть у брата, рискнувшего взять меня с собой: два года, прожитые без родителей, атмосфера нашей жизни, разговоры во дворе и в школе, время, проведенное в детприемнике, переписка с папой и мамой, помощь родственников и знакомых — не полный же дебил младший брат, в конце концов, какие тексты ему еще заучивать, какими предупреждениями его пичкать, тем более, что ему (то есть мне) следовало всего лишь молча присутствовать, самым фактом своего появления в Высоком Кабинете красноречиво иллюстрируя главный смысл нашего визита. Примерно таков, я полагаю, был замысел моего мудрого брата Толи.

Буквально за секунды, предшествуя нашему походу в кабинет, я быстрым движением фокусника успеваю надеть красный галстук, завязав красавцем-узлом по всем правилам высочайшего искусства. И вот мы входим в кабинет. Толя чуть сзади, я впереди. Огромный кабинет. В дальнем конце его, в кресле под портретом Сталина и за массивным столом сидит старичок. Мы подходим. Я ощущаю торжественность момента и каким-то непостижимым образом волнение брата, своего же собственного, или тем более страха, как не бывало. Мы уже совсем близко. Отчетливо вижу, что старичок передо мной действительно Калинин, узнаю его по многочисленным фотографиям в газетах, а главное — по портретам, которые мы с Толей иногда рисовали: простые круглые очки, бородашка клинышком, седенькая голова, морщинистые щеки, и еще меня удивили его волосы, густо растущие из ушей, на "наших" портретах их отродясь не бывало.

И тут я неожиданно для Толи и, смею надеяться, для хозяина кабинета, и даже, возможно, для себя вдруг поднимаю руку в традиционном пионерском приветствии, как на школьных сборах, и звонко говорю: "Дедушка Калинин! Под салютом всех вождей мой папа не троцкист!" Затем оборачиваюсь к потрясенному и не умеющему скрыть потрясения брату: я достаточно громко сказал? Он услышал?

Не повторить? Повторять не надо. Дедушка Калинин поднимает на меня глаза поверх очков...

Здесь я обязан прерваться, поскольку впервые за шестьдесят лет, прожитых на свете, вдруг подумал о том, какими словами я, собственно говоря, поклялся Калинин? Ладно. Руку я, как и было принято, взмыл над собой в пионерском салюте, а вот какое словосочетание я произнес? Сказал, как и все мы говорили, я имею в виду детей? "Под салютом всех вождей!" – как я понимаю теперь, эта совершенно бессмысленная фраза, ставшая пионерской клятвой, была придумана, по-видимому, взрослыми специально для детей, чтобы их и себя обезопасить от неприятностей: под салютом "всех вождей" спокойней, чем какого-то одного вождя: Ворошилова, Молотова, Кагановича или Микояна. Мудро придумали наши родители "всех вождей", так как сами вожди не знали, у кого какая очередь на вычеркивание из учебников, из жизни, из людской памяти и наших клятв.

..Дедушка поднимает на меня глаза поверх очков, что-то сверяет с бумажкой, лежащей перед ним на столе: там, вероятно, фамилия визитеров, и он вспоминает Аграновского – кто таков? Фельетонист из "Правды", а это, стало быть, его дети? Видно по глазам: вспомнил папу! И тут он медленно поднимается в кресле. Выходит из-за стола. Вот уже рядом со мной: голова еле заметно трясется, борода клинышком щекочет мой лоб. Вдруг чувствую, что он хочет взять меня, словно маленького ребенка, на руки. Сжимает двумя руками и, напрягшись, тянет вверх. Но ничего, кроме громкого крика, у старичка не получается: он, по-видимому, ни своих сил не рассчитал, ни моего возраста и веса. Когда "дедушка" крикает, мне хватает ума и такта не рассмеяться. Тогда он присаживается на ближайший для себя стул, тянет меня за собой, и я оказываюсь у "Михал" Ивановича на колене. И вижу: он вынимает платок и начинает вытирать слезы, вдруг покотившиеся по морщинистым щекам. Я осторожно слезаю с колена нашего президента, а Толя молча протягивает ему заявление, заранее приготовленное. И это все: аудиенция закончена".

И, представьте себе, они спасли своих "папку" и "мамку", эти ребята – другого подобного случая из тех проклятых времен я не знаю. Куда только не писали заключенные Аграновские, никто им не отвечал. Адвокат? – ему не только не показывали материалы дела, с ним даже не разговаривали. Друзья, коллеги? – ни один из них не осмелился бы вмешаться, да это было бы и бесполезно. А толпы беспрепятственные хождения по инстанциям (и в самую пасть зверя), и валина клятва "под салютом всех вождей", – все вместе это сработало. 11 мая 41-го приговор по делу их отца был отменен и дело послано в Москву на новое расследование (Толя, получив об этом бумагу, носил ее с собой, вынимал, читал, не мог начитать – еще бы!). Расследование это было прервано войной, Аграновского поместили в тюремную одиночку, где он пробыл более года и едва не сошел с ума.

"Толечка, сын, друг мой! – писал он в 1942 году. – Наконец все кончилось наилучшим образом: 4 июля я рассчитался со своим печальным прошлым. Дело прекращено, я полностью реабилитирован. Ты помнишь, сын, свою клятву, что добьешься реабилитации? Ты сделал все, что мог, и именно тебе я обязан всем". В письмах родителей друг другу все время повторяется: "Дети, это наша радость, дети, это наша гордость". Можно понять.

Но вот что понять невозможно, так это то, что Аграновский вышел на свободу, а жена его нет. Возникла идиотская, издевательская ситуация, какими было полно то время: враг народа уже не был врагом народа, а жена его оставалась женой врага народа (в ее деле, на вопрос "статья", так и было написано: "член семьи изменника родины"). И вот теперь эта женщина редкого мужества, сильная (не от нее ли братья получили жизненную энергию?), веселая – "хохмачка", "босячка", "хурносая", умевшая и сама устоять, и поддержать других – теперь она впала в отчаяние, в лютую тоску, у нее уже не было сил писать бодрые письма – она знала, как легко здесь получить еще срок и остаться тут навеки.

А единственная ее надежда, Толя, был далеко – на Алтае, куда эвакуировали его институт, ему предстояли госэкзамены. Он и здесь бешено подрабатывал, сотрудничал в местной прессе (писал много, получал мало), а потом взвалил себе на шею хомут штатной работы (ответственного секретаря облрадиокомитета) и чуть было не погиб на этом деле: пытаясь совместить работу и институт, он метался и однажды прибежал в комитет с опозданием – а уже действовал указ об уголовной ответственности за прогул или опоздание на работу – сотрудники комитета еле его выручили. По окончании института ему предстояла учеба в Харьковской высшей авиационной школе стрелков-бомбардиров, которую он окончил, а потом Челябинское высшее командное училище авиации дальнего действия.

Младшему брату, когда началась война, было двенадцать. "Раннее утро, я лежу на диване в дачном поселке Томино в совершенно блаженном состоянии, потому что живу невероятно далеко от всего земного, меня окружающего, зовут меня Диком Сендом, я всем существом своим там. Вдруг открывается дверь в комнату, входит моя двоюродная сестра Аня, вернувшаяся со станции, и говорит чужим голосом: "Валя, война". Помню, я сразу понял ее слова, отложила книгу, закрыл глаза, и предстал перед моим мысленным взором Толя: убитый, он лежал на снегу. Откуда снег ранним утром 22 июня – я тоже не знаю. Знаю лишь, что с этого мгновения до самого последнего дня войны я, страдая, боялся за Толину жизнь. Даже ритуал сам собой родился: в книге вместо закладки была фотография брата, ему девятнадцать, он очень красивый, серый костюм, рубашечка-апаш, в кармане пиджака веточка сирени; так вот все четыре года войны я возил фотографию с собой, не расставаясь с ней ни на секунду, а перед сном смотрел на Толю, касался его губами и думал, что стоит мне хоть раз этого не сделать, его жизнь окажется под угрозой, и только я буду виноват в смерти брата, он останется на снегу убитым". Великая тема "ожиданием своим ты спасла меня", столь распространенная в войну, пришла в голову Вали совершенно самостоятельно.

В толстой книге воспоминаний об Анатолии Аграновском вы не найдете имени его брата Валерия. Мыслимо ли это?

Семья Аграновских воссоединилась, старшие прожили, сколько им было отмерено, возле своих сыновей. Толя не успел на войну, братья, как уже говорилось, стали журналистами, Валерий – известным, Анатолий – знаменитым, про него говорили – журналист номер один. Своим полем он избрал экономику, чувствуя, что именно здесь, в ди-

ком социалистическом хозяйстве, находится одна из самых болезненных точек общественной жизни – и рассказал о нем, как не рассказал никто, таково было общее впечатление. Он был – вне конкуренции. Если Анатолий заявлял в редакции "Известий", где он работал, что готовит статью, у него не спрашивали, о чем она, спрашивали только, когда он ее принесет и сколько места для нее оставить на полосе.

Тогдашнее общественное сознание было чутко к правдивому слову, к сильной мысли, ловило их на лету – и восхищалось талантом. Почва для просветительства была отличная (нам бы сейчас такую), и Толя в полной мере ею воспользовался. Слава его тогда была велика.

А Валя? У него тоже была своя "Аннибалова клятва", о которой, разумеется, знал Толя – пройти лагерным путем отца. Он был в Красноярске, на станции Злобина (пересылка), в Норильске, городе-убийце, тут искал он остатки второго лаготделения и четырнадцатого барака. Нашел место, где был Карагон, лагерь смерти (встретился с бывшим его начальником, заглянул в глаза этого палача и не нашел там ничего, кроме старческого слабоумия). Искал и находил людей, которые знали его отца и отзывались о нем с высоким уважением. И написал замечательную книгу "Последний долг". Эта поездка Валерия по следам отца тоже была общим делом братьев.

И в своей журналистской работе они были неразрывны, и трудно сказать, кто писал лучше, кто хуже – они были разные. Валерий вряд ли мог написать экономический очерк с той же глубиной, эрудицией и энергией, с какой писал Анатолий, но и тому нелегко было бы написать очерк о человеческой судьбе с такой горячностью, с какой писал Валерий. Да, постепенно они сравнивались, один другому, неважно, младший старшему или наоборот, мог позвонить в три ночи, хотел мол, проверить, как у него получилось написанное, читал и спрашивал: "Пойдет?" – "Не пойдет", – отвечал другой и снова засыпал. А в шесть утра снова: "Так пойдет?" – "Так пойдет".

И вот в книге воспоминаний об Анатолии Аграновском нет имени Валерия. Совсем нет. Друзья, с кем вместе рос, с кем вместе работал, ближайшие товарищи вспоминают подробности (в воспоминаниях об умерших порой именно подробности всего дороже) – и толиного пса вспоминают, и как звали пса, и какой он был масти – а вот о такой подробности, как младший брат, все разом вдруг позабыли. Можно в это поверить? Чья же мстительная рука вычеркнула из их воспоминаний имя Валерия Аграновского?

О любви очень трудно писать, о ненависти "технически" куда легче. Только противно очень.

Однажды в начале 80-х годов позвонил мне известный юрист и сказал, что у Валерия неприятности, будто бы даже возбуждено уголовное дело. Узнав, о чем идет речь, я просила передать Вале, что не верю и никогда не поверю. "И правильно сделаете, – ответил мне юрист, – доказательств никаких". Углубляться в это дело я не собираюсь, оно давно прекращено, но все же тут необходимо объяснить.

В те годы подобного рода дела были едва ли не в моде, во всяком случае "в моем производстве" таких было несколько, и самое колоритное из них состояло в том, что некие девицы, что называется, оторви да брось, явились к молодому инженеру, у которого только что

уехала в командировку жена, одна из девиц за этим инженером нагло охотилась, и вот теперь явилась в обществе подружки, с шампанским, закусками – и ультиматумом: или будешь моим или подаем на тебя в прокуратуру, я как твоя жертва, она как свидетельница. Молодой человек девиц выгнал, едва не спустив с лестницы, а на следующий день в прокуратуру пришло два заявления, составленных по объявленной схеме. Она была тогда широко известна: стоит подать заявление "жертвы", кое-как подтвержденное свидетельницей, и следствию этого будет достаточно, не потребуется ни экспертиз, ни каких-либо других доказательств. В городе к инженеру относились хорошо, он легко отделался – всего только потерял работу, а как часто схема срабатывала! Как часто подобные обвинения становились орудием мести, средством шантажа, стремления свести счеты или убраться соперника – и сколько мужчин, ни в чем не виноватых, пошли тогда в лагерь!

Валерий Аграновский с его положением в обществе (и с его внешностью) легко мог стать объектом подобных попопозновений. Дело это, повторю, прекращено, Валерий реабилитирован, но до того, как это произошло, со своим вердиктом поспешил "суд общественности" – интеллигентные люди у нас умеют со значительным видом повторять словоблок "принцип презумпции невиновности", но применить этот принцип в жизни решительно не в состоянии. Попопознали слухи, один глупее и подлее другого. В редакции газеты, где работал Валерий, прошло бурное собрание, одно из тех, что были обычны в 30-х годах и непривычны в 80-х. Валерий ушел из газеты, начались болезни (и инфаркты были, и инсульты). И в это время умер Анатолий, у которого, кстати, тогда тоже была очень сложная ситуация. Нашлись люди, которые не постыдились обвинить Валерия в смерти его старшего брата (который будто бы так переживал "позор семьи", что сердце его не выдержало) и дошли до такой низости, что запретили ему являться на похороны.

Я знаю об этих похоронах со слов очевидцев. Валерий был тогда очень тяжело болен, но, разумеется, приехал. Он шел к гробу брата, опираясь на двоих друзей, сам идти не мог. Если враги его и шипели вслеп, если и пытались предпринять какие-то демонстрации, он этого не видел и не слышал. Он видел своего Толю.

Сравнение старых газет с осенними листьями вряд ли назовешь свежим, оно на поверхности, но ведь точнее и не сравнить – время обжигает газетные листы, они желтеют, коробятся – и рассыпаются в прах. Да, от них мало что остается: факты, ими сообщенные, перестают быть новостью, мысли, в них высказанные, уже стократ повторены другими. Даже если лучшие газетные очерки собраны в книгу, и тогда трудно отказаться от ощущения, что они прошлогодние. Я спросила в библиотеке двухтомник Анатолия, вышедший в 1987 году. Мне принесли два тома, обтерли с них пыль – на их формулярах не было ни одного читательского имени. Я огорчилась, но не слишком – у Анатолия Аграновского иное бессмертие.

Журналист, как правило, остается жить не в словах своих, а в делах, и тут долголетие достается не бичующему, а спасающему. Братья Аграновские были именно спасателями и защитниками. Кстати, тогда, в истории с саратовским мальчиком, Валерий, спасши его са-

мого, не мог смириться с существованием подобного "детского учреждения"; несколько лет долбил он этот бастион, добился снятия начальства, а затем перевода самого детприемника из тюремной системы МВД в систему просвещения. Несмотря на то, что Анатолий был более знаменит, чем Валерий, КПД его был ниже: Валерию удавалось спасти людей, а спасти советскую экономику было невозможно.

А как вообще оцениваем мы результат человеческой жизни? По некоторому сухому остатку, как правило, профессиональному. По своего рода "производственным показателям". Словно самой жизни у человека не было или была, да не стоит внимания. Но ведь она-то и есть самое главное. Недаром прошлые века так ценили жизнеописания, недаром наши предки были без ума от героев прошлого (кто — от Цезаря, кто — от Брута), а потом догадались, что жизнь всякого достойного человека (тогда говорили: добродетельного) интересна сама по себе (и недоброжелательного тоже). Собственную жизнь, самый ее процесс люди тоже старались сохранять в дневниках и мемуарах. Действительно, что может быть интересней, чем характеры, их становление, развитие, взаимоотношения. И как они решали вопросы, у нас с ними общие? И все это богатство мы сегодня просто теряем из-за неверных жизненных ориентаций. К примеру, едва ли не каждые мемуары XVIII и XIX веков закономерно начинались с "незабвенной матушки", главной святыни автора, — а мы таких женщин, поскольку у них нет профессии, не можем определить иначе, как бездарным словом "домохозяйка". Образов великих матерей, какими полным полна жизнь, а что-то не припомню в нашей литературе, в ней все больше выступают не матери, а разные леди Макбет, "инфернальницы" Достоевского или те несчастные темные женщины, что посылали сыновей на смерть ради победы революции. "Личное" тут явно принесено в жертву "общественному". Материнская любовь оказалась не только второстепенной, но и ничтожной по сравнению с "идеей" — и все это являет собой чистое безумие.

Надо ли говорить, что материнская любовь — явление вечное, и жива она доколе существует человечество, а вот идеи — продукт скоропортящийся. Надо ли говорить, что материнская любовь создает прочность жизни, а идеи не только разъединяют людей, но подчас бросают их в кровавые столкновения. В материнской любви — энергия тепла, необходимого для человеческого развития, а сухой жар, которым подчас пылают идеи, бывает разрушителен, даже если это идеи любви к ближнему и особенно (что, впрочем, хорошо известно) идеи всеобщего счастья и благоденствия.

С позиций жизни будем мы оценивать Анатолия Аграновского. Он был очень одарен, а среди его дарований главным был его рыцарственный характер.

Нет сегодня проблемы более острой, чем проблема мужского характера, мужественности, более острой и более опасной, если учесть, что нынче едва ли не стал образцом "крутой" с его коварством и жестокостью и даже просто душегуб (красиво именуемый киллером), готовый выстрелить в спину (в основание черепа) любому, лишь бы за это заплатили.

Сейчас обществу, как воздух, необходим рыцарь и защитник. Евгений Шварц, сказочник, хорошо понимал проблему, отнюдь не сказочную, когда сделал своего Ланцелота ближайшим родственником

Георгия Победоносца (которого мы водрузили на герб, не имея ни малейшего понятия о его нравственном, рыцарственном облике и значении), когда выстроил ряд профессионалов любви и верности, обязанных своей готовностью прийти на помощь. Послушайте.

Сороковой год, родители в преисподней сталинских лагерей, все беспросветно и безнадежно. Именно в это время Анатолию удалось добиться свидания с матерью, и он поехал к ней на Север.

Нетрудно представить себе, с какой жадностью вглядывалась она в сына, которого оставила полуробенком, а теперь... "Я увидела взрослого, серьезного, да к тому же красивого сына. О Валюше он рассказывал с такой любовью, что в нем чувствовался не только брат, но и воспитатель, в полной мере сознающий свою ответственность. Он мне рассказывал многое из области его "заработков", буквально заслушаться можно было. Тем более при его юмористическом тоне разговора. Он сам должен искать средства к существованию. Стипендии не может хватить на всю "его семью". Он иначе не говорит, считая себя главой семьи".

А вот что пишет об этом свидании сам Анатолий.

"Ты спрашиваешь о мамочке? Я готов ответить то, что уже написал. А потому знай, как было: попал я в Сегежу – небольшой городок с большим строительством. Дали мне маленькую серую комнату. Кровать, два стула, обстановка гнетущая. С громадным трудом достал я столик, взялся за дело, и через час комната совсем ожила. Убрал один стул, принес скамейку. А на стене на белом листе повесил свои вещи. На столике вместо скатерти постелил кусок чистой материи, который привез с собой. Но не хватало самого главного. Ты уже догадываешься, чего: цветов! И вот я хожу по городу, но откуда на Севере живые цветы? И все же, не теряя надежды, я иду в поле. Далеко-далеко забрел и набрел на горе на целую "оранжерею"... Обратил я уже шел с цветами, огромный букет полевых цветов: маки, гвоздики, колокольчики... На душе стало легко, радостно... и захотелось плакать... А когда я подошел к дому, еще издали увидел мамочку. Она уже ждала меня. Совсем такая, как была, в той же одежде. Как я побежал к ней, как мы говорили, как плакали и смеялись, как вспоминали и вспоминали, говорить не буду, остальное пусть доскажет и дорисует тебе твое воображение. Скажу только, что мамочка такая же, "а какая у нас мамка курносая", какой и была".

Вот это письмо я читаю и перечитываю.

"Как я побежал к ней, как мы говорили, как плакали и смеялись", – что это такое? Это поэзия в чистом виде. Поэзия домашнего очага, печальная и в то же время необыкновенно сильная – как та, неизменно поражающая нас трава, что своим ростом вспарывает асфальт. Рыцарская поэзия. Анатолий Аграновский – тот редкий сорт художника жизни, поэта ответственности и защиты, который знает, что в его обязанность входит воплотить поэзию в реальность.

Поэт разрушенного семейного очага, мастер верности и любви, сыновней и братской.

Валерий Аграновский с детства дышал атмосферой этой поэзии. Он вылеплен старшим братом, всю жизнь видел в нем образец, всю профессиональную жизнь работал с ним рядом, плечом к плечу. И сейчас они вместе.

СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВ

Есть наука, которую не изучают в школах и университетах. Но мало кто подозревает, что мы занимаемся ею ежедневно — всякий раз, когда смотрим друг на друга и пытаемся понять, что скрывается за широким лбом или же курносый носом соседа, приятеля, товарища по работе... А ведь когда

стареемся разгадать лицо другого человека — мы словно продолжаем исследования, которые начали еще Аристотель и Гиппократ. Именно они были родоначальниками физиогномики, или, как разъясняет энциклопедический словарь, "учения о выражении человека в чертах его лица и формах тела".

Это учение появилось одновременно с биологией, оно старше физики, но до сих пор никто не может с определенностью сказать, что такое физиогномика — в самом деле наука или же наука с приставкой "лже".

Лица

НЕОБЫЧНО ВЫРАЖАЮТ ОТЛИЧАЕМСЯ МЫ, И

**ИМ
ЕНЬЕМ
ЭТИМ ИНТЕРЕСНЫ...**

■ ■ ■ **У**частковый открыл форточку и отшатнулся: Гали убили уже несколько дней назад... Н ней, официантке на черноморском пассажирском пароходе, в ее маленький домик на берегу Цимлянского моря, с неделю назад приехал жених — вроде бы капитан дальнего плавания. Жених исчез. Исчезли вместе с женихом деньги, нов-накие вещи... Остался труп Гали, окровавленный топор да смутные воспоминания соседей: был парень высоким, стройным, красивым...

А вскоре, совсем в другом месте — на курортном пароходе, идущем по Волге, в собственной каюте обнаружили труп директрисы судового ресторана. Женщина лежала голая в своей постели. Ее задушили под утро, после долгих любовных ласк. Сейф в каюте, где директор хранила выручку, вскрыт, деньги исчезли... На предыдущей пристани с парохода спешно сошел пассажир, уханивавший за ней, — высокий, стройный, красивый...

Московские криминалисты оказались в той области, где было совершено первое убийство, случайно. Со слов соседей убитой и ее сестры они составили фоторобот предполагаемого преступника. "Нартинна" полетела в областные управления внутренних дел.

А в Нижнем Новгороде криминалисты бились с официанткой, которая обычно обслуживала столик, где каждый вечер сидели во время волнского путешествия убитая директриса ресторана и ее любовник, исчезнувший на ближайшей пристани в утро после убийства. Официантка никак не могла вспомнить ухажера погибшей — шутка ли, столько клиентов мелькает перед глазами! Криминалисты разложили свой альбом с рисунками-образцами носов, бровей, волос, глаз — официантка

отнекивалась: "Не понимаю я в этом ничего!" Тогда порядком измученные сыщики спросили: "Ну на кого хотя бы он был похож?!" И девушка вдруг сказала: "На Алена Делона!"

Криминалисты отыскивали журнальный портрет французской кинозвезды. Сделали с него репродукции, а потом художник отретушировал фото в соответствии с показаниями официантки и других членов команды волжского парохода. Фотороботы человека, подозреваемого в убийстве девушки в домике у моря, и того, кто расправился с директором судового ресторана, совпали... Управления внутренних дел получили ориентировку вместе с субъективным портретом (так называется на языке криминалистов фоторобот), а вскоре выяснилось, кто он: Юрий Юрьевич Л., уроженец Мукачевского района Закарпатской области.

Вскоре из Мукачева старшему следователю по особо важным делам Михаилу Петровичу Дайнеко, руководителю специальной следственной бригады МВД, созданной для расследования этого дела, пришло сообщение: по оперативным данным, Л. выехал в Ленинград.

...По улицам Гатчины торопился явно на свидание — с букетом в руке — красивый мужчина, чем-то похожий на Алена Делона. В своей квартире его с нетерпением ждала местная официантка, с которой он познакомился пару дней назад.

Слава Богу, не дождалась. В подъезде "Алена Делона" поджидала милицейская засада... На счету у Юрия Л. оказалось, кроме двух убийств, 54 кражи и 35 мошенничеств... Его приговорили к исключительной мере наказания.

Эту историю мне рассказал Александр Михайлович Зинин, начальник научно-исследовательской лаборатории Экспертно-криминалистиче-

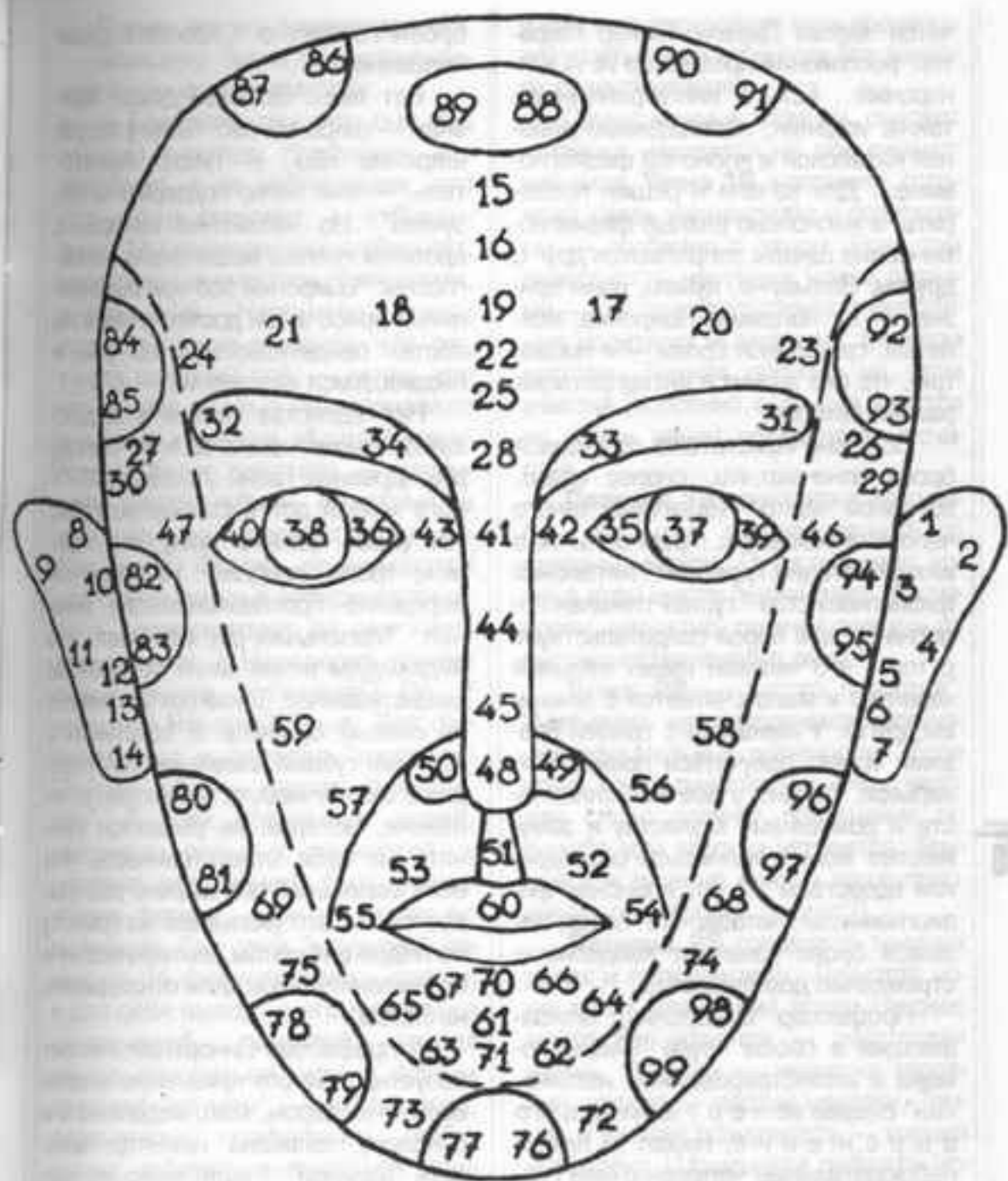
ского центра МВД России, когда я расспрашивал его о физиогномике.

— Разве мог бы "Ален Делон" "работать" — втираться в доверие к мужчинам, соблазнять женщин, если б не его открытая, располагающая внешность? Взгляните на фотографию — красивый, притягательный, умный мужчина! А посмотрите на фото других преступников. Вы могли бы сказать, что они грабители? Возьмите такую преступную специализацию, как мошенники. Да все их "дело" построено на том, что они обаятельны, симпатичны, располагают к себе! Их жертвы даже вообразить не могут, что такой славный человек способен обмануть. А вы спрашиваете, можно ли определить характер человека по лицу?! Любой серьезный ученый скажет вам: нет!

Зинин рассказал мне о забавном психологическом тесте. Группе студентов показали фотографию человека: "Перед вами ученый, сделавший важное открытие", — и попросили написать, руководствуясь фото, небольшое сочинение о нем. Все студенты, как один, писали что-то вроде: высокий лоб выдает напряженную работу мысли, пыливый взгляд свидетельствует о проникновении в тайны природы, в его лице видна доброта и мудрость и так далее.

Другой группе студентов демонстрировали ту же самую фотографию. И сообщали: перед ними преступник, совершивший несколько разбоев и краж. Задание было аналогичным: описать характер. Нетрудно догадаться, что в этом случае студенты, как сговорившись, толковали о невисших надбровных дугах, свидетельствующих о недоразвитости персонажа, о его тонких поджатых губах, указывающих на жестокость, о маленьких хитрых глазах, говорящих о неискренности и цинизме...

— Оценка человека, в том числе его физиономии, — рассказыва-

ет Зинин, — во многом зависит от контекста, в котором происходит общение. Однажды сыщики искали человека, который напал вечером в подъезде на женщину. По ее словам, это был настоящий преступный тип, чистая обезьяна. Когда же мужчину арестовали, изобличили, оказалось: ничего подобного, вполне милый молодой человек. (Кстати, женщина его опознала и была немало удивлена). А кто бы мог подумать, что сиром-

ный, незаметный Чинатило — кровавый маньяк и убийца!.. Но вы лучше судите о физиогномике сами. Возьмите в "Ленинке" старые трактаты, почитайте. Примерьте описания на известных людей, на ваших знакомых. Посмотрите, что получится...

В прошлом веке и начале нынешнего ниг по физиогномике издавалось немало. В числе авторов, писавших на эту тему, кроме Аристотеля и Гиппократов, оказывается, зна-

чатся Чарльз Дарвин, Гаспар Лафатер, российский профессор И. А. Синорский... Есть в книгохранилищах также издания, посвященные древней китайской и японской физиогномике... Для начала я решил проверить, насколько разные физиогномические школы сопрягаются друг с другом. Возмущаю, думаю, один признак — ну, например, широкие, мохнатые, сросшиеся брови — и посмотрю, что это значит в интерпретации разных авторов.

Согласно Аристотелю сросшиеся брови означают, что, скорее всего, основной чертой характера такого человека является... ревность. А в интерпретации древних китайских физиогномистов "густая тяжелая полоса бровей порой свидетельствует о том, что человек имеет сильный характер и мало считается с мнением других. У женщины с такими бровями может получиться прекрасная карьера, однако у нее нет склонности к домашнему хозяйству и замужество может закончиться разводом или вдовством". А вот японские физиогномисты считали, что "соединившиеся брови означают неодолимое стремление доминировать".

Профессор Синорский, описывающий в своем труде "Физиогномия в иллюстрированном изложении" скорее не черты лица, а его выражение, пишет (и любой наблюдательный человек с ним согласится): нахмуренные брови есть признак гнева, строгости, досады, ненависти, а также ревности. Может, исходя из этого древние мудрецы провели логическую цепочку: раз человек стремится к лидерству или ревнует — значит, часто гневается; если гневается — брови хмурит; а если хмурится — стало быть, брови у него срастаются?

Однако со всеми предыдущими "наблюдателями над бровями" категорически не согласен некий Фрэнсис Томас. В книге "Тайны лица" заявляет: "Сросшиеся, густые

брови говорят о ...простоте души человека".

Вот так... Возьмем другой признак — широкий лоб. "Если у людей широкие лбы, — пишет Аристотель, — они легко подвержены безумию". Но китайские авторы с древним греком решительно не согласны: "Широкий лоб при высокой линии волос и при достатке мяса на нотах свидетельствует об уме и выдающемся положении".

Нет единства мнений у выдающихся физиогномистов и по поводу рта. Древние греки утверждают: "У него малый рот и сомкнутые губы, тот умеет хранить тайну, он скромный, трезвый, стыдлив". Китайцы совершенно противоположного мнения: "Маленький рот означает, что индивидум вечно занят борьбой за существование. Такой рот указывает на слабый характер. В сочетании с тонкими губами маленький рот говорит о застенчивости характера, о человеке, который не решается принять на себя ответственность. Но если маленький рот широко раскрывается, то это указывает на широту взглядов с налетом застенчивости и стремлением свои дела откладывать на потом".

А профессор Синорский считает полуоткрытый рот признаком слабой воли — недаром, мол, недалекого и дряблого человека принято называть "разиней". Решительно не согласен с коллегой господин Фрэнсис Томас: "Приоткрытые губы — признак искренности и чистоты помыслов. Такие губы у женщин свидетельствуют о желании любви".

Если согласиться сразу со всеми авторами, то человек с маленьким ртом умеет хранить тайну, скромный, трезвый, стыдлив, занят борьбой за существование, имеет слабый характер, застенчив, не берет на себя ответственность, откладывает дела на потом, слаб волею, искренен, чист в помыслах и (если это женщина) постоянно хочет любить.

Причем все это одновременно!

Александр Зинин так комментирует труды физиогномистов:

— Беда их в том, что они под готовую гипотезу подбирают наблюдения, а те наблюдения, что под нее не подходят, — отбрасывают. Мы подвержены шаблонам, воспитанным книгами, фильмами, окружением. Например, почти подсознательно считаем, что тот, у кого широкий лоб, — умен, или что тонкие снятые губы означают властный характер. И вот физиогномист берет гипотезу — например, "тонкие губы — властный" и уже под нее подверстывает наблюдения. Факты принимаются или отвергаются в зависимости от того, соответствуют ли они гипотезе или нет. У Наполеона тонкие губы? Тонкие. У Гитлера? Да. У маршала Жукова? Также. Вот физиогномист и доказал "теорему": "Тонкие губы — властный характер". А всех остальных людей, миллионы сильных личностей, у которых рот может быть какой угодно формы — он не берет во внимание. Ему трех "моделей" довольно. К физиогномике, сделал я для себя вывод (я его никому не навязываю), пожалуй, имеет смысл относиться, как к другим древним "наукам" — астрологии, хиромантии, графологии. Любопытно, забавно, интересно; можно для разнообразия жизненных впечатлений "проверить себя", но относиться к ней всерьез — нет, увольте...

Впрочем, есть одно обстоятельство, меня глубоко поразившее...

В "физиогномике по-древнеитайски" применяется так называемая "система позиций". Лицо испытуемого мысленно делится на сто позиций — так, как показано на рисунке. Каждая позиция соответствует определенному году жизни. Какие-то отметины, цвет или оттенок кожи в этом месте свидетельствуют

о том, что произойдет (или произошло) у субъекта в этом году его земного существования.

Самые важные позиции, считают китайцы, находятся на оси симметрии лица. **Точка 16**, например, отражает связь индивидуума с родителями — особенно с отцом. Если там поверхность неровная или с пятнами — это свидетельствует о нелюбящих родителях и, вероятно, тяжелом детстве. Темная полоска на этом участке (особенно если она тянется по лбу и ниже) предвещает несчастье.

Позиция 19 показывает на судьбу и характер, унаследованный со стороны матери. Лучистый цвет кожи в этом месте показывает, что человек, вероятно, получит помощь от высокопоставленного лица.

Точка 22 — "место почестей". Указывает на перспективу получения официальных должностей. Если кожа здесь лучиста — значит, человек скоро получит повышение по службе или хорошо устроится. Темный или тусклый цвет — ваше положение под угрозой (увольт?).

Позиция 25 говорит о текущих делах и перспективах. Лучистая кожа сулит блестящий успех. Гладное место без изъянов — счастливая жизнь. Родинка — нехватка терпения, отсюда — частые неудачи. Темная и впадая поверхность — низкий интеллект. Шрамы или дефекты кожи — неприятности со стороны правительства.

Точку 28 называют еще "местом клейма" и считают едва ли не основной из всех позиций. Если эта площадка между бровей мясиста и на ней вертикальные морщинки — у такого человека высокая чувствительность. Если в этом месте дефекты кожи — вряд ли человек добьется намеченной цели. Родинка указывает на хроническую болезнь. Гладная кожа — женственная натура (женщины — хорошие домохозяйки, а у мужчин — художественные дарова-

ния). Приподнятая плоть на этом месте или небольшая шишка означает зрелость и логические способности.

Позиция 41 ("подножие горы") указывает на взаимоотношения в семье. Вогнутость и горизонтальные морщинки указывают на неурядицы с супругом.

Точка 44 говорит о средних годах жизни. Морщина здесь — к неудаче. Темноватая окраска — болезнь в семье. Родинка — сложности в любовных делах.

Позиция 45: если окраска блестящая и красноватая — счастливая судьба.

Для того, чтобы пришла удача во всех делах, **точка 48** должна быть мясистой, хорошо закругленной и светло-красного цвета. Угри или другие дефекты здесь указывают на финансовый крах. (Ужасно! Вскопчил прыщ на кончике носа — значит, вдобавок и финансовый крах постигнет!)

Позиция 51 показывает, будет ли человек иметь детей. Если желобок не прямой или расположен не по центру губ — не будет.

Позиция 60: если уголки рта загнуты вверх — к коммерческим успехам. Блестящие красные губы — хорошее предзнаменование.

Если у **точки 70** темная окраска, человек должен избегать путешествий. Если окраска красная, белая или синеватая — вы можете стать жертвой нечестной игры.

Когда кончик подбородка (**позиция 71**) заострен — это предвещает тяжелый неустанный труд и бедность. Если подбородок заострен до вдобавок отклоняется в сторону — значит, такой человек ответит на доброту предательством. Блестящий красноватый цвет предвещает счастливое событие...

Можно до бесконечности описывать, согласно древним китайским наставлениям, другие точки

лица и до одури стоять перед зеркалом, сличая собственную физиономию с "памятной". А можно посмеяться над "китайской грамотой".

Посмеяться мне лично помешало одно обстоятельство. **Позиция 32**, как следует из рисунка, расположена на левой брови и соответствует тридцать второму году жизни. У меня самого в этом месте — шрам, полученный как раз в этом возрасте. Совпадение?

...Из астрологии, не признанной никакими научными академиями, выросла респектабельная астрология, а также астропсихология, астробиология и другие астропсихологии, алхимия дала начало химии, которую долбит каждый школьник... А наблюдениями древних физиогномистов в разной степени пользуются представители признанных наук: криминалисты, специалисты по невербальным коммуникациям (то есть "неречевому" общению), антропологи, психологи...

Деление характеров людей на четыре темперамента, сделанное еще древними греками, не отрицается, напротив, всячески развивается современными психологами. Темперамент (а его благодаря современным психологическим тестам можно определить с легкостью) связан, как утверждают некоторые ученые, с конституцией тела (чем не физиогномикой?). И описания типов характера, сделанные первым физиогномистом Гиппократом в незапамятные времена, можно применять и ныне.

Сангвиника отличают теплая и влажная кожа, симпатичная и жизнерадостная внешность. Он доверчив, общителен, легко преодолевает трудности. Не переживает остро свои неудачи. Работоспособен, энергичен, уверен в себе. Легко приспосабливается к новым условиям, непостоянен, стремится к наслаждению.

У холерика теплая сухая кожа, пышные волосы, сухощавое сложение. Он подвержен страстям, с огромной энергией идет к своей цели. Любое препятствие на пути способно привести его в бешенство; вспыльчивый, раздражительный; воля и эмоции у холерика порой берут верх над рассудком.

Флегматику неведомы безумства и азарт. У него большие и полные руки, тело рыхлое и не отличающееся силой. Его трудно вывести из равновесия. Отличается постоянством в привязанностях. Не любит большого скопления людей и шума.

Меланхолика отличает небольшой рост, сухая кожа и худоба. Его реакция часто не соответствует силе раздражения. Большую часть жизни меланхолик пребывает в печали. Не способен на активное сопротивление и маловынослив. Любое изменение привычной жизни, даже мелкое, вызывает у него тревогу. Очень чувствителен и часто проявляет способности к искусству.

Истати: современные психологи утверждают, что людям легче жить друг с другом не тогда, когда их характеры "сходятся", напротив, когда темпераменты супругов — противоположные. Энергичный холерик-муж тормозит и "звжигает" жену-флегматина, та успокаивает его своей неторопливой рассудительностью... Жизнерадостная жена-сангвиник дополняет печального мужа-меланхолика... Доказано, что именно такие пары счастливее всего в браке. (Противоположные, подчеркну, по темпераменту, а вот происхождение, образование, интересы, вероисповедание лучше для счастливой жизни одно и то же.)

Из физиогномики выросла и чрезвычайно популярная сейчас на Западе прикладная наука, посвященная невербальным коммуникациям, — то есть "общению без слов". Есть курсы — в том чис-

ле записанные на видеонассеты, — посвященные тому, как двигаться, жестикулировать в "судьбоносных" жизненных обстоятельствах — скажем, на переговорах или на собеседовании при приеме на работу.

Обучать "правильным жестам" стали и у нас. Например, в уважающих себя фирмах для того персонала, что работает с клиентами (продавцы, операционисты, менеджеры), психологи проводят специальные занятия по невербальной коммуникации. Учат, в частности, тому, что нельзя сидеть напротив клиента нога на ногу (поза воспринимается как "закрытость, недоверие"). Лучше с чуть раздвинутыми ногами. Не надо принимать позу Наполеона (руки скрещены на груди) — этот жест читается как "высомерие, враждебность". Взгляд поверх очков, опущенных на кончик носа, означает агрессивность. Жест, когда пальцы, лежат на столе и сцеплены в замок, свидетельствует о неуверенности в себе... То же показывает жест, когда грызут или сосут кончик авторучки... А вот когда в разговоре человек трет нос, означает, что он неискренен...

А вот советы американских авторов продавцам (в наше время, когда торгует, похоже, половина страны, они, я думаю, будут актуальными):

"Если покупатель смотрит вниз, а глаза отворачивает в сторону — вам отнаут. Напротив, если клиент искренне улыбается, а его подбородок выставлен вперед — он обдумывает ваше предложение. Если его взгляд встречается на несколько секунд с вашим и он одновременно слегка улыбается, скорее всего он примет ваше предложение. И, наконец, если он чуть опускает голову и по лицу скользит улыбка, будьте уверены — он в самом деле купит!"

Мимика может рассказать о многом. Взрослый человек, конеч-

но, умеет владеть собой. Однако бывают ситуации вроде той, что описал Михаил Булганов. "Вам задают внезапный вопрос. Вы даже не вздрагиваете, в одну секунду овладеваете собой и знаете, что нужно сказать, чтобы укрыть истину. И весьма убедительно говорите, и ни одна складка на вашем лице не шевельнется, но, увы, встревоженная вопросом истина со дна души на мгновение прыгает в глаза, и все кончено. Она замечена, а вы пойманы!" Этим мгновенным колебанием, выдающим вас, тоже научились пользоваться — прежде всего жители капиталистического Запада. Некоторые фирмы снимали своих партнеров по переговорам (точнее, противников!) скрытой камерой. В перерыве специалисты по невербальной коммуникации просматривали пленку — где надо, замедляли ход, и по мельчайшим дрожаниям рта, глаз, движениям рук определяли, в каком месте разговора партнеры-противники слушавили, когда — сумели скрыть свою нечаянную радость... И следующему раунду бесед "своя" фирма знала о коллегах всю подноготную.

У сыщинов, следователей, конечно, тоже есть способы отличить: врет "монтрагент" или говорит правду. Но они не особо стремятся ими делиться — профессиональная тайна! С другой стороны, тренированный человек может, говорят, обмануть даже детектор лжи.

И трантовке жестов специалистами по невербальной коммуникации Зинин в общем-то относится скептически.

— Вы говорите: раз человек трет нос — значит, неискренен. А если у него насморк?.. Или прыщ, извините, вскочил? Жесты — не есть некое свойство организма. Это, скорее, порождение той со-

циокультурной среды, в которой человек вырос, где он живет. Жесты чунчи и итальянца — различны. Японец не поймет жестов турка. Да вот характерный пример: по-нашему кивание головой означает "да", а по-болгарски — "нет". А физиогномист профессор Синорский в связи с этим жестом целую теорию развивает: "Утверждение и согласие выражаются одним и тем же знаком — киванием головой, то есть таким движением, при котором голова приближается к собеседнику. Отрицание и отказ выражается многократным быстрым вращением головы из стороны в сторону, как будто человек несколько раз подряд показывает удаление своего взора и лица в сторону от собеседника"...

Для сыщинов древняя наука обернулась целой "отраслью" криминалистики: опознание личности. Все, наверно, видели, как в полицейских (или милицейских) фильмах составляют фоторобот. По ним преступников задерживают, изобличают, причем чаще, чем это принято думать.

Мало кто знает, что не меньшую (если не большую) роль в опознании играет описание не лица, а поведения человека: его походки, осанки, преобладающего выражения лица, того, как субъект жестикулирует, курит... А опытный сыщик выхватывает преступника из уличной толпы зачастую не потому, что он узнал его по фотороботу, а оттого, что тот неестествен, напряжен, взволнован...

Часто в криминалистической практике (особенно за границей) пользуются услугами полицейских художников. Это настоящие мастера, которым и платят соответственно. У нас тоже порой прибегают к услугам художников. Как ни странно, портреты-описания со слов свидетелей лучше всего удаются карикатуристам. Порой для составления "худ-

нственного фоторобота" используют не обычные рисунки носа, глаз, ушей, а шаржированные, взятые из юмористических журналов. Именно благодаря "фотороботу-шаржу" была задержана недавно крупная мошенница.

Зная законы того, как стареет человеческое лицо, полицейские художники с помощью ЭВМ рисуют (по давнишней фотографии или словесному описанию) людей такими, какими они станут через десять, двадцать, тридцать лет... В Америке с помощью таких портретов ФБР ищет долго скрывающихся преступников. В Англии они помогли только за 1993 год найти 350 пропавших детей. Впрочем, любой (на Западе) может заказать собственный портрет — каким ты станешь через определенное время. Не совсем приятное зрелище (особенно для женщин!): видеть на экране компьютера, как будет стареть твое лицо.

Опытные криминалисты, составляющие субъективные изображения, знают: мужчины почему-то лучше всего запоминают прическу и ... нос; женщины самое пристальное внимание обращают на глаза, а на прическу смотрят в последнюю очередь.

Вообще женщины более наблюдательны — лучше, подробнее и быстрее, чем мужчины, описывают чужое лицо. Образ человека в их памяти — ярче и отчетливее, чем в мужской.

Сыщики имеют в виду и то, что дети видят взрослых снизу, оттого лица кажутся им иными, с совсем другими пропорциями. Примерно столь же неточно описывают преступников женщины, пострадавшие от изнасилования в извращенной форме.

Детективы также знают, что не надо давать свидетелям работать над фотороботом слишком долго. Однажды был случай: крупный мошенник снимал квартиру, в которой

жили мать и дочь. Эксперты попросили женщин составить фоторобот преступника, те подошли к работе очень добросовестно. Сделали один вариант портрета. Потом внесли в него дополнения. Затем "улучшили" его еще раз... А когда преступника задержали, выяснилось, что самый первый фоторобот был похож на оригинал больше всего. Воистину, лучшее — враг хорошего.

Но самое обидное для криминалистов — когда они тщательно составляют фоторобот, затем сыщину, пользуясь им, задерживают предполагаемого преступника — и выясняется, что тот не имеет никакого отношения к делу. Именно так случилось с предполагаемыми убийцами Владислава Листьева. Помните, их портреты были опубликованы во всех газетах, показаны по всем каналам ТВ. Когда же парней задержали — причем очень быстро — оказалось, что это случайные людистроители, работавшие в роновом подъезде в день убийства.

...Любой человек — это Вселенная, утверждают философы. Нет ни одной души, похожей на другую. И нет ни одного лица, похожего на другое. (В базе данных австралийской криминалистической системы F.A.S.E. хранятся 21.454 изображения глаз, 7.948 — носов, 5.954 — рта, 33.786 — подбородков, 170.104 — прически. Благодаря им можно составить неисчислимое множество портретов, и ни один не повторится). И если человечество продолжит свою историю, каждый из портретов "оживет" и не будет похож ни на кого другого.

Давайте посмотрим в лица прохожих или попутчиков в автобусе. Можно смотреть нахмуясь, и тогда вы сразу отметите безвольные губы, нос с красными прожилками, оттопыренные уши...

А можно смотреть и думать: за этим лицом — целая Вселенная. Такая же, как твоя.

"Крест на себя наложил я..."

К

ИВАН ЗЮЗЮНИН

Когда читаешь биографию Модеста Петровича Мусоргского, трудно избавиться от мистического чувства, будто из-за какой-то ошибки на небесах или на земле ему досталась не та жизнь, что предназначалась на самом деле. Возьмем простой пример – дату рождения. Сам Мусоргский то ли запомнил ее, то ли в его документы вкралась какая-то неточность, но из года в год, поступая ли в юности в школу подпрапорщиков, предоставляя ли автобиографические данные для какого-то музыкального издания, он упорно пишет, что родился 16 марта 1839 года, тогда как на самом деле появился на свет 9 марта. Этот факт можно считать чистым курьезом, если бы не существовал другой, причем фатального свойства, факт: Мусоргский умер 16 марта 1881 года – точно в день, который он ошибочно считал днем своего рождения... В дальнейшем мы убедимся, что есть более весомые основания, чем эта ошибка, считать, что М.П.Мусоргский, по справедливости, заслуживал иной, лучшей доли, чем та, что досталась ему по своемувольному жребию судьбы...

Имя и музыка Мусоргского давно уже на слуху, и, возможно, иной читатель укоризненно заметит: полноте, каждому бы такую долю! И на первый взгляд он будет прав. Мусоргский – выдающийся композитор XIX века, входивший вместе с М.Балакиревым, Н. Римским-Корсаковым, А.Бородиным, Ц.Кюи в "Могучую кучку". Мусоргский – автор многих сочинений, признанных во всем мире шедеврами музыкального искусства. Какое влияние его музыка, еще при жизни автора получившая определения

"дикая", "грозная", "пророческая", оказала на музыку XX века — об этом у нас и за рубежом написано немало фундаментальных трудов. Некоторые знатоки музыки ставят Мусоргского выше Чайковского. Но оставим эти споры профессионалам. Мы же, коль завели речь о судьбе Мусоргского, коснемся лишь одного, но, пожалуй, самого существенного вопроса: какой ценой ему достались скромные прижизненные успехи и великая посмертная слава?..

Скажем сразу: цена эта была очень высокой. И назначил ее сам Мусоргский. "Крест на себя наложил я, — писал он одному из своих друзей, — и с поднятой головой, бодро и весело пойду против всяких к светлой, сильной, праведной цели, к настоящему искусству, любящего человека, живущего его отрадою и его горем и страдой". Ему еще не было двадцати лет (а прожил всего сорок два), когда он решает, что важнее музыки для него ничего нет и уже никогда не будет. Незадолго до смерти, словно бы подводя черту под своими воззрениями на долг художника, он напишет: "...требования искусства от современного деятеля так громадны, что способны поглотить всего человека. Прошло время писаний на досуге, всего себя подай людям — вот что теперь надо в искусстве".

Со свойственной ему безоглядностью Мусоргский утверждал, что человек, решивший посвятить себя искусству, не должен заводить семью. И не только утверждал, но и следовал этому принципу в жизни. (Когда кто-то из его друзей женился, он видел в этом его слабование, уступку мещанству и, не порывая с ним окончательно, переставал относиться с прежней сердечностью). Судя по всему, в годы, которые Модест Петрович посвятил служению музыке, у него не было сколь-нибудь явного увлечения, не говоря уже о большой, всепоглощающей любви к женщине. Вернее, глухие намеки на это в его переписке слышались, но — не более того. Кажется, в любви он вел себя с нерешительностью и рефлексией чеховских героев: испытывая чувство к женщине, или чего-то опасается, или заранее уверен в несчастливом исходе любовного романа. И среди его сочинений почти нет таких, про которые можно было бы со всей определенностью сказать, что они вдохновлены любовью к женщине, как это, к примеру, не раз бывало с его кумиром в музыке Бетховеном...

Что же произошло с Мусоргским? Ведь до того, как стать профессиональным музыкантом, он к жизни (и к женщинам — тоже) относился совершенно иначе. Окончив школу подпрапорщиков, он, молодой гвардейский офицер, с удовольствием окунается в разгульную светскую жизнь. Красивый, статный, великолепно играющий на фортепьяно, он становится душой многих пирушек и кутежей, нравится женщинам и сам проявляет к ним живой интерес. Обратимся к свидетельству композитора Бородина, знавшего его в ту пору: "Мусоргский... был совсем мальчиком, изящным, точно нарисованным офицериком, мундирчик с иголочки, в обтяжку... волосы приглаженные, припомажены. Дамы ухаживали за ним. Он сидел за фортепьяно и, скидывая

кокетливо ручками, играл весьма сладко, грациозно...". Но вот с помощью одного сослуживца Мусоргский знакомится с Даргомыжским, затем сближается с Балакиревым, Римским-Корсаковым, Кюи, с критиком Стасовым. И блестящий гвардейский офицер (за прекрасную выправку удостоенный похвалы самого императора) быстро теряет свои "павлиньи перья", забывает о балах, пирушках, светских красотах и с головой погружается в занятия музыкой. Потратив столько лет на военную (и абсолютно чуждую ему) карьеру, он, кажется, одержим страхом, что уже никогда не догонит, не сравняется в музыкальном мастерстве со своими новыми друзьями...

Теперь-то известно: ему удалось не только догнать их, но и кое в чем опередить. За счет чего? На этот архисложный вопрос полного ответа, пожалуй, и не существует, но частичный все же есть: уйдя в творчество с головой, Мусоргский, образно говоря, так и не поднимет ее до конца дней. Он перелопачивает всю музыкальную классику, много раз переписывает свои сочинения, вместе со своими единомышленниками из "Могучей кучки", а подчас и в одиночку сражается с приверженцами салонной, оторванной от русской почвы и лишенной национального колорита музыки. А на остальное у него не хватает времени. Смешно сказать, он, родовитый дворянин, унаследовавший вместе с братом небогатое, но все же поместье, ни разу не побывал за границей. Даже когда представилась возможность съездить в Веймар к Листу (гениальный виртуоз пришел в восторг от одного из сочинений Мусоргского), Модест Петрович, словно чего-то испугавшись, отказался от поездки. "...Я верю в звезду, не может быть, чтобы когда-нибудь я не узрел мужей европейских", — оправдывался он перед Стасовым, бравшим на себя все заботы об этой поездке. Увы, ни "мужи европейские" его, ни он их так и не узрели... Да что путешествие за границу! За свою жизнь он несколько раз съездил к себе на родину, в Псковскую губернию, побывал в Москве, совершил одну гостевую (и то лишь в качестве аккомпаниатора) поездку по южной России. Остальное время провел в каменном промозгом Петербурге.

Вот так, на пределе человеческих возможностей, он живет и работает как одержимый. Впрочем, союз "как" без особого ущерба для смысла можно опустить. Он действительно был одержим музыкой, этой труднодостижимой, таинственной, может, самой требовательной к человеку разновидностью искусства. Она становится одновременно и религией его души, и его возлюбленной, равной которой так и не сыскалось во всем мире...

И каким же она, прекрасная и безжалостная, отпустила его в мир иной и, как говорят, лучший? Давайте поставим в своем воображении "точно нарисованного офицера" из словесного портрета Бородина рядом с тем Мусоргским, что запечатлен Репиным на всем известном портрете. Такое впечатление, что Модест Петрович двадцать с лишним лет не музыкой занимался, а в кандалах продирался сквозь непроходимые дебри и вот, наконец, весь израненный, без сил, в предсмертной испарине

добрел до палаты военного госпиталя, где он попозировал несколько сеансов Репину и вскоре покинет этот мир тихо и навсегда. Нет, если верить свидетельству сиделки госпиталя, перед смертью Модест Петрович, словно в один миг осознав, что он наделал со своей единственной жизнью, громко и жалобно закричит: "Все кончено! Ах, я несчастный..." Поверить в это невозможно, но так ведь оно и было: в ту страшную прощальную минуту, когда человек мучительнее всего жаждет утешения и прикосновения дружеской руки, рядом с ним не окажется ни брата, ни друзей, ни любимой женщины. А перед кончиной, изредка кем-нибудь навещаемый, он будет лежать один в огромной, гулкой, как ущелье, палате с множеством пустых, заправленных серыми солдатскими одеялами коек. Причем и сюда-то его, музыканта милостью Божией, поместят под видом (а иначе бы не приняли!) "вольнонаемного денщика ординатора". Так и хочется по этому поводу сказать: это возможно лишь в "стране чудес" по имени Россия! И если вначале склоняешься к мысли, что Мусоргскому досталась не его жизнь, то что же думать — чья смерть ему выпала?..

Такая ужасная, в тоскливом одиночестве кончина была бы неизбежна для холодного гордеца или черствого эгоиста. Мусоргский же, между тем, всегда тянулся к людям. Этим он был так же одержим, как и любовью к музыке. Он и "гусарит" в молодости, веселится до утра, чтобы с кем-то поделиться радостью существования. (Правда, он уже и тогда много и жадно читает, да так, что один из генералов озадаченно скажет ему: "Какой же, мон шер, выйдет из тебя офицер?") Он быстро находит общий язык с новыми друзьями из музыкальной среды, а от бывшего офицерского чистоплутьства не остается и следа. В нем, можно сказать, от рождения сидит рафинированный русский дворянин-интеллигент. "...Как он умел, не уступая, крепко держась своего пути, никогда, ни одним словом не задеть чьего-либо самолюбия, не сказать ни одной грубости, ни одной резкости, — так пишет дочь Стасова о способностях Мусоргского в спорах не переходить на личности. — Как у него сочеталась его необыкновенная благовоспитанность с такой же убежденностью в своей правоте и неподатливостью к принятию неподходящих ему чужих взглядов..."

Про Мусоргского можно также сказать: близких ему людей он не просто любил — восхищался — он благоговел перед ними и дорожил дружбой так, что порой сносил и унижения, и оскорбления с их стороны. Нагляднее всего это подтверждает его переписка с друзьями. Будь способ воскресить Мусоргского по тому, что и как он говорил в письмах, перед нами предстал бы мягкий, обаятельный в своем простосердечии, в хорошем смысле услужливый человек. Для каждого адресата он находит добрые, приятные слова, искренне восхищается тем, что делают его друзья — пишут ли они, как он, музыку или стихи, или картины. В его эпистолярных обращениях Римский-Корсаков — Корсинька, Милий Балакирев — милый, а к Стасову он однажды обращается даже так: "Наипревосходнейший, бесподобнейший в мозгах моих преизрядный ковырятель и к вящему оных усовершенствований пособитель!". Свои

письма он сдобривает озорной шуткой, самоиронией, доходящей иногда до ерничанья и скоморошества. И подписывает их почти всегда, подтрунивая над своей труднопроизносимой фамилией — "Мусорьянин"... Верно, случается, он в отношении кого-то из друзей высказывает критические суждения. Но, как и в отстаивании своих взглядов, не позволяет ничего лишнего.

Правда и то, что иногда он сильно преувеличивает достоинства некоторых своих друзей. Так, одного из них, малоизвестного художника, считает чуть не гением и даже прекрасную музыку напишет на темы его картин, а другого, поэта средней руки, выдвинет едва ли не в первые ряды российской словесности. Правда и то, что из желания угодить другу он, к примеру, подыгрывает Балакиреву, позволявшему себе неуважительные высказывания о других народах, яростнее, чем его соратники, нападает на сторонников академического направления в музыке... Словом, преданный Модест Петрович ради друзей делает все и порой даже больше, чем следует...

А они? Платят ли ему той же монетой?.. Если бы так... Хотя сразу же необходимо оговориться: они не относятся к нему плохо. Больше того, любят его как дорогого, чудноватого в своей восторженности человека. Все относятся к нему, по выражению Римского-Корсакова, как к "меньшому", хотя среди них были люди чуть старше его и даже младше на несколько лет. Что же? Выходит, ему и друзья не в полном смысле друзья? Нет, несчастье Мусоргского состоит в другом: они принимают его не за того, кто он есть на самом деле.

Его главным учителем и наставником был Милий Балакирев. Крупный русский композитор, талант, отмеченный самим Глинкой, поборник народности в музыке. И при этом — человек крайне нетерпимый, раздражительный, склонный в отношениях с людьми к диктату. Он, можно сказать, поставил на ноги Мусоргского как композитора. И он же чуть не убил в нем творца. "Слабые мозги", "почти идиот", "полон самообожания", "превращается в таракана" — вот далеко не полный перечень характеристик, которыми он устно и письменно награждает своего ученика и почитателя... Примерно такого же взгляда на начинающего композитора на первых порах придерживается и Стасов. (Из его письма Балакиреву: "Что мне в Мусоргском... Все у него вяло и бесцветно. Мне кажется, он совершенный идиот... У него ничего нет внутри". И это пишет Стасов, который признавал, что среди знакомых ему музыкальных деятелей самый начитанный, самый образованный — Мусоргский!) Когда Модест Петрович, решившись посвятить себя музыке, объявит о своем желании уйти из гвардии, Стасов будет всячески отговаривать его от этого шага. Даже сошлется на пример Лермонтова. Дескать, был гусаром, что не помешало ему стать великим поэтом. На самом деле Стасов, как Балакирев и Кюи, не верит в большое будущее Мусоргского, опасается, что музыка не прокормит его... Несколько мягче и доброжелательнее к нему относятся Н.А.Римский-Корсаков и А.П.Бородин. Но вот что напишет Александр Порфирьевич о том, как он воспринимал Мусоргского вначале: "...я был ужасно изумлен небывалыми, новыми для меня элементами музыки. Не

скажу, что они мне особенно понравились сразу, они скорее как-то озадачивали... Признаюсь, заявление его, что он хочет посвятить себя серьезно музыке, сначала было встречено мною с недоверием и показалось маленьким хвастовством, внутренне я подсмеивался над этим... И вот такое отношение – да, Мусоргский – милый, симпатичный, хотя и со странностями человек, превосходно играет на пианино, но дальше любопытных вещичек в музыке вряд ли пойдет – сохранится на долгие годы, если не сказать – до самого конца.

Когда сочинения Мусоргского ругают и высмеивают в стане музыкальных противников, он этому лишь радуется: брань врага на восточном входе не виснет. Когда на одно из его произведений цензура накладывает запрет, он ликует в предчувствии жаркой схватки: "ибо несть соблазна мозгам зело великий пыл от запретов ощущаю". Но когда, слушая его музыку, морщатся, прячут усмешку люди, к которым он привязался душой, – это доводит Мусоргского до отчаяния. Даже после того, как он напишет оперу "Борис Годунов" и ее после изнурительных чиновничьих проволочек поставят в Мариинском театре (с большим успехом у публики!), отношение "Могучей кучки" к творчеству Мусоргского почти не изменится. Верный себе Балакирев оперу всячески и прилюдно обругает. Цезарь Кюи сдержанно похвалит ее в своей статье-рецензии, но найдет крупные недостатки и назовет оперу "в целом незрелым произведением". Остальные члены кружка воспримут ее благожелательно, но и они посоветуют многое в ней переделать, переосмыслить, упрекнут автора в "стремлении к корявому оригинальничанью". Стасов, теперь уже не сомневающийся в великом таланте Мусоргского, тем не менее при жизни автора почти ничего не напишет об этой опере... Что касается газет и журналов, то они от "Бориса" не оставят камня на камне. Мусоргского обвинят в опошлении Пушкина, его музыку назовут "безобразной", его как музыканта – "слабым", "невежественным", саму оперу – "какофонией в пяти действиях". Правда, один из критиков, проявляя беспристрастность, отметит в авторе... "проблески таланта". В общем идет форменная травля композитора. А "Могучая кучка"? Увы, гордящаяся своей идейной сплоченностью, она так и не вступится за Мусоргского. Да и с чего бы? Ведь ей опера тоже не очень-то по душе...

И "Хованщину" друзья примут без восторга. Опять советы: это переделать, то убрать совсем. Что удивительно: благожелательнее других к новой работе Мусоргского отнесется желчный Балакирев. А мягкий, добрый по натуре Римский-Корсаков услышит в новой опере "безграмотность и грязь". Рассказывают, Мусоргский, выслушивая советы и замечания друзей, молча кивал головой, время от времени вытирал пот со лба. А потом рукопись оперы, над которой работал восемь лет, отложил – тоже молча – в сторону. И больше уже никогда не возвращался к ней.

Не сомневаясь в искренности своих друзей, он всякий раз благодарит их за нелюбезную критику, с чем-то соглашается. Возможно, он надеется, что это их смягчит. Но нет, словно ободренные его безропотностью, они уже особо и не подбирают слов. Самое интересное, что с чисто профессиональной точки

зрения они иногда бывают правы, указывая ему на те или иные погрешности. Но все это похоже на то, как если бы из-за капли краски, пролитой на раму картины, отвергалось талантливое полотно. Переписка Мусоргского, что называется, кровоточит от обиды на несоразмерность его "преступлений" и "наказаний", которым – конечно же, из добрых побуждений! – его подвергают друзья. Защищаясь, Мусоргский иной раз ссылается на то, что какие-то несовершенства можно найти и в творениях Вагнера, Берлиоза, Листа. В ответах друзей сквозит недоумение: помилуй Бог, но ты-то, Мусорянин, здесь при чем?..

Впрочем, нельзя говорить, что они его никогда не хвалят. Нет, хвалят и даже, случается, превозносят. За народность его музыки. За историзм его опер. Но мыслителя и новатора в музыке они в нем, за редким исключением, так и не разглядели. В который раз подтвердилось правило: лицом к лицу – лица не увидеть...

Что же делало их неумолимыми критиками творчества своего друга? Что помешало им (кроме Стасова) увидеть в "Мусорянине" – Мусоргского? Зависть? Это совершенно исключается. Все они были щедро наделены талантами. В славе и общественном положении (профессора, действительные и статские советники) они далеко превзошли его. Нет, скорее всего, им был чужд и непонятен мир его неповторимой индивидуальности, они искренне не принимали его творческих устремлений. Их, великодушных музыкантов, воспитанных на традиции, музыка Мусоргского с ее "небывальными, новыми элементами" раздражала, резала слух, против нее восставал их вкус... Но и Мусоргский не мог писать иначе – для этого ему пришлось бы стать не Мусоргским. И что же вышло в результате? Они еще при жизни получили все, чего заслуживали. А он, но лишь после смерти, был признан гением русской музыки.

После смерти Модеста Петровича некоторые композиторы (прежде всего Римский-Корсаков) из числа друзей стремились сделать его музыку более доступной, немало поработали (в ущерб своим замыслам), чтобы облагородить ее. Они терпеливо устраняли из его сочинений "непорядок", "погрешности", "корявости", словом, все, что, с их точки зрения, выставляло музыку Мусоргского в невыгодном свете. Но вот характерное признание одного из них: "...не знаешь, как быть. Оставишь, как он сам написал – нескладно, неправильно, безобразно. Наведешь порядок – не Мусоргский". В том, видно, и дело, что все новое, гениальное в музыке (и не только в ней) поначалу кажется неправильным и даже безобразным. Все, что в ту пору в музыке Мусоргского казалось неприемлемым, на самом деле в ней было самым ценным. От причисывания исчезала ее дикая, грозная прелесть. "Непорядок" в его музыке был предвестием музыки будущего. Выходит, его сурово критиковали (как когда-то Баха, Бетховена, Берлиоза) именно за то, за что потомки признают его великим композитором. Старая как мир история! В каком-то смысле это и есть история искусства...

А был ли в ту пору в России человек, знавший Мусоргскому истинную цену? Да, был. И вот его доподлинные слова: "Мусорг-

ский ни по характеру своих композиций, ни по своим музыкальным воззрениям не принадлежит ни к одному из существующих музыкальных кружков. Формула его художественности... искусство есть средство беседы с людьми, а не цель... Признавая, что в области искусства только художники-реформаторы, как Палестрина, Бах, Глюк, Бетховен, Берлиоз, Лист, создавали законы искусства, он не считает эти законы за непреложные...". И кто же сказал эти слова о Мусоргском – горделивые, пророческие, полностью сбывшиеся? Это, исполняя просьбу одного издателя музыкального словаря, о самом себе написал Мусоргский незадолго до смерти. А вот еще одно его мнение о самом себе, высказанное уже от первого лица: "В какой степени я послужил искусству – не знаю... но чувствую, что сделал что-то праведное и бесповоротное..."

Так он думал о своих трудах. А вот как распорядилась ими судьба. В его завещании, составленном за два дня до смерти, говорится, что он, Мусоргский, дарит в полную и единственную собственность одному из своих друзей авторские права на все свои изданные и неизданные музыкальные сочинения, оценивая эти права в две тысячи рублей серебром, смехотворно маленькие деньги за жизнь, отданную музыке. Если вообще можно говорить о стоимости того, что делают для человечества его гении...

52 О Мусоргском надо писать все или ничего. Редко кто из российских художников подобного масштаба попадал в столь неблагоприятные материальные условия для творчества. Модеста Петровича с тех пор, как он ушел с военной службы, преследовала нужда. (Тут Стасов как в воду глядел, когда не советовал ему подавать в отставку). При жизни Мусоргского его сочинения издавались редко, а если и издавались, то торговцы больше ему обещали, чем платили. Есть основания считать, что даже за "Бориса Годунова", поставленного на сцене императорского театра, он не получил ни копейки. Увы, Мусоргский был не из тех, кто мог постоять за себя. И даже когда предоставляется возможность подзаработать, он не всегда ее использует. Так, он вежливо, но недвусмысленно отклоняет предложение включить его произведение в сборник, к изданию которого причастен деятель противостоящего "Могучей кучке" лагеря...

Помещика из Модеста Петровича тоже не получилось. Он отдает свою долю наследства старшему брату. Но жить на что-то надо, и он идет служить (не оставляя занятия музыкой) в Инженерный департамент Петербурга, получает чин коллежского асессора и жалованье помощника (!) столоначальника. Разумеется, о чиновничьей карьере он не помышлял. Но приходит день – и должность помощника столоначальника в Инженерном департаменте сокращается. И композитор Мусоргский идет служить в Лесной департамент. Незадолго до смерти он вообще остается у разбитого корыта. Нет, точности ради, надо отметить, что некоторое время он подрабатывает тем, что с утра до вечера прослушивает начинающих певцов.

И вот еще один пример, как по-разному сложились судьбы членов "Могучей кучки": в день, когда поющие барышни демонстрируют свои успехи в вокале, в президиуме в качестве почетных гостей восседают Стасов, Римский-Корсаков, Бородин, а "Мусорьянин", их друг и соратник, сидит спиной к залу и с механическим усердием тапера аккомпанирует начинающим певицам...

Безденежье (и своеобразные представления о достойной интеллигентного человека жизни) мешают ему обзавестись постоянным жильем. Он то снимает квартиру с кем-нибудь из друзей, то селится в "коммуне" бывших студентов-разночинцев, то проживает в меблированных комнатах. (Его и в госпиталь-то отвезут с чужой квартиры). Чиновничья служба изматывает его силы и иссушает душу. (Из письма Стасову: "Суждено сознавать всю бесплодность и ненужность моего труда по лесной части... Жутко!"). Но и при такой житейской неустроенности он работает над своими сочинениями так, словно, кроме музыки, у него нет никаких забот. А они — есть. У него бывают месяцы, годы, когда он ничего не делает. Вернее, не может делать. (Из письма сестре М.И.Глинки: "1859 г. Нервная болезнь... 1862 г. Приводил мозги в порядок"). Из-за переутомления, а иногда вроде бы беспричинно на него наваливаются тоска, депрессия, бывают дни, когда ему кажется, что он сходит с ума. Это словно бы о нем, о таких минутах его отчаянного страха за свой разум одним поэтом написаны вот эти строчки:

Кто-то зовет меня, шепчет уныло.

Кто-то вошел... Моя келья пуста!

Нет никого. Это полночь пробило.

О одиночество! О нищета!...

Да, друзья знают, как Мусоргский непрактичен и беден. ("Ведь он погибает, с 1 января остается без места и без всяких средств". Стасов — Балакиреву). Они собирают деньги для его лечения, да и просто, чтобы не умер с голода. Но — о Мусоргском надо писать все или ничего. Ему и помочь-то было нелегко! Модест Петрович страдал пристрастием к вину. Сначала это выглядело молодечеством бывшего гвардейского офицера. В последние годы его можно было чаще всего встретить в петербургском ресторане "Малый Ярославец" в обществе таких же, как он, любителей "проконьячиться"... К несчастью, это был не первый случай, когда русский (и разве только русский?) художник, не справившись с противоречиями жизни, уходит в иллюзорный мир кабака. А почему бы нет? В "Малом Ярославце" Модеста Петровича никто не шпиныет за "корявости" в сочиняемой им музыке. Напротив, слушают его с величайшим почтением, восхищаются его остроумием. Выпив, с восторгом и слезами на глазах поют его истинно русские, разрывающие душу печалью и нежностью песни и романсы.

Что-то в Мусоргском было от светлого, но насквозь несчастного Феда Протасова из "Живого трупа" Льва Толстого. Как и герой этой пьесы, Модест Петрович пьет от неспособности переносить пошлость мещанской жизни, избегает встреч с до-

бропорядочными людьми своего круга, предпочитая общество таких, как сам он, выпавших из гнезда... Мусоргский последних лет не любит и даже боится времени, в которое живет. "...Господи, — сетует он в одном из писем, — сколько жертв... поглощает эта акула-цивилизация! Не знаю, что хуже обезображивает: гашиш, опиум, водка или алчность к денежной наживе..." В "Малом Ярославце" и расчет с жизнью кажется пустячно легким. "Если природа только кокетничает с человеком, — имею честь познакомиться с ней как с кокеткой... или, по-гусарски, кинуться в омут, захлебнуться насмерть". (Из письма Стасову). Его возмущает, что "Могучая кучка" с годами все терпимее относится к своим оппонентам (один из членов кружка даже становится профессором консерватории — оплота академизма), что его друзья все больше заботятся о бытовой стороне жизни. До конца верный идеалам молодости, он делает вывод, похожий на крик души: "Могучая кучка" выродилась в бездушных изменников". Вывод, конечно, поспешный, во многом несправедливый. Но трещина, образовавшаяся между ним и его друзьями, растет и превращается в пропасть одиночества. Один из почитателей его музыки, придя как-то к Мусоргскому в гостиничный номер в полдень, застаёт Модеста Петровича спящим во фраке в кресле и видит рядом стол с батареей опорожненных бутылок...

54 Агония Мусоргского как человека и творца продолжается не один год. Временами, словно возродившись из пепла, он вновь бодр, пишет музыку, вновь встречается с прежними друзьями... Но вот 12 февраля 1881 года его постигает апоплексический удар — так в ту пору называли инсульт — и он теряет сознание. Придя в себя, обнаруживает, что лежит один в палате с большим количеством, как сейчас бы сказали, койко-мест...

Что он помещен в солдатский госпиталь — само по себе не беда. Немного погодя (как ему и было обещано) его можно перевести в другую больницу, где лучше уход, где врачи знают, как лечить и как обращаться с человеком, перенесшим инсульт. (И где, наконец, ему никто из медперсонала, как это случилось в госпитале, не принесет бутылку вина, оказавшуюся для него роковой и последней). Но Мусоргский больше месяца лежит в госпитале, в нем же и отдает душу Богу. Почему его так и оставят здесь? Да потому, что те, кто мог его перевести (не последние же они люди в России), не делают этого. И опять — почему? Потому что между ними идет дискуссия — переводить или не переводить? "Вы жалуетесь на пустоту большой палаты, делающей угрюмое впечатление на больного. Это не беда. Мне кажется, ему не бесполезно было бы знать даже о близости смерти во всех отношениях". (Из письма Балакирева Стасову). "Мы держали совет с Римским-Корсаковым и порешили, что Мусоргянина вовсе не следует никуда переводить, — пишет Стасов еще одному из участников этой дискуссии, — он помещен прекрасно, уход за ним отличный и все идет отлично, и вдруг его брать оттуда и перетаскивать в другое место. Это было бы вполне несообразно". И в самом деле — Мусоргский подавал надежды, что поправится...

Конечно, в ответе на вопрос, выживет ли человек, он ли победит болезнь или она его – можно жестоко просчитаться. Но вот Мусоргский умер – о чем тут спорить, какие еще могут быть сомнения?.. Тем не менее, когда его провожают в последний путь, никто из членов "Могучей кучки" не скажет ни слова над могилой друга. (Скажет Стасов в некрологе, в котором, как это и поныне случается, выдаст покойному все то, что можно было сказать еще живому человеку... Скажет Кюи в посмертном очерке: наряду с заслугами Мусоргского укажет также на его "недостатки", вдогонку упрекнет в "неспособности к музыке симфонической" и т.д. и т.п.) Похоронят Мусоргского тускло, по-сиротски. Бесплатное отпевание. Бесплатная могила. Большинство провожавших его в последний путь составят присланные для "массовости" ученики консерватории. А лучший памятный венок принесут доктора и сиделки военного госпиталя...

Почему Мусоргский умер так рано, ушел так нелепо и горько?.. Не хочется комментировать это, не хочется быть судьей высокоталантливых, высокоинтеллигентных, вовсе не бессердечных, в чем-то даже глубоко человеческих людей. Просто это еще одна старая как мир история. Одни из них решили, что все обойдется и "Мусорянин" выкарабкается. Другие сочли, что он все равно конченный человек и лучше ему, несчастному, умереть. Третьи даже после того, как он умер, так до конца не поняли, что произошло с их другом...

Настоящее потрясение испытает Илья Репин, когда придет с кистями и красками в палату к смертельно больному Мусоргскому. "Неужели это он?! – в ужасе спросит себя художник. – Одетый, бывало, с иголки, шаркун, безукоризненный человек общества?.." Они и прежде были знакомы, но не близко. И вот теперь Репин лихорадочно наверстывает упущенное, догадываясь, что Мусоргскому остаются дни. Всего за четыре сеанса (а Модесту Петровичу, позировав, уже невмочь сидеть на стуле) художник заканчивает портрет. Но – какой портрет! Великое прозрение Репина! За несколько часов общения с умирающим композитором он понял и разгадал в нем то, чего не разглядели его близкие друзья за целых два десятилетия...

И вот еще одна диковинка российской действительности той эпохи (кое-кем из нас уже идеализируемой): страна спохватилась, вздрогнула от боли, осознала, кого она потеряла в лице Мусоргского. Но – не после газетного сообщения о его смерти. Но – не у гроба с останками великого композитора. А когда увидела его на выставленном в те дни в Петербурге портрете кисти Репина с еще не полностью высохшими красками. Посетители выставки, затаив дыхание, всматривались в черты Мусоргского на портрете. А в это же самое время, совсем неподалеку, он еще лежал в гробу. Мусоргский на портрете – не сделал ли это художник осознанно? – не смотрит на людей. Светлыми, горемычными, уже нездешними глазами он, все понявший и всех прощивший, смотрит в ту сторону, где нет никаких вопросов – одни ответы...

ЖАН БРИОС
КТО-ТО

ПЕРИЧЕИ,

А КТО-ТО

НАХОДИТСЯ

Рисунок ЛЬВА РЯБИНИНА

Рисунки

Николо Терано вошла на весь холл:

— Говорю тебе, у этого чертова француза в кармане нет ни лиры! Я точно знаю... Сегодня утром, когда он спал, Альберто осмотрел его карманы. Ни одной лиры.

Сообразив, что говорят о нем, Шарль Барон замер в конце коридора, у самого выхода на лестницу. Удача! Прижавшись плечом к стене, он привычным жестом коснулся кончика носа.

Послышался резковатый голос Марии Терано:

— Ты с ума сошел, Николо! Этот француз — настоящий сеньор, достаточно лишь взглянуть на него, и это сразу же становится ясно.

Шарль Барон перестал теревить кончик носа и, вытянув шею, заглянул в холл. Мария Терано, сидевшая за полированным столом, над которым висела специальная доска для ключей, энергично качала головой. У нее были блестящие черные волосы, а ярко-красная кофточка оттопыривалась на весьма интересном месте.

— А я говорю, что он мне надоел! Черт побери, я отлично знаю, что ты к нему равнодушна... Но хочу, чтобы мне заплатили! Одними разговорами сыт не будешь. Десять дней по две тысячи лир, еще пятнадцать процентов за обслуживание и еще три процента налога, это составляет... — Подбежав к столу, Николо протянул свою смуглую руку: — Дай мне его счет, я сейчас же поднимусь и потребую, чтобы он расплатился!

Шарль Барон бесшумно пересек площадку и пошел по другому коридору. Он слышал, как Николо бегом поднялся по лестнице, помчался по коридору и исчез за углом. Тогда Шарль вернулся на лестницу и с улыбкой на губах стал спускаться вниз.

Мария Терано, прелестная хозяйка гостиницы, обладавшая к тому же нежным сердцем, потупила глаза и зарделась.

— Вы очаровательны, — прошептала Шарль, — вы — самая красивая женщина Неаполя и... — Он безо всякого стеснения заглянул в вырез ее кофточки. — ... самая соблазнительная.

Обеспокоенно взглянув на лестницу, Мария прошептала:

— В пять часов ждите меня у центрального входа в Аквариум.

— Я постараюсь...

Наверху у закрытой двери психовал Николо. Шарль Барон поцеловал маленькую ручку Марии и не торопясь вышел.

Солнце заливало виа Партеноне, бухта сверкала, залитая солнечными лучами.

Поправив темные очки на орлином носу, Шарль Барон свернул направо. Он уже не улыбался. В его небольших серых глазах, окруженных мелкими морщинками, придававшими взгляду неизъяснимое очарование, читались гнев и тоска. Мария Терано, прелестная хозяйка гостиницы, без сомнения, предложит ему деньги...

Он остановился, прицелкнув несколько раз языком, и прислонился к шумевшей листьями пальме.

Нет, он не мог брать у женщины деньги... за это. Конечно, дела его хуже некуда. Совершенно очевидно... Он машинально ощупал карманы. Пусто. Ни одной лиры. Николо Терано, третьесортный кабатчик с лицом роконосца, совершенно прав. И есть только один способ раздобыть деньги — переспать с Марией... Не то чтобы девушка ему не нравилась, он не мог себе позволить брать деньги у женщин...

Нужно найти что-нибудь другое. Скачки, игра? Невозможно заняться этим, не имея начального капитала. Чтобы делать деньги, нужны деньги — известная истина... Кража? В крайнем случае сгодится... Но и к самой мелкой краже необходимо подготовиться... По меньшей мере найти того, кого собираешься обокрасть. Ночное нападение? Естественно, это проще всего, но рискованно. Ах! Как он ругал себя за то, что оказался столь непредусмотрительным. Если бы за десять дней, проведенных в Неаполе, повнимательней смотрел по сторонам, то, без сомнения, нашел бы какое-нибудь выгодное дельце. Но он доверчиво позволил сладостному безделью завладеть собой...

Сам не зная зачем, Шарль перешел на противоположный тротуар-набережную и, сделав еще несколько шагов, остановился. Серые глаза заблестели.

В десяти метрах от него на якоре стояла белая яхта «Сан Вижилио». Лакированная палуба, медные украшения, красивое судно.

Шарль Барон замер, остановившись в тени пальмы. Накануне в казино «Де Флер» он проиграл свои последние лиры в обществе одной из пассажирок «Сан Вижилио». Красивая смуглая девушка с черными волосами и огромными черными бархатными глазами, назвавшаяся Франческа Моренико, выиграла почти столько же, сколько он проиграл... Она сказала, что живет на яхте со своим мужем и что яхта принадлежит другой супружеской паре — Паоло и Лючии Изола. Малыш Джоржио — сын Изола. Они приехали из Генуи.

Шарлю нужны были деньги и хотелось есть... В мозгу мелькнула мысль: «Почему бы не подняться на яхту и не действовать так, словно его пригласила Франческа Моренико?» Риска никакого. Девушка, конечно же, не посмеет его разоблачить. Она подумает, что он пришел ради нее, и это ей польстит... Он же пустит в ход все свое очарование, чтобы понравиться остальным, попытается сделать так, чтобы между женщинами возникло чувство соперничества, а потом использует его с выгодой для себя. У этих людей должны быть деньги.

Шарль ущипнул себя за кончик носа и решительно направился к яхте.

Иллюминаторы были закрыты занавесками. На палубе на веревках сушились пеленки.

Шарль Барон прыгнул на палубу и услышал детский плач. В тот же миг из-за рубки выскочил смуглый темноволосый пацан в лохмотьях и, не обращая никакого внимания на Шарля, бросился к мосткам, соединявшим яхту с набережной. Он выглядел крайне испуганным, а француз, изумленный таким поведением, даже не попытался задержать его, а лишь машинально запом-

нил его лицо, отметив про себя: «Без сомнения, маленький неаполитанец пытался что-то стибрить».

Шарль смотрел, как мальчишка, со всех ног мчавшийся на виа Караччиоло, исчез в пышно разросшихся садах Вилла Коммуналь.

К закрытой двери вела лестница. Спустившись, он решительно постучал. Внутри по-прежнему плакал ребенок, и в его голосе сквозило подлинное отчаяние. Шарль вздрогнул от дурного предчувствия и постучал еще раз. Безрезультатно. Ребенок продолжал кричать...

Несколько секунд Шарль стоял задумавшись. Инстинкт искателя приключений подсказывал, что здесь что-то неладно, и, вероятно, его ждет нечто непредвиденное.

Но он был не из тех, кто испытывает желание сбежать в подобной ситуации. Наоборот, он тут же начинал испытывать потребность в действиях.

Шарль попытался открыть дверь, но она была заперта изнутри. Он нажал изо всех сил... Бесполезно. Тогда, поднявшись на две ступеньки, он разбежался и ударил в дверь плечом. Дверь даже не шелохнулась.

Вернувшись на палубу, Шарль спокойно вошел в рубку и обнаружил там то, что искал — набор инструментов. Взяв разводной ключ, он снова подошел к двери и принялся за дело. Послышался сухой треск, и дверь распахнулась. В каюте царил приятный полумрак, но Шарль замер на месте, в горле застрял комок, дыхание перехватило...

Женщины, связанные по рукам и ногам, валялись под столом. Белая полотняная юбка Франчески Моренико была задрана до пояса.

На столе лежал мужчина в светло-зеленой пижаме, безжизненно свесив ноги и руку, а на диванчике, слева от входа, лежал еще один. Шарль Барон с трудом проглотил слюну и, дрожа, закрыл дверь. Где-то продолжал плакать ребенок.

Шарль ощупал по очереди все четыре тела: холодные, почти застывшие. Он осмотрел их более внимательно: ран не видно, лица не искажены, цвет кожного покрова нормальный. Странно.

Инстинктивно он старался не прикасаться к предметам, с которых можно снять отпечатки пальцев. Выпрямившись, Шарль осмотрелся. Справа от входа — дверь в кухню. Горела газовая плита, но на огне ничего не стояло. Шарль подошел поближе и принюхался... Никаких подозрительных запахов. Рядом в образцовом порядке располагались чистые кастрюли и тарелки. Никаких признаков того, что кто-то готовил или ел в тот момент, когда разыгралась драма...

Очень странно.

Он обошел стол, стараясь не прикасаться к лежавшему на нем телу мужчины, подошел к двери, расположенной в глубине каюты, открыл ее и очутился в коридоре с таким низким потолком, что пришлось пригнуться. Теперь плач ребенка стал более отчетливым...

Шарль пошел по коридору, открывая двери кают. Последняя каюта не открывалась, но не было никакого сомнения, что в ней находился ребенок...

Шарль тихо позвал:

— Джорж, Джоржио...

Мальчик заплакал громче и отчаянней. Как ему удалось закрыться? Малыш никак не мог дотянуться до щеколды; он едва научился ходить... Вернувшись в каюту, где находились трупы, Шарль слегка отодвинул желтые шелковые занавески, которыми были закрыты иллюминаторы, и выглянул на набережную. Ничего подозрительного... Он внимательно осмотрел каюту.

Из-под лежащего на столе тела торчал уголок отпечатанного на машинке листа. Шарль ухватил его кончиками пальцев и потянул, слегка приподняв труп. Всего оказалось три листа. Три копии акта о продаже яхты «Сан Вижалио». Не хило! Кто же покупатель? Странно, в том месте, где полагается стоять фамилии покупателя, было оставлено пустое место. На всех трех копиях были подписи Паоло Изола и Лючин Изола.

Подписи продавцов. Крестиком было указано место для подписи покупателя.

Шарль внимательно прочел акт о продаже. «Сан Вижалио» продавалась за девятнадцать миллионов лир. Сумма приличная, но не слишком большая...

Положив листы на стол, Шарль продолжил обыск, заинтересовавшись, на сей раз, содержимым карманов обоих мужчин.

Того, что лежал на столе, звали Карло Моренико — муж Франчески. В его бумажнике хранилось пятьдесят купюр по тысяче лир. Шарль взял тридцать, остальные положил на место.

Потом он занялся трупом Паоло Изола: взял еще пятьдесят купюр по тысяче лир. Штук двадцать пришлось оставить хозяину.

В каюте не было больше ничего, достойного внимания. У женщины карманов не оказалось. Правда, на пальце Франчески сверкал огромный бриллиант, стоявший целое состояние, но Шарль, предвидя, каким образом будут развиваться события, решил избегать осложнений. Теперь у него в бумажнике восемьдесят тысяч лир: хватит на оплату счета в гостинице и на начало нового дела.

На его костистом, покрасневшем от возбуждения лице лихорадочно блестели серые глаза. Встав на четвереньки, Шарль заглянул под диван.

Счастливая мысль. За толстой незапертой дверью сейфа лежало целое состояние. Давно уже Шарлю не приходилось видеть столько денег одновременно... Не могло быть и речи о том, чтобы приподнять диван — для этого пришлось бы потревожить тело Моренико. Шарль пролез под диван и вытащил деньги из сейфа... Целое состояние! Возбужденный, с бьющимся сердцем, Шарль принялся считать.

Оказалось ровно девятнадцать миллионов лир, ни больше, ни меньше! Девятнадцать миллионов лир... Цена, указанная в акте о продаже яхты. Очень странно.

Минут пять Шарль сидел неподвижно, потом, оживившись, переписал номера купюр, вытасканных из сейфа, и аккуратно положил их на место в том же порядке, что и раньше.

Он встал, убедившись, что нигде не оставил следов, взял акты о продаже «Сан Вижалио», достал ручку, подписал все три акта

и, обернув носовым платком ключ, открыл стенной шкаф. Там стояла портативная пишущая машинка, вероятно, та самая, на которой были отпечатаны акты. Вставив лист, Шарль напечатал несколько слов и сравнил шрифт... Идентичен. Ровно через две минуты акт о продаже яхты был оформлен полностью, в качестве покупателя значился Шарль Барон. Протерев клавиши машинки, Шарль спрятал ее обратно в шкаф.

Мальчик, запертый в каюте, продолжал кричать, правда, уже не так громко...

Шарль закрыл за собой дверь, поднялся на палубу и вышел на берег. Он поймал такси и бросил водителю:

— В полицию!

II

Такси остановилось перед полицейской префектурой.

В холле было полно людей. Дневальный уверенно ковырялся в зубах, заплаканная женщина цеплялась за рукав скучавшего полицейского. Толстый мужчина с багровым лицом, в одиночестве сидевший в углу, оживленно жестикулировал, грозя кулаком несуществующему собеседнику. Шарль остановился возле дневального и с некоторой снисходительностью произнес:

— Лейтенанта Чезаре Форли, будьте любезны.

Человек поднял налитые кровью глаза, оценивая посетителя, немного смутился и ответил:

— Лейтенант Чезаре Форли принимает только по предварительной записи.

Склонившись над отпечатанным на машинке листком, он пробормотал себе под нос список, который, вероятно, знал наизусть, поднял голову и презрительно взглянул на посетителя:

— В списках вас нет. Можете написать ему или позвонить...

— Ладно, ладно, — ответил Шарль. Взял со столика специальный бланк, написал свою фамилию, фамилию лейтенанта Форли, а в графе «Цель визита» указал: «Четыре трупа и плачущий ребенок».

Спокойно сунув листок под нос дневальному, он сказал тонким, не терпящим возражений:

— Если дорожите своей работой, немедленно отнесите это лейтенанту Форли. Я как раз сегодня ужинал с префектом.

Дневальный вскочил так резко, что даже опрокинул стул и, отдав честь, бросился к лестнице.

Кабинет лейтенанта Форли был огромным, и сам лейтенант, сидящий в кресле за столом из черного дерева, выглядел огромным. Зеленоватое, напыщенное лицо, напыщенные усы, похожие на крылья летящей чайки, редкие, но безупречно причесанные волосы. В булавке на галстучке — настоящий бриллиант не меньше двух каратов. Красноовато-коричневый костюм. В петлице — сверкающая награда. Ухоженная рука небрежно лежала на безупречно чистом бюваре.

— Садитесь и постарайтесь покороче.

Изображая настоящего сеньора, Шарль Барон небрежно расположился в кресле и скрестил свои длинные ноги. Ноздри его крупного орлиного носа раздувались. Своим самым «благородным» голосом он произнес:

— Я очень рад, что наконец имею возможность познакомиться со знаменитым лейтенантом Форли. Я каждый день с интересом читаю в газетах о ваших подвигах. Неаполитанцам повезло...

— Пожалуйста, переходите к делу, — перебил его лейтенант. — Что означают слова, которые вы написали на бланке?

— Нужно действовать быстро, — объяснил Шарль. — Ребенок в опасности... Расскажу в двух словах. Несколько дней назад я познакомился с двумя супружескими парами — владельцами яхты «Сан Вижилио», которая стоит на якоре на набережной Караччиоло. Им были нужны деньги, а мне хотелось иметь яхту. Вчера мы устроили это дело. Я должен был вступить во владение яхтой сегодня днем... но когда пришел, дверь оказалась закрытой изнутри. Я услышал детский плач и крикнул, но мне никто не ответил. Попытался заглянуть внутрь — безуспешно: иллюминаторы были закрыты занавесками. Я нашел в рубке инструменты и взломал дверь... В каюте лежали четыре трупа...

— Вторжение в чужое жилье... со взломом, — неприветливым тоном констатировал лейтенант Форли.

— Ребенок был заперт в каюте в конце коридора. Я не мог открыть эту дверь... Тогда я взял такси и отправился за вами.

— Почему же за мной? — ехидно спросил Форли. — Почему не за другим? С этим отлично справился бы любой полицейский.

— Нет, — ответил Барон, — это сенсационная история. С таким делом никто, кроме вас, не справится.

Форли встал, обошел вокруг стола и остановился перед посетителем.

— Кто вы?

— Шарль Барон, француз, администратор акционерного общества, в Италию приехал отдохнуть.

— Где живете в Неаполе?

— Отель Виченция, виа Партеноп, 5. Нахожусь здесь десять дней...

— Вы утверждаете, что купили яхту, надеюсь, вы можете это доказать? — подозрительно заметил полицейский.

— У меня есть один экземпляр акта о купле-продаже, — спокойно заверил его Шарль.

Форли подошел к вешалке и снял с крючка шляпу.

— Вы расплатились?

— Конечно.

— Каким образом? Купюрами, чеком?

— Купюрами. Лирами.

— Сколько?

— Девятнадцать миллионов.

Форли обернулся и изумленно посмотрел на француза:

— Крупная сумма. Как вы ее добыли?

— Выиграл в рулетку, последние дни мне крупно везло.

«Сан Вижилио» стояла на прежнем месте. Но, выйдя из машины следом за Форли, Шарль тут же заметил, что пеленки, висевшие на палубе, исчезли.

Плохо. Значит, в его отсутствие кто-то приходил, и вряд ли этот кто-то удовлетворился похищением лишь нескольких мажорных тряпок...

Истерически скрипя тормозами, за машиной лейтенанта остановился полицейский фургончик. Из него высыпалась кучка полицейских, которыми командовал сержант с кукольным личиком, откликнувшийся на имя Неми, Антонио Неми.

Форли спрыгнул на палубу и пошел вперед, Шарль следовал за ним... Открыв дверь, лейтенант удовлетворенно присвистнул.

— Славное дельце, — сказал он, видимо, представляя свой портрет на первой полосе газет.

Глухой крик напомнил им о существовании ребенка. Форли, промчавшись по коридору и натянув перчатки, тщетно пытался взломать дверь, затем послал за слесарем.

Через две минуты дверь открыли. Маленький Джорджио сидел в углу между фарфоровым умывальником и стеной. Красивый малыш, с густыми темными волосами и огромными грустными глазами. Года два, а может, и меньше... Он был в розовом костюмчике, кофточка которого промокла от слез. Форли неловко взял его на руки, и малыш снова завопил. Полицейский растерянно передал его Шарлю. Тот улыбнулся ребенку и поцеловал его. Малыш перестал орать, только всхлипывал.

— Должно быть, он голоден, — сказал Шарль, — надо что-то делать... Ребенок не должен видеть, что творится в каюте. Он уже достаточно большой и кое-что может запомнить...

— Уведите его наверх, — приказал Форли слесарю, который уже собирался уходить.

— Минутку, лейтенант, — вмешался Шарль, — я знаю, у вас доброе сердце... Возможно, малыш со вчерашнего вечера ничего не ел. Если позволите, я отнесу его в свою гостиницу, это в двух шагах отсюда. Хозяйка о нем позаботится...

Форли нахмурил густые брови, вытер рукой влажные губы и проворчал:

— Ладно... Но мои люди проводят вас. Вы — главный свидетель, и я не хочу вас потерять...

Ехидно улыбаясь, Шарль заметил:

— Вы забываете, лейтенант, что я сам пришел к вам...

— Неважно, — отрезал Форли, — я не должен ничем пренебрегать. Неми! Проводи свидетеля до гостиницы «Виченца» и приведи его обратно, как только ребенок окажется в безопасности.

— Слушаюсь, лейтенант, — отчеканил сержант и последовал за Бароном, который уже спустился по трапу.

Вскоре они вышли на виа Партекоп. Вокруг огромного здания Кастелло дель'Ово кружили крикливые чайки. Когда они прошли насыпь, ехавшее навстречу такси резко затормозило. По выражению лица водителя Шарль понял, откуда следует ждать опасности, и пригнулся, без зазрения совести прячась за сержантом Неми, шедшим у края тротуара. Прежде всего необходимо было спасти ребенка. На первом этаже в раскрытое окно Шарль заметил диван, заваленный подушками, изо всех сил бросил мальчика в окно, а сам растянулся на тротуаре.

Дождь осколков, камешки, вырванные пулями из тротуара. Удар... Железо о железо... Машина с нападавшими столкнулась с

такси, съехала с тротуара и, развернувшись, исчезла на виа Санта Лючия.

— Пресвятая дева...

Дрожащий водитель такси вылез из своей машины и захлопнул дверцу. Шарль вскочил. Сержант Неми лежал, уткнувшись носом в асфальт. По тротуару стекала струйка крови. Он был смертельно ранен. Шарль понял это сразу, как только перевернул его. Встав на цыпочки, он заглянул в открытое окно. Малыш орал, уткнувшись носом в подушки. Подтянувшись на руках, Шарль влез в комнату. В глубине ее резко отворилась дверь. Вошла женщина средних лет в пеньюаре. Одну руку она поднесла к груди, другую вытянула вперед, словно защищаясь. Шарль спокойно поклонился:

— Мое почтение, сеньора. Извините пожалуйста. Ребенок вырвался у меня из рук.

Улыбаясь, он поднял ребенка с дивана и, убедившись, что тот не пострадал, подошел к окну, у которого, разинув рот, стоял водитель такси.

— Минутку... вы позволите?

Мужчина машинально принял ребенка, которого Шарль протянул ему, чтобы было удобнее вылезать.

— Воры! На помощь! — кричала женщина.

Очнувшись на тротуаре, Шарль обернулся:

— Спасибо, сеньора.

Потом он взял на руки снова принявшегося вопить Джорджио.

Заскрипели тормоза, и на тротуар высыпало с подюжины полицейских — прибыла встревоженная звуками выстрелов команда Форли.

Барон, укачивая ребенка, хладнокровно объяснил, что произошло. Его слова подтвердил водитель такси, еще зеленый от страха. Шарль Барон властно взял руководство операцией на себя.

— Двое вооруженных людей должны проводить меня в гостиницу, — приказал он, — кто-нибудь пусть сходит за лейтенантом, а остальные — разгонят толпу.

Ему подчинились. У машин скопилось уже человек двадцать прохожих, они шумно обсуждали происшедшее. Шарль в сопровождении телохранителей прокладывал себе дорогу.

Никола Терано и Мария в цветастом платье стояли у входа в отель. Шарль флегматично сказал полицейским:

— Стойте здесь и ждите меня.

Потом обратился к Марии, темные глаза которой выражали одновременно обиду и изумление:

— Ребенок нуждается в заботе... идите сюда...

Возмущенный Никола открыл было рот, пытаясь возразить, но потом передумал и решил промолчать. Через холл и узкую гостиную Шарль Барон в сопровождении очаровательной хозяйки прошел в спальню.

— Что произошло? — спросила Мария.

Уложив малыша на кровать, покрытую желтым сатиновым покрывалом, Шарль объяснил:

— Прежде чем отправиться на свидание с вами, я поднялся на борт яхты, принадлежавшей моим друзьям. Все они оказались

мертвы. В живых остался только ребенок... Я вызвал полицию... Поэтому вам пришлось так долго ждать меня...

Она с облегчением вздохнула и, склонившись над ребенком, произнесла скорее для приличия:

— Какой славный малыш!

— Его зовут Джоржио. Лейтенант Форли разрешил мне доверить его вам до тех пор, пока дело не будет разъяснено.

Он обнял Марию за гибкую талию и почувствовал, как она напряглась.

— Но, Николо...

— Ваш муж не сможет отказать в приюте ребенку, который только что стал круглым сиротой... Он голоден, приготовьте что-нибудь... Ему вполне можно дать теплое сладкое молоко. Если у вас нет соски, попытайтесь напоить его из чашки...

В двери показался Николо. Шарль уверенно подошел к нему.

— Да, сеньор Терано, пока я не забыл; подготовьте, пожалуйста, мой счет. Я хочу расплатиться прежде, чем меня убьют...

— Он готов, — пробормотал Терано, — но, сеньор Барон, это совершенно не срочно...

— Что вы, что вы, — перебил его Барон и вытащил бумажник.

III

Донг! Донг... Два часа ночи.

Низкое небо было покрыто предгрозовыми тучами. На море виднелись движущиеся огни яхт. Дул теплый солончатый ветерок. Шуршали огромные пальмовые листья. Из ближайшего казино доносилась музыка.

Шарль шевельнулся, вытянул начавшие затекать ноги. Тихо скрипнула скамья. Притаившаяся в кустах птичка тихо пискнула, шевельнула крылышками и снова заснула. Где-то вдали пролетел самолет.

А через дорогу, в машине, припаркованной возле тротуара, курили полицейские, охранявшие «Сан Вижилио».

Позади виднелась мачта яхты, покачивающейся на волнах, бьющихся о камни набережной.

Шарлю уже надоело сидеть в темноте и ждать неизвестно чего...

Каким образом все четыре пассажира «Сан Вижилио» оказались убиты? Вероятно, ответ на этот вопрос можно будет получить завтра утром, после вскрытия.

Почему в акте о купле-продаже яхты не значилось имя покупателя? Ведь цена и подписи продавцов свидетельствовали о том, что согласие было достигнуто. Почему в сейфе было ровно столько денег, сколько указано в документе? Почему, когда Шарль вошел в каюту, сейф оказался незапертым? Почему исчезли пеленки, которые сушились на палубе? А ребенок? Каким образом ему удалось запереться в каюте, если он не мог дотянуться до задвижки? Очень много вопросов, и на каждый из них нужно найти ответ...

Внезапно Шарль решил, что нужно немедленно проникнуть на яхту, он сам не знал, зачем, просто чувствовал, что разгадка именно там...

Убедившись, что за ним никто не следит, Шарль спустился по каменной лестнице. Чья-то лодка покачивалась на волнах, время от времени ударяясь о набережную. Шарль присел на корточки. Цепь, придерживавшая лодку, была прикреплена к кольцу набережной висячим замком.

Детская забава.

Он снял брючный ремень и, вытащив одну из медных заклепок, достал плоские инструменты, ловко спрятанные в кожаном ремне. Несколько точных движений, и замок уступил.

Шарль аккуратно свернул цепь и положил на дно лодки, потом оттолкнулся от стены и взялся за весла. Чтобы добраться до «Сан Вижалио», потребовалось добрых десять минут. Он медленно двигался вдоль яхты в поисках якорной цепи, к которой можно привязать лодку, а также использовать вместо лестницы.

Лодка ткнулась во что-то носом. Интересно, во что? Шарль выпустил весла, встал на колени и вытянул шею... К якорной цепи уже был привязан чей-то легкий челнок.

Шарль был уверен: раньше челнока не было. Значит, кому-то в голову пришла та же мысль, что и ему, кто-то находился сейчас на борту «Сан Вижалио». Он отвязал челнок и оттолкнул его от яхты. Через несколько мгновений легкое суденышко растаяло в темноте. Шарль привязал лодку и прошел на корму.

Через пять минут на палубе появилась чья-то тень, тихо перелезла через канаты и начала спускаться. Шарль встал, приготовившись к действию.

По росту противника он сразу узнал, кто это, и испытывал скорее любопытство, чем тревогу. Мальчишка, спустившись в лодку, понял, что что-то не так, но было поздно. Шарль крепко держал его одной рукой, а другой зажимал ему рот.

— Если дорожишь шкурой, малыш, не шевелись! — Он стал осматривать карманы пленника. Там оказался обрывок веревки, которой вполне хватило для того, чтобы завязать юноше руки за спиной. Потом, положив его на дно лодки, Шарль взялся за весла.

Обратный путь он проделал безо всяких приключений. Вернувшись к лестнице, около которой была привязана лодка, Шарль снова прикрепил цепь к кольцу замком, потом, подхватив мальчишку на руки, поднялся наверх и, войдя в темный сад, подошел к скамейке.

— Послушай, малыш, сейчас я развяжу тебя, но, если ты закричишь или попытаешься сбежать, прибью, ясно?

Мальчишка энергично закивал головой, показывая, что понял. Огромные глаза двумя угольками горели на смуглом лице. Шарль развязал ему руки, вытащил кляп и, взяв за руку, помог сесть.

— Как тебя зовут?

— Марко, сеньор.

— А фамилия?

— Не знаю, сеньор.

— Хочешь получить по заднице?

— Почему бы и нет, сеньор? Разом больше, разом меньше...

Шарль поморщился. Этот мальчишка — достойный противник. Единственный способ заставить его заговорить — как можно сильнее запугать...

— А ты знаешь, Марко, что на карту поставлена твоя жизнь? Человек, сующий нос в такого рода истории, всегда сильно рискует...

— Я не боюсь! — резко ответил мальчишка.

— Иногда боятся даже самые смелые люди, Марко. Что ты делал на «Сан Вижалио»?

— Искал свой нож.

Шарль, сбитый с толку, молчал несколько секунд.

— Каким образом на яхту попал твой нож?

Мальчишка опустил голову и, немного поколебавшись, шепотом ответил:

— Днем, когда вы меня застучали, я влез на яхту, чтобы что-нибудь стибрить, достал нож, чтобы взломать ящик в рубке... и выронил его, когда услышал ваши шаги. А теперь вот вернулся за ним на яхту...

— Ты лжешь, Марко. Если бы ты пришел за тем, о чем говоришь, то не полез бы на палубу, зная, что на яхте кто-то есть — было слышно, как плачет ребенок. Нет, Марко, ты знал, что все четверо пассажиров «Сан Вижалио» мертвы, и пришел за ребенком. Признавайся...

Мальчишка вздрогнул. Шарль сожалел, что в темноте невозможно увидеть выражение его лица.

— Вы с ума сошли, сеньор.

Марко дернулся, пытаясь вырваться и убежать, но Шарль крепко вцепился в его руку и вынудил снова сесть.

— Поскольку ты упрямисься, придется отвести тебя в полицию.

Мальчишка вздрогнул и возразил дрожащим голосом:

— Вы не сделаете этого, сеньор, и сами отлично знаете, почему.

Шарль заставил мальчишку встать.

— Давай! Пошли...

Через парк они вышли на Пьяцца Витториа и свернули налево. У Шарля не было ни малейшего желания вести мальчишку в полицию. Выйдя на Пьяцца дель Мартири, он, сходя с тротуара, нарочно оступился, громко вскрикнул от боли, словно подвернул ногу, и выпустил руку мальчишки, который, ни минуты не колеблясь, пугей улетел. Шарль пошел за ним следом.

Виа С.Катерина... Марко оглянулся, на минуту остановился, переводя дух. Шарль следил за ним, прижавшись к каким-то воротам. Марко постепенно успокоился и оборачивался лишь изредка. Он по-прежнему шел довольно быстро, но Шарлю не составляло труда следовать за ним. Величественная и спокойная виа Рома. Пьяцца Дучча д'Аосто, станция фуникулеров, скользкая мостовая, крутой склон. Дойдя до середины спуска, Марко свернул направо. Шарль ускорил шаг, чтобы не потерять его из виду. Дойдя до конца улочки, Марко поднялся по лестнице. Шарль только успел заметить, что он вошел в какой-то ветхий дом, на фасаде которого не светилося ни одно окно.

Через несколько минут Шарль уже шел по противоположному тротуару, такому узкому, что на нем едва помещался один человек. Он быстро и незаметно посмотрел наверх.

На четвертом этаже зажегся свет. За красной гардиной мелькнула чья-то тень — судя по прическе, женская, через несколько секунд мелькнула маленькая тень — без сомнения, Марко.

Шарль решил подняться. Определив, где именно расположена квартира, он пересек улицу и вошел в дом.

Под его тяжестью громко скрипели ступеньки.

Второй этаж... Третий... Четвертый... По его подсчетам дверь должна быть слева. Шарль тихо подошел и приставил ухо. Слышались оживленные, но негромкие голоса. Он тщетно пытался разобрать слова. Затем наклонился к замочной скважине, увидел торчащий изнутри ключ, выпрямился и решительно постучал.

За дверью тут же воцарилась тишина. Прошло добрых пять минут... Кто-то сдвинул стул. Застонали пружины кровати. Еще какой-то непонятный шум, глуховатый голос. Щелчок...

Шарль чувствовал, что кто-то стоит за дверью.

— Кто там? — осторожно спросил женский голос.

— Друг, сеньора. Откройте...

Тишина. Потом сдавленный голос прошептал:

— Я не могу открыть. Приходите завтра утром...

— Сейчас и есть завтра утром. Открывайте, или я сломаю дверь.

— Минутку, сеньор, — отозвался дрожащий голосок, — я только оденусь.

В замочной скважине повернулся ключ, дверь отворилась. Показалось молодое лицо, окруженное ореолом темных спутанных волос. В глазах стоял страх.

— Проходите, сеньор.

— Здравствуйте, сеньора, как поживаете?

Нищая грязная комната, стол, шкаф, разобранный диван-кровать, три стула. В глубине слева — открытая дверь.

— Проходите, пожалуйста, проходите, сеньор.

Шарль, обойдя стол, пересек комнату, включил свет... Кухня с газовой плитой и столом... Занавеска справа отделяла часть комнаты. Шарль поднял ее. За занавеской оказалась аккуратная детская кроватка. Он поднял одеяла — простыней не было.

— Могу ли я по крайней мере узнать, что вы ищете? Я пока у себя дома.

Девушка была хорошо сложена, худое ненакрашенное лицо казалось бледным. Поскольку Шарль не спешил с ответом, она качнула бедрами и, подмигнув, спросила:

— Кто вам дал мой адрес? Вы — симпатяга, но вообще-то я люблю, чтобы меня предупреждали заранее... Место могло быть занято, сеньор...

Он подошел к ней, взял за руку и втолкнул в соседнюю комнату.

— Когда я постучал, здесь кто-то был. Я найду его, даже если для этого мне придется перевернуть всю халупу вверх дном.

Девушка осторожно высвободила руку и села на краешек дивана. Пеньюар распахнулся, и глазам Шарля предстал волнующая картина.

— У вас восхитительная грудь, — сказал он.

Она машинально запахнула пеньюар и вдруг расхохоталась.

— Это был пацан.

— Марко?

— Откуда вы знаете, как его зовут?

— У нас общее дело, — ответил Шарль, — я видел, как он входил сюда. Куда он делся?

Она сочувственно пожала плечами и, поднявшись, взяла Шарля за руку.

— Идемте...

Она подвела его к кухонному окну, которое выходило на задний двор, открыла его и предложила Шарлю выглянуть наружу.

— Он сказал, что за ним следят, и удрал туда...

Шарля провели. Тем хуже. И все-таки он напал на верный след. Закрыв окно, он втолкнул женщину в первую комнату.

— Вы — его мать?

— Я не так уж стара.

— Ему, должно быть, лет десять, так что вполне вероятно... А что это за детская кроватка?

— С какой стати вы задаете мне вопросы? — разозлилась девушка, — вы что, из полиции?

Шарль стиснул зубы. Глаза жестко сверкнули.

— Нет, и вы прекрасно это знаете.

— Я ничего не знаю. Знаю только, что сейчас вы уберетесь отсюда, и по-быстрому.

— Я уберусь тогда, когда захочу. Постарайтесь это усвоить...

А для начала проведу здесь небольшой обыск...

Девушка в ярости отступила, теперь она была похожа на пантеру, приготовившуюся к прыжку.

— Если вы хоть к чему-нибудь прикоснетесь, я позову на помощь.

Подойдя к шкафу, он холодно заметил:

— Валяйте! Мне кажется, мы здорово повеселимся.

Обескураженная его уверенностью, девушка молча смотрела, как он открывает дверцы шкафа. Достав из шкафа бинт и платок, Шарль вернулся к дивану, заткнул девушке рот, связал ей руки за спиной и, нахмурившись, снова подошел к открытому шкафу. Кое-какая одежонка, рассчитанная на совсем маленького ребенка. От нее пахло нафталином. Без сомнения, семейные реликвии. Он открыл ящик, находившийся под полкой, и буквально окаменел...

На старом конверте сверкал огромный бриллиант, кольцо с бриллиантом.

Без всякого сомнения, это кольцо принадлежало Франческе Моренико. И Шарль отлично помнил, что видел его на руке покойницы, когда обыскивал каюту «Сан Вижилио». Он не посмотрел, было ли кольцо на ее руке, когда он вернулся на яхту с полицией, но не сомневался, что уже тогда кольца не было. Один и тот же человек снял пеленки и украл кольцо.

Но почему же тогда он не вытащил содержимое из карманов и бумажников обоих мужчин? Странно. Шарль незаметно положил кольцо в кармашек своего пиджака. Пусть оно лучше будет у него. Эта третьесортная шлюха не знает, что с ним делать, и, рано или поздно, попадется. А Шарль знал, кому можно его продать. В Париже есть один ювелир, который сможет заново обточить камень с минимальными потерями и, нисколько не рискуя, продать. Вообще-то говоря, Шарль даже оказывал бедной девушке услугу, спасая ее от по меньшей мере пяти лет тюрьмы за кражу.

В одном из ящиков Барон обнаружил фотографию найденного на яхте ребенка. Обескураженный, он долго стоял неподвижно. Видимо, в этом деле ребенок играл одну из главных ролей.

Он положил фотографию в карман. Разорванный конверт, на котором лежало кольцо, был адресован

Сеньоре СИЛЬВАНЕ ДОЛЬЧИ

Вико Варнова, 6
Неаполь.

Итак, хозяйку дома зовут Сильвана Дольчи.

Вдруг Шарль заметил, что дверь отворилась, и в комнату вошел невысокий светловолосый мужчина, одетый в грязную футболку и голубые холщовые брюки.

Шарль выступил вперед и совершенно естественно произнес:

— Добрый день, дорогой друг. Как дела?

Человек стоял к нему спиной.

— Все в порядке, спасибо... — пробормотал он.

Потом, внезапно сообразив, в чем дело, обернулся и, выругавшись, заорал:

— Кто это?

В его руке появился нож с длинным и острым лезвием. Шарль понял, что придется укреплять свои позиции, и лучезарно улыбнулся:

— Друг.

Но мужчина уже заметил сеньору Сильвану Дольчи, которая с заткнутым ртом и завязанными руками лежала на диване.

— Она была в ярости от того, что пришлось так долго вас ждать, — вмешался Шарль, — и собиралась выцарапать вам глаза. Поэтому пришлось ее связать...

Он больше ничего не успел сказать. Человек с тигриной ловкостью бросился на него. Шарль упал на спину, откатился в сторону и ударил нападавшего ногами в пах...

Бам! Он и не думал, что стена так близко. Но у мужчины оказалась крепкая голова. Он разбил лоб, но уже поднимался, ухватившись за открытую дверцу шкафа. В его пьяных глазах ясно читалось желание убить.

Шарль понял, что победит тот, кто успеет напасть первым. Он отскочил в сторону, ухватил шкаф за верхнюю крышку и изо всех сил потянул. Раздался страшный треск. Лакированные ножки не выдержали. Человек хотел увернуться, но в комнате было

слишком мало места. Шкаф со страшным грохотом свалился, придавив его.

Сильвана закричала от ужаса и, словно по волшебству, вскочила. Потом, охваченная паникой, опустив голову, бросилась на Шарля, весьма сожалевшего о том, что вовремя не связал ей ноги. Он увидел, как она, словно пушечное ядро, пролетела мимо него и, уткнувшись головой в помойное ведро, затихла.

Со всех сторон доносились крики. С лестницы слышался топот. Шарль подумал, что путь, которым прошел малыш Марко, его тоже устроит, бросился в кухню, открыл окно и спрыгнул в пустоту. Он свалился на склизкий тротуар, поднялся и помчался к видневшейся недалеко каменной лестнице. В любом случае, вечер не потерял.

IV

Шарль вышел из такси и, прежде чем расплатиться, утер пот со лба. Затем поднялся на крыльцо полицейской префектуры. Примерно та же обстановка, что и накануне. В углу истерически кричала какая-то женщина, проклиная мужа, удравшего от нее с иностранкой.

Непринужденно остановившись возле заляпанного чернилами стола, Шарль произнес:

— Лейтенант Форли ждет меня.

Дежурный, просмотрев список, поднял голову и недоверчиво посмотрел на нахала.

— Нет, сеньор, сегодня утром лейтенант Форли ждет одного человека. Женщину... И она как раз сейчас у него. Очень сожалею, сеньор. Позвоните или...

— Напишите... — закончил Шарль, — знаю я вашу песенку. Не трудитесь. Повторяю, лейтенант Форли ждет меня, пойдите и скажите ему, что я пришел.

Обеспокоенный дежурный протянул ему специальный бланк.

— Напишите свою фамилию и цель...

— Прошу вас, дружище, скажите просто: «Барон, Шарль».

Он нарочно произнес свои имя и фамилию таким образом, чтобы фамилию можно было спутать с титулом. Дежурный встал и направился к лестнице.

Ровно через две минуты он вернулся в обществе Луизы Верчелли, секретарши Форли.

— Здравствуйте, сеньор Барон, лейтенант занят, он беседует с сеньорой Памелой Изола, сестрой Паоло Изола, у которого вы купили яхту. Может быть, вы подниметесь, я думаю, сеньорина будет очень рада видеть вас, особенно из-за ребенка.

У Шарля похолодело в груди. Он не предполагал, что придется встречаться с родственниками несчастного Изола, снова рассказывать каким образом он стал владельцем яхты, вернее, каким образом он заставил всех предположить, что является владельцем. Он шел вслед за улыбавшейся секретаршей. В конце концов, чем он рискует? Деньги, заплаченные за яхту, обнаружены в сейфе. Значит, если Шарль и обокрал кого-то, то, во всяком случае, не наследников Изола, которые получают свою долю. Пострадавшим в этой истории ока-

зался незнакомец, который на самом деле купил яхту, заплатил и тут же ее лишился только потому, что не успел поставить свою подпись рядом с подписями продавцов на акте купли-продажи...

Все-таки очень странное дело... Можно ли представить покупателя, не знакомого с продавцами — ведь они не внесли его фамилию в документ, — который заплатил бы деньги до того, как все формальности оказались улажены...

В основе всего дела лежит мошенничество... Но какая преследуется цель и кем?

— Будьте любезны, сеньор, подождите минутку.

Шарль Барон вошел в небольшую приемную, где уже находился страдаемый страшным волнением мужчина средних лет. «Блатной рогоносец, пользующийся привилегией рассказать о своих несчастьях офицеру полиции», — подумал Шарль.

Он сел и взял со столика иллюстрированный журнал, приготовившись к долгому ожиданию. Но тут дверь отворилась, и косящие глаза Луизы остановились на нем:

— Сеньор Барон, лейтенант хочет немедленно встретиться с вами.

Шарль встал и прошел мимо «блатного рогоносца», обиженно пробормотавшего нечто невразумительное.

Войдя в кабинет, Шарль увидел молодую женщину, сидевшую в кресле справа.

Восхитительная фигура. Черные габардиновые брюки, шелковая блузка. Очень стройна, очевидно высокого роста. Интересное лицо, привлекательный рот, огромные, изумрудные, какие-то кошачьи глаза. Крашеная блондинка, волосы затянуты на затылке в прическу «конский хвост».

— Сеньорина Памела Изола... Сеньор Шарль Барон... — не шевельнувшись, произнес Форли.

Шарль поклонился и поцеловал протянутую ему руку.

Когда он выпрямился, сеньора Памела Изола, не скрывая изумления, взглянула на него. Он удивился — в ее взгляде не было ничего женского. Обычно женщины смотрели на Шарля Барона с желанием или обидой. Эту же явно интересовало только одно — каким образом он связан с убийством четырех человек на яхте «Сан Вижилио».

Шарль сел, скрестив длинные ноги, и улыбнулся девушке, но она не отреагировала.

— Я сообщил сеньорине о роли, которую вы сыграли в этом деле, — произнес Форли.

— Как вы узнали? — спросил Шарль, не обращая на него никакого внимания и продолжая смотреть на Памелу.

— Лейтенант дал мне телеграмму, — решительно ответила она, — я была дома, в Генуе. Приехала на машине... гнала ее всю ночь.

— Барон, я... — нервно продолжал Форли.

— Будьте любезны, сеньор Барон, — поправил его Шарль, обезоруживающе улыбаясь. — Я бы не хотел, чтобы сеньорина Изола подумала, что «Барон» — это титул. Просто такая фами-

лия, сеньорина... К сожалению, ничего лучшего предложить не могу.

— Сейчас сеньорина пойдет с вами в отель и заберет ребенка. — Внезапно он помрачнел и обеспокоенно спросил: — Кстати, полагаю, с ним все в порядке?

— Конечно, — ответил Шарль, — малыш хорошо спал, а когда я сорок пять минут назад выходил из отеля, с аппетитом ел.

Форли расслабился. Памела была по-прежнему спокойна. Похоже, ребенок не особенно тревожил ее.

— Мы говорили о преступлении... о четырех преступлениях.

— О пяти, — уточнил Шарль, — вы забыли о своем коллеге.

— Спасибо, что напомнили, — покраснев, извительно ответил Форли.

— Не за что, — с улыбкой сказал Шарль. — Хорошо, что с ним пошел я... Продолжайте, прошу вас...

В дверь постучали.

— Войдите! — завопил Форли.

Вошла Луиза.

— Сеньор Джованни Саккарели хочет встретиться с вами, лейтенант. Если я правильно поняла...

— Девичья фамилия жены моего брата, Лучии, Саккарели, Джованни — ее брат, — спокойным, хорошо поставленным голосом вмешалась Памела.

— Пусть войдет, — разрешил Форли.

В кабинет ворвался настоящий ураган. Когда же ветер утих, Шарль увидел, как лысый полноватый мужчина целует руку Памелы и обливает ее слезами.

— Ах! Сеньорина, как я несчастен! Я — самый несчастный из мужчин, а вы — самая несчастная из женщин! Да, да, это так! Какая драма! Какой ужас! Какое несчастье! Какая...

Устав от его воплей, Шарль встал. Коснувшись плеча вновь прибывшего, он указал ему на готового взорваться Форли:

— Лейтенант Форли из отдела по расследованию преступлений, с потрясающим мастерством ведущий это дело. Я — Шарль Барон, француз. Позавчера я купил яхту, принадлежавшую мужу вашей сестры, я же обнаружил тела... Теперь мне бы очень хотелось, чтобы лейтенант нашел убийцу.

Джованни Саккарели подбежал к полицейскому, пожал ему руку, потом посмотрел на Барона.

— Итак, сеньор... Это вы обнаружили трупы. Значит, если я правильно понял, вы — подозреваемый номер один?

Шарль поднял руку и прижал нос Саккарели указательным пальцем. Тому пришлось отступить к столу.

— Только номер два, — вкрадчиво произнес Шарль, — а номером один будете вы, до тех пор, пока не предоставите алиби...

Он сообщнически подмигнул Форли. Саккарели отошел в сторону, поправил галстук и, выпятив грудь, произнес:

— Я был в Риме, отель «Континенталь», виа Кавур, 5. О драме узнал утром из газет, вскочил в машину, и вот я здесь...

Шарль рассмеялся.

— Шутка, сеньор. Я вовсе не собирался вас подозревать...

Джованни Саккарели провел жирной рукой по лысому, блестящему от пота черепу, задыхаясь, взглянул на невозмутимого Форли.

— Ненавижу такого рода шутки, — неуверенно произнес он, — вы должны посадить этого человека в тюрьму, лейтенант, недопустимо, чтобы иностранцы обращались таким образом с итальянцами.

— Если я не ошибаюсь, — сухо оборвал его Форли, — первым начали вы, сеньор Саккарели... — и язвительно добавил, пощипывая ус, — итальянцы должны с уважением относиться к иностранцам, посещающим нашу страну. Вы сказали: «Отель «Континенталь», Рим, виа Кавур, 5»? — Он взял карандаш, не спеша все записал и, просверлив Саккарели взглядом, тихо произнес: — Я проверю, сеньор...

Саккарели подошел к креслу, в котором раньше сидел Шарль, и плюхнулся в него. Француз тут же ухватил непрошенного гостя за воротник пиджака и приподнял без видимого усилия.

— Извините, сеньор... тут занято.

Итальянец буквально испепелил Шарля взглядом, и тот понял, что нажил себе смертельного врага.

— Мы ждем результатов вскрытия, — продолжил Форли, — и пока их нет, ничего толком предпринять не можем.

Джованни Саккарели, отступив на несколько шагов, спросил:

— А малыш? Мой очаровательный племянник, маленький Джорджио? Что с ним?

— Я позаботился о нем, — не оборачиваясь, ответил Шарль, — сейчас он у хозяйки гостиницы «Виченца», виа Партеноп, 5.

Саккарели вздохнул с облегчением.

— Слава тебе, Господи... несмотря на наше несчастье, есть, ради чего жить. Я пойду за ним. Нельзя оставлять малыша в руках незнакомых людей.

— Я вас провожу, — сказал Шарль, поднимаясь.

— Минуточку, сеньор Барон, — вмешался Форли, — вы мне еще нужны. Сеньор Саккарели вполне может сходить один... — Повернувшись к безразлично наблюдавшей за происходящим девушке, он добавил: — Вы тоже нужны мне, сеньорина Изола.

Шарль продолжал стоять.

— В таком случае, я позвоню в гостиницу. Иначе, сеньора Саккарине... простите, Саккарели, не примут. Вы позволите?

Не дожидаясь согласия лейтенанта, Шарль снял трубку и набрал номер гостиницы. Трубку взяла Мария.

— Это Шарль. Как дела у малыша?

— Все в порядке, Шарль. Он в гостиной, играет с галстуками Николо...

— Отлично. Я звоню, потому что за малышом придет его дядюшка, Джованни Саккарели... Сейчас я опишу его вам, чтобы не произошло ошибок. Вы слушаете?

Обернувшись, он критически осмотрел итальянца.

— Небольшого роста, толстый, пузатый, лысый... не очень красивый, но сам об этом не догадывается... Нервный, слишком много говорит... Достаточно?

В кабинете послышался звонкий смех Марии Терано:

— Надеюсь, он вас не слышит?

— Конечно, нет, — ответил Шарль, выдерживая испепеляющий взгляд Саккарели. — Отдадите ему ребенка. Но из предосторожности потребуйте расписку. Встретимся после обеда. До скорого свидания, сеньора...

— Вы любите меня, Шарль? — тихо спросила Мария.

Взглянув на Памелу Изола, он очень серьезно ответил:

— Я без ума от вас, Мария...

Повесив трубку, Шарль обратился к взиравшему на него с презрением Джованни Саккарели:

— Идите, дружище. Гостиница «Виченца», виа Партеноп, 5. Спросите сеньору Марию Терано...

— Сеньорина, очень сожалею, — Саккарели обернулся к Памеле. — Всем сердцем с вами. Разделяю ваше горе... Уверен, что вы с нетерпением ожидаете возвращения ребенка. Ждите меня здесь... Я приведу его через полчаса... До скорого свидания, сеньорина... Вам нужна мужская поддержка... я уверен... Я здесь, сеньорина... всем своим сердцем...

Он хотел взять ее за руку, но она холодно отстранилась и, пристально глядя ему в глаза, произнесла:

— Мы не в цирке, сеньор Саккарели...

Он побледнел, выдавил из себя улыбку и, желчно взглянув на Шарля, прошипел сквозь зубы:

— Этот француз уже вскружил вам голову!

Толстяк исчез. На несколько мгновений воцарилась тишина.

— Расскажите мне подробнее о первых результатах следствия, — попросила Памела Изола, обращаясь к Форли.

— Хорошо, — ответил лейтенант, — возможно, вы сможете трактовать каким-то образом непонятные нам факты, ведь вы лучше всех были знакомы с жертвами...

— Лучше всех? — холодно возразила Памела. — Вы ошибаетесь, лейтенант. Мы с братом никогда не были особенно дружны. Денежные дела... а точнее, наследство, надолго разделили нас, по правде говоря, мы не виделись полгода, и я даже не знала, что у Паоло есть яхта.

Шарль внимательно слушал. Форли поморщился, выражая неодобрение.

— Это не имеет значения, сеньорина. Я расскажу вам обо всем как можно подробней...

V

Памела Изола поднесла руку к затылку, приподняв хвост светлых крашенных волос. Ее кошачьи глаза пристально рассматривали полицейского.

— Я внимательно выслушала вас, лейтенант, но все это ни о чем мне не говорит. Я уже сказала, что даже не знала о существовании яхты. Я была практически незнакома с супругами Моренико, находившимися на борту. Вы, похоже, уверены, что произошло убийство, хоть и не получили пока результатов вскрытия... Я тоже так думаю: четыре человека не могли одновременно и в одном и том же месте умереть естественной смертью. Но

мне непонятно, что произошло с Джорджио, да и все остальные тайны, которыми окутано это дело... мой брат располагал определенным состоянием... но я не знаю, были ли у него враги... Нет, я действительно ничем не могу быть вам полезна. Сейчас, во всяком случае...

Форли выглядел подчеркнуто расстроенным. Шарлю стало даже немного жаль его. Вероятно, лейтенант неплохой парень и разбирается в своем деле... Никто и не требует, чтобы он был гением. А в этой истории сам черт ногу сломит...

Зазвонил телефон. Форли недовольно снял трубку, минуту послушал, позеленел и, оседая в своем кресле, пробормотал:

— Что? Что вы несете? Вы с ума сошли! Во-первых, кто вы? Джованни Саккарели? Где вы были полчаса назад? У меня в кабинете? Кто находился здесь вместе с вами? — Он слушал, не сводя глаз с Памелы и Шарля. Наконец лицо его побагровело. — Повторите, черт побери! — Несколько минут Форли молчал. На лбу выступили капельки пота. Блестящая кожа на лице приобрела восковой оттенок. Напомаженные кончики усов опустились. Дрожащей рукой он провел по редким волосам, аккуратно уложенным на голове. — Минуточку... не кладите трубку... — Лейтенант поднял голову и, глядя на Шарля, произнес: — Ребенка похитили... Ровно через пятнадцать минут после вашего звонка человек, подходивший под ваше описание, появился в гостинице сеньоры Терано. Она, ни о чем не подозревая, отдала ему ребенка...

Шарль бросился вперед и вырвал трубку из рук лейтенанта:

— Это вы, Саккарели?

— Да. Кто это?

— Дайте трубку сеньоре Терано, да поживей.

— Я слушаю...

— Это Шарль. Расскажите мне, как все произошло.

Мария громко проглотила слюну.

— Прошло примерно пятнадцать минут после того, как вы позвонили... Пришел мужчина... небольшого роста, толстый, лысый, такой, как вы сказали. Он назвался сеньором Джованни Саккарели... Я отдала ему ребенка... Хоть тот и не хотел с ним идти... Но ведь малышу не больше двух лет... мужчина сказал, что не видел его уже несколько месяцев. Я попросила расписку. Он дал мне ее... и ушел...

— Конечно, он очень спешил?

— Э-э-э... Нет... Он не оттолкнул меня, когда выходил...но и времени даром тоже не терял...

Шарль нахмурился.

— Дальше, Мария...

— Через пять минут пришел другой мужчина. Тоже небольшого роста, толстый, лысый... такой, как вы говорили. Но совсем непохож на первого. Когда он представился Джованни Саккарели, я отказалась поверить. Он показал мне документы, настаивал. Я рассказала ему о том, что произошло. Он тут же позвонил вам. Вот и все, Шарль.

— Немедленно приходите сюда вместе с сеньором Саккарели. Возьмите с собой расписку, полученную от незнакомца. Пос-

тарайтесь побыстрее. Шарль повесил трубку и, пытаясь скрыть волнение, ущипнул себя за кончик носа. Медленно повернув голову, он встретился взглядом с Памелой Изола. Теперь, как он и ожидал, она тоже выглядела взволнованной. В голосе ее уже не было прежней уверенности.

— Но что им надо от ребенка? — прошептала она.

— Кому «им»? — сурово спросил Шарль.

— На что вы намекаете, сеньор Барон? — сухо заметила девушка, опустив глаза.

— Я ни на что не намекаю, сеньорина. — Голос Шарля дрожал. — Я был привязан к ребенку, а теперь вот замешан в это дело... Если с ним что-то случится, я задушю виновного собственными руками.

Форли сел за письменный стол и решительно произнес:

— Я объявляю розыск по радио. Это не простая формальность... Кроме того, соответствующие листовки будут распространены по всему полуострову, а также переданы в отделение ИНТЕРПОЛА. Мне нужна фотография, как можно более поздняя. У вас, сеньорина, такая должна быть...

Памела Изола поморщилась и машинально открыла сумочку.

— Очень сожалею, лейтенант, у меня есть лишь одна фотография Джорджио, на ней ему не более полугода. Я полагаю, она не подойдет... Может быть, на яхте... среди вещей моей невестки...

— Нет, — огорченно ответил Форли, — я сам осмотрел все, что было на «Сан Вижалио». Ни одной детской фотографии.

Шарль быстро соображал. У него была такая фотография. Он нашел ее в шкафу Сильваны Дольчи. Рискует ли он, если покажет ее? Шарль решил рискнуть.

— Погодите, лейтенант.

Он достал бумажник, вытащил фотографию и с удовлетворенной улыбкой произнес:

— Вчера вечером на палубе я нашел эту фотографию, машинально сунул в карман, не подумав, что она может пригодиться...

Он протянул фотографию Форли, тот внимательно изучил ее.

— Это он. Отлично.

Памела Изола встала, подошла к письменному столу и, взглянув на фотографию, воскликнула:

— Но это не Джорджио!

Слова прозвучали как гром среди ясного неба. Форли побледнел. Шарль, голова которого только что была занята совсем другими мыслями, сообразил не сразу, потом бросился вперед.

— Что вы говорите?

Памела Изола уверенно повторила:

— Ребенок на фотографии — не мой племянник. Это не Джорджио Изола, сын моего брата и Лючия... Если хотите, я могу поклясться...

— Черт побери! — ошеломленно прошептал Форли. — Клянусь мадонной, это тот самый ребенок, которого мы нашли на яхте. И другого там не было.

— Я и не возражаю. Просто утверждаю, что ребенок, изображенный на фотографии, — не мой племянник. Вот и все... — По-

молчал, Памела добавила: — Это и сеньор Саккарели сможет подтвердить...

— А это не может быть ребенок Моренико? — предположил вдруг Шарль.

Форли отрицательно покачал головой.

— Сегодня утром я получил сведения из Турина, где жили Моренико. У них никогда не было детей!

В дверь постучали, и в кабинет вошли Мария и сеньор Саккарели.

— Какой ужас! — стонал Саккарели, — какая кошмарная вещь...

Форли раздосадованно перебил его:

— Минутку, сеньор... Сеньорина Терано, подойдите сюда...

Она подошла. Полицейский показал ей полученную от Шарля фотографию.

— Узнаете ли вы ребенка, который был на вашем попечении и которого похитили час назад?

— Конечно, лейтенант, — ни минуты не колеблясь, ответила она, — конечно, это он... бедный мой ангелочек... о, Боже! Я никогда себе этого не прощу...

— Хорошо, — остановил ее Форли, — сеньор Саккарели... извините, сеньор Саккарели, взгляните-ка... Кто этот ребенок?

Джованни Саккарели разглядывал фотографию, он даже наклонился, чтобы лучше видеть, потом нахмурился, выпрямился и ответил:

— Понятия не имею.

VI

Шарль взглянул на часы: пятнадцать тридцать. В желудке урчало от голода. Прежде всего необходимо поесть. Он остановил такси и бросил водителю:

— Пьяцца Дуча д'Аста.

Удобно устроившись на сиденьи, Шарль размышлял. Мало-помалу дело прояснялось... Нет, не совсем... только некоторые довольно важные детали: тайна ребенка.

Он вышел возле остановки фуникулера, рассчитался с таксистом и вошел в ресторанчик, из которого умопомрачительно пахло жареным мясом.

Заказав бутерброд с колбасой, стакан вина, сигареты и спички, Шарль попросил разрешения позвонить.

Набрав номер префектуры, он узнал, что лейтенанта Форли нет на месте. Тогда Шарль позвонил в «Гран Отель де Лондо» сеньору Саккарели.

— Да, — заспанным голосом ответил тот. — Кто это?

— Неважно, друг, желающий вам добра. Слушайте... Вы должны быть очень осторожны, вам угрожает серьезная опасность. Некто побывал у сеньорины Изола и сообщил ей, что вы замешаны в деле малыша Джоржио. Да, да... Сеньорина только что звонила лейтенанту Форли... Будьте осторожны, сеньор...

Беззвучно хохоча, Шарль положил трубку, а потом, набрав тот же номер, попросил соединить себя с сеньориной Изола.

В трубке раздался хорошо поставленный голос девушки.

— Я слушаю...

— Это Шарль Барон. Извините, сеньорина, если нарушил ваш покой. Но я не мог не предупредить вас... Вероятно, вы догадались, что у меня есть союзник... вернее, союзница в лагере лейтенанта Форли. Только что я узнал, что сеньор Саккарели звонил лейтенанту Форли, стремясь привлечь его внимание к вам... Мило, не правда ли? Он утверждает, что вы знаете, где в настоящее время находится малыш Джоржио, но предпочитаете молчать из корыстных интересов, если точнее, из-за наследства.

— Разбойник!

— Я тоже так считаю, — ответил Шарль. — Вы предупреждены и теперь можете защищаться. В любом случае, сеньорина, рассчитывайте на меня... До свидания.

Очень довольный собой, он повесил трубку. Разделяя и властвуя — этот способ испокон веку давал положительные результаты. Шарль не знал точно, каков будет результат, но был уверен, что результат определенно будет...

Он снова позвонил в префектуру и, имитируя голос лейтенанта, сказал телефонистке:

— У телефона лейтенант Форли. Я давал указания по поводу некоего Николо Терано, который сейчас должен находиться у дежурного. Велите отпустить его. Я больше не нуждаюсь в его свидетельстве. Велите ему следить за постояльцем, Шарлем Бароном, и обо всем сообщать мне каждое утро по телефону. Но так, чтобы тот ничего не заметил, ясно?

— Будет сделано, лейтенант. Еще минутку, пожалуйста... Звонил некий сеньор Саккарели, он хотел бы с вами встретиться. Я сказала, что не знаю, когда вы вернетесь... Он живет в «Гран Отель де Лондо».

— Хорошо, — ответил Шарль, — я ему перезвоню.

Извительно улыбаясь, он положил трубку, вернулся к стойке, доел бутерброд, допил вино и заказал кофе. Когда Шарль вышел из ресторанчика, направляясь к Вико Конте ди Мола, уличные часы показывали пять минут пятого. Он легко нашел уже знакомый дом, вошел в подъезд и стал изучать надписи на почтовых ящиках.

«Сеньор и Сеньора Дольчи».

Значит, тип, свалившийся на него вчера ночью, как снег на голову, был мужем Сильваны.

Четвертый этаж, дверь слева.

Шарль подошел к двери и прижал к ней ухо. Ни звука. Наклонившись, он заглянул в замочную скважину — ключа не было. Тогда он приподнял коврик — ключ лежал там.

Он вставил его в замочную скважину и открыл дверь.

В комнате было темно, ставни закрыты. Шарль прислонился к стене, ожидая, пока глаза привыкнут к полумраку, и вздрогнул от неожиданности, услышав визг пружин. Чей-то неприятный голос спросил:

— Это ты, Сильвана?

Шарль включил свет. На кровати лежал мужчина с повязкой на голове, видимо, случилось вчерашнее столкновение со шкафом. Ослепленный ярким светом, он не сразу узнал незваного гостя. Шарль, воспользовавшись этим, взял со стола большой нож с выдвижным лезвием, которым двенадцать часов тому назад ему чуть не вспороли живот.

— Узнаешь?

Человек грязно выругался и попытался встать, но, поморщившись от боли, снова упал на подушку.

— Не бойся, — сказал Шарль, — я не сделаю тебе ничего плохого. Просто хочу поговорить о деле.

— Скоро вернется Сильвана, она выцарапает тебе глаза, — пригрозил мужчина.

— Нет, — уверенно возразил Шарль. — Малыш исчез. Кто-то похитил его из гостиницы около часа дня...

— Малыш? Исчез? — пробормотал мужчина, потом, немного оправившись, добавил: — Я не понимаю, о чем вы говорите...

— Напротив, вам с Сильваной давно пора понять, что вы сильно рискуете, ввязавшись в это дело. Лейтенант Форли в любой момент может обнаружить, что вы к нему причастны. До сих пор я ничего не говорил, но не могу же молчать вечно...

— Что еще за петрушка? — упрямо проворчал человек.

— Если ты будешь по-прежнему изображать из себя идиота, то эта петрушка может показаться тебе слишком горькой, — спокойно ответил Шарль.

Вдруг за дверью послышался резкий голос Сильваны:

— Какой сукин сын спер мой ключ?

Шарль открыл дверь.

— Входите сеньора, я и есть этот сукин сын...

Изумленная, она замерла, посмотрела на мужа, лежавшего в постели, потом увидела в руке Шарля нож и автоматически подчинилась.

— Я только что объяснил вашему мужу, что ребенок был похищен сегодня около часа дня из гостиницы, в которую я его поместил.

Она побледнела, как смерть, прижала руки к груди и запричитала:

— Мой малыш! Это невозможно! Это неправда!

Шарль вздохнул с облегчением. Его догадка подтвердилась.

— Сильвана! Идиотка! Ты разве не видишь, что он блефует? Разве не поняла: он говорит не о твоём ребенке... — закричал мужчина.

Она не слушала и, вцепившись в Шарля обеими руками, орала как ненормальная:

— Мой малыш! Этого не может быть! Это ложь!

Лицо ее приобрело сиреневатый оттенок. На побледневших губах выступила пена. Она сильно дрожала. Шарль, не колеблясь, дал ей две пощечины, бросился в кухню и, набрав в кувшинчик воды из-под крана, бегом вернулся в комнату. Она стояла на том же месте и стучала зубами, безвольная, жалкая. Он плеснул водой ей в лицо. Шарль поднял ее на руки и отнес на кровать, аккуратно положив рядом с мужем.

— А теперь, — сказал Шарль, — давайте поговорим серьезно. Как это произошло?

Сильвана открыла было рот, чтобы объяснить, но потом устало посмотрела на мужа.

— Объясни, Витторио...

— Ну что ж, ладно, — сдался Витторио, — все началось в прошлую пятницу... В пятницу днем к моей жене пришел клиент. Когда он был здесь, в соседней комнате заплакал ребенок. Клиент захотел на него взглянуть. Потом он сказал Сильване, что работает на киностудии и ищет ребенка, похожего на малыша Сильвио. Он предложил платить тысячу лир в день за так называемые пробы. Сильвана ответила, что ей надо подумать... Он снова пришел вечером в воскресенье и, положив на стол две тысячи лир, сказал, что сейчас заберет малыша и, в любом случае, привезет его в понедельник утром, то есть вчера. Сильвана не осмелилась отказать... Мы не так уж богаты, понимаете? И потом, этот человек утверждал, что если дело сладится, малыш будет получать по пять тысяч лир в день в течение месяца. Он увез малыша...

— Естественно, он назвал вам свою фамилию и адрес? — спросил Шарль.

— Да, — ответила Сильвана, — Бенито Виллари, отель «Эксельсиор», виа Партенопе, 48. Он оставил мне бумагу...

— Где эта бумага?

— В ящике стола, позади вас.

Шарль открыл ящик и стал в нем рыться.

— Белый листок бумаги, сложенный вдвое, — уточнила Сильвана и разрыдалась. — Скажите, что моего маленького Сильвио найдут.

Шарль вытаскивал ящик и высыпал его содержимое на стол. Ничего похожего на сложенный вдвое листок бумаги с адресом.

— Его там нет, — громко произнес он.

Сильвана Дольчи перестала плакать, встала, подошла к столу и тоже стала искать — безрезультатно.

— Не понимаю, — растерянно произнесла она, — не понимаю... он был там. Витторио? — В ее голосе звучало подозрение.

— Черт! Я к нему не прикасался.

— Давайте подумаем, — вмешался Шарль. — Вы уверены, что положили его в этот ящик?

— Абсолютно.

— Вы куда-нибудь уходили в течение этого времени? Я имею в виду: оставляли вы квартиру совсем пустой на некоторое время?

— Нет, я видела этот листок еще вчера, когда искала одно старое письмо. В квартире постоянно кто-то находится. Витторио весь день никуда не выходил, он не может даже шевельнуться.

— Кто-нибудь приходил?

— Никто, кроме доктора.

— Значит, бумага еще здесь, — заметил Шарль, — должно быть, вы спрятали ее в другое место...

Растерянная, она стояла посреди комнаты.

— Скажите, этот человек... У него был стеклянный глаз и не хватало нижнего переднего зуба?

— Да, а вы его знаете? — ошеломленно спросила она.

— Нет, — ответил Шарль, — но именно так выглядел человек, похитивший вашего ребенка из гостиницы.

— Когда это произошло? — спросил Витторио.

— Сегодня, в половине первого.

— Значит, — сказал Витторио, — он может привезти его сегодня вечером. Еще не все потеряно...

— Возможно, этот тип просто взял мальчика и ушел... Вы его не провожали?

— Нет, — ответила Сильвана, — он не захотел. Марко следил за ним до...

— Кто этот Марко?

— Мой брат... Марко Черра.

В дверь постучали, Сильвана пошла открывать. В комнату вошел Марко с горящими глазами и растрепанными волосами. Когда он узнал Шарля Барона, его круглое лицо сморщилось.

— А этому что тут надо?

— Добрый вечер, Марко, — улыбнулся Шарль. — Ты здорово провел меня вчера вечером... Но, знаешь, я не сержусь. Впрочем, нет. Ты сам во многом виноват. Если бы ты доверился мне и сказал, что малыш — сын твоей сестры, сейчас все было бы в порядке...

— Пошел вон, — прошипел мальчишка, позеленев от ярости.

Шарль поморщился.

— Ребенок исчез, Марко, — растерянно вмешалась Сильвана, — сеньор Виллари забрал его сегодня днем из гостиницы...

Марко, не слушая, указал на дверь и повторил:

— Убирайтесь немедленно, или я позову на помощь своих дружков. Их тут не меньше пятидесяти.

Шарль вовсе не собирался пренебрегать столь серьезной угрозой.

— Марко — веселый парень, — с улыбкой произнес он. — Вы говорили, сеньора, что он следил за сеньором Виллари до...

— Не говори ему ничего, — завопил мальчишка, — это шпик! Он во всем виноват. Это он убил тех четверых с яхты! Я знаю. И он устроил так, что яхта теперь принадлежит ему.

Шарль побледнел. Решительно мальчишка — сам дьявол. Он бросился к нему и схватил за шиворот:

— Что ты там болтаешь, маленький мошенник?

— На помощь! — завопил Марко, лягаясь, как бешеный осел.

— Отпустите его, сеньор, — попросила Сильвана. — Марко умен и редко ошибается... Отпустите его, или я вас зарежу.

Шарль обернулся. Она держала нож, который он так беззаботно оставил на столе.

Упорствовать бесполезно. Шарль отбросил мальчишку от себя и подошел к двери.

— Тем хуже для вас. Теперь все станет достоянием полиции.

У Ф Ф И Ч И О Д И С О Р В Е Г Л И А Н Ц А

Черные буквы на сверкающей медной табличке. Новенький коврик у двери. Шарль нажал на кнопку звонка, тоже медного.

Дзззззззззз.

Послышались шаги, и дверь открылась.

— Входите, сеньор...

Красивая девушка, типичная неаполитанка. Кокетливые глазки, плутовской ротик, великолепный бюст под кофточкой, волосы собраны узлом на затылке.

— Я очень рад, что пришел сюда, — вместо приветствия произнес Шарль.

— Почему, сеньор? — удивилась девушка.

— Потому что я вижу вас, — прищелкнув языком, ответил он. — А что вы делаете сегодня вечером?

Она рассмеялась, подмигнула ему и тихо спросила:

— Вы ведь француз, а?

— Это может послужить препятствием?

— Нет, сеньор, я просто констатирую факт... А что вам угодно?

— Чего я еще могу желать после того, как увидел вас, о сеньорина, владычица моего сердца!

— Сеньора, — уточнила она.

— Это констатация факта?

— Нет, препятствие.

— Только не для меня, — ответил он, — напротив... не побоюсь заметить, любовь — мой конек.

Она подошла к приоткрытой двери, находящейся в конце коридора, и бросила через плечо:

— Я доложу о вас...

— Но ведь вы не знаете моей фамилии, — заметил он.

— И не имею ни малейшего желания ее узнать. Для меня вы останетесь «незнакомцем».

За дверью кто-то пел приятным тенором. Секретарша вошла, и дверь захлопнулась. Шарль осмотрелся. На стенах висели фотографии, изображавшие мужчину в одежде рыбака, державшего в руках рыб, одна другой больше. Любопытно... Вдоль стен помещались плетеные стулья. В середине — низкий столик, на нем полно журналов и толстая книга в красном переплете, в нее клиенты сыскного агентства могли внести слова благодарности.

— Пройдите, сеньор.

Она стремительно удалилась, очевидно опасаясь идти по длинному коридору в сопровождении столь предприимчивого клиента. Шарль догнал ее у двери в кабинет директора и крепко ущипнул. Она возмущенно вскрикнула, потом улыбнулась и объявила:

— Сеньор...

Он вышел и поклонился:

— Шарль Барон.

За письменным столом в стиле «ампир» замер некто, весьма напоминающий плохую копию со скульптуры Наполеона. Пронзительный взгляд, подозрительно изогнутые брови, плохо завязанный галстук. Кожа почти такая же темная, как мебель в кабинете. Правая рука в жилетном кармане, левая, зажата в кулак, подпирает подбородок.

— Садитесь, сеньор, я ждал вас, — почти не раскрывая рта, произнес человек.

Шарль, усевшись в кресло в стиле «ампир», с удивленной улыбкой произнес:

— Вы меня ждали?

— Да, — ответил человечек, — секретарша предупредила меня...

Сдерживая улыбку, Шарль покачал головой.

— Ах, да! В жизни бы не подумал... А ведь она производит совсем другое впечатление.

Человечек опустил руку и поднял голову.

— Не правда ли? Я тоже. Но...

Выдержав паузу, он предложил Шарлю сигарету, взял одну себе и щелкнул зажигалкой.

— Меня зовут Борджио, — представился человечек, — Антуан Борджио, ну, как она выглядит?

— Кто?

— Да женщина...

Шарль усмехнулся.

— В моем деле нет женщины... вернее, их слишком много. Нет, речь идет о маленьком неаполитанце. Ему лет десять. Я подозреваю, что он замешан в весьма крупном мошенничестве. Его зовут Марко Черра. Не знаю точно, где он живет, но его следы можно обнаружить у его сестры, Сильваны Дольчи, проживающей в доме 6 по Вико Монте Кальварио. Я хочу знать: не тратит ли он слишком много денег и не встречается ли с лысым человеком, у которого один стеклянный глаз, а в нижней челюсти недостает переднего зуба? Если он встречается с этим человеком, необходимо проследить и за тем, чтобы узнать, где он живет. Кроме того, я хочу получить все возможные сведения о Бенито Виллари, который провел несколько дней в отеле «Эксельсиор» на виа Партенопе. Вот и все. Я заплачу двадцать тысяч лир и полагаю, что это неплохая цена...

Он достал бумажник и, отсчитав двадцать купюр, положил их на стол.

— Естественно, вы дадите расписку.

— Но, сеньор, — пробормотал обалдевший Борджио.

— Никаких «но», — отрезал Шарль. — Мое время ограничено так же, как и ваше. Потрудитесь пересчитать и выдать расписку. Запишите необходимые фамилии и адреса.

Человечек повиновался.

VII

Кто-то неуверенной походкой прошел по коридору. Ключ со скрипом повернулся в замочной скважине... Скрипнули плохо смазанные петли... Хлопнула дверь.

Эти звуки потревожили Шарля Барона. Он посмотрел на часы. Пять минут второго. Немногие клиенты гуляют в такое время.

Вооружившись небольшим хромированным инструментом, Шарль вытаскивал бриллиант из кольца Франчески Моренико. Восхитительный камень, чистой воды, без малейшего изъяна и к тому же весивший 8—10 карат.

Отличная добыча. Ее одной хватило бы, чтоб покрыть все затраты, связанные с делом.

Зря он не взял кольцо сразу, когда находился один на один с четырьмя трупами, до того, как вызвал полицию. Но, видимо, этот восхитительный камень все равно должен был достаться ему... А теперь он рисковал. Если Дольчи окажутся официально замешанными в убийстве, они могут расколоться и обвинить его в похищении кольца...

Ба! Он и не такое видел. Да и полиция ничего не сможет сделать, пока не найдет камень...

Освобожденный бриллиант упал на ладонь. Он горел всеми цветами радуги. Действительно красиво... Шарль положил камень на стол рядом с платиновой оправой.

Он влез на стул и стал откручивать один из деревянных шариков, украшавших шкаф. Отложив шарик, Шарль достал из кармана перочинный ножик, с которым никогда не расставался, вытащил лезвие и спокойно отрезал примерно сантиметр от деревянного штырька, на котором крепился шарик. Работа заняла около пяти минут. Закончив ее, Шарль слез со стула и положил отрезанный кусочек дерева на стол. На самое видное место, чтобы случайно не забыть о нем.

Потом достал заранее приготовленную пластинку жевательной резинки и, немного пожевав, спрятал в нее бриллиант. Потом снова влез на стул, приклеил жевательную резинку с камнем на место отрезанного кусочка дерева и аккуратно надел на место шарик. Отлично сделанная работа. Никто ни о чем не догадается...

Шарль снова взял нож, вытащил самое большое лезвие, соскребе немного пыли, собравшейся на крышке шкафа, и легонько подул на нее, чтобы она равномерно покрыла деревянный шарик.

Он достал из чемодана хромированные щипчики и выровнял ими кольцо так, что оно превратилось в пластинку. Потом отложил щипчики и открыл шкаф. Обувь стояла в глубине. Он достал одну пару из натуральной кожи на шнурках с языком, шитым из двух кусков, и просунул тонкую драгоценную пластинку в маленькую, почти незаметную дырочку. Потом опустил язык и поставил обувь на место...

Удовлетворенный, он уничтожил следы своей деятельности, положил отрезанный кусочек дерева в карман куртки, собираясь выбросить его на улице завтра утром, и решил лечь спать, так как вполне заслужил хороший отдых... Но ему помешал телефонный звонок.

Кто мог звонить так поздно? Может, Мария дала мужу сновторное и теперь хочет прийти к нему? Маловероятно... Если учесть, что на коммутаторе сидит ночной сторож. Подумав об этом, Шарль снял трубку телефона, стоявшего у изголовья кровати.

Послышался голос служащего:

— Сеньор Барон?

— Да, — недовольно ответил Шарль, — вам что, нравится будить честных людей среди ночи?

— С вами будут говорить, — невозмутимо произнес служащий, — говорите, сеньор Барон слушает вас.

Шарль, заинтригованный, прижал трубку к уху. Сначала он ничего не услышал, потом кто-то тихонько откашлялся... Послышался глухой, шепелявый голос, слишком неестественный. Такой голос мог взволновать человека, которому было о чем волноваться.

— Сеньор Шарль Барон? Я имею честь говорить с сеньором Шарлем Бароном?

— Ну конечно, сеньор. Как вы сказали? Я плохо расслышал вашу фамилию...

— У меня нет фамилии, — ответил голос. — Пока нет... — Тихий, крайне неприятный смех. — Прошу вас, не кладите трубку, в особенности, если то, что я собираюсь сказать, вам не понравится, договорились?

— Договорились, — несколько огорченно пообещал Шарль.

— Ну вот, — продолжил незнакомец, — я в курсе всех дел... Я знаю, каким... мошенническим способом вы завладели «Сан Вижилио»...

Шарль почувствовал, что покрывается холодным потом.

— Что вы об этом думаете? — саркастически спросил голос.

Сделав над собой усилие, чтобы голос не выдал его волнение, Шарль ответил:

— Вы ведь взяли с меня слово, что я не буду прерывать.

Снова послышался тихий язвительный смех.

— Верно, не думал, что вы настолько... галантны. У каждого свои слабости, и мне очень жаль, что я не могу сейчас видеть вас, чтобы следить за вашей реакцией... Ну ладно. Итак, я в курсе дел. Но это не имело бы никакого значения, если бы у меня не было доказательств... неопровержимых доказательств. Я полагаю, сеньор Барон, что ваше пребывание в Италии скоро закончится... закончится веревкой! Что вы об этом думаете?

Шарль молчал. Сердце его бешено колотилось, в горле стояла ком.

Незнакомец, снова расхохотавшись, продолжил:

— Совершенно верно... Конечно, все еще можно уладить. Нужно только отдать кесарю кесарево... Я говорю о «Сан Вижилио», за которую выложил девятнадцать миллионов лир... Вот мои условия, сеньор Барон. Завтра утром вы пойдете к нотариусу, которого я вам укажу, и подпишете акт о продаже яхты, причем графа «покупатель» останется пустой. Вы дадите расписку в том, что получили девятнадцать миллионов лир... которые, как вы понимаете, не получите. Когда это будет сделано, я по почте отправлю вам имеющиеся у меня доказательства. Ровно через двадцать четыре часа после их получения вы должны покинуть Италию. Кроме того, вы не должны пытаться узнать, кому продали «Сан Вижилио». Согласитесь, это будет честная сделка...

Шарль, сначала растерявшийся, уже полностью пришел в себя. Он искренне расхохотался, и смех эхом прокатился по пустой комнате. Потом без всякого перехода он продолжил очень тихим голосом, голосом, которого опасались люди, хорошо знавшие его:

— Скажите, сеньор Б е н и т о В и л л а р и, может быть, вы сильно ударились головой? Или получили солнечный удар? Да, вероятно, это так...

Ответом ему была гробовая тишина, потом послышалось тяжелое дыхание.

— Признайтесь, я попал не в бровь, а в глаз! — продолжил Шарль. — Будьте спокойны, я вас найду... А, может быть, вы предпочтете встретиться со мной прямо сейчас? Место и время можете выбрать сами. Всегда к вашим услугам, сеньор Бенито Виллари... Могу дать один совет: пересчитайте свои жертвы. — Он снова расхохотался, а потом сурово добавил: — Кончай шутить, скотина! Твои байки меня не интересуют, и я никому не позволю тебя шантажировать. Слушай внимательно: если завтра утром ты не вернешь маленького Сильвио Дольчи живым и невредимым его родителям, я буду драться с тобой не на жизнь, а на смерть и удушю собственными руками. Ты хорошо понял?

В трубке раздался хрип. Должно быть, Бенито Виллари задыхался от ярости. Шарль ликовал, уверенный в том, что его противник лгал, утверждая, что обладает доказательствами того, каким образом он завладел яхтой.

— Вы значительно сильнее, чем я предполагал, — желчно заметил голос. — Ладно, история с мальчишкой привела меня в ярость, и, пока она не будет улажена, вы не сможете трезво смотреть на вещи. Не знаю, зачем я вам это говорю, сеньор Барон, но ребенок уже вернулся в лоно семьи. Час назад я отвез его матери. Видите, я не людоед...

Он застал Шарля врасплох. Правда или ложь? Не было никакой возможности убедиться в этом немедленно.

— Можем ли мы теперь вернуться к разговору о яхте? — почти весело спросил голос.

— О какой яхте? — проворчал Шарль. — Послушайте, я вам не верю. Пойду и проверю, действительно ли ребенок вернулся домой. Если это так, я перестану вас преследовать. Спокойной ночи.

— Минутку.

— Давайте быстрее.

— Я понял, вы не хотите вести этот разговор по телефону. Идите к Дольчи и возвращайтесь от них пешком. Я подойду к вам в удобный для меня момент... Спокойной ночи...

VIII

Посередине каменной лестницы Шарль замер, ухватившись за железные перила. Он смотрел на неровные блестящие булыжники Вико Монте Кальварио, блестящие в свете старого уличного фонаря.

Все казалось очень спокойным. Было немногим более половины третьего.

Преодолев последние ступеньки, Шарль оказался на улочке. Из открытых помойных баков несло тухлятиной, орала кошки, не поделившие кусок полуразложившегося мяса или рыбы.

Поднявшись на самый верх, Шарль резко оглянулся. Позади никого. Но он испытывал смутное ощущение, что, с тех пор, как вышел из такси на Пьяца Дуча д'Аоста, за ним все время следят. Он пошел дальше.

Дом N 6, тихий, темный.

Шарль вошел, включил фонарик и, зажав нос рукой, стал подниматься по грязной и вонючей деревянной лестнице. Ну и вонь! Несло гнилыми овощами и отхожим местом...

Второй... третий... четвертый этаж.

Его охватило глухое волнение. Не то, чтобы он боялся новой бурной сцены у Дольчи. Нет. Скорее, какое-то предчувствие, а если выражаться точнее, внутреннее предупреждение.

Шарль подошел к перилам, перегнулся через них, прислушался... Казалось, слышны чьи-то приглушенные шаги, чье-то дыхание... Насторожившись, он продолжал прислушиваться... Разум взял верх. Это лишь обычные для старого дома звуки... Сделав над собой усилие, Шарль подошел к двери Дольчи... прижал к ней ухо... ничего. Должно быть, спят. Внезапно он замер... Дверь поддалась под давлением его головы... Выключив фонарик, он толкнул ее, и дверь открылась.

Секунд десять Шарль стоял, как парализованный, потом хладнокровие вернулось к нему.

Прежде всего следует запереть дверь. Ключ в замочной скважине с внутренней стороны. Он два раза повернул его... Потом снова осмотрелся.

Между столом и кроватью на полу в луже крови лежала Сильвана Дольчи. Шарль подошел ближе. Ей перерезали горло, вероятно, бритвой.

Ужасно!

Он осветил фонариком кровать... Витторио Дольчи с перевязанной головой был очень похож на спящего, но из его груди на уровне сердца торчала ручка большого ножа.

Шарль выругался сквозь зубы и, ничего больше не ожидая, принялся обыскивать квартиру. Он проделал это очень быстро и, закончив, вздохнул с облегчением: мальчика в квартире не было...

Тогда он попытался спокойно поразмыслить... И понял все в течение четверти секунды. Сеньор Бенито Виллари загнал его в ловушку и, судя по всему, с минуты на минуту сюда явится полиция и поймает его, так сказать, на горячем... Обвинение в двух убийствах, хуже не бывает! В два прыжка Шарль оказался у окна, выходящего на Вико Монте Кальварио, выключил фонарик и, отодвинув занавеску, выглянул в окно. К дому бежало с поддюжины полицейских.

Нельзя терять ни минуты. Он опустил занавеску, вошел в кухню, открыл окно и выпрыгнул на улочку, проходившую за домом. Чтобы чувствовать себя в большей безопасности, он перешел на другую сторону, взобрался по каменной лестнице и оказался на другой улочке, по которой можно было выйти к центру города.

Не колеблясь, Шарль помчался по склону, свернул на виа Рома перед Банко ди Наполи, потом по виа Сен-Джиакомо выбежал на Пьяцца Муничипио. Там он счел, что находится достаточно далеко от места происшествия и может безо всякого риска взять такси.

— В «Метрополь» на виа Партенопе, — притворно заплетающимся языком бросил он.

Машина тронулась с места. Шарль устроился в углу и закрыл глаза...

Бенито Виллари перешел в грубую контрафакту, совершив два преступления только ради того, чтобы приписать их Шарлю. Раз он действовал таким образом, значит очень уверен в себе... А следовательно, и в том, что сможет заполучить «Сан Вижалио», не договариваясь с Шарлем. Вывод: он не блефовал, что располагает доказательствами того, что Шарль приобрел яхту мошенническим путем.

Что же это за доказательства?

Внезапно в перевозбужденном мозгу Шарля словно сверкнула молния. Да, все ясно... Кто-то следил за ним, когда он вышел с яхты и пошел в полицию, кто-то видел, как он бросил в урну бумаги, и достал их оттуда.

Сердце его сжалось, он с горечью проклинал себя за неосторожность. Раз уж не было возможности сжечь бумаги, нужно было разорвать их на мелкие кусочки и развеять по ветру...

Слишком поздно. Шарль никогда не тратил времени, сожалел о том, что вызвало пусть даже самую неприятную ситуацию... Он стал хладнокровно обдумывать сложившееся положение, чтобы найти выход.

Что же он выбросил в урну?

Обычный листок, на котором была напечатана ничего не значащая фраза. Он напечатал ее лишь для того, чтобы проверить, совпадает ли шрифт найденной им в стенном шкафу машинки со шрифтом, которым напечатан акт о купле-продаже яхты... Две копии, на которых можно будет легко обнаружить его фамилию: Шарль Барон, которую он вписал в пустое место, оставленное для фамилии покупателя... Глупо, конечно, но...

Машина остановилась перед «Метрополем». Шарль расплатился и нетвердым шагом вошел в холл отеля, значительно более шикарный, чем холл «Виченция». Ночной сторож безразлично посмотрел на него. Шарль обернулся, проводил взглядом отъехавшее такси и обратился к дежурному:

— Извините, что побеспокоил вас, но мне очень нужны сигареты, а все лавки закрыты. Вы, вероятно, можете продать мне пачку?

— Да, сеньор, — ничуть не удивившись, ответил тот, — какой марки желаете?

— «Восточная роза».

Порывшись под стойкой, служащий достал пачку и показал ее Шарлю.

— Они стоят триста лир, сеньор.

Шарль отсчитал четыреста лир, протянул их служащему и взял сигареты.

— Спасибо, сеньор, спасибо...

Шарль вышел и направился к своей гостинице. Пачку сигарет он выбросил в первый попавшийся мусорный ящик. Если каким-то чудом полиция выйдет на «Метрополь» через водителя такси, ей тут же придется проглотить и «Восточную розу».

Ночной дежурный «Виченция» спал, как сурок, положив голову на руки. Шарль на цыпочках прошел мимо него и тихонько

поднялся по лестнице. Смотри-ка, ключ не поворачивается. Шарль попробовал повернуть его в другом направлении. Ключ повернулся, закрывая комнату. Черт возьми! А ведь Шарль был уверен, что, уходя, запер дверь.

Он вошел и включил свет. Быстро осмотрелся. На первый взгляд ничего не изменилось. Он закрыл дверь и продолжил осмотр. Подошел к окну, поднял тяжелые бархатные гардины. Ничего... Вернулся к кровати и заметил на ней небольшую вмятину... Кто-то опирался на кровать в этом месте. Он сам или таинственный посетитель?

Шарль снова почувствовал, что какая-то опасность идет за ним по пятам. Он склонился над кроватью. Почему кому-то понадобилось опираться на нее в этом месте? Чтобы подняться, если стоишь перед кроватью на коленях.

Он опустился на колени и проверил. Совпало. Нервничая, Шарль продолжал размышлять... Зачем нужно становиться на колени в этом месте? Чтобы заглянуть под кровать или что-то туда положить?

С бьющимся сердцем он наклонился и выругался.

Под кроватью лежал большой пакет. Шарль ухватил его за веревку, подтянул к себе и поднял, чтобы переложить на кровать.

Тяжелый... Между десятью и пятнадцатью килограммами... Довольно объемный: семьдесят сантиметров в длину, тридцать в ширину и примерно столько же в высоту. Оберточная бумага, новая бечевка, упакован хорошо.

Что бы это могло быть? Почему это внесли в его комнату? И с какой целью?

Охваченный зловещими предчувствиями, Шарль Барон распаковал пакет. Поскольку узлы были затянуты слишком туго, он разрезал бечевку ножом.

Сняв оберточную бумагу, он увидел коробку, на которой стояла фамилия владельца крупнейшей игрушечной фабрики. Шарль поднял крышку и почувствовал, как волосы дыбом встают на его голове...

В коробке лежал детский трупик с круглым спокойным личиком, следов ран не видно. Казалось, он спит, но Шарлю незачем было к нему прикасаться, и так ясно, что ребенок давно уже скован ледяным холодом смерти.

Это не был малыш Дольчи. Шарль приподнял золотой медальон, висевший на цепочке на шее малыша, и прочел: «Джоржио Изола», ниже была полустертая дата рождения. Шарля затрясло как в лихорадке, несколько минут он стоял неподвижно, в полной растерянности.

Какой ужас! Каким же надо быть чудовищем, чтобы придумать такое!

Придумать... Боже великий! Он не должен терять ни секунды, если хочет предупредить заранее распланированную цепь событий.

Шарль закрыл коробку крышкой, завернул ее в бумагу, кое-как перевязал, выключил свет и, отодвинув занавеску, посмотрел на улицу сквозь щель между закрытыми ставнями.

Пока ничего. Но, без всякого сомнения, это вопрос нескольких минут. Подхватив пакет под мышку, он запер дверь на ключ, положил ключ в карман и на цыпочках пошел по коридору.

Ночной сторож по-прежнему спал. Превосходно! Если существует Справедливость, он не проснется...

Шарль бесшумно спустился по лестнице, подобрался к столу и повесил ключ на специальную доску всего в метре от спящего дежурного. Тот не шелохнулся. Теперь нужно выйти...

Пим-пом... пим-пом...

Слишком поздно! На огромной скорости подкатила полицейская машина. Шарль бросился в глубь холла, обогнул лестницу и, оказавшись вне поля зрения дежурного, толкнул дверь маленькой гостиной, находившейся перед спальней хозяев гостиницы, дверь в которую была закрыта на задвижку!

На улице завизжали тормоза. Что-то упало, видимо, ночной сторож, грубо вырванный из объятий Морфея, что-то опрокинул...

Слева была еще одна дверь. Он дернул за ручку и она открылась. В глубине слабый свет — окно.

Спасен! Спотыкаясь о веники, переворачивая ведра, Шарль проскочил в кладовку, дотянулся до шпингалета и изо всех сил надавил на него. Послышался глухой щелчок, окно со скрипом отворилось. На лицо Шарля упала паутина, он даже поморщился от отвращения. Не выпуская из рук свою жуткую ношу, он вылез через окно в переулок, выходящий на центральную улицу. Дошел до угла. С улицы доносились обрывки разговоров. Выглянув, Шарль увидел полицейский микроавтобус, но самих полицейских не было. Тогда он быстро пошел по улице в противоположном направлении, стараясь держаться в тени домов, пока не достиг городского сада. Над верхушками холмов небо уже начинало светлеть. Скоро день прогонит ночь. Пройдя еще около ста метров, Шарль свернул на боковую аллею, спускающуюся к морю, и вдруг увидел небольшую полянку, посреди которой росли цветы и карликовые деревца.

Шарль вышел на полянку и, спрятав среди цветов зловещую коробку, умчался так быстро, словно за ним по пятам гнался сам дьявол. На виа Каррачиоло он несколько сбавил скорость, а потом остановился под пальмой, чтобы перевести дух. И тут вдруг заметил, что случай привел его на набережную как раз в то место, где стояла «Сан Вижилио».

Там по-прежнему находилась полицейская машина, люди, в обязанность которых входило следить за яхтой, казалось, спали.

Хладнокровие полностью вернулось к Шарлю и, не заботясь о том, что полицейские могут его увидеть, он решительно направился к своей гостинице.

У входа в гостиницу стояли трое мужчин в форме. Они насторожились, пропуская Шарля в холл, где столпилось большое количество людей.

Мария Терано первая заметила его и побледнела, как смерть. Николо незаметно ткнул стоявшего рядом с ним полицейского локтем в живот. Шарль видел только его спину.

Изобразив удивление, он спокойно подошел к доске и, протянув за ключом руку, спросил:

— Что случилось? Кого-то убили?

Рука его повисла в воздухе. Ключа на месте не оказалось. Он хотел было спросить об этом Марию, которая сумасшедшими глазами смотрела на него, но не успел.

Офицер полиции — высокий, худой, смуглый тип — вошел в холл. Положив руку на рукоятку пистолета, он обратился к французу:

— Вы — Шарль Барон?

Изобразив изумление и продолжая улыбаться, Шарль тихо ответил:

— Я — Шарль Барон. А вы кто?

Мария отступила, кусая пальцы. Николо обнял ее за талию. Глаза его воинственно горели, волосы были растрепаны.

— Шарль Барон, — холодно произнес полицейский, — я арестую вас по подозрению в убийстве. Следуйте за мной в префектуру...

Шарль замер с открытым ртом, потом, вполне естественно рассмеявшись, сдавленно произнес:

— Это... я полагаю, шутка?

Полицейские, стоявшие у двери, подхватили Шарля под руки. Мышцы его напряглись, он должен был сделать над собой усилие, чтобы не сопротивляться. Клик... клэк... щелкнули наручники.

— Это оскорбление! Превышение власти! Режим Муссолини давно пал! Я буду жаловаться во французское консульство! Вам это дорого обойдется! — возмущенно запротестовал Шарль.

— Конечно, — ответил офицер, который часто слышал подобные слова, — давайте, ведите его...

Шарль позволил дотащить себя до двери. Его втокнули в машину и бросили на скамейку, трое полицейских уселись рядом. Машина отъехала.

— Позволь дать тебе один совет, — сказал полицейский, сидевший напротив, — если дорожишь своей внешностью, не оказывай сопротивление. Мы обожаем бить морды убийцам!

Шарль не ответил, лишь наклонился и вслух прочел номер на латкани полицейского:

— 13.672. Я запомню, милый.

IX

Подталкиваемый полицейским, Шарль Барон вошел в кабинет лейтенанта Форли.

У него отобрали галстук, брючный ремень и шнурки, поэтому он шел, волоча ноги и прижимая локти к телу. Тем не менее, ему удалось сохранить величественную осанку и ледяное выражение лица.

Форли не ошибся. Этого француза не назовешь слабым противником, скорее наоборот.

— Снимите с него наручники и усадите, — приказал он.

Освободившимися руками Шарль расстегнул куртку, подтянул брюки и уселся в наименее засаленное кресло...

— Позвольте мне кое-что сказать вам, — живо и уверенно проговорил он. — Я знаю, что вы не просто ничемный безмозглый легавый, и отлично сознаете, сколь велика возложенная на вас ответственность. Нет, нет... не возражайте. И все-таки, чтобы соблюсти все правила, я хотел бы знать, сообщили ли вы представителю моей страны в Неаполе о моем аресте?

— Это было сделано десять минут назад, — заверил Форли, — мы будем держать консульство в курсе событий...

Шарль откинулся на спинку кресла, удовлетворенно улыбнулся, соединил кончики пальцев обеих рук и кивнул, словно разрешал лейтенанту Форли приступить к делу.

Лейтенант встал и прошелся по кабинету до окна и обратно.

— Слушайте, Барон...

— Месье Барон, — поправил Шарль, — я не дворянин и не обвиняемый, значит, если вас это не очень затруднит, месье Барон...

Форли облизнул тонкие губы, поцокал языком, предложил Шарлю сигарету, которую тот принял, заинтригованный терпением, которое проявлял полицейский, и закурил сам.

— Месье Барон, — продолжил Форли, — объясните мне, по какой причине вы убили прошлой ночью Сильвану и Витторио Дольчи, находившихся у себя дома?

— Ага! — покачал головой Шарль. — Вот, значит, как зовут людей, которых я убил?

— Да, — спокойно ответил Форли, — именно этих людей вы и убили. А что, вы знали их под другой фамилией?

Поковыряв в зубах ногтем, Шарль, не выказывая ни малейшего удивления, отрицательно покачал головой.

— Я знаком с Сильваной Дольчи, проживающей по Вико Монте Кальварио, 6, но, честно говоря, не знал, что она убита. Когда, вы говорите, это произошло?

Форли улыбнулся.

— Между двумя и тремя часами ночи. Трупы были обнаружены в три часа. За минуту до этого вы выпрыгнули из окна, выходящего на параллельную улочку, и сбежали.

— Кто-нибудь видел меня? Это меня... удивляет.

— Почему?

— Потому что прошлой ночью я не был у Дольчи. Не имею привычки наносить ночные визиты, разве что одиноким дамам.

— Сильвана и была дамой.

— Нет, — ответил Шарль, — шлюхой. Тут есть принципиальная разница. Я никогда не имею дело со шлюхами. Это непристойно и... опасно. Так называемые серьезные женщины значительно реже болеют сифилисом.

— Вернемся к теме нашего разговора... Вы были у Дольчи прошлой ночью...

— Нет...

— Да. Я могу это доказать...

Он подошел к двери, открыл ее и, посторонившись, пригласил Марко Черра, с окруженными синяками глазами и следами слез на щеках.

Шарль взглянул на него через плечо и остался невозмутим. Если бы он был способен на жалость, то пожалел бы мальчишку.

— Садись, — сказал Форли.

— Нет, сеньор, я предпочитаю...

— Хорошо, валий. Мы тебя слушаем, рассказывай...

Марко поднял на Шарля горящие от ненависти глаза.

— Я видел, как тот тип около двух часов ночи выходил из «Виченция», я следил за ним, потому что он уже однажды учинил погром в доме моей сестры и даже оглушил Витторио. Он пешком дошел до Вико Монте Кальварио, потом вошел в дом... Я, сеньор, помчался за легавыми... Простите, за полицией. Они уже спешили к дому. Когда мы вошли, этот тип исчез, выпрыгнул из кухонного окна, оно как раз было открыто. Точно, сеньор...

Шарль почувствовал себя значительно лучше. В истории, рассказанной мальчишкой было много неувязок, и он решил полностью отрицать свой визит к Дольчи.

— Что вы об этом думаете? — спросил Форли.

— Мальчишка, без сомнения, мог бы быть королем неапольских лжецов. Я отказываюсь говорить об этом смехотворном обвинении, особенно в его присутствии.

Форли велел юному Марко выйти.

— Итак, вам позвонил человек, пожелавший остаться неизвестным? — перешел в наступление Шарль.

— Кто вам сказал?

— Это следует из заявления мальчишки. Он не лгал только в одном: он встретил ваших ребят, когда собирался идти за «легавыми». Следовательно...

Форли ничего не ответил. Телефонный звонок теперь не казался ему спасительным... Тем более, что за первым последовал второй, некто утверждал, что в номере Барона спрятан детский трупик. Полицейские, обыскавшие номер до прихода Шарля, ничего не нашли. Нет, лучше нападать с другого фланга.

— Конечно, у вас есть алиби, и вы можете сообщить, где провели большую часть ночи, а конкретно, где вы находились между двумя и тремя часами...

Шарль удивленно посмотрел на него и улыбнулся:

— У меня нет алиби.

Форли откинулся на спинку кресла. Этот француз действительно чересчур наглый.

— Ну вы ведь где-то были?

— Да, — согласился Шарль, — был, но не могу сказать вам, где именно. К сожалению...

— Не понимаю, почему, вас обвиняют в совершении тяжкого преступления, очень тяжкого...

— Вы ведь знаете, что это не так, — ответил Шарль. — Ваша история не выдерживает никакой критики. Она надумана от начала до конца, и я еще до полудня смогу вам это доказать.

Форли нахмурился.

— Жаль, что у вас нет алиби... Мы вернемся к этому позднее... Потому что, к несчастью, это еще не все, в чем вы обвиняетесь. Я скрывал от всех одну волнующую деталь в деле «Сан Вижилио». В бумажниках обоих мужчин не было ни одной лиры... Кто-то украл лежащие там деньги...

Шарль слушал, проявляя к этой истории ровно столько интереса, сколько можно проявить к истории, совершенно вас не касающейся. Форли же продолжал слащавым голосом:

— Хозяин гостиницы сообщил нам о вас кое-какие интересные сведения. По его словам, в понедельник, до того, как разразилась драма, у вас в кармане не было ни одной лиры. Потом, когда вы принесли ребенка, то заплатили по счету двадцать четыре тысячи лир.

Шарль расхохотался.

— Это все? А он вам не сказал, случайно, что я сплю с его женой?.. Я могу рассказать вам об этом, потому что вы, вероятно, уже обнаружили ее фотографию в моем бумажнике. Он догадывается об измене и в обиде на меня, впрочем, я его понимаю. Его заявление не имеет никакой ценности... кроме того, накануне я заплатил за яхту девятнадцать миллионов лир, это достаточно веское доказательство...

— Ну что ж, поговорим об этом, — оборвал его Форли, — расскажите, как все происходило, в котором часу вы заключили сделку?

— Около десяти вечера.

— Вечера?

— Вечера.

Форли встал, подошел и выглянул на улицу.

— Даже если у вас не возникло никаких разногласий, это должно было занять некоторое время. Акт нужно отпечатать. Кто его оформил?

Шарль с трудом сдержал улыбку. Тут все очень просто. Он знал, что бакалейщик видел, как одна из женщин печатала на машинке в шесть часов вечера. Они были убиты в полночь. Он выбрал среднее время. Форли будет разочарован.

— Акт был отпечатан заранее, — спокойно ответил Шарль. — Франческа Моренико просто впечатала мое имя на то место, где должно было стоять имя покупателя.

Форли вздрогнул и отвернулся, не в силах скрыть разочарования.

— Вы лжете, Барон.

— Нет... Если я правильно понял, они вели переговоры с другим покупателем, но в последний момент он их подвел. Этим все объясняется...

Форли начал нервничать. Он бросился к столу и, раскидав какие-то бумаги, вытащил из папки два листа копирки и небольшой белый листок, на котором была отпечатана одна фраза.

— Вам это знакомо?

Голос его звенел.

— Копирка и листок бумаги, — развел руками Шарль.

— А сейчас я объясню, что именно вы сделали. Взломав дверь, вы проникли в каюту яхты, обнаружили там четыре трупа и акт о продаже яхты, в котором не хватало только фамилии покупателя. Вы напечатали на этом листке фразу, чтобы убедиться, что акт был отпечатан на машинке, имеющейся на яхте, потом взяли копирки и впечатали свое имя. Его вполне можно прочесть... А?

Шарль расхохотался так, словно его это на самом деле позабавило.

— Ну и что? Это лишний раз подтверждает то, о чем я вам рассказал. Что же касается листка, то как вы докажете, что фразу печатал именно я? А? Если не ошибаюсь, два других экземпляра акта находились в сейфе, а сейф был закрыт.

К Форли вернулся дар речи.

— Возможно, он был открыт, вы положили туда бумаги и закрыли его.

— И еще я закрыл в нем девятнадцать миллионов лир, которые вы потом достали.

Форли поморщился. А ведь он думал, что с помощью этих доказательств сможет держать в руках чертова француза.

Шарль торжествовал.

— Вам все это дал маленький Марко? — спокойно спросил он.

— Нет, — ответил Форли, — сегодня утром пришло анонимное письмо.

— Ммм... Теперь пришла моя очередь позабавиться. Я забыла кое о чем рассказать вам в понедельник вечером. Когда я поднялся на борт, с яхты бежал юный Марко. Он спрятался в саду, напротив. Я видел его, когда уходил с яхты...

— Почему же вы сразу мне об этом не сказали?

— Я не доносчик, — холодно ответил Шарль. — Тогда я подумал, что пацан просто хочет что-нибудь стибрить. На самом деле он хотел забрать ребенка...

— Забрать?

— Ребенок, которого мы нашли на яхте, — сын Сильваны Дольчи. Его зовут Сильвио... Это его похитил из «Виченциа» тип со стеклянным глазом.

— Знаю, — недовольно произнес Форли. — Тогда я забыл попросить Марию Терано уточнить, как именно выглядел человек, который выдал себя за Джованни Саккарели. Человека со стеклянным глазом, у которого к тому же не хватает переднего зуба, разыскать очень просто... Я дал его словесный портрет.

— Значит, мы никогда не задержим его, — холодно заметил Шарль.

— Почему? Что вы хотите этим сказать?

— Подумайте сами, — Шарль развел руками, — я звоню отсюда, чтобы предупредить Марию Терано о том, что в гостиницу за ребенком придет Джованни Саккарели. Ровно через двадцать минут в гостиницу приходит тип со стеклянным глазом, очень похожий на Джованни Саккарели. Это наводит на мысль о том, что он знал о телефонном разговоре...

Форли побледнел.

— Вы хотите сказать, что у этого типа есть помощники среди работников префектуры?

— Я ничего не хочу сказать, — ответил Шарль, — вы сами можете сделать вывод. Послушайте, лейтенант, мне кажется, пришло время раскрыть карты. Теперь я могу признаться, что тайком от вас провел свое расследование, прошу извинить меня за это... Таким образом я познакомился с Сильваной Дольчи. Позавчера юный Марко проник в «Виченциа», пытаясь похитить сво-

его племянника, но у него ничего не вышло. Я почти сразу же напал на его след, и он привел меня на Вико Монте Кальварио. Там от Сильваны Дольчи я узнал часть правды. Ребенок, найденный на яхте, действительно ее сын. Она доверила его некоему Бенито Виллари, проживавшему в отеле «Эксельсиор» на виа Парте-нопе. У этого Бенито Виллари был стеклянный глаз и не хватало переднего зуба... Вы начинаете понимать?

Форли прищелкнул пальцами.

— Неужели вы думаете, что я вам поверил? Вы рассказываете все это, зная, что никто не сможет вас опровергнуть.

Шарль тяжело вздохнул.

— Я могу убедить вас. Вам знакомо «Уффичио ди Сорвеглианца»?

— Да, — ответил Форли, — это частное сыскное агентство, пользующееся хорошей репутацией. Его директор...

— Антонио Борджио, — вставил Шарль. — Я встречался с ним вчера вечером и поручил ему провести расследование именно по тем вопросам, о которых сейчас говорил вам. Вы можете позвонить и поинтересоваться результатами. Говорить буду я, чтобы он меня узнал, а вы возьмете наушники. Согласны?

Форли утвердительно кивнул.

Шарль встал, повернул телефон, чтобы было удобней набирать номер, и позвонил в агентство.

Форли взял наушник и прижал его к уху. Шарль узнал голос красивой секретарши.

— Здравствуйте, — сказал он, — это Шарль Барон. Вы по-прежнему замужем?

— По-прежнему, — засмеялась она, — но я думала, что вас это не смущает.

— Верно, — ответил Шарль, — вы свободны сегодня вечером?

— Передаю трубку патрону. Мне кажется, у него для вас кое-что есть...

Щелчок. Приглушенный шум. Голос Антонио Борджио.

— Алло! Сеньор Барон? Очень рад вас слышать. Полагаю, вы будете довольны... Мои сотрудники легко вышли на след юного Марко Черра в старом городе. Он хорошо известен... Нечто вроде главаря банды, вы понимаете?

— Отлично, — Шарль взглянул на невозмутимого Форли.

— Начиная с понедельника, у юного Марко, кажется, появились лишние деньги. Он угощал своих дружков, предлагал крупные суммы денег всем девкам квартала, в общем, совершал все безумства, которые только могут прийти в голову двенадцатилетнему мальчишке, когда у него в карманах полно денег.

— Двенадцать лет? Он не выглядит...

— Мы видели его свидетельство о рождении. Что касается второго вопроса, то вчера, около восьми вечера, он встречался с мужчиной, отвечающим данному вами словесному портрету: стеклянный глаз, нет нижнего переднего зуба, небольшого роста, толстый, лысый, одет в светлый габардиновый костюм, галстук красный. Встреча произошла в кафе на Вико Кариати «Пиньон». Мальчишка передал человеку бумаги, наш сотрудник утверждает, что это были практически новые листы копирки...

Взамен человек передал ему деньги, потом мой сотрудник узнал, как мужчина тихо сказал: «Француз спрятал малыша Сильвио, но мы найдем его, если ты доверишься мне. Ты должен стоять у гостиницы и повсюду следовать за ним».

— Вы смогли проследить за мужчиной? — взволнованно спросил Шарль.

— Увы, сеньор... Должно быть, он понял, что за ним следят, и мой сотрудник потерял его в лабиринте улочек старого города. Без сомнения, он ушел подземными переходами, соединяющими многие улочки старого города...

— Жаль. — сказал Шарль, — но не стоит грустить. Удалось ли вам выудить что-нибудь из отеля «Эксельсиор»?

— Да, сеньор, — повеселев, ответил Борджио. — Сеньор Бенито Виллари, чей словесный портрет полностью совпадает со словесным портретом человека, о котором мы говорили в субботу поздно вечером, по его словам, приехал из Рима...

— На автомобиле?

— Нет, сеньор, поездом. За время проживания в отеле ни с кем не встречался. Впрочем, в отеле он только спал. Уехал во вторник, в два часа дня. Портье, который подносил его чемодан к такси, слышал, что он попросил отвезти себя на Центральный вокзал. Нам не удалось найти таксиста... Но если предположить, что человек, которого мы видели в обществе юного Марко Черра и Бенито Виллари, — одно и то же лицо, придется признать, что он не выезжал из Неаполя... Если вы хотите продолжить расследование, потрудитесь зайти к нам, сеньор.

— Я подумаю, — ответил Шарль. — Большое спасибо, сеньор Борджио. Я вполне удовлетворен...

Он положил трубку и молча посмотрел на Форли. Полицейский задумчиво потер лоб и спросил:

— Почему вы решили вести следствие за свой счет?

— Вы довольно ясно дали мне понять, — спокойно ответил Шарль, — что я смогу вступить во владение моей яхтой только после того, как будет расследовано дело об убийствах... Помните, я сказал тогда, что тоже попытаюсь...

— Вы могли бы держать меня в курсе дела.

— А вы послали бы меня ко всем чертям. Я знаю, что полицейские-профессионалы не любят любителей. Я недооценивал вас, поставив в один ряд с остальными, согласен. Но вы уж простите меня за это...

Форли, немного поколебавшись, расхохотался.

— Вы — любопытное явление!

Шарль никак не реагировал. С откинутой назад головой, полуприкрытыми глазами, крупным ртом с приподнятыми уголками, он был похож на королевского орла, с достоинством разглядывавшего добычу.

Форли внезапно осознал это.

— Кстати об алиби, — недовольно произнес он, — давайте вернемся к разговору об алиби.

— Зачем? — улыбнулся Шарль.

Форли пожал плечами.

— Конечно, вы сейчас расскажете, что был у женщины, которую не можете скомпрометировать. Знаете, это очень избитый трюк...

Улыбка Шарля переросла в язвительный смех.

— Да, — эхом повторил он, — избитый... но к тому же, еще и вечный... — Немного помолчав, он демонстративно взглянул на часы. — Я больше не нужен вам? Могу получить мой галстук, ремень и шнурки от обуви? Могу вернуться в гостиницу и немного поспать?

Форли закурил и обратился к охране, стоявшей у двери:

— Сеньор Барон свободен. Верните ему его вещи и отпустите... ко всем чертям!

Шарль подошел к двери и обернулся. На его морщинистом лице играла двусмысленная улыбка.

— Я догадываюсь, что вы сейчас сделаете, лейтенант. Вы задержите юного Марко, попытаетесь доказать ему, что я не имею никакого отношения ни к убийству Дольчи, ни к исчезновению ребенка... Попытаетесь убедить его, что Бенито Виллари его провел и что вышеназванный Бенито Виллари и есть настоящий виновник... Вы пообещаете ему забыть о деньгах, которые он вытащил из карманов трупов с яхты, если он поможет вам выйти на типа со стеклянным глазом... Я верно угадал? Снимаю перед вами шляпу, лейтенант. Это, по-моему, самый умный план, какой только можно придумать...

Форли ничего не ответил, и Шарль вышел в сопровождении двух охранников.

Х

Шарль Барон поднес к уху трубку и подумал, что лучше даже не пытаться подсчитывать, сколько денег он уже потратил на телефонные разговоры с тех пор, как начал заниматься этим делом.

Обернув трубку сложенным вдвое носовым платком, он спросил:

— Префектура полиции?

— Да. Слушаю вас. Говорите громче, очень плохо слышно.

Он заговорил немного громче, стараясь как можно четче произносить слова:

— Передайте, пожалуйста, лейтенанту Форли, не нужно звать его к телефону, просто передайте, что сегодня на рассвете один тип со стеклянным глазом оставил довольно большой пакет на лужайке с цветами в городском саду. Лужайка находится напротив «Сан Вижилио». Повторите.

— Кто вы?

— Сначала повторите, а потом я отвечу на ваш вопрос.

Телефонистка старательно повторила. Не успела она произнести последнее слово, как Шарль положил трубку и вышел из кабины городского телефона-автомата. Не мог же он допустить, чтобы трупик маленького Изола сгнил в городском саду. Кроме того, вскрытие тела может дать интересные результаты.

Он буквально кипел от злости. Бенито Виллари — чудовище или опасный сумасшедший... Что побудило его убить ребенка?

Шарль вздрогнул. Теперь перед его глазами стоял малыш, найденный на яхте. Сильвио Дольчи, оставшийся сиротой. А что если эта скотина решит и его убить?..

Он подхватил такси и, усаживаясь, бросил:

— Гостиница «Виченция», виа Партенопе, 5.

Машина рванула с места. Вообще говоря, у Шарля было достаточно причин для того, чтобы обнаружить убийцу раньше, чем это сделает Форли. Во-первых, вопрос о безопасности, а во-вторых — месть... Ну держись, Бенито Виллари, Шарль больше уже не сомневался, что человек со стеклянным глазом — виновник всего произошедшего.

— Стеклянный глаз и отсутствие нижнего переднего зуба. Как говорит Форли, такого нетрудно отыскать...

— Что вы сказали, патрон?

Шарль произнес последние слова вслух, и водитель забеспокоился.

— Нет... ничего, я сказал, что трудно не обратить внимание на человека, у которого глаз стеклянный и не хватает нижнего переднего зуба.

— Еще бы, — ответил водитель, — не далее, как вчера, я подобрал подобного типа возле «Эксельсиора».

Шарль вздрогнул.

— Что? Что вы говорите?

Испуганный чересчур бурной реакцией своего пассажира, водитель добавил:

— Ну... может быть, просто очень похожего...

— Около двух часов дня? Он попросил вас отвезти себя на Центральный вокзал? На нем был светлый габардиновый костюм и красный галстук? Так?

Измученный водитель, остановив машину на красный сигнал светофора, ответил:

— Совершенно верно, сеньор. Вы его ищете?

— Его ищет полиция, — ответил Шарль, — скажите, вы действительно отвезли его на вокзал?

— Да, сеньор.

— Вы не помогли ему донести вещи?

— Нет. У него была только небольшая сумка. Я видел, как он вошел в здание вокзала...

— И уехали?

— Конечно, сеньор.

Машина снова двинулась с места. Шарль откинулся на спинку сидения. Ему здорово повезло...

Такси, развернувшись, остановилось возле «Виченция».

Расплачившись, Шарль вошел в холл.

Забавно!

Увидев его, Альберто позеленел. Видимо, он, как мог, поносил Шарля... Николо залился краской и стоял, как парализованный. Только Мария выразила радость.

— О! Сеньор Барон! Вас отпустили... Я знала.

Шарль сделал свирепое лицо.

— Нет, сеньора, я сбежал... Если они придут, не говорите, что я здесь был...

Она изумленно смотрела на него. Он снял с доски ключ от своего номера, поднялся на несколько ступенек, обернулся и, свирепо глядя вниз, пригрозил:

— Что же касается предателей... тех, которые говорили обо мне гадости, им я советую помолиться... Сейчас побреюсь, переодену носки и спущусь, чтобы заняться ими. Думаю, будет много крови. — Голос его гремел: — Не правда ли, сеньор Терано, король жуликов?

Хозяин гостиницы отступил. Теперь он был таким же зеленым, как Альберто. Шарль с достоинством поднялся по лестнице и скрылся в коридоре, ведущем в его комнату.

Никола бросился к телефону.

Часы, висевшие в холле над конторкой, показывали одиннадцать часов. Мария тихо смеялась, время от времени утирая слезинки, выступившие в уголках ее красивых глаз.

Увидев на лестнице Шарля, чисто выбритого, в свежей сорочке и свежем костюме, начищенной обуви и с зеленым в горошек гаалстукком, она прыснула.

Подойдя к конторке, он оттянул пальцем кофточку молодой женщины и заглянул в декольте.

— Не суетитесь, рано или поздно они отстанут.

Она хлопнула его по руке и, задыхаясь от смеха, проговорила:

— Он вам поверил... он позвонил в префектуру... Лейтенант назвал его... рогоносцем. Он вне себя от ярости!

Она содрогнулась от смеха. Шарль воспользовался этим, чтобы ударить. Он уже стоял у двери, когда она окликнула его:

— Шарль!

Он обернулся, послал ей воздушный поцелуй и вышел на улицу. Оглянувшись по сторонам. Все в порядке... И направился к Пьяцца Муничипио.

В четверть двенадцатого Шарль вошел в «Гран Отель де Лондр» и попросил доложить о себе сеньорине Памеле Изола.

В восемнадцать минут двенадцатого его вели в номер девушки.

Увидев его, Памела не смогла скрыть изумления.

— Саккарели сказал мне, что вас арестовали, обвинив во всех возможных и невозможных смертных грехах... а также в том, что вы украли «Сан Вижалио», чуть не забыла этой детали.

В ее тоне не было ни подозрительности, ни враждебности. Похоже, она была даже рада видеть его живым и здоровым. Он взял ее за руку, внимательно посмотрел на ее ладонь и отпустил, обезоруживающе улыбнувшись.

— Сейчас я кое в чем признаюсь вам, сеньорина. Я влюблен в вас. Я подозревал вас в том, что вы всех убили, и взял вину на себя, чтобы спасти вас. Но Форли удалось убедить меня, что вы ни в чем не виноваты... Тогда я разрешил меня освободить. Вы на меня не сердитесь?

Девушка покачала головой, и волосы, собранные в «конский хвост», тоже покачались.

— Вы — невозможный тип, сеньор Барон, у вас внешность кондотьера и душа придворного.

Расхохотавшись, он обнял ее за талию.

— Вы предпочитаете, чтобы я вел себя, как солдафон?

На ней был тонкий шелковый пеньюар, а под ним — ничего. Вопреки его ожиданиям, она даже не попыталась высвободиться.

— Полагаете, что сейчас я вас поцелую...

Она была холодна, как лягушка, и, почти не шевеля губами, произнесла:

— Полагаю, это должно следовать автоматически, сразу после объятий...

Он резко отпустил ее, повернулся к ней спиной и перешел на другой конец гостиной, бросив через плечо:

— Ошибаетесь. Если мне очень захочется вас поцеловать, то прежде я с полчаса продержу вас в раскаленной мартеновской печи... А теперь поговорим серьезно. Слушайте внимательно...

Он рассказал ей о том, как ему удалось найти родителей ребенка, как они были убиты. Только об одном он умолчал по некоторым причинам: о смерти малыша Джоржио, племянника Памелы.

— Вы должны мне помочь, — закончил он. — Вы должны знать, с какими людьми встречался ваш брат. Будет лучше, если вы как можно подробней расскажете мне обо всем, что произошло, скажем, в течение последнего года.

Она слушала его, не прерывая, но с явно выраженным интересом, потом тихо спросила:

— Вы действительно украли «Сан Вижилио»?

— Я полагал, что мы говорим серьезно. Следовательно, не задавайте идиотских вопросов. Даже если это так, я все равно отвечу «нет». Подумайте сами, сеньорина!

— В течение последнего года, — сказала Памела, — мы с братом встречались только один раз, в доме нашей семьи, в Генуе. Он неизвестно откуда возвращался и уезжал неизвестно куда... Что касается круга его знакомых, то среди них могут быть разные люди, начиная уличным бродягой и кончая президентом республики. Вы понимаете, о чем я говорю...

— На какие средства он жил? У него было крупное состояние?

— Не рассчитывайте, что я буду говорить гадости о Паоло, — спокойно ответила она, — я не особенно любила его, но он — мой брат. Сын моих родителей. Честь семьи...

— Если дело будет продолжаться таким образом, — вмешался Шарль, — честь семьи сильно пострадает. Я поклялся довести его до конца... из-за ребенка. Лучше, если кое-какие подробности узнаю я, а не полиция. Если я первым распутаю дело, то постараюсь устроить все как следует... Форли же, заполучив убийцу, не станет особенно ломать себе голову.

Немного подумав, она глухо произнесла:

— Может быть, вас это заинтересует. Паоло давно кололся наркотиками. Его жена тоже... Мне кажется, семья Моренико — одного с ними поля ягода...

— Кто доставал им наркотики?

— Вероятно, у них была уйма поставщиков. Они много путешествовали...

— Так, так, — заметил Шарль, — и давно они купили «Сан Вижалио»?

— Вы должны были просмотреть бумаги, находившиеся на борту.

— Тогда я не обратил внимания. Это не имело для меня значения. Вы знаете, откуда они приехали?

— Я полагаю, из Танжера. Они прислали оттуда открытку и просили меня приехать сюда. Это было довольно неожиданно...

Внезапно у Шарля возникло ощущение, что он продвинулся вперед.

— Почему они хотели встретиться с вами?

Она пожала плечами.

— Не знаю. В любом случае, ехать я не собиралась. У меня были дела в Генуе.

— У вашего брата было много денег?

— Достаточно, чтобы жить на проценты, как и у меня.

— И достаточно, чтобы содержать яхту, такую, как «Сан Вижалио»?

Немного поколебавшись, она ответила:

— Нет, не достаточно для того, чтобы содержать яхту.

— А его жена?

— Когда-то она была танцовщицей в кабаре, за деньги танцевала с богатыми клиентами. Вероятно, он познакомился с ней в курильне опиума. У нее не было ни лиры...

Зазвонил телефон. Она легко поднялась и взяла трубку.

— Слушаю. — Положив трубку рядом с телефоном, Памела обернулась к Шарлю: — Вы сказали кому-нибудь, что будете здесь?

— Нет, — ответил Шарль.

В трубке раздался язвительный, но приглушенный голос:

— Сеньор Барон, это только я, ваш друг...

— О! Сеньор Бенито Виллари, здравствуйте. Как дела?

Памела стала бледна, как смерть. Прижав руку к горлу, она отступила, жестом отказываясь взять протянутый им наушник.

— Спасибо, все в порядке, — ответил голос. — Поздравляю вас с теми действиями, которые вы предприняли, чтобы выйти сухим из воды... Говорю это совершенно искренне.

Шарль уже разработал план. Нужно было встретиться с чудовищем любой ценой. Дрогнувшим голосом, в котором звучала неизъяснимая тоска, он произнес.

— Вашей заслуги в этом нет! Грязная скотина! Палач! Детубийца!

— Ха-ха-ха! — хмыкнул тот. — Вы теряете выдержку... Сеньор Барон начинает бояться за собственную шкуру... Отлично... отлично... Слушайте, Барон, это мое последнее слово. Если вы не примете моего предложения, то будете таким же мертвецом, как все остальные. Ясно?

Шарль добавил в голос немного дрожи. Он хотел, чтобы собеседник подумал, что он боится.

— Я не хочу иметь никакого дела с чудовищем. Вы проиграли, Виллари. Ваш словесный портрет имеется у всех полицейских. В

настоящее время вас ищет вся полиция Неаполя... Вам не выкрутиться...

В трубке послышался громкий смех.

— Превосходно! Держу пари, что могу весь день гулять по Неаполю, и никто не обратит на меня внимания. Но я не собираюсь делиться с вами моим секретом. На это не рассчитывайте. Хватит шутить! Меняю вашу жизнь на «Сан Вижилло», согласны? Приготовьте акт о купле-продаже в трех экземплярах, фамилию покупателя не вписывайте, за продавца распишитесь сами...

— Дальше? — дрожащим голосом спросил Шарль.

— Сегодня в полночь по виа Рома выйдете на вико Джардинето, слева у последней лестницы, не доходя виа Конкордиа, увидите нишу в фасаде дома. В нише стоит скульптура Пресвятой деви и лежит букетик цветов. Конверт с актом положите за скульптуру. Подниметесь по лестнице и пойдете по виа Конкордиа, по левой стороне. Главное, не оборачивайтесь и не возвращайтесь. Если вы придете не один, то живым до ниши не дойдете. Этот район идеален для такого рода дел, вы ведь знаете...

— Знаю, — ответил Шарль, — но так дело не пойдет...

— Что вы говорите?

Шарль неуверенно продолжил:

— Вы потребовали, чтобы я немедленно покинул Италию. Так вот, у меня в кармане ни гроша... Если вы дадите мне пятьсот тысяч лир, все пройдет как следует, иначе я предпочту рискнуть.

— Я пришлю вам эту сумму в отель, как только получу документы, — резко сказал голос.

— Нет, я вам не верю. Положите их в нишу, за скульптуру. Если я найду их там, то оставляю документы, которые вы от меня требуете... Это мое единственное условие.

Видимо, нечто непредвиденное помешало таинственному сеньору Виллари, потому что, внезапно пожелав поскорее прекратить разговор, он, не торгуясь, согласился:

— Хорошо. Пятьсот тысяч лир будут ждать вас. Но не пытайтесь меня провести. Вам это дорого обойдется...

Шарль подошел к Памеле и обнял ее за плечи.

— Он у меня в руках, я спущу с него шкуру...

— Откуда он узнал, что вы здесь? — прошептала Памела.

— Я счастлив, — заметил Шарль, — что ничто человеческое вам не чуждо, страх, например...

Он снова подошел к телефону и снял трубку. В дверь постучали. Шарль сделал Памеле знак пока не открывать.

— Алло! Девушка...

— Да.

— Вы не могли бы сказать, откуда только что звонили сеньорине Изола?

— Но, сеньор, откуда я могу...

— Звонили с улицы или из другого номера вашего отеля?

— С улицы, сеньор.

— Спасибо. — Он положил трубку. — Искать дальше бесполезно.

Должно быть, Виллари звонил из кафе или из телефона-автомата. Памела открыла дверь.

— О! Это вы, входите...

В небольшой прихожей, отделявшей гостиную от коридора, появился сензор Саккарели, толстый, лысый и взволнованный. Он тут же бросился к Шарлю.

— О! Сензор Барон! Счастливи видеть вас в добром здравии! Не далее, как сегодня утром, я говорил сеньорине, что может свершиться самая серьезная судебная ошибка века.

Он пожал ему руку так, как нажимают на рукоятку насоса.

— Вы уверены, сензор Саккарели, что сказали мне именно это? Я думал, что вы имели в виду нечто совершенно противоположное...

Шарль, расхохотавшись, ткнул итальянца кулаком в плечо так, что тот чуть не упал, и воскликнул:

— Ну и шутник! Только что звонил Виаллари!

— Ага, — ответил Саккарели, — и что же он вам... — выражение его лица внезапно изменилось. — Виаллари? Кто это? Извините, мне посылались Форли.

Шарль прикрыл глаза.

— Конечно, Виаллари... Саккарели... Форли... эти фамилии хорошо рифмуются... Как...

Он замолчал, подошел к Саккарели и, обхватив его за шею, большим и указательным пальцами приподнял его левое веко.

— Кстати, у вас случайно не стеклянный глаз? Нет... Очень жаль! — Он приоткрыл ему рот, как барышник, оценивающий лошадь. — Зубы безупречны, ни одной трещинки, черт возьми! А я с таким удовольствием увидел бы вас повешенным.

Саккарели, весь дрожа от ярости, отступил.

— Вы еще заплатите мне за оскорбление, сеньор Барон.

— Когда и где изволите, дорогой?

— Прошу вас, вы у меня в гостях, — вмешалась Памела.

— В таком случае, — ответил Шарль, — избавьте меня от общества этого сеньора. Меня от него тошнит!

Весьма кстати зазвонил телефон. Памела сняла трубку, в течение нескольких минут слушала, потом изменившимся голосом произнесла:

— Отлично, лейтенант, мы придем так быстро, как только сможем.

Она хотела было положить трубку, но ее рука слишком сильно дрожала. Трубка выпала из рук и с тихим шумом упала на стул. Бледная, выпрямившаяся, она произнесла:

— Полиция обнаружила малыша Джорджио... Мертвого. Лейтенант ждет Саккарели и меня для исполнения формальностей, связанных с опознанием.

Голос ее задрожал. Слезы брызнули из огромных глаз и тихо потекли по щекам.

— Господи, чем же мы прогневили Мадонну, что она ниспослала на нас такое наказание? — воскликнул Саккарели. — Какое чудовищное несчастье! Какое...

— Заткнитесь! — это в отчаянии выкрикнул Шарль. — Заткнитесь или я вас задушу! Берите пример с сеньорины. Она — воплощение достоинства.

С благодарностью посмотрев на него, она прошла в спальню.

— Мне нужно переодеться, — сказала она, — вы поедете со мной, сеньор Барон?

— Да, — ответил Шарль, — я не хочу больше расставаться с вами.

XI

В кабинете Форли, прислонившись к двери, стояли двое полицейских в форме, сам Форли, бледный и взволнованный, сидел в кресле. За столиком — секретарша-стенографистка Луиза, глаза ее косили, как обычно, а лицо было таким же бледным, как лежащая перед ней бумага.

Напротив сидел всхлипывающий Марко Черра, он был на грани истерики.

Форли нервно приказал полицейским:

— Уведите его, так продолжать невозможно. Дайте успокоительного, что-нибудь поест и держите в камере.

Полицейские увели мальчишку, а Форли повернулся к секретарше:

— Читайте дальше, вы остановились на том, что в воскресенье вечером Бенито Виллари ушел из дома Дольчи с ребенком. Марко решил за ним следить... Продолжайте.

Она, склонившись над стенографическими значками, какое-то время искала нужное место, потом начала читать:

— Человек (Бенито Виллари) на Виацца д'Аоста взял такси, чтобы увезти ребенка (Сильвио Дольчи). У меня были деньги, и я тоже взял такси, велел водителю ехать за Бенито Виллари. Тот вышел из машины на виа Караччиоло перед яхтой «Сан Вижалио», отпустил такси и с Сильвио на руках поднялся на яхту. Я спрятался за пальмой на другой стороне улицы. Примерно через час он вышел без ребенка, увидел меня и перешел через дорогу, чтобы поговорить со мной. Угостил меня мороженым, сказал, что работает в розыске и что ему нужен решительный парень, такой, как я. Он дал мне тысячу лир, объявив, что с этого момента я являюсь тайным агентом, должен слепо ему подчиняться, и со мной будут происходить необыкновенные приключения. Он ушел, назначив мне свидание на завтра, на два часа ночи возле яхты. Он должен был вернуть мне Сильвио, который уже больше не понадобится. Я не очень понимал, зачем он рассказал моей сестре эту историю про кино, но подумал, что шпионы, должно быть, всегда врут. В два часа ночи я пришел на свидание. Он был там и выглядел крайне озадаченным. Сказал, что владельцы яхты — такие же шпионы, как он, их убили враги, но я не должен волноваться о Сильвио, он жив и находится в каюте. Но дверь в нее закрыта изнутри и войти невозможно. Он считал, что нужно на яхте выйти в море и избавиться таким образом от трупов, но мотор никак не заводился. Он спросил, разбираюсь ли я в технике. Я ответил, что немного подрабатываю в автомастерской, и эта работа меня увлекает. Я поднялся на яхту вместе с ним, и из рубки мы спустились в машинное отделение. Мотор починить не удалось. Виллари сказал, что нам нельзя больше тут находиться, потому что нас могут заметить. Он ушел, но велел мне оста-

ваться на набережной и следить за лодкой. Он дал мне номер телефона, по которому я должен был позвонить, если бы что-то произошло. Я долго просидел на скамейке у выхода из сада, но потом мне надоело, и я решил вернуться на яхту и попробовать еще раз исправить мотор. В полдень меня застучал этот длинный тип с красными волосами, которого вы называли Бароном. Я прыгнул на набережную и из ближайшего телефона-автомата позвонил Виллари. Он сказал, что уже идет, и велел следить за человеком, должно быть, убийцей, вернувшимся на место преступления. Я сделал все, что он приказал, и проследил за типом до самой префектуры. Прежде чем войти, он выбросил какие-то бумаги в урну. Я подобрал их, думая, что Виллари будет доволен. Я видел, как из префектуры вышел этот тип с вами и другими полицейскими, и пошел следом. Виллари был в саду, он наблюдал за яхтой, стоя за кустом. Дал мне две пеленки, вероятно, Сильвио, очень много денег и еще кольцо. Потом быстро ушел. Издалека я увидел, как с яхты вышел этот рыжеволосый тип, сеньор Барон, с Сильвио на руках. Я пошел за ним, видел, как на него напали, ужасно перепугался и удраал... Я пошел к сестре, отнес ей пеленки и подарил кольцо. Она волновалась, но я сказал ей, что не нужно нервничать, я знаю, где малыш, и вечером приведу его домой. Поздно вечером я попытался влезть в гостиницу «Виченциа» через окно. Когда я находился в комнате, где спал малыш Сильвио, меня застукали. Я удраал, позвонил Виллари, и он сказал, чтобы я не волновался, что малышу ничего не грозит, пока он в «Виченциа». Он велел мне сходить на яхту, чтобы узнать, опечатали ли легавые двери каюты, и не смогу ли я пролезть в каюту через окно. Если я смогу это сделать, то должен немедленно позвонить ему, и он объяснит, что я должен буду найти внутри. Я пошел туда, увидел, что двери опечатаны, а через окно мне ни за что не пролезть. Когда я спускался вниз по якорной цепи, меня словил рыжий тип и попытался кое-что выудить. Потом он хотел отвести меня в полицию, но по дороге мне удалось удраать... Он преследовал меня до самого дома моей сестры на Вико Монте Кальварио. У меня хватило времени лишь на то, чтобы выпрыгнуть из окна на другую улицу... Во вторник вечером я позвонил сеньору Виллари и встретился с ним. Это действительно произошло в «Пинонне». Я передал ему копии и листок бумаги, которые француз выбросил в урну, а я подобрал. Виллари был доволен, он дал мне немного денег, сказал, что сообщники француза похитили Сильвио, что людей с яхты убил француз и что он украл яхту, потому что внутри ее хранится нечто очень ценное. Сегодня, в среду, я снова должен был встретиться с сеньором Виллари в «Пинонне», в то время, что и вчера вечером... У сеньора Бенито Виллари действительно один глаз стеклянный и не хватает нижнего переднего зуба. Он невысокого роста, лысый, одет хорошо. Я заметил, что он говорит как-то странно, наверное, из-за зуба, как бы шепелявит. Я ни разу не видел, чтобы он подъезжал на собственной машине.

Луиза Верчелли замолчала, перевела дух и произнесла:

— Все, лейтенант. Хотите, я отпечатаю это прямо сейчас?

— Да. Оформите как протокол допроса. Не забудьте выделить самые важные вопросы.

— Конечно, лейтенант.

Она встала, держа в руках блокнот. Зазвонил телефон. Форли снял трубку. Чей-то обезумевший голос спросил:

— Лейтенант Форли?

— Да? Ну что там еще?

— Ммм... мальчишка... малыш Марко Черра... он... мертвый... умер в туалете... скоропостижно... Лейтенант Джардини говорит, что он принял цианистый калий...

— Зараза! — воскликнул Форли, побледнев, как мел. — Иду...

XII

Мощная «феррари» остановилась у тротуара. Последний раз взревел мотор. Джованни Саккарели выключил двигатель и обернулся.

Шарль, сидевший с Памелой Изола на заднем сидении, почувствовал, как девушка коснулась его своей прохладной рукой.

— Вы действительно не хотите, чтобы Форли сообщили? Если все пойдет плохо, нам придется нести ответственность... и раз уж вы сочли необходимым впутать нас в это дело...

— Нет, — категорически ответил Шарль, — человек со стеклянным глазом настаивал. Он предложил мне довольно длинный пешеходный маршрут, чтобы иметь возможность проследить, нет ли за мной «хвоста». Я хочу встретиться с ним с глазу на глаз и посмотреть, чем он дышит.

Саккарели шумно вздохнул.

— Не понимаю, что ему нужно!

— Откажитесь, Шарль, это ловушка, — вмешалась Памела, — ловушка, и больше ничего.

Шарль пожал ей руку и открыл дверцу.

— Скоро полночь, я пошел. Спускаюсь по Вико Конте ди Мола, а потом встречусь с вами на этом месте. Не волнуйтесь. Если через два часа меня не будет, сообщите Форли. Пока.

Он быстро вышел, захлопнул дверцу, наклонился, чтобы улыбнуться Памеле, в огромных глазах которой читался панический страх, помахал рукой Саккарели. Чувствуя себя очень уверенно и насвистывая песенку, он пересек виа Рома напротив «Банко ди Наполи» и не спеша пошел по вико Джардинето. Он знал, что человек со стеклянным глазом не остановится ни перед чем, чтобы заполучить желаемое. Шарль же вовсе не собирался отдавать ему «Сан Вижалио».

Он достал фонарик и осветил им фасад дома, находившегося слева. Действительно, бедный дом... Наконец он заметил нишу с бело-голубой фаянсовой скульптурой Мадонны с младенцем. По бокам ее помещались две вазы с завядшими цветами. Немного выше к стене прибита мемориальная доска из фальшивого мрамора, на которой золотыми буквами сделана какая-то надпись. Шарль выключил фонарик и несколько минут потоптался на месте, выжидая... Ничего подозрительного. Просунул руку в нишу за скульптурой. Пакет... Вытащил его и

вскрыл: купюры по тысяче лир... Прикинул, что их там действительно пятьсот, и положил пакет в наружный карман пиджака. Потом из другого кармана достал кусочек картона форматом с почтовую открытку, на котором большими печатными буквами было написано «С П А С И Б О», аккуратно прислонил его к ногам Мадонны, так, чтобы человек со стеклянным глазом не мог не заметить его.

Очень довольный собой, засунув руку в набитый карман, он не спеша поднялся по лестнице и свернул налево по виа Конкордиа.

Шарль остановился у небольшого ресторанчика, прошел в туалет, попросил у служащего веревочку и, закрывшись в кабинке, упаковал пятьсот тысяч лир. Перевязав пакет, он спросил у служащего, как найти хозяина. Тот ответил, что нужно подняться по лестнице. Полусонному хозяину Шарль сказал, что хотел бы оставить у него ценный пакет, так как боится воров. Хозяин открыл сейф и в присутствии Шарля спрятал туда пакет, Шарль рассыпался в благодарностях и вышел. Тяжелые капли дождя прибили пыль, покрывшую неровные плиты мостовой. В черном небе загрохотал гром. По виа Конкордиа Шарль направлялся к вико Конте ди Мола...

За ним следили. Он был абсолютно уверен в этом, когда выходил из ресторана. Но ничуть не боялся, так как хладнокровно разработал план, и действия развивались в соответствии с ним.

Вдруг за спиной он услышал знакомый голос:

— Не оборачивайтесь... не шевелитесь, или вы погибли!

— Счастливы слышать вас, сеньор Виалари, — ответил Шарль.

— С этого момента вы должны слепо подчиняться... Одно неловкое движение, и я стреляю... Вы должны понимать, что мне терять нечего. Пройдите еще метров десять по тротуару. Когда будет нужно, я вас оставаю. Идите спокойно, так, чтобы я мог видеть ваши руки...

Шарль повиновался. Сделав несколько шагов, он насмешливо произнес:

— Да, спасибо вам за пятьсот тысяч лир, извините, акт о купле-продаже я позабыл, но поверьте, я действительно собирался переслать вам его завтра по почте...

— Стоп!

Шарль остановился у старого, почти развалившегося дома, поддерживаемого деревянными подпорками.

— Пройдите в дверь. Осторожней... У меня очень нервный палец.

Шарль повиновался.

— Прижмитесь к правой стене и идите вдоль нее до конца.

Он сделал то, что от него требовали.

— Остановитесь.

Внезапно зажегся фонарик.

— Ага! — воскликнул Шарль. — В самый раз. Вполне можно было разбить морду. Мы пришли?

— Нет. Повернитесь на девяносто градусов влево... Я вам посвечу... Спускайтесь...

Раскрытая дверь в погреб, каменная лестница с истертыми ступенями. Шарль инстинктивно попятился. Он не любил погре-

бов. В них, как правило, очень плохая акустика... и тем не менее, не торопясь, начал спускаться.

Оставалось пройти не более полудюжины ступенек, как вдруг раздался детский плач.

В тот же момент Шарля сильно ударили по голове, и он без пересадки отправился в сторону грез.

— Шеф, машина без габаритных огней.

Не ожидая ответа, водитель радиофицированной полицейской машины притормозил у неисправного автомобиля, огромного «фerrари».

Сержант и несколько сопровождавших его полицейских прыгнули на мостовую.

— Славная машинка, — заметил один.

— Из Рима прикатила, — ответил второй, осветив фонариком номер.

— Там кто-то есть, — воскликнул сержант, — значит, нет необходимости оставлять повестку.

Они подошли поближе.

— Это женщина.

— Очаровательная женщина.

— Клянусь Мадонной, она дрыхнет. Эй-эй...

Они постучали по стеклу. Молодая женщина, лежавшая на заднем сидении, даже не шелохнулась. Сержант попытался было открыть дверцу. Тщетно. Полицейские подергали другие дверцы.

— Она заперта.

— Этого не может быть, одна из дверей запирается лишь снаружи.

— Черт возьми! А ведь и правда... Разобьем стекло?

— Валяйте!

Раздался шум разбитого стекла и сержант склонился над женщиной.

— У нее ледяные руки. Боже великий! Она едва дышит... Даже не слышно, как бьется сердце... Нужно вытащить ее отсюда...

Они вытащили ее и перенесли в полицейскую машину. Сержант открыл сумочку, которую она сжимала в руке.

— Памела Изола...

— Изола...

— Но... Но, шеф, Изола... это история с яхтой... «Сан Вижилио».

— Боже великий! — воскликнул сержант. — В больницу, скорей! И передайте радиogramму в префектуру, чтобы сообщили лейтенанту Форли... Пусть кто-нибудь дежурит возле машины!

Полицейский фургончик рванул с места. Радист, усевшись к своему передатчику, включил микрофон, чтобы передать сообщение.

— Форли еще у себя в кабинете, — повернулся он к сержанту, — сейчас я буду с ним говорить.

Он снова занялся своим передатчиком.

— Живей! — бросил сержант водителю. — Мне кажется, она умирает.

Радист сорвал наушники и закричал:

— Шеф! Лейтенант Форли говорит, что ей нужно все время делать искусственное дыхание, как утопленнице, а врача в боль-

нице предупредить, что, вероятно, был сделан укол кураре. Нужно все время делать искусственное дыхание.

— Понял, — ответил сержант, — помогите ее уложить...

Когда Шарль Барон очнулся, руки и ноги у него были крепко связаны, жутко болела голова.

Длинный сводчатый подвал освещался только одной заросшей паутиной лампочкой. Пошевелив головой, он разглядел первые ступени лестницы, по которой пришел.

Ребенок. Он вспомнил, что в тот момент, когда его оглушили, слышался детский плач. Перекатившись, Шарль увидел примерно в полутора метрах от себя завернутого в одеяло ребенка.

Бедный малыш! Резкий рывок вперед, и ему удалось сесть. Человек со стеклянным глазом исчез. Без всякого сомнения, он рассчитывал найти у пленника интересующие его документы. Горькое разочарование, усугубленное к тому же потерей пятисот тысяч лир.

Что-то обязательно произойдет. Бенито Виллари не мог оставить это дело просто так.

Неясный шум заставил Шарля насторожиться... На верхнем этаже, в первом погребе что-то происходило. Шум голосов... Внезапно он узнал крайне неприятный голос Джованни Саккарели.

— Да, сеньор... Я сделаю все, что вы хотите, сеньор... Я постараюсь его убедить... Не убивайте меня, сеньор, не убивайте ребенка... Вы просто не смогли с ним договориться... Меня он знает... Меня он послушает... Да, да, сеньор... Я не хочу умирать... Нет!

На этих словах кругленький Джованни Саккарели, как бомба, слетел вниз. Он упал, перекувырнулся через голову, замер, лежа на животе, прикрыв голову рукой, и вздохнул, увидев Шарля, с интересом взирающего на него.

Задыхаясь, он встал, машинально отряхнул свой черный костюм, ставший почти серым от пыли и, не заботясь более о достоинстве, подбежал к Шарлю.

— Сеньор Барон, выслушайте...

— Прежде всего развяжите меня, — холодно оборвал его Шарль, — у вас руки свободны, а у меня — нет. Это мешает слушать.

Саккарели бессильно развел руками.

— Не могу, сеньор, не могу... Это чудовище убьет нас, если я не выполню приказ, не могу, сеньор...

Толстяк дрожал, как осиновый лист, морщился, вращал выпученными слезящимися глазами, весь во власти непередаваемого ужаса.

— Валяй... — бросил Шарль, — говори, что у тебя...

Итальянец тяжело вздохнул и воздел к небу дрожащие руки.

— Выслушайте меня, сеньор Барон... Я восхищаюсь мужеством... Вы — настоящий мужчина... Но я не таков...

— Дерьмо, я не нуждаюсь в твоих речах, говори, как ты сюда попал, и что с сеньориной Изола...

Саккарели заломил руки, упал на колени, чтобы лучше видеть Шарля, и застонал:

— Не знаю, сеньор... Я вышел из машины, чтобы... Ну, вы понимаете, это естественно... Я был в туалете, когда меня ударили сзади... Меня оглушили, сеньор. Больше я ничего не знаю... Я очнулся в подвале, этажом выше этого...

— Который час? — мрачно оборвал его Шарль.

Саккарели взглянул на часы.

— Половина второго, сеньор...

Значит, Шарль был без сознания час с четвертью... Отличный удар!

— Продолжай, ты пришел в себя наверху? Дальше...

— Я знаю, что вы убьете меня, сеньор... Но я не хочу умирать... И мальчик тоже не хочет умирать, сеньор, это совершенно точно... Вы должны понять, сеньор...

— Дерьмо! — взорвался Шарль, по-настоящему разозлившись, — объясни скорее...

— Я говорил с сеньором Бенито Виллари, человеком со стеклянным глазом. Я его знаю. Это один из самых ужасных итальянских бандитов... Самый крупный... Он мне все объяснил... Он хочет, чтобы я был между вами посредником... Он думает, что когда вы все узнаете, то перестанете упрямяться... Яхта принадлежит ему уже давно. Изола были только фиктивными ее владельцами. Вместе с Моренико они съездили в Танжер и вернулись обратно. В двойных перегородах «Сан Вижалио» очень много наркотиков. Целое состояние... Но оно крайне опасно. Вы сильно рискуете с тех пор, как стали номинальным владельцем яхты... Моренико были сообщниками Бенито Виллари, не Изола... Во всяком случае в том, что касается наркотиков. Я очень обрадовался, узнав об этом, из-за сестры. Но, по словам Виллари, Паоло и Лючия знали, что они лишь номинальные владельцы яхты. Они обещали Моренико вернуть яхту сразу же по приезде в Неаполь. Вот почему появился акт о купле-продаже, в котором отсутствовала фамилия покупателя. Виллари нужны были другие номинальные владельцы для следующей операции. В Неаполе моя сестра и зять не захотели сдержать слово, — продолжал Саккарели. — Паоло, видимо, счел, что сможет оставить себе яхту, если будет держаться достаточно твердо, потому что Бенито Виллари побоится вмешательства полиции... Паоло и Лючия не знали, что Моренико продали душу Виллари. По его приказу Моренико передали ему малыша Джоржио, ребенка Изола. Они вернулись на яхту, сказали, что ребенок похищен людьми Виллари и будет возвращен только после завершения дела...

Шарль нахмурился. Ему до сих пор не удавалось найти удовлетворительного объяснения присутствию на яхте маленького Сильвио Дольчи. Если Саккарели говорит правду, дело начинает проясняться.

— Естественно, сестра и зять согласились, но произошел несчастный случай. Виллари сделал ребенку укол, чтобы тот заснул и его легче было переносить, но ошибся ампулой и вколол ему кураре. Малыш был уже мертв, когда его родители согласились сотрудничать. Виллари понимал, что у

него могут возникнуть серьезные неприятности. Тогда он нашел другого ребенка... и назначил Изола свидание за городом. Пока несчастные ждали его, он отправился на яхту, где находилась Франческа Моренико, и с ее помощью запер ребенка в каюте... Через некоторое время вернулись Изола, Виллари ждал их. Он дал им послушать плач ребенка, утверждая, что это малыш Джорджио, и потребовал, чтобы они подписали акт прежде, чем он его освободит... Я забыл вам сказать, что моя сестра и зять были наркоманами. Накануне Моренико уничтожили весь их запас. Они были на грани срыва и подписали бумаги. Франческа сказала, что займется ребенком, а Виллари, выдав себя за врача, предложил им немедленно сделать укол. Они согласились, и он вколол им кураре. Потом сделал укол Франческе и ее мужу. Бандит боялся, что из-за смерти ребенка вся эта история может выйти ему боком. Он решил ночью выйти в море и выбросить трупы за борт. Идиотское стечение обстоятельств. Не успел Виллари сделать укол Моренико, как на палубу «Сан Вижалио» прыгнули пьяные американские матросы. Им захотелось войти в каюту. Виллари, заперев за собой дверь, вышел, чтобы их прогнать. На это ушло довольно много времени. На набережной собралась толпа зевак. Когда Виллари спустился вниз, дверь была заперта изнутри. Вероятно, это успел сделать Моренико до того, как яд начал действовать... Виллари оказался в безвыходном положении. Он покинул яхту, вышел на набережную, чтобы не привлекать к себе внимания зевак, любовавшихся яхтой. Ну вот, сеньор Барон, остальное вы знаете...

Шарль молчал, полуприкрыв глаза. Он был похож на хищную птицу, приготовившуюся к нападению.

— Ну и что? — наконец произнес он.

Саккарели завопил изменившимся голосом:

— Если вы не вернете ему яхту, он вас убьет.

— Не меня, — холодно ответил Шарль. — И не убьет до тех пор, пока я не подпишу акт.

— Но меня! Меня! Меня! — вопил Саккарели.

— Мне на это плевать, — ответил Шарль. — Полагаю, ваша шкура стоит девятнадцать миллионов лир.

— Он и ребенка убьет, у вас на глазах. Он так сказал и так сделает...

— Если он это сделает, я ногтями выпущу ему все кишки.

— Но ведь вы связаны, сеньор.

— Ну что ж, — прошептал Шарль, — я сделал все, что мог... Принести в жертву ребенка выше моих сил... Скажите чудовищу, что я согласен. Мне все осточертело...

Саккарели вскочил и, исполнив некое подобие джиги, завопил:

— Спасен! Я спасен! Спасибо, сеньор... — Успокоившись, он достал из кармана своего черного пиджака пачку бумаги и шариковую ручку: — Он дал мне все необходимое.

Шарль пожал плечами.

— Я не умею писать, не пользуясь руками.

Саккарели поспешил развязать его.

— Ноги тоже, — приказал Шарль, растирая онемевшие запястья.

Саккарели отступил.

— Он не хочет, сеньор... Не настаивайте. Только руки, чтобы вы могли писать...

Шарль поворчал, немного покачался, чтобы найти удобное положение, взял бумагу и начал писать.

— Датируйте вчерашним числом, сеньор. Он очень на этом настаивает. В строку «покупатель» напишите мое имя, Джованни Саккарели. Я составляю новый акт для сеньора Виллари. Впрочем, это не настоящая его фамилия.

Шарль молча писал. Поставив дату и подписав бумагу, он протянул листок Саккарели.

— Вот...

Тот вырвал бумагу из рук. Громкий хохот раздался под сводчатым потолком. Теперь перед Шарлем было не бесхребетное лицо Джованни Саккарели, а дьявольская физиономия Бенито Виллари: стеклянный глаз и отсутствующий зуб...

Превращение совершилось, как по волшебству. Шарль не смог сдержать дрожь. В руках монстр держал пистолет, направленный на Шарля.

Убийца внезапно стал серьезным:

— Вы причинили мне массу неприятностей, но вот наконец вы у меня в руках... Не шевелитесь, или я выстрелю вам в живот. Если будете хорошо себя вести, то умрете от кураре, не испытывая страданий, как и малыш... бедный малыш...

— Я знал, что Саккарели и Виллари — одно и то же лицо, — холодно произнес Шарль.

Убийца пожал плечами и подошел к груде старых мешков.

— Вы лжете, этого никто не мог заподозрить. Если бы вы знали, то не оставили бы меня с Памелой Изолой в машине один на один...

Шарль вздрогнул.

— Я знал, — уверенно повторил он. — С тех пор, как увидел ваши глаза в номере Памелы. Ваш трюк вызывает небольшое воспаление века.

Саккарели-Виллари вернулся, держа в руке медицинский чемоданчик.

— Вы действительно врач?

— Да, мой дорогой, но мне запретили практиковать... — Он стал готовить шприц.

— А что за девятнадцать миллионов нашли в сейфе? — побледнев, спросил Шарль.

— Плата обоим супружеским парам за услуги. Я бы забрал их, если бы не дурацкое стечение обстоятельств.

Саккарели положил пистолет на пол, чтобы сделать укол. Сильвио смотрел на него своими огромными глазами, даже не подозревая о том, что ему грозит смертельная опасность.

— Снимаю перед вами шляпу, — чуть дрожащим голосом произнес Шарль. — Вы очень сильны.

Убийца склонился над кроваткой и взял ребенка. Тот закричал. Таким образом Шарль оказался слева от бандита и тут же принял решение.

Сейчас убийца станет жертвой собственного трюка. Помогая себе освободившимися руками, Шарль встал, продолжая медленно говорить, чтобы усыпить бдительность врага:

— Было бы хорошо, если бы мы могли сотрудничать.

Ручка Сильвио обнажена... Поправив шприц, зажатый в правой руке, убийца вколол иглу и тут Шарль бросился вперед.

Саккарели этого не видел, но услышал, как Шарль упал рядом с ним на пол, и обернулся...

Слишком поздно. Пистолет был у Шарля. Он яростно выстрелил снизу вверх и стрелял до тех пор, пока не кончились патроны.

Сначала упал шприц, потом рухнул монстр, зацепив угол раскладушки, так что она перевернулась...

Ребенок истошно орал. Шарль выпустил из рук дымящийся пистолет и развязал себе ноги. Закончив, он встал, поднял ребенка и стал его укачивать, чтобы тот успокоился. Потом положил ребенка на одеяло, склонился над трупом убийцы и раздвинул ему веко левого глаза. С сухим щелчком вывалилось стеклышко с нарисованным глазным яблоком. Шарль поставил его на место и отпустил веко, потом заглянул трупу в рот.

— Так я и думал, — прошептал он и, порывшись в кармане пиджака, нашел вставной зуб, который убийца в любой момент мог вставить или вытащить. Он опустил зуб в свой карман.

— Я думаю, что могу взять на память твой зуб, старина.

Он достал бумажник, открыл его, пересчитал лежавшие там деньги: сорок пять тысяч лир. Сорок тысяч сунул в карман и, взяв ребенка на руки, пошел наверх.

ЭПИЛОГ

Мария Терано, в зеленом декольтированном платье и белых туфлях вышла на середину холла. Альберто, тащивший чемодан Шарля, не оборачиваясь, спросил:

— Я пойду вперед, сеньор Барон?

Шарль неподвижно стоял на последней ступеньке лестницы, не сводя глаз с Марии.

— Да, иди. Встретимся на яхте, — ответил он.

Альберто исчез.

— Сеньор Терано здесь? — спросил Шарль.

— Нет, — ответила Мария, — он не очень хорошо понял, в котором часу вы собираетесь уезжать, и ушел за покупками, думая, что у него еще есть время...

Какой-то клиент спускался по лестнице. Она поздоровалась с ним, подождала, пока он выйдет, и, подойдя к приоткрытой двери в столовую, прошептала:

— Идите сюда... Я вам кое-что покажу...

Он прошел за ней и закрыл за собой дверь. Внезапно расплакавшись, она спросила:

— Когда ты вернешься, Шарль?

— В следующем месяце, — ответил он, точно зная, что врет.

— Ты едешь один?

— Конечно!

— Я провожу тебя до яхты.

— Запрещаю. Терпеть не могу прощаний на набережных.

Он прижал ее к себе, поцеловал в губы, отпустил и, пятясь, вышел.

— До встречи, Мария!

Она не ответила.

Альберто с пустыми руками стоял на набережной. Шарль подошел к нему.

— Чемодан на борту, сеньор...

Шарль дал ему пятьсот лир на чай, и Альберто смущенно поклонился.

— Благодарю вас, сеньор.

Шарль спрыгнул на палубу яхты и спустился по лестнице, ведущей в кабину.

— Все в порядке?

Памела Изола обернулась, не переставая помешивать деревянной ложкой в кастрюльке, стоявшей на плитке.

— Да, он спит... я готовлю ему кашку на подник.

Шарль нашел, что она чертовски привлекательна. На ней были очень обтягивающие голубые полотняные брюки и обтягивающая тельняшка.

— Прежде чем мы поднимем якорь, я хотел бы знать, какое жалованье вы потребуете. Не знаю, сколько получают кормилицы в этих краях, — тихо проговорил он.

Она как-то странно посмотрела на него через плечо, ее зеленые глаза смеялись.

— Сколько времени нам потребуется, чтобы добраться до Канна?

— Не знаю, — ответил Шарль, — это зависит от того, какую мы выберем дорогу.

Она выключила газ, отложила деревянную ложку и спросила:

— Почему вы не сказали Форли, что узнали в Саккарели Виллари?

— Хотел, чтобы он приписал эту заслугу себе, — улыбнувшись, ответил Шарль. — Человек, тщеславие которого удовлетворено, не станет вдаваться в подробности.

— А вам есть что скрывать?

Шарль не ответил. Он думал о бриллианте, о «Сан Вижилио», о пятистах тысячах лир и обо всем остальном. Хорошее дельце.

— Кое-что мне непонятно.

— Что?

Памела медленно повернулась к нему.

— Когда убийца позвонил вам ко мне в номер, телефонистка сказала, что звонили с улицы, а ведь Саккарели находился в соседней комнате.

— Да... Форли нашел этому объяснение. В номере, который занимал Саккарели, был еще и городской телефон, его установили два года назад, когда там останавливался один высокопоставленный американский чиновник.

Она перелила кашу в чашку.

— Вы действительно собираетесь усыновить Сильвио?

— Конечно. Ведь больше некому заняться им.

— Вам надо жениться, — не глядя на него, сказала она, — тогда у него будет мать...

— Спасибо, я знаю одну женщину в Нормандии, она будет заботиться о нем, как мать. — Шарль расхохотался.

Памела пожала плечами и взяла чашку.

— Пойду накормлю его.

Он загородил ей дорогу, взял чашку у нее из рук и поставил на стол.

— Вы заказывали мартеновскую печь? Хотя, думаю, в мартеновской печи нет особой необходимости, обойдемся подручными средствами...

Она взяла чашку, ее руки дрожали.

— Я тоже так думаю.

Заплакал ребенок.

— Идите, — сказал Шарль, — он голоден. А я пока запущу двигатель.

Перевод с французского ЭЛЕОНОРЫ СИЛАЕВОЙ.

«КРЫША» В КРЫМУ!

ее вам обеспечит фирма «Консоль»

Конечно, вы не против жить у моря. Не однажды мечтали проснуться под шум черноморского прибоя и прямо из окна увидеть лазурный залив, паруса и пальмы. Эти фантастические грезы так близки к реальности, как вам и не снилось.

Наберите номер телефона крымской строительной фирмы «Консоль», и мечта станет реальностью.

До сих пор вам казалось, что главной проблемой на пути к осуществлению этой мечты – жить у моря – являются деньги. Точнее, большие деньги. Вы полагали, что купить квартиру у моря вам просто не по карману. И ошибались.

Вы можете это сделать! Сначала вас удивят цены, которые просит фирма «Консоль», – они невероятно низкие. Затем вы будете поражены комфортом, который за эти деньги предложат вам в Крыму, – он необыкновенно высок.

В Ялте квадратный метр жилья обойдется вам в 500 американских долларов.

В Керчи – 180–200 долларов. В Севастополе – 300 долларов. При этом вы сами выбираете и площадь будущей квартиры, и ее отделку. Если вы не претендуете на особые условия, то уже сегодня можете заказать квартиру-«Студио» (одно-, двух-, трехкомнатную) стоимостью от 3500 до 7500 долларов. Тот, кто в состоянии позволить себе настоящую роскошь, может заказать жилище свыше пяти комнат. Есть в «Консоли» и просто невероятных объемов квартиры, великолепно отделанные апартаменты площадью свыше 300 квадратных метров. Например,

гранд-квартира из девяти комнат стоимостью около 70 тысяч долларов США.

В большинстве же своем квартиры, которые строит «Консоль», стоят в среднем не выше 25 тысяч долларов.

Платить за жилье в Крыму можно по-разному. Если вы вносите все деньги сразу, то получаете скидку – 10 процентов. При долевых отношениях с фирмой «Консоль» квартиры обходятся заказчику на 30–50 процентов дешевле своей полной стоимости. Заплатив первый взнос, остальную сумму вы будете выплачивать без всяких процентов. Кстати, те кто уже получил трехкомнатные квартиры, внесли 3 года назад всего лишь 3500 долларов.

Почему так дешево? Еще и потому, что фирма «Консоль» строит сама.

Ежегодно она сдает свыше 40 000 квадратных метров жилья.

И еще об одном вы готовы спросить: может ли гражданин России иметь жилье в Крыму? Может! Это право гарантируют статьи 11, 13 Закона Украины «О собственности», Конституция Крыма и международные юридические нормы, а также репутация фирмы «Консоль».

...Итак, вы просыпаетесь утром в собственной квартире на берегу моря, идете на пляж под лазурное небо с ласковым солнцем – и прохожие улыбаются и приветствуют вас!

Телефоны фирмы «Консоль»:

(0652) 25-24-45, 25-22-96

Факс: (0652) 25-12-47

Адрес: 333038, г. Симферополь, ул. Донская, 41.

Читатель- СМЕНА- Читатель

Г Вот решила излить вам душу, просто рассказать о своем житье-бытье. Сейчас не очень-то с кем-нибудь поговорить, все заняты своими проблемами, а у нас в городе особенно. Все предприятия стоят, люди денег не видят месяцами.

Очень трудно живется и мне. Так случилось, что в 19 лет я стала матерью-одиночкой, хотя это определение мне не по душе. В общем, воспитываю своего сыночка одна. Родители помогают как могут, но им самим приходится крутиться изо всех сил, чтобы выжить.

По специальности я медсестра. Училище заканчивала уже с сыном на руках. Как только ему исполнилось полтора годика, вышла на работу. Сейчас ему пятый год, и все, что он видел в жизни, — это стены нашей квартиры и больничные стены. Конечно, хорошо бы отдать его в садик, но на это просто нет средств, да и детсадов стало мало. Правда, туда и водить детей перестали многие — все из-за тех же денег. Даже детское пособие месяцами не выплачивают. А когда дают, его только на хлеб и хватает. Хотя мы с родителями приспособились хлеб дома печь — дешево выходит. Старую одежду донаниваем, а что уже в носку не годится, перешиваем на Вадимку. А мне ведь только двадцать три года, хочется и одеваться, и правиться. Но

приходится думать об одном — как прожить.

Когда выдается свободный денек, еду в Москву, в ваши знаменитые Лужники, где самая, по-моему, дешевая в стране барахолка. Добираюсь на электричках, с пересадками. И, честно признаюсь, не покупаю билета. Один раз попалась, но это только раз. В Лужниках покупаю партию какого-нибудь легкого товара и навьюченная еду обратно. Привожу в основном белье, колготки, что подешевле. А потом распродаю — на тысячу подороже, чем купила. Так сотню-другую тысяч и «навариваю», а что делать.

Летом нам жить полегче. У родителей еще с прежних времен остался садовый участок, мы там пропадем каждую свободную минуту. В этом году урожай огромный — и помидоры, и огурцы, и кабачки, и капуста. Вот мы все впрок и заготовили.

У нас в городе люди говорят, что так трудно с войны не жили. Конечно, мне было бы легче, если бы не сделала ошибку в свое время. Хотя разве можно назвать моего мальчугана ошибкой? Даже не представляю, что его бы не было. Все сделаю, чтобы вырастить его и сделать его жизнь более счастливой, чем моя. Но хочется спросить, сама не знаю у кого — когда же это тяжелое время наконец пройдет? Сколько еще надо терпеть до нормального человеческого

существования – хотя бы на том уровне, какой был у нашей семьи в моем детстве? Неужели из Москвы не видно, как люди устали?

Оксана П.,

г. Киров Владимирской обл.

Здравствуй, «Смена»!

Я ваша читательница с 20-летним стажем. Еще в школе училась, когда начала выписывать журнал. Яркий, красочный, интересный. Не говорю, что нынешняя «Смена» правится меньше. Просто – это другой журнал. Что-то в нем прибавилось, а что-то ушло... Нет прежнего бодрейства, но и прямых, честных разговоров о Человеке убавилось.

Конечно, история и проблемы нынешнего «выживания» важны. Не спорю, сегодня надо знать, где и как заработать деньги, как жили наши предки, но, по-моему, важнее – чем жили и живут простые люди. У вас даже рубрика есть такая: «Чем живем». Но неужели только мыслями о хлебе насущном?! А как же, к примеру, человеческое достоинство?

О нем и хочу поговорить.

Если прежде в журналах и газетах (особенно в интеллигентных, к каким я относилась и отношусь «Смену») такие понятия, как честь, достоинство, порядочность, находили свое место на страницах, то теперь об этом как-то не принято писать. Все больше о проститутках, о ворах, о взяточниках и подлецах. Что – это новые «герои»? Новый идеал для подражания? Понимаю, жизнь заставляет, как сейчас говорят, маркетинг диктует спрос. Ну а как же насчет воспитания у читателей вкуса не только к шикарному застолью, а и к нормальной будничной жизни?

Я не виню прессу, ни в коем случае. И читатели и журналисты

варятся в одной котле, из которого и «хлебают». Просто достоинство человеческое становится каким-то ненужным привеском. Горько это! Если прежде нас могли безнаказанно (ну кто пошел бы из-за этого в суд?!) обхамить в магазине, прачечной, в очереди, то сегодня нас ни в грош не ставит милиция, чиновники, судьи – то есть власть. О каком достоинстве можно говорить, если оскорбленный, униженный человек (особенно женщина!) не имеет никакой возможности защитить себя.

Когда несколько молодых подонков не так давно, обложив меня на остановке матом, плюнули (в самом прямом смысле этого слова) мне в лицо, я обратилась в милицию. Там на меня посмотрели, как на дурачку: ведь не обокрали, не изнасиловали, а только надругались над человеческим достоинством... Подумаешь, эка дело! Мелочь, одним словом.

Уверена, такая «мелочь» ежедневно происходит со многими из нас. Не деловитость, а нахрапистость, не ум, а изворотливость, не совесть, а бесстыдство – вот что становится в России «общечеловеческими ценностями». И самое страшное – мы к этому привыкаем. Мне уже и самые близкие, родные люди говорят: мол, Люда, не будь моралисткой, сейчас время такое...

А какое, собственно, время? Такое же, как и мы. Я все же думаю, время определяют сами люди, а не наоборот.

Нас постоянно унижают, а мы миримся с этим. Разве это не унижение – ждать по три месяца своих заработанных денег?! Разве это не унижение – жить в обветшалой полуразрушенной квартире только потому, что государственные деньги на ремонт дома «крутятся» в чьих-то руках?!

О каком достоинстве может идти речь, если правительство, ничтоже сумняшеся, обманывает своих граждан ежедневно?

Возможно, я и впрямь моралистка, если еще кричу об этом, пишу вам в «Смену». Но знаете, легче все же становится, когда веришь, что тебя услышат...

Мне 36 лет, два высших образования, и я не считаю себя неудачницей. Таких женщин, как я, с той же болью и горечью в душе – миллионы. Поэтому нет смысла говорить, где работаю, в каком конкретно месте живу. А пишу для того, чтобы те, кто молча переживает все это, копил боль, тоже написали в журнал, газету. Кто прочтет такой вот душевный «SOS», поймет: нам еще есть что терять, а значит, есть за что бороться – за достоинство...

С уважением и все-таки надеждой

122

Людмила БЕЛЯЕВА,
Красноярский край

Здравствуйте! Мне 16 лет, и я читаю ваш журнал уже полгода... Я – фанат группы «Алиса». Кинчев – мой кумир. Хотя взрослые, например мои родители, его не любят. А не любят потому, что не понимают. Для меня «Алиса» – это все. Я могу о ней говорить часами. Они поют о привде жизни, о том, как все происходит на самом деле.

Я удивляюсь – взрослые жить не могут без политики и нас, молодых, приучают к тому же. А я не хочу слушать, что мне будут врать по телевизору мужики в серых костюмах. Достало!

Лучше я буду тусоваться с моими друзьями, слушать Костю и получать от этого кайф. А все другое меня не интересует. Не потому, что я такой тупой, просто жизнь

вокруг нас такая скучная и жестокая, что хочется о ней забыть хоть на время.

Родители твердят: после школы ты должен поступать в институт... Я спрашиваю: «Зачем? Чтобы потом сидеть в каком-нибудь НИИ, переключать бумажки и не получать зарплату? Кому будет нужен мой диплом и мои знания? Вряд ли кто ответит на эти вопросы.

Говорят, что наше поколение растет ленивым, глупым и жестоким. Я так не считаю. Просто мы не хотим жить в тех рамках, в которых всю жизнь оставались наши родители и в которые они пытаются загнать и нас. Я, между прочим, в школе учусь без троек, учеба дается легко. Но это меня совсем не прикалывает. Главное в моей жизни – песни «Алисы», и пока буду их слушать, буду жить.

Так что прошу вас сделать интервью с Костей Кинчевым и с другими рок-музыкантами. Нам, молодым, прочитать это будет по кайфу. А про всякую попсу и так все газеты пишут, надоело. И еще я вам советую – сходите на концерт «Алисы» и сами все поймете.

Мы вместе!

Андрей СМЕРНОВ,
Москва

Прочитал в N 7 за этот год статью Татьяны Смольяковой «Убийственный процент» – очень она мне понравилась. Мы, специалисты-фтизиатры, знаем истинное положение дел по туберкулезу в России и расцениваем его как катастрофическое. Заслуга автора статьи в том, что она рассказала правду в массовом литературно-художественном, а не в медицинском издании, притом в доступной для неподготовленного читателя форме, с интересными при-

мерами. Может быть, теперь будет меньше отказывающихся от флюорографии, от проб Манту и прививок БЦЖ. Может, дойдет эта публикация и до членов правительства, и до губернаторов, и быстрее будет принят закон о борьбе с туберкулезом, о защите населения России от этой тяжелой болезни, будут утверждены региональные программы. Ведь сегодняшнее положение тысячам людей грозит инвалидностью и даже ранней смертью.

Как известно, теперь Беларусь находится в союзе с Россией. Белорусскому здравоохранению эксперты ВОЗ советуют взять на вооружение российскую противотуберкулезную программу как более экономичную в нынешнее трудное для государства время. Но мы всячески сопротивляемся, хотя любому врачу ясно, что нельзя экономить на профилактике тяжелых инфекционных заболеваний. Это со временем может обернуться и невосполнимыми убытками, и многими людскими трагедиями. Очень легко разрушить противотуберкулезную службу, одну из старейших и лучших в бывшем советском здравоохранении, в случае же неблагоприятия — а оно уже налицо — вновь солдат ее будет очень тяжело.

Заболеваемость населения активным туберкулезом в нашей Могилевской области составляет 50 случаев на 100 тысяч населения (в России — 48,2). За первое полугодие текущего года цифра эта увеличилась на 26 процентов. Среди причин роста и страшный для нас черныбыльский фактор. Но даже невооруженным глазом видно, что проблема туберкулеза имеет глубокие социально-экономические корни.

Иосиф ГРИБ,
Могилев, Беларусь

Все мы вышли из гоголевской «Шинели»... Но многие из нас вышли еще и из коммуналок, где «обобществлены» не только кухонная плита, но и сама жизнь. Соседи...

Они становились порой ближе, чем родственники. Их любили и ненавидели, жалели и проклинали. С ними делили слезы и радость, на них писали анонимки и отдавали им последний кусок хлеба...

Мы одалживали у них не только «тройку» до получения, но и душевное тепло, что согревало в стылые минуты жизни.

Дяди Пани и тети Шуры, где вы сейчас?

Коммуналки, вроде бы, канули в Лету. (Впрочем, далеко не везде...) А соседи, память о них — остались. И появились соседи новые — по лестничной площадке, даче, гаражам...

И уже трудно представить, как жить без них. Праздник и будни окрашены их словом, поступком, взглядом...

Мы не живем в одиночестве.

Россия — «страна соседей». Вот мы и предлагаем вам — расскажите о своих соседях — бывших, нынешних.

Что они значили и значат в вашей судьбе?

Напишите о плохих и о хороших, о тех «мелочах быта», из которых и складывается жизнь наша — бок о бок друг с другом.

Ваши письма с пометкой:

«На конкурс «Сосед» будут опубликованы в журнале.

Авторов лучших писем ждут весьма серьезные призы.

Итак, конкурс на лучшее письмо «Сосед» стартует с начала будущего года. Будет ли он успешным — зависит от вас.

Редколлегия «Смены»

ЛИЛИЯ БАЙРАМОВА

АРЧИМБОЛЬДО

Помню, лет пятнадцать назад один знакомый мне рассказывал о средневековом художнике, изображавшем человеческие лица с помощью причудливых композиций... из овощей и фруктов. Причем иногда даже и с портретным сходством. Тогда мне показалось это диким и чудным. Невероятно, думала я, из неодушевленных предметов составить лицо, губы, брови, глаза да еще, чтоб все это дышало, чувствовало и думало? Но вот попался мне на глаза старенький чешский альбом с работами Арчимбольдо, и я убедилась: да, действительно лица и действительно из фруктов и овощей, и еще Бог весть из чего. И ведь здорово! Красиво, эффектно – да и живопись просто великолепная! Но странно: ни в одном справочнике или энциклопедии, сколько ни искала, не встречалось мне даже самой сухой информации об этом итальянском художнике. Но почему, за что же его так невзлюбили наши искусствоведы, что даже имя его предали забвению? Ответ пришел гораздо позже. Однажды я ли стала огромный том «Всеобщей истории искусств» и в разделе «Итальянское искусство XVI века», где собственно и должен находиться Арчимбольдо, на одной из страниц с удивлением прочла: «В некоторых случаях равнодушие к человеку, склонность к формальным экспериментам достигают у художников этого времени такой степени, что они выступают как предтечи упадочнических настроений в современном искусстве». И далее в качестве примера приводятся – «чудовищные «сюрреалистические» аллегории времен года, стихий» ... Арчимбольдо!

Земляная галерея

Ах, бедный, бедный Арчимбольдо... Живя четыре века назад, усердно трудясь на ниве искусства при дворе у Габсбургов, обслуживая прихоти и капризы императоров, он и не подозревал, несчастный, что его фантастические картинки могут прийтись по вкусу мэтру современного сюрреализма Сальвадору Дали. Вполне возможно, что, работая в Праге или Вене, а позже и в Милане, создавая свои беспримерные аллегории, он тихо радовался своему остроумию и изобретательности; тем более, что и всех окружающих его работы приводили в восторг как нечто новое и удивительное. Но ему и в голову не могло прийти, что в двадцатом столетии в его невинных фантазиях могут усмотреть «равнодушные к человеку» и назвать их «чудовищными».

Впрочем, и на Западе судьба искусства Арчимбольдо вплоть до середины двадцатого столетия складывалась плачевно. Любимца императора Рудольфа II, обласканного вниманием придворных, Арчимбольдо вскоре после смерти надолго и прочно забыли. Ни в XVII, ни в XVIII столетиях о нем ни слова. Его имя как художника-портретиста впервые упоминается лишь в 1885 году в трактате Карло Казате. В 1911 году шведский коллекционер Олаф Гранберг опубликовал в Стокгольме «Генеральную опись сокровищ искусств Швеции», и только после этого имя Арчимбольдо приобретает некоторую известность в артистических кругах. Чуть позже его открывают художники. Сюрреалисты увидели в нем своего далекого предшественника. В книге «Мир как лабиринт» Густав Рене Хок обнаружил удивительные параллели между искусством художника XVI столетия и произведениями Сальвадора Дали и Макса Эрнста. В монографии об Арчимбольдо, опубликованной в 1954 году, Бено Гейгер писал по поводу его картины «Библиотекарь»: «Это триумф абстрактного искусства в XVI столетии» и далее, что он не знает «ничего более близкого современному искусству, чем эта умная живопись».

Так кто же такой этот неведомый Арчимбольдо? Так пугавший одних и восхищавший других, чья живопись даже после всех невероятных выкрутас и вывертов нашего столетия осталась такой же свежей и пленительной, что лишний раз доказывает ее принадлежность к настоящему, подлинному искусству, а не к разряду курьезов и анекдотов?

Окончание — больдо или — бальдо, как и во всех итальянских фамилиях, указывает на южногерманское происхождение семьи Арчимбольдо. И действительно, со слов самого Арчимбольдо, известных благодаря записи отца Морджиа, его биографа, мы узнаем, что художник рассказывал ему о некоторых подробностях из жизни своего рода, которые он почерпнул из древнего пергамента на немецком языке. Арчимбольдо также сообщил отцу Морджиа, что он посетил два местечка под названием Арчимбольди и что в Аугсбурге и в Регенсбурге он видел древние мраморные надгробия с гербовыми щитами их рода и что будто бы по всей Германии найдется немало людей с такой фамилией.

Пра-прадедушку Арчимбольдо избрали архиепископом в Милане в 1489 году, следовательно, еще в то время, когда там служил при дворе Людовико Моро великий Леонардо. А сам Джузеппе родился в Милане в 1527 году. Его отец — Бьяджо был тоже художни-

гом и трудился над украшением Миланского собора. По-видимому, наибольшее влияние на интеллектуальное развитие юного Джузеппе помимо отца, наверняка наставлявшего сына в его будущей профессии, оказывал его двоюродный дядя Джантелло Арчимбольдо, занимавший место миланского архиепископа. Дядя самый умный и образованный человек, а его дом привлекал многих известных и выдающихся людей своего времени: художников, ученых, писателей и гуманистов. Общение и близкое знакомство с этими незаурядными людьми сыграли свою положительную роль в воспитании Арчимбольдо, пробудили в нем интерес к наукам и философии и вообще привили тот вкус к интеллектуальным занятиям, который будет свойственен ему до конца жизни.

Кроме того, отец Джузеппе считался другом ученика Леонардо художника Бернардино Луини. Конечно, когда Джузеппе вырос, ни Луини, ни тем более Леонардо уже не было в живых, но зато мы точно знаем, что после отъезда Леонардо из Милана у Луини остались наброски и записные книжки Леонардо и поэтому через отца и сына Луини он был знаком с этими бесценными материалами: чертежами, рисунками и карикатурами Леонардо, и что они тоже сыграли немалую роль в его развитии. И еще: хотя Милан к середине столетия уже окончательно потерял свое лидирующее положение в области искусства, но его связи с другими итальянскими городами, впрочем, так же как и с Германией, Нидерландами и Францией, не обрывались, и Джузеппе вполне мог видеть и слышать не только местных знаменитостей, но и мастеров, философов и ученых из других концов Италии и Европы. И уж, конечно, он прекрасно знал тех немецких художников, которые работали вместе с его отцом в Миланском соборе или изготавливали гобелены для Медичи. Одним словом, вся обстановка его детства и юности, насколько позволяют судить документы и сохранившиеся сведения, была благоприятна для его становления и много способствовала его дальнейшей и такой разносторонней деятельности.

Когда Джузеппе исполнилось 22 года, он помогал отцу расписывать Миланский собор. Сохранившаяся запись говорит о том, что и отцу, и сыну заплатили за эскизы к некоторым витражам. А через два года он раскрасил пять гербовых щитов для князя Фердинанда из Богемии (в то время князь еще не был императором). Когда он находился в Милане, ему кто-то порекомендовал Арчимбольдо уже в качестве превосходного мастера.

С 1551 года в записях Миланского собора упоминается уже только один Джузеппе Арчимбольдо. Отец его к тому времени умер. Сохранились документы, из которых видно, что Джузеппе поручали целые серии работ по оформлению собора, но, к сожалению, из всего того, что сохранилось до наших дней, только цикл витражей, посвященных Святой Екатерине, можно с уверенностью отнести к авторству Арчимбольдо. Похоже, история Св. Екатерины — это все, что осталось от его работы в Миланском соборе. В этих ранних произведениях еще нет намека на склонность Джузеппе к фантазированию и эксцентризму, здесь все очень спокойно и традиционно, манера художника вполне вписывается в рамки привычного...

В конце пятидесятих имя Арчимбольдо упоминается в документах собора последний раз. Ему уплатили 159 лир за эскиз к одному гобелену, а всего их на сюжеты из старого и нового Завета сохранилось восемь. Кстати, именно в них можно усмотреть некое предчувствие позднего Арчимбольдо, это касается прежде всего пышного декоративного оформления в виде буйства фруктов, цветов, лент и различных замысловатых украшений, которые как бы обрамляют поверхность гобелена.

В 1562 году Арчимбольдо наконец-то соглашается на неоднократные просьбы императора Фердинанда I приехать к нему в Прагу в качестве придворного художника. Конечно, это почетное приглашение к императорскому двору стало возможным только при условии достаточной известности Арчимбольдо. Да так оно и было. Вот что писал Паоло Морджиа вскоре после отъезда Джузеппе в Прагу: «Это художник с редким талантом, который обладает также колоссальными познаниями и в других областях. Он доказал свою цену не только как живописец, но и как эксцентричный художник и не только в своей родной стране, но и за рубежом; таким образом, он заслужил своей высшей похвалы, и его известность достигла даже императорского двора в Германии».

Император прекрасно принял Арчимбольдо. Любовь к приезжему итальянскому мастеру он сохранил не только до конца своих дней, но и передал по наследству сыну Максимилиану, а тот в свою очередь – Рудольфу II. Арчимбольдо было положено высокое жалование и оказывались всяческие милости. Вместе с тем, помимо чистой живописи, у него оказалось и много других забот и обязанностей: в качестве художника-декоратора он был непременным участником самых разнообразных празднеств, торжеств, турниров и свадеб, устраиваемых при императорском дворе. Он выполнял великое множество редких и деликатных работ по искусству, вызывавших неизменное восхищение императора и знатных господ.

В течение первых лет службы у Фердинанда Арчимбольдо выполнил несколько портретов членов императорской семьи и тогда же написал свой первый вариант серии «Времена года». Две вещи из этой серии – «Лето» и «Зима» – сейчас находятся в Музее искусств в Вене, «Весна» в мадридской Академии Сан-Фердинандо, а «Осень» утеряна.

После смерти Фердинанда место на императорском троне занял его сын Максимилиан II. Вот характеристика, данная ему известным русским историком Тимофеем Грановским: «Он принадлежал к числу тех благородных умов и характеров, которые не часто встречаются в век, волнуемый религиозными страстями и фанатизмом. (Напомню, что XVI век – это век напряженной борьбы между католицизмом и протестантизмом.) По образу мыслей своих он стоял выше своих современников, равно чуж-

Огородник. 1590 г.

Зима. 1573 г.

Библиотечарь. 1566 г.

Весна. 1573 г.

дый и католического фанатизма и протестантских увлечений, хотя при этом был человеком глубоких религиозных чувств».

В период правления Максимилиана Арчимбольдо написал огромное количество работ, однако до наших дней их дошло крайне мало. В 1566 году он создал свой знаменитый цикл «Четыре стихии». Две картины «Вода» и «Огонь» сейчас находятся в Музее искусств в Вене, а местонахождение двух остальных «Земли» и «Воздуха» до сих пор не установлено. В эти же годы он пишет «Адвоката», несколько повторений серии «Времена года», один из вариантов которой, написанный в 1573 году, был приобретен спустя почти четыре столетия, в 1964 году, Лувром, а также «Повара» и «Официантку», причем две последние картины утеряны.

Так же как и Фердинанд Максимилиан использовал не только живописный талант Арчимбольдо. Подобно Леонардо да Винчи, Арчимбольдо был мастером на все руки. Он и архитектор, и художник-постановщик спектаклей, и инженер, и водный инженер, и вообще специалист по всем родам искусств. Авторитет его знаний, эрудиции, профессионализма был настолько высок, что он оказывал даже некоторое влияние на императора. Тот не только всегда прислушивался к его мнению, но и приноравливал свой вкус ко вкусу художника. По словам отца Морджиа Арчимбольдо мог войти к императору в любое время дня, ибо находился в особом у него фаворе. С помощью Арчимбольдо Максимилиан расширял коллекции своих кабинетов искусств и всевозможных чудес, которые впоследствии волились в знаменитый «Кабинет» Рудольфа II, своего рода уникальную кунсткамеру XVI века.

Интересна деятельность Арчимбольдо в качестве «Мастера Празднеств». В эпоху Ренессанса у европейских монархов существовал красивый обычай – устраивать по самым разным поводам турниры и празднества. Они всегда становились очень яркими и надолго запоминающимися событиями в жизни государства и проводились с большой торжественностью и помпой. Сюжеты и персонажи для представлений, как правило, черпали из античной истории или мифологии, иногда даже с некоторым намеком на современные политические события, но цель и главная идея торжеств всегда была одна – прославить всемогущество и мудрость императора. Для Габсбургов все эти празднества имели особенно большое значение по той причине, что Германская империя, во главе которой они стояли, включала в себя целый хороровод народов: от чехов, словаков до венгров и немцев, и всем народам следовало внушить мысль о несомненном политическом превосходстве и силе императорского дома.

Вот краткая выжимка из подробного описания свадебного представления, устроенного в честь бракосочетания эрцгерцога Чарльза из Штирии и Марии из Баварии в 1571 году, на котором главным художественным руководителем, выражаясь языком наших дней, был Арчимбольдо. Церемония происходила в открытом поле за городскими стенами. На искусственном холме воздвигли две пирамиды. Первой на сцену, стоя в повозке, которую тащили красавицы-павлины, въезжала Юнона – покровительница бракосочетаний. Ее сопровождали короли трех континентов: Африки, Азии и Америки, их исполняли члены королевской фамилии. Вслед за Юноной из облаков спускалась Ирис и призывала начать состязание. И сразу же на

сцену выезжала прелестная Европа верхом на быке, в сопровождении Сирен и Семи свободных искусств, исполнявшихся королевскими камергерами. А затем выбегала проказница-Диана с единорогом и с кавалькадой провожатых в виде амазонок и дворян, наряженных дикими животными. Ну и так далее...

Какое благодатное и неисчерпаемое поле деятельности разворачивалось перед организатором этих пышных торжеств; сколько выдумки, фантазии, изобретательности, чисто технических навыков и знаний требовалось от него. Ведь каждый раз нужно было выдумывать что-нибудь новое и свежее, что-нибудь такое, чего прежде никто не видывал. И не в этой ли горячке предпраздничных дней, когда бешено работало воображение, среди всей этой сумасшедшей сутолоки карнавальных костюмов, фантастических масок и самых причудливых нарядов рождались идеи его картин? Ведь сохранился же альбом с эскизами Арчимбольдо, сделанными специально для всех процессий и балов, подаренный им императору Рудольфу II. Где и лошади, наряженные драконами или слонами, и аллегорические фигуры «Геометрии», «Музыки», «Риторики» и «Астрологии».

Однако Арчимбольдо был не только великолепным декоратором и модельером. Он много писал для Максимилиана и членов его семьи. Во всяком случае, документы подтверждают, что ему периодически платили именно за живописные работы, хотя, к большому сожалению, большинство из них утеряны навсегда.

По смерти Максимилиана II Арчимбольдо остался при императорском дворе, продолжая усердно служить Габсбургам, теперь уже в лице сына Максимилиана — Рудольфа II. Для характеристики Рудольфа приведу опять-таки слова Тимофея Грановского: «Рудольф был не в уровень с обстоятельствами. Человек высокого образования, глубокий знаток химии, приверженец астрологии, но при всем том бессильный и слабый характером, воспитанник иезуитов, которые убили в нем последнюю волю». Добавлю, что Рудольф был и большим знатоком и любителем изящных искусств, особенно выделяя скульптуру и живопись. К его двору стекались многие знаменитости и среди них такие великие ученые, как датский астроном Тихо Браге и немец Иоганн Кеплер. Водились у него и астрологи, и алхимики, пытавшиеся производить золото невесть из чего, хватало и просто безумцев, предлагавших проекты вечного двигателя и решения знаменитой задачи о квадратуре круга.

Однако самым главным увлечением Рудольфа, его любимым детищем был знаменитый на всю Европу «Кабинет искусств и всевозможных редкостей», включивший в себя все самое экзотическое и поразительное из того, что только могла произвести рука человека или родить природа. Своеобразная смесь музеев всех типов: зоологического, палеонтологического, краеведческого, исторического, этнографического и политехнического, прибавьте сюда еще и замечательную галерею, и вы получите хотя бы приблизительное представление об этом уникальном собрании Рудольфа. Все было рассчитано на то, чтобы удивить и поразить воображение посетителя, ошарашить его многообразием и чудесностью мира. Чего здесь только не было: чучела всех птиц, известных в то время; гигантские мидии; рыба-меч и рыба-пила; драгоценные камни и демоны, заключенные в

стеклянные блоки (?), вещицы из Африки, Индии и настоящий зоопарк экзотических животных. Кроме того: вазы в виде животных и драконов, музыкальные автоматы, мозаики из перьев колибри, астролябии, квадранты и корень мандрагоры. Везде Рудольф имел своих агентов, в обязанность которых входило выискивать и покупать ему что-нибудь удивительное, какую-нибудь новую редкость.

Главным хранителем всех чудес поставлен был Арчимбольдо. Судьба словно нарочно подталкивала художника, человека с необычайно сильным и ярким воображением, ко всему таинственному и чудесному.

Кстати, Рудольф и самого Арчимбольдо посылал иногда в поездки за какими-нибудь редкостями. Известно, например, что художник ездил в местечко Кемптен в Южной Германии покупать произведения искусства и каких-то редкостных птиц и животных.

Но Арчимбольдо был еще и ученым. Впрочем, в те времена такая многосторонность не казалась чем-то уникальным, вспомним хотя бы Леонардо с его энциклопедическими познаниями во многих областях науки и искусства. Таков был и Арчимбольдо. Друзья называли его человеком «глубочайшего интеллекта». Современники расточали похвалы его находчивости и изобретательности, его гению архитектора и строителя крепостей. Говорили, к примеру, что Арчимбольдо изобрел метод, как можно быстро перебраться через реку при отсутствии моста или перевоза. Из воспоминаний его ближайшего друга Грегорио Команини мы узнаем, что Арчимбольдо считался не только серьезным знатоком и ценителем музыки, но и теоретиком и создателем музыкальных автоматов! В основе его «Цветового клавинода» лежала идея о том, что каждому звуковому тону должен соответствовать определенный цвет из составленной им цветовой шкалы...

Что касается собственно работы Арчимбольдо в эти годы в качестве художника-живописца, то она, по-видимому, не отличалась интенсивностью. Можно только предполагать, что все силы художника поглощались посторонними заботами: приведением в порядок «Кабинета», организации празднеств и времени на живопись у него просто не оставалось. Известно только, что в 1577 году Арчимбольдо дважды повторил «Времена года», а в 1585 году преподнес в подарок императору альбом с эскизами костюмов и с зарисовками.

В 1587 году после двенадцати лет службы у Рудольфа II и после неоднократных настойчивых просьб шестидесятилетний Арчимбольдо получил наконец-то разрешение вернуться к себе на родину, в Милан. За его «долгую, верную и добросовестную» службу император пожаловал художнику полторы тысячи рейнских гильдеров. В тот же год Арчимбольдо покинул Прагу и возвратился в Милан. В 1591 году написал два своих самых прославленных полотна: «Флору» и «Вертумна», последнюю работу друзья художника считали портретом самого Рудольфа. Эти две вещи он отослал императору в Прагу. Тот пришел в восторг от этих шедевров и пожаловал художнику титул пфальцграфа.

А год спустя, 11 июля 1593 года, Арчимбольдо скончался и, как явствует из записи в регистрационной книге, причиной смерти было «задержание мочи и почечные камни»...

Арчимбольдо умер, а вместе с ним умерла и память об его экстравагантных картинах, которые так забавляли при жизни художника его высочайших покровителей. Трудно понять, в чем заключалась причина столь раннего и абсолютно полного забвения. Может быть, менялась мода, приходили новые имена и то, что вчера казалось интересным и оригинальным, сегодня выглядело чересчур уж манерным и странным? Скорее всего, сам жанр архимбольдовских картин не располагал к слишком серьезным размышлениям, уж очень резко они выпадали из всего того, что предлагал тогда художественный рынок, и наверняка большинству аллегории Арчимбольдо казались просто эксцентричными, остроумными выходками чудака-художника, о которых и рассуждать не стоит.

А, может быть, в немалой степени, забвению способствовала историческая трагедия, разыгравшаяся в Чехии в первой половине XVII столетия, жестокая тридцатилетняя война, захват Праги шведскими войсками и вывоз картин Арчимбольдо в Швецию, где некоторые из них находятся до сих пор в частных собраниях?

Как бы то ни было, но настоящий интерес к живописи Арчимбольдо пробудился только в двадцатом веке. И это не случайно. Его необычные приемы, оставившие холодными и равнодушными зрителей предшествующих столетий, оказались в чем-то необычайно созвучными исканиям современных художников. Сюрреалисты увидели в нем своего далекого прародителя. Действительно, самый первый, поверхностный взгляд на картины Арчимбольдо, сравнение их с произведениями того же Дали обнаруживают удивительные взаимосвязи и параллели между этими двумя художниками, которых разделяет почти четыре столетия. Сравним хотя бы две знаменитые вещи и того, и другого: «Библиотекаря» Арчимбольдо и «Антропоморфный шкаф» Сальвадора Дали. Казалось бы, сходство — очевидное. И там и тут фигура человека представлена в виде каких-то предметов; у Дали, правда, это только туловище лежащего человека, но в образе небольшого комода с выдвижными ящичками, а у Арчимбольдо — человека собственно и нет вообще, есть только груда книг, уложенных так ловко и остроумно, что все вместе они представляют собой как бы подобие человека. Но на этом сходство, чисто внешнее, заканчивается и начинается очевидное внутреннее расхождение. Там, где у Дали, да и у всех сюрреалистов, — апофеоз распада и разложения, где у них — хаос, бессмыслица и беспорядок жизни, там у Арчимбольдо, напротив, очень здоровый и ясный взгляд на вещи. Идеи его произведений, в отличие от сюрреалистических, предельно просты и понятны.

То же самое можно сказать и об остальных произведениях Арчимбольдо, о его аллегориях времен года и четырех стихий. Здесь самое важное — абсолютно новаторское, поистине гениальное и в то же время простое решение заурядных тем. Вполне возможно, что на это неожиданное решение натолкнула Арчимбольдо его повседневная практика: изобретение фантастических костюмов, постановка праздничных шествий и процессий и вообще вся атмосфера сдвинутости в сторону эксцентричного и сказочного, когда раскрепощается воображение. К тому же огромное количество экспонатов в «Кабинете» словно бы символизировали собой богат-

ство и могущество земных стихий: Земли, Воды, Воздуха и Огня. Оставался только один крошечный шаг, чтобы выразить эту идею. И этот шаг с успехом сделал Арчимбольдо. Он соединил несоединимое и добился результата, пожалуй, такого, какого не добился бы ни один художник – иди он обычным, традиционным путем.

В самом деле, взгляды в его фигуры Воды, Земли, Воздуха или Огня. Вся их необычная плоть состоит из мириад существ, которые впадают и лепятся друг на друга. Раки, черепахи, крабы, тюлени, акулы, моллюски, какие-то совершенно неизвестные рыбы образуют одну неразрывную общую массу и создают впечатление невероятного изобилия и щедрости воды. И в то же время эта чудовищная масса существ – не бесформенна, она не только не расплывается на куски, а, напротив, соединяется в единое целое, в фигуру самой Воды, и мы видим ее влажный, темный, какой-то рыбий взгляд, ее рот в виде акульей пасти и чувствуем, что фантастическая фигура дышит, живет, даже может что-нибудь и сказать.

То же самое происходит и с аллегориями Земли, Воздуха и Огня. Огонь же просто великолепен. Его фигура составлена из предметов, производящих огонь: свечек, ламп, дров, подсвечников, но художнику удалось передать и нечто гораздо большее. Огонь словно дышит злой волей, страстью к разрушению и уничтожению, и так и кажется, будто этот медный злой истукан с рыжими огненными волосами и стальным носом сейчас пойдет сеять хаос и несчастья, поджигать дома и убивать все живое.

Но, пожалуй, самым восхитительным и фантастическим созданием Арчимбольдо является его знаменитый «Вертумн», тот самый, который считается портретом императора Рудольфа II. Вертумн – древнеримское божество перемен, смены лет и растений. Обычно оно изображалось в виде стройного юноши с садовым ножом и корзинкой плодов, но Арчимбольдо сотворил из этого образа что-то уж совершенно невозможное... И поистине Рудольф II был умным человеком, сумевшим по достоинству оценить юмор и необыкновенное мастерство художника, а главное то, как сумел подать этот хитрый Арчимбольдо образ самого императора. Ведь необычное решение портрета – опять-таки в виде изобилия всевозможных ягод, плодов и овощей – позволило художнику тонко польстить императору, не впадая при этом в грубую лесть. Приятно было увидеть себя в виде эдакого здоровяка – сильного, крепкого существа с доброй улыбкой, сияющими глазами и с щеками-яблоками, лопающимися от чрезмерного здоровья и счастья. На голове странного существа чудесный венок из виноградных листьев, колосьев пшеницы, вишен, яблок и кукурузных початков, словно нимб или корона. И как хорош и чудесен этот Вертумн, и если уж он действительно создан во славу Габсбургов, то лучшего гимна в честь империи и ее хозяев трудно придумать: таким здоровьем, могуществом, щедростью и изобилием веет от всей жизнерадостной и красивой фигуры Вертумна...

Вот таким был этот необыкновенный художник, чьи чудесные аллегории так несправедливо и неумно называли «чудовищными», а его самого обвиняли в равнодушии к человеку. Да нет, не равнодушием веет от его картин, а подлинным душевным здоровьем, радостью и красотой.

СТАНИСЛАВ ПЕСТОВ

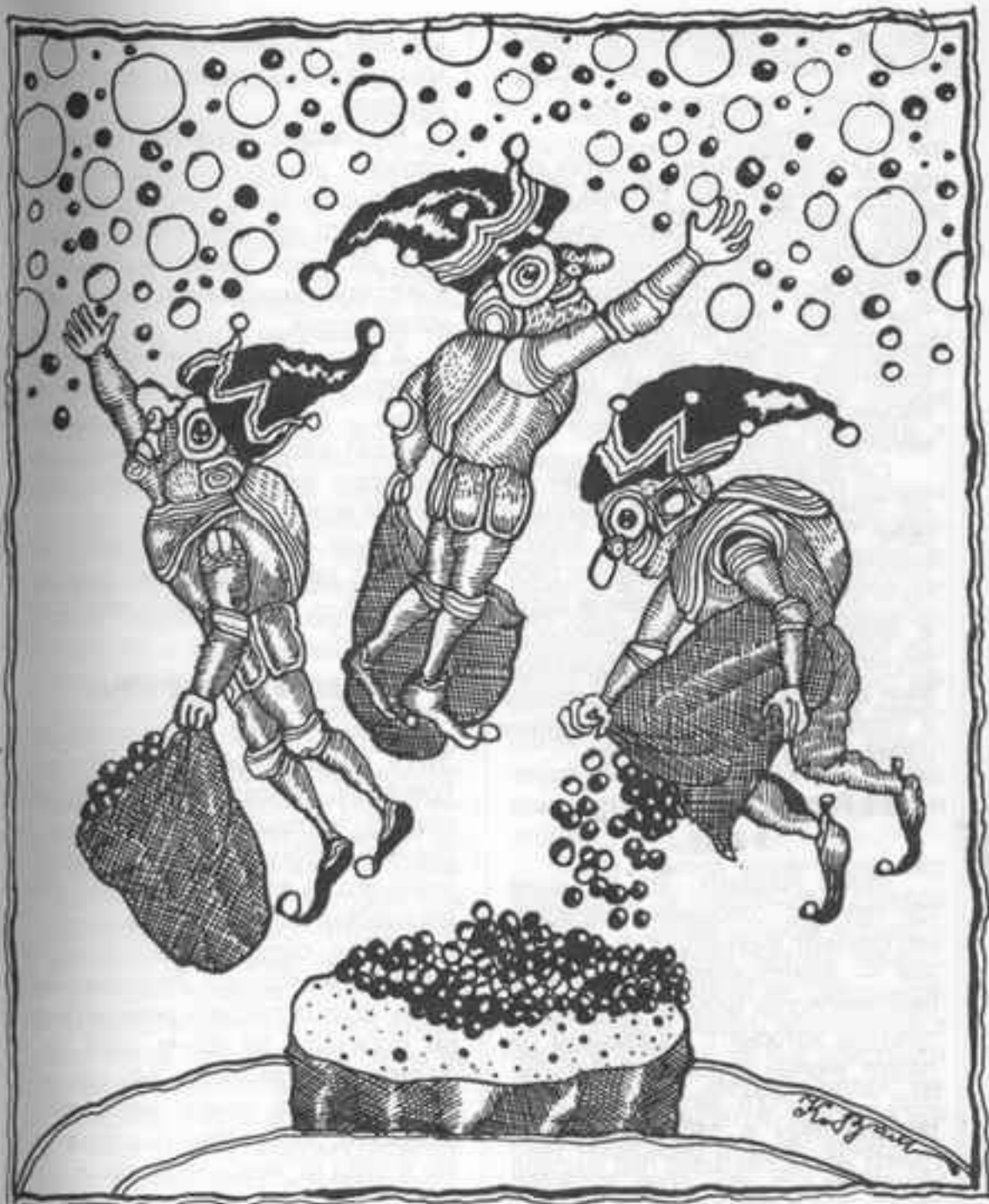
НАНОТЕХНОЛОГИЯ

О БЕССМЕРТИИ И МАННЕ НЕБЕСНОЙ

**Ученые говорят:
в будущем веке
станет реальностью
получение пищи
из... воздуха,
избавление
от любых болезней
и даже
бессмертие.**

Самая грандиозная реклама

В 1959 году на собрании Американского физического общества выступил знаменитый физик, будущий Нобелевский лауреат, Ричард Фейнман. Он известен своим замечательным курсом лекций по физике и как создатель квантовой электродинамики, новой формы квантовой механики, и прежде всего как один из творцов американской атомной бомбы.

Тогда, выступая перед ведущими физиками, Фейнман рассказал о перспективах, отрывающихся перед человечеством, если люди научатся выстраивать атомы по своему желанию. Фейнман считал, что это произойдет в недалеком будущем и он сможет увидеть это своими глазами.

Спустя 30 лет — в 1990 году, который можно считать началом эры практической нанотехнологии, — ученые фирмы IBM сделали самую

маленькую (а по существу наиболее грандиозную) рекламу своей фирме. Они изобразили три буквы IBM — каждая была размером в 5 атомов. Это сделала специальная машина, называемая «сборщиком атомов». По сути — туннельный сканирующий микроскоп с тончайшей иглой.

Писатель-фантаст и ученый Артур Кларн полагал, что «сборщики атомов» появятся лишь в следующем веке, как итог эволюции персонального компьютера. Кларн назы-

Наносборщик

вал их «репликаторами» и справедливо считал, что они могут собрать из атомов окружающей среды любую мыслимую вещь.

Однано «сборщики атомов» появились в некоторых странах уже в этом десятилетии. Конструкции их различны — одни работают в условиях умопомрачительного вакуума; другим нужна температура в тысячи градусов; третьим, наоборот, — абсолютный холод. Такие машины весьма громоздки, а стоимость их — миллионы долларов.

Ситуация весьма знакомая, то же самое было на заре ламповых ЭВМ. Они были огромны, дороги, требовали особых условий для работы, и хотя эти ЭВМ произвели фурор в науке, но настоящая революция случилась, когда они эволюционировали до персональных компьютеров и стали непременными атрибутами нашего быта.

И в России «соберут атомы» в якру...

Трудно поверить, что в России, где научные сотрудники месяцами не получают зарплату, а их учреждения — электроэнергию, в области нанотехнологии ведутся работы, результаты которых с удивлением цитируют ученые крупнейших держав. Еще с прошлого десятилетия нанотехнологиями в МГУ занимается группа исследователей под руководством В. Панова, в зеленоградском МИЭТе — профессора Т. Шермергор и В. Неволин, физики частной корпорации МДТ и химики Черногловни. Нанотехнологическое оборудование фирмы МДТ с удовольствием покупают научные центры Европы, Америки, Азии. А в России МДТ — почти монополист.

Еще труднее поверить, что в России создаются «сборщики атомов», которые можно купить и принести в дом, где они будут трудиться на радость всем домочадцам так же надежно и просто, как до-

машинный компьютер, стиральная машина или аппарат для самогонварения.

Российские «сборщики атомов» просты, дешевы, компактны (их можно спрятать в большой карман) и работают при комнатной температуре. Их можно увидеть и пощупать в институте микроэлектроники и нанотехнологии.

А раз «сборщики атомов» есть, собрать с их помощью можно что угодно — бутерброд с инрой, здоровую ДНК взамен поврежденной или (не будем забывать об этом!) невяданный вирус.

Оттуда же выросла столь необычная наука, названная нанотехнологией — от греческого «нано» — «карлик»?

«Черт на кончике иглы»

Боле ста лет тому назад (в 1877 году) талантливый изобретатель Томас Эдисон сделал прибор, который мог ловить звук, держать «взаперти», а потом выпустить его на волю — фонограф. По восновому валину скользила острейшая игла, связанная механически с тонкой мембраной. Если звука не было, игла оставляла ровный след на восновом барабане (ноль информации). Звуковые же волны, падающие на почти невесомую мембрану, заставляли ее колебаться, и след от иглы менял свою глубину в такт с колебаниями звука. Если теперь игла побегит по этой бороздке, то ее колебания передадутся мембране, и она «вернет» томлящийся взаперти звук.

Фонограф совершенствовался, превращался в граммофон, патефон и другие «фоны», чтобы в конце концов подарить нам лазерный диск — самый качественный, совершенный и компактный на сегодня хранитель информации. И, можно добавить, — хранитель практически вечный.

Однано сама идея оназалась еще плодотворней. Совсем недав-

но, в начале восьмидесятых, умельцы преподнесли человечеству сканирующий туннельный микроскоп — СТМ, за что получили Нобелевскую премию. В СТМ чрезвычайно тонкая игла движется над ровной поверхностью, но не касается ее, как в фонографе. Между иглой и поверхностью приложено мизерное напряжение. Поскольку игла не касается плоскости, то электрический ток не идет. Вернее, не должен идти, если следовать классической электродинамике. Но в микромире, когда расстояния между объектами сравнимы с самими микрочастицами, начинают проявляться законы квантовой механики — более сумасшедшие и менее объяснимые с точки зрения здравого смысла. В рассматриваемом случае заряды между иглой и поверхностью все-таки проскакивают, и тем охотнее, чем меньше расстояние между ними. В запретном для движения зарядов пространстве как бы возникает туннель, через который они «нелегально» стекают (отсюда название — туннельный микроскоп).

При сканировании, то есть заданном движении иглы на строго фиксированном (в среднем) расстоянии от самой поверхности, могут встретиться местные неровности — бугорки или ямки. В таких местах соответственно увеличивается или уменьшается ток через иглу, что легко зарегистрировать, а затем и построить на дисплее топографическую карту сканируемой поверхности.

Идею СТМ взяли на вооружение нанотехнологи. При этом принималось во внимание следующее: если приложить между иглой и подложкой чуть большее, чем в микроскопе, напряжение, скажем — один вольт, то напряженность электрического поля (а оно равно напряжению, деленному на расстояние) будет при променутке в 1 нанометр (одна миллиардная часть метра)

около одного миллиарда вольт на метр.

Такие гигантские напряженности возникают в редких и пока малоисследованных случаях — при разряде молнии, в центре взрыва ядерной бомбы... В подобных обстоятельствах происходят неведомые явления — протекать реакции, которые раньше не наблюдались и даже такие, которые считались невозможными — испарение атомов или осаднение их на подложку и множество других сюрпризов.

Древние схоласты долго терзали себя и окружающих дурацким вопросом — сколько чертей умещается на кончике иглы? Нанoeлектроника может дать на этот вопрос вполне определенный ответ — ни одного! Ибо конец иглы умельцы заточивают настолько, что размер острия становится сравним с размером одного атома. А черт же, как и все сущее, должен состоять из совокупности атомов...

Такое тонкое жало позволяет «работать» с небольшой группой атомов, с одним атомом и даже с электроном! Если острие приблизить к поверхности на сверхмалое расстояние и подать напряжение в несколько вольт, то под действием колоссальной напряженности поверхность вздыбится, или игла вырвет несколько атомов, отчего образуется ямка. Так или иначе, на поверхности останется след — будет записана единица информации (1 бит). При обратном прохождении наноиглы над ямкой или бугорком ток между иглой и поверхностью в такие моменты резко меняется — это и есть считывание записанной информации...

Шекспир в нанок измерении

Способов записи информации в нанотехнологии довольно много. Рассматриваются и такие, как механическое царапанье наноиглой поверхности. В этом случае искривле-

ние и глубина бороздки станут как бы элементами механизма памяти. По сути дела здесь — возвращение к эдисоновскому фонографу, но на другом, несравнимом по плотности уровне. Разработчики считают, что этот метод даст самые большие результаты по компактности.

В других способах используется испарение или осаждение над иглой нанопель металла — в частности, американцы для таких целей применяют золото. Уже давно ими с помощью нанопель золота достигнута плотность памяти в 10 000 раз большая, чем на магнитных дисках. Собрание сочинений Шекспира они планируют разместить на квадрате с диагональю 0,2 мм! Разыскать стихи в кармане среди табачных крошек будет, похоже, нелегко.

Нетерпеливый читатель спросит: а при чем же здесь бессмертие и скатерть-самобранка? От туннельного микроскопа до приготовления икры из воздуха — дистанция, кажется, огромного размера...

Реальные возможности добывания легкого хлеба насущного с помощью нанотехнологии на первый взгляд могут показаться сомнительными: сколько же времени уйдет на синтез хотя бы грамма высокомолекулярных веществ?

Человеческой жизни не хватит, чтобы собрать по атому эти граммы. А за то же самое время среднестатистический человек употребит 75 тонн продуктов и напитков.

Положение кажется безвыходным, если не принять во внимание одну особенность, которую принесла с собой нанотехнология.

Робот-карлик

Речь пойдет о нанороботах — исполнительных устройствах размером от 100 до 1 микрона, и даже меньше. При наличии компактной нанопамяти их можно снабдить программируемым управлением и, если

нужно, искусственным интеллектom. Можно, например, поручить им создание себе подобных, как это происходит в живых организмах. Производительность таких «цехов» невелика — домашние животные, например, дают в сутки привесы порядка одного килограмма. В искусственных же цехах благодаря однотипности продукции выход ее может быть значительно большим, да и сами «цеха» могут расти и плодиться... Пусть в соответствии с заданием каждый наноробот за час производит двух себе подобных. А если ввести в программу тех же нанороботов еще одно «задание» — например, «улавливать» за час две молекулы водорода, одну молекулу кислорода и соединять их в молекулу воды, то за рабочую неделю они «соберут» 2 миллиона тонн воды — громадное озеро. С такой производительностью можно жить, и жить — хорошо! Сразу же видится применение нанороботов для снабжения пресной водой в жарких и засушливых регионах...

Пропускание же морской воды «сверху строй» нанороботов даст еще больший эффект — вместе с пресной водой человек получил бы набор минералов (натрий, магний, кальций, калий и другие), которые содержатся в соленой воде, а также золото, платину и прочие драгоценные металлы.

Роль таких колоний нанороботов в добыче сырья, обработке земли, геологоразведке трудно переоценить.

В особенности, если они будут изготовлены из жаропрочных металлов и стойкой к агрессивным средам керамики.

И еще: человек обретает помощника, который будет трудиться на АЭС и в земных глубинах, проводя разведку минералов и выявляя критические ситуации, предшествующие землетрясениям (а, может быть, и предотвращая их)...

И на самой земле нанороботам предстоит поработать, чтобы резко повысить плодородие почвы, урожайность растительных культур, продуктивность животных.

За долгие годы эволюции зерновые, овощи и другие растительные культуры так и не «научились» толком усваивать свободный азот, крайне необходимый им для питания. И если нанороботы возьмутся за улавливание его и «приготовление» из усваиваемых молекул азотистых соединений, то урожайность может повыситься в десятки раз. Ни о каком голоде на Земле тогда не может быть и речи, даже если на планете будет жить более 10 миллиардов человек!

Растительный мир — а точнее, одомашненные его культуры — все больше и больше не устраивают человека по причине их низкой «производительности». Действительно, от Солнца на нашу планету поступает поток энергии в 2 калории за минуту на один квадратный сантиметр. Что означает — один квадратный метр за два часа может уловить 2400 килокалорий. А это — суточная норма, необходимая человеку для его существования. Значит, для «пронорма» нанодому земному жителю достаточно одного квадратного метра (крыша любого дома в состоянии прокормить его обитателей...). Нынче же каждый россиянин кормит целый гектар; повысить результат хотя бы в 1000 раз, в 100 раз — вот достойная задача для нанотехнологии! И видится тут два этапа: программа-максимум — непосредственное участие нанороботов в улавливании и преобразовании солнечной энергии; программа-минимум — помощь человеку в обзаведении высокоэффективными сортами и породами.

Селекционная работа трудна из-за долгих сроков смены поколений — на выведение новых сортов

уходят иной раз десятилетия. Стало быть, в генетический код исследуемой культуры нужно внести «поправки», которые резко изменят программу роста и созревания данного сорта. И для этого необходимо произвести изменения в молекулах нуклеиновых кислот — убрать одни группы атомов, добавить другие. Ному же с этим справиться, как не «сборщикам атомов» и нанороботам? А, может, сразу взяться за программа-максимум — ведь культурные растения и домашних животных человек не создавал, а изменял, приспособливал. Возможно, проще создать новые виды, чем избавляться от ненужных признаков в используемых?

Ключ к здоровью

Неожиданные возможности открываются перед нанотехнологией и в области здравоохранения. Роботы микронного размера со своим «инструментом», с программой управления становятся необычными помощниками врача — действующими «изнутри», на молекулярном уровне.

Американские ученые всерьез обсуждают проект создания наносуществ, которые предполагается инъецировать в кровеносные сосуды человека. Вместе с током крови они обойдут весь организм, проводя везде локальные анализы крови, тканей, сосудов... Уже сейчас перед ними ставятся задачи по удалению холестериновых бляшек со стенок сосудов, что спасет жизнь миллионам больных.

Нанороботам, заключенным в инертную оболочку (чтобы не смущать иммунную систему), можно поручить распознавание и уничтожение зловредных вирусов, бактерий, улавливание токсичных молекул, утилизацию шлаков.

Особая задача — это выявление новообразований и уничтожение злокачественных опухолей. Деление обычных клеток не идет да-

лее 50 поколений, раковые же делаются неограниченно. Сегодня, когда российские ученые установили и описали механизм возникновения и самоподдержания роста злокачественных образований, наступило время решительной борьбы с раком, от которого умирает более двух миллионов человек ежегодно. Если нанороботов обучить распознаванию злокачественных клеток по их «щупальцам» (так называемым рецепторам), то рак становится победим на любой стадии. Ведь число нанороботов-ликвидаторов можно сделать значительно большим, чем количество метастазов. Затем крошки-терминаторы — по внешнему сигналу или согласно своей программе — удаляются вместе с выводимыми из организма шлангами.

Но риск снова заболеть раком остается. Как и любой другой болезнью.

Ключ к абсолютному здоровью лежит в механизме наследственности, и проблема полностью решится на молекулярном уровне. В той области, где нан раз разворачивается нанотехнология...

Преодолеть «зов крови»

Вторжение нанооператоров в генетический код человека — вопрос очень непростой не только с технической стороны, но и с точки зрения нравственности. Контролируемое обществом и его моралью воздействие на генотип человека станет настолько грандиозным, что сегодня трудно перечислить возможные его последствия.

Прежде всего человечество избавится от всех тяжелых и неизлечимых ныне болезней, связанных с наследственностью — гемофилией, дальтонизмом, расстройством белкового, углеводного обмена, что приводит к развитию олигофрении (слабоумия), слепоты, поражению печени...

Есть еще одна очень тонкая сфера человеческой жизни, где можно ждать колоссальных результатов от вмешательства наноприборов в наследственный механизм. Многие специалисты считают, что агрессивность, склонность к преступным деяниям, алкоголизму, наркомании заложены в человеке от рождения. И, несмотря на тюрьмы и ostrанизм окружающих, дурная наследственность регулярно проявляется, о чем говорят не снижающаяся преступность, наркомания и алкоголизм. Редчайшие случаи излечения лишь подтверждают правило.

Общество может лишь несколько повлиять на проявления дурной наследственности и смягчить последствия их. Полностью же вылечить в принципе можно, вероятно, с помощью ремонтно-клеточных наномашин, сориентированных на поиск «вредных» генов и умеющих перестраивать нужные молекулы в хромосомах.

Тут очень важно не перейти ту грань, ту черту, которая отделяет гуманную цель — оздоровление человечества — от фашистских методов «оздоровления нации» или от коммунистических психушек.

Как стать бессмертным

Современная медицина считает, что нормальная средняя длительность жизни человека — 120 лет. Однако до такого рубежа доживает мизерное количество людей. Отмирают клетки организма, на их место приходят другие — далеко не полноценные. Там же, где происходит регулярная смена (кровь, например, обновляется полностью за несколько дней, циклически возрождается кожа человека), пришедшие на смену клетки несут «груз предшествующих ошибок».

В «цехе по изготовлению» клеток новые образцы делаются тон-

дественным старым, и если в генетическом коде «родительской клетки» возникли какие-либо изменения, порча (под действием, скажем, радиации, интоксикации, нападения чужеродного вируса или многих других причин), то эти изменения будут в точности переданы «наследникам».

В результате «ошибки» накапливаются, происходят сбои в слаженной работе организма, возникают расстройства и болезни, человек стареет и умирает. Здесь и появляется огромное поле деятельности для ремонтно-клеточных наномашин.

Работая в режиме поиска и устранения ошибок в генном механизме, они оздоравливают наследственность человека. А работа наносборщиков атомов в режиме регенерации позволит создать не только новые клетки, но и целые органы — даже ранее отсутствовавшие. Смогут ходить до того безногие, прозреют слепые, услышат музыку глухие. Потянутся покупать расчески лысые, вытянутся люди, чей рост начался им до обидного малым... Ибо регенерация утраченных или значительно ослабленных желез внутренней секреции преобразит человека. Больным сахарным диабетом не нужен будет инсулин после каждого приема пищи — поставят его смогут вживленные нанороботы. Способность к деторождению сохранится на всю жизнь, а жизнь свою человек сможет сделать бесконечно длинной.

С помощью нанотехники человек как биологический вид обретет индивидуальное бессмертие. Это не утопия, не химера, не обещания райского бессмертия, на которые так щедрны различные секты и религии.

В принципе нет ведь законов природы, которые отрицали бы возможность бессмертия живого организма, нан, скажем, отрицается уче-

ными возможность создания вечно-го двигателя.

Можно представить себе в обозримом будущем сеть специальных санаториев, где люди время от времени проходят курс обследования, лечения, восстановления. В санаториях пациенты с помощью нанороботов, «сборщиков атомов» пройдут курс омоложения отдельных частей тела и систем, проведут регенерацию органов, утративших свои функциональные свойства, займутся коррекцией наследственности. Человек станет жить столько, сколько он захочет, причем, несмотря на сотни, тысячи прожитых лет он не станет дряхлым и беспомощным...

Воздух и вода — лучшая еда!

А «хлеб насущный» человек может добывать буквально из воздуха, даже не выходя из дома. В самом деле, в атмосфере обычной комнаты находится около 70 мг азота, 20 мг кислорода, 3 мг воды, 0,3 мг углекислого газа — основных элементов и соединений, из которых строятся белки, жиры и углеводы. Если есть достаточное количество сборщиков атомов, то вопрос «пронорма», можно сказать, решен.

Из многих килограммов съеденной пищи организму в среднем нужно всего лишь полкилограмма: 90 г жиров, 50 г белков и 350 г углеводов. Все остальное — в основном волокна (клетчатка) и вода. Клетчатка необходима только для нормального функционирования перистальтики.

А если в комнате находится человек, то он непременно выдыхает углекислый газ. Надо вспомнить, что и продуктов выделения организма достаточно много — одной ночи 1—2 литра. И вообще, человек практически замкнутая система. Вес взрослого почти не меняется, что означает: сколько веществ введено в организм, столько он выделит.

Значит, нужно собрать выделения, перестроить в них полнило атомов и молекул в нужном порядке, и основа «хлеба насущного» готова! Конечно, полученные белки, жиры и углеводы надо подходящим образом структурировать, чтобы они имели вкус, консистенцию и запах привычной еды, любимых напитков.

Тогда получается, что значительная часть желудка, кишечника, а может, и зубов человеку не нужны, и они со временем атрофируются. С одной стороны, хорошо — все население планеты станет стройным и привлекательным.

Но, с другой стороны, — согласится ли человек расстаться с чувством сытости после прекрасного обеда? И можно ли искусственно создать такие вещи, как пахнущий дымном шашлык на косточках, наваристый борщ с черносливом и грибами, тончайший аромат дыни и нежную сочность персина?..

«Сборщик атомов» — в каждый дом!

Сбывается исконная мечта народная — в распоряжении человека скатерть-самобранка! «Скатерть-самобранка» будет успешно трудиться, если в комнате есть две розетки. Первая — электрическая, откуда будет черпаться энергия для работающей армии нанокулинаров и нанопортных. И вторая — информационная, через которую гигантский суперкомпьютер, находящийся в специализированном центре, будет управлять этой многомиллиардной армией... Заманчиво, не так ли?

Но сегодня не только власть предрасположена, а и многие ученые мужи затруднятся чрезвычайно, если их спросить — что есть нанотехнология и когда можно «ожидать от этой коровы молока». Даже специалисты в смежных обла-

стях на подобные вопросы могут ответить весьма туманно.

И нетрудно предугадать их шок, если сообщить, что один московский завод уже приступает к серийному выпуску сборщиков атомов.

Это не государство разорилось на производственную программу завода. Финансовую помощь оказало ему известное объединение «Мастер», которое гораздо быстрее государственных мужей разобралось в том, каким потенциалом обладает новая технология и какие обороты сулит новая продукция. Благодаря структурам, умеющим разглядеть громадное будущее в сегодняшнем «нанозародыше», Россия, возможно, избежит того унижительного положения, когда ей будут присылать из-за океана физически изношенные и морально устаревшие «сборщики атомов» в качестве гуманитарной помощи.

Если в США уже сейчас читается в университетах стандартный курс лекций по нанотехнологии, выходят видеофильмы, книги, научные журналы по этой теме, то у нас, в России, только пробуют в немногих вузах начать новый курс лекций, в школах эта тема вообще не излагается...

Увы, пройдет немало времени, пока нанотехнология станет самостоятельным предметом в школе, пока будут изданы миллионными тиражами учебники для студентов и школьников, пока появятся научные и популярные журналы, а сами исследования станут наиболее приоритетными в классической и прикладной науке. К тому времени уже многие будут иметь в личном пользовании сборщики атомов, чтобы на работе собирать новые вещества и схемы, а дома обновлять свою брэнную оболочку и пополнять холодильник продуктами...

СЕРЬЕЗНАЯ ЛАРИСА

Строяная юная блондинка в сопровождении группы балетных мальчиков и девочек недавно появилась на нашей эстраде. Лариса Черникова поет для молодых, для тех, кому так же, как и ей, не больше двадцати, кто любит прийти вечером в компании друзей на дискотеху и от души повеселиться и потанцевать, и потому ее песни так легки, беззаботны и ритмичны. Когда смотришь ее задорные клипы по телевидению, кажется, что и в жизни она – как нежный мотылек, порхающий от цветка к цветку, не зная забот и печали, не думая о завтрашнем дне. Знакомство с Ларисой убедило, однако, в обратном...

Лариса производит впечатление серьезной, деловой и очень практичной девушки. Несмотря на постоянные выступления в таких рискованных для нравственности молодой особы заведениях, как ночные клубы, Лариса старается вести сугубо здоровый образ жизни, она не курит, не позволяет себе крепких напитков, регулярно посещает бассейн и спортивный зал, чтобы поддерживать фигуру в идеальной форме. И не только ради того, чтобы на сцене

выглядеть всегда красивой и элегантной, но и потому, что чувствует определенную долю ответственности за юных своих зрителей.

«Есть вещи, – говорит Лариса, – через которые я не хотела бы переступать. Я ведь пою для молодых, я у них на виду. И вполне возможно, что для каких-нибудь девчонок и мальчишек я пример того, какой должна быть «современная женщина».

Артистический идеал Ларисы – Мадонна. Ей вообще нравится, когда выступление артиста на сцене превращается в красочное зрелище, в котором впечатление от красивой музыки и голоса усиливается яркими костюмами и красиво поставленными танцами. Сама она – человек исключительно подвижный и энергичный – обожает танцевать, и именно этим пристрастием объясняет свое желание стать исполнительницей динамичной, жизнерадостной музыки.

«Работу с Сергеем Обуховым, моим продюсером и руководителем, – рассказывает Лариса, – мы начали с набора артистов в балетную группу «Флайерс». С первых же шагов своих на эстраде я решила ориентироваться прежде всего на молодежь, я хотела делать музыку веселую и развлекательную, под которую приятно было бы отдохнуть и расслабиться».

И действительно, песни Ларисы не претендуют на глубину и серьезность, их незамысловатые тексты и простенькие мелодии не рассчитаны на внимательное прослушивание и понимание, самое главное в них – ритм.

Вопрени создаваемому ею образу – легкомысленного мотылька, сама Лариса и практична, и деловита. А лет через десять, закончив карьеру в шоу-бизнесе, она надеется обзавестись крепкой семьей, надежным мужем и кучей детишек...

ВЕРА КОШЕЛОВА

МОЛОДЫЕ ВОЛНЫ

НИКИТА ЗЛОБИН

Шесть-семь лет назад о «казанском феномене» писали газеты, снимались телепередачи. О нем говорил сначала Татарстан, а потом и вся страна. Им пугали, его боялись.

О группировках ходили самые невероятные слухи – вплоть до того, что они организованы чуть ли не резидентом ЦРУ. Трудно, практически невозможно было поверить, что в нашем тогда еще социалистическом обществе могло самостийно возникнуть подобное. Теоретически – шестнадцатилетние ребята, которым нечем заняться в свободное время; фактически – бандиты, члены банды. С жесткой структурой и иерархией, с суровыми, подчас жестокими законами, с главарем и оружием. И таких банд в Казани насчитывалось более шестидесяти.

Вот так это было тогда.

Вечер... Город погружается во тьму, прохожие ускоряют шаг – скорее бы очутиться дома. Из подъез-

дов железобетонных коробок поодиночке высыпают молодые, подтянутые ребята. Настроение у них приподнятое – предстоит вечер, полный приключений и опасностей, в предвкушении которых сосет под ложечкой. Наконец все собрались.

И древняя Казань замирает в страхе. Выйти на улицу рискнет либо отчаянный храбрец, либо безумец – с наступлением сумерек в городе вступают в силу особые законы. Теперь правят бал «молодые волны» со стальными мышцами и холодным безжалостным взглядом...

Сейчас о бесчинствах «молодых волнов» из татарской столицы почти никто не вспоминает. Даже в самой Казани. По городу можно гулять в темное время суток совершенно спокойно (убедился на собственном опыте), не опасаясь получить дубинкой по голове или заточенной арматурой под ребро.

Чья это заслуга – только ли местной милиции или общества, не же-

ВЧЕРА ОНИ НАВОДИЛИ УЖАС НА ВСЕХ...

лавшего более мириться с тем, что его открыто и нагло возят физиономией по асфальту? Или же само время вылечило казанскую молодежь от болезненного желания измочалить до полусмерти себе подобного?

Прежде чем разобраться, позвольте напомнить, что собой представляли эти самые группировки и чем они так прославились.

Первую звонкую оплеуху от своего молодого поколения, от собственных детей казанцы получили еще в 1978 году.

В микрорайоне завода «Теплоконтроль» нучка ребят создала вооруженную группировку со смешным, на первый взгляд, названием «Тяп-ляп». Дела же «тяпляповцев» смешными не назовешь – разбой, грабежи, увечья. Всего за год они совершили 61 преступление. Их циничной наглости не было предела.

В последний день лета семьдесят восьмого года «тяпляповцы» с двух сторон перенрыли одну из на-

занских улочек и прочесали ее, уничтожая в буквальном смысле все, что движется; избили прохожего, ранили двух военных, убили женщину... Ни за что – исключительно для демонстрации своего могущества и безнаказанности.

Впрочем, эта бессмысленная жестокость анция стала для «Тяп-ляп» последней: очень скоро всех поймали и надолго посадили. Главари – Завдате Хентимирова – расстреляли. Однако память об этой группировке и ее «подвигах» осталась. И если у одних они не вызывали ничего, кроме осуждения и отвращения, то для других «Тяп-ляп» стал почти легендой о благородных рыцарях без страха и упрека, сплоченных истинной мужской дружбой и святым товариществом...

А настоящий бум подростковой преступности Казань переживала во второй половине восьмидесятых. Город тогда четко усвоил – от группировок может пострадать каждый.

Был случай, рассказывали мне, мальчишка-четвероклассник, возвращавшийся из школы, умер от инфаркта, когда увидел, что на него мчатся два десятка здоровенных парней с цепями и стальными прутьями. Они не собирались на него нападать, они его пальцем не тронули, поскольку сами спасались бегством от другой компании.

Но тому мальчонке этого уже не объяснишь... По данным МВД Татарстана, в городе орудовали 63 молодежных банды, общей численностью около полутора тысяч человек. Это официальная статистика за 1988 год. В те времена неприятные цифры еще было принято занижать, поэтому можно не сомневаться, что «молодых волков» было значительно больше.

Что же представляло собой это стадное (стайное?) объединение... надцетилетних, которое мы именуем группировкой?

Вот что рассказывает Рифат Муратов, который в те годы работал следователем в уголовном розыске Назани:

— Чаще всего группировка образовывалась по территориальному признаку — дом, двор, микрорайон. Агрессивные юнцы закрепляли за собой территорию, где они обитают, и чужих к себе не допускали: возникало что-то вроде средневекового удельного княжества со своими правилами и законами. Тех мальчишек, что жили на этой территории, но членами группировки не являлись, облагали данью. «Ты здесь живешь? Плати! Не то наностыляем». Приходилось платить. Или ходить с никогда не потухающим «фонарем» под глазом... У главарей, кстати, были и чисто меркантильные интересы — со своих они тоже собирали деньги — на поддержку тех, кто уже успел загреметь в зону, на похороны погибших «соратников», да и просто на то, чтобы посидеть в ресторане или купить хорошую шмотку. Когда же вонкану назалось, что денег маловато и что он гораздо «круче» главного бандита соседней стаи, начиналась междоусобная война за расширение сферы влияния. И столько злобы и ненависти было в этой борьбе... Словно не пацаны из соседнего двора, а закоренелые враги, убить которых — дело чести. И убивали. За последние три месяца 1987 года в «разборках» погибло три человека, за первый квартал 1988-го — еще пятеро. А сколько было доставлено в больницы с ножевыми ранениями и проломленными черепами — не сосчитать... Но когда в следственном изоляторе в одну камеру сажали ребят из враждующих группировок, которые на воле друг друга смертельно ненавидели, никаких стычек между ними не происходило. Злоба словно улетучивалась, и бывшие непримиримые противники зачастую становились товарищами и даже друзьями. Парадокс, который многое объ-

ясняет. Прежде всего то, что все это деление на своих и чужих, все их «законы» были не более чем игрой. Жестокой и рискованной, от того еще более захватывающей. И ребята сами не заметили, как детская игра в «войнушку» обернулась войной подлинной...

Что тянуло двенадцати-, восемнадцатилетних «на подвиги»? За что, во имя каких высших целей они расставались со здоровьем, а то и с жизнью? Ответ прост: самоутверждение, самовыражение, желание почувствовать себя значимым и защищенным. Сознание того, что ты не один, что если тебя обидят — найдешь заступников среди своих, которые отомстят, чего бы это ни стоило. Давно известно — в коллективе, пусть даже с волчьими законами, выжить легче, чем в одиночку. Да и просто ощущать себя частью чего-то большого и сильного — это так важно для любого пацана. Пусть даже в группировке он самая распоследняя «шестерка»...

Кстати, все группировки имели одну и ту же структуру. Во главе — лидер (далеко не всегда самый старший — тут, как ни странно, ценились не столько здоровые кулаки и безразмерные мускулы, сколько ум, смекалка, организаторские способности и сила духа) или, как его еще называли, «автор» (то есть — авторитет). Следующую ступень занимали восемнадцатилетние «старинки», за ними шли «молодежь» и «супера». Ну и замыкала цепочку «шелуха» — само название, полагаю, все объясняет.

Думаете, все эти подростки — выходцы из неблагополучных семей? Вовсе нет. Даже сыновья одного из работников уголовного розыска однажды появились домой в широких штанах, телогрейках и в шапочках-«петушках» (униформа «воjak»). Но социальная градация все же была: большую часть груп-

пировки составляли учащиеся профессионально-технических училищ. Сами знаете, какая в те годы это была среда... Да и трудно представить себе интеллигентного мальчика, вздох читателя книги или играющего на скрипке, а в свободное время размахивающего велосипедной цепью...

Я долго искал выходы на кого-нибудь из бывших «молодых волков». Делом это оказалось почти невозможным – за нэную бы ниточку ни потянул, обязательно обрывалась. И все же мне повезло...

Игорь (назовем так моего собеседника) говорил достаточно откровенно.

– Ну был я в одной группировке... С десяти лет занимался борьбой. Причем с неплохими результатами. Даже на соревнованиях выступал. По вечерам, как все, тусовался с пацанами во дворе – играли на гитаре, песни орали. Мы друг друга знали почти с пеленок – вместе гуляли, вместе учились. Группировка возникла как-то сама собой, а вообще-то это термин дурацкий. Компания дворовых ребят – так будет точнее. Помню день, мне тогда было лет четырнадцать, когда нашего друга из соседнего подъезда жестоко избили пацаны из другого района. Он туда к девчонке ходил, и его вечером поднараулили. Получил сотрясение мозга, руку ему сломали. Мы, узнав об этом, сразу решили – отомстим. Парни у нас были сильные, многие «качались» – тогда это было модно. На следующий день пошли... Долго крутились вокруг дома, где та девчонка жила. Потом встретили там мощных ребят – решили разобраться. Они нас послали... Вот тогда и началась драка. Мы были без оружия, только с кулаками, а у них цепи, арматура. В общем, нам здорово досталось. С тех пор все и пошло-поехало, милиция нас записала в «группировщини»...

– А не было бы того случая, так невинно все и продолжалось бы – гитара, песни, хохмы?..

– Думаю, все равно мы бы сбились в «стаю». Там было заведено в те времена. Быть порознь тогда не очень хотелось. Кругом ведь только и разговоров: позавчера одного избили, вчера другого поднараулили... Надо было защищаться, а это, как ты понимаешь, можно сделать только кучей, «нодлой».

– Значит, вы только защищались, сами не нападали?

– По всякому случалось, если к нам заваливались чужаки, мы им спуску не давали. Знали – и они, сунься мы на их территорию, поступят так же. Это был неписанный закон. Сколько в Казани было больших дворов, столько, можно считать, и группировок.

– По национальностям они не делились?

– О таком не слышал. У нас, например, ного только не было – и русские, и татары, и украинцы, и даже один узбек. Мы прекрасно ладили. Даже в голову не приходило, кто какого роду-племени. Вообще национализм – это, как у нас говорят, запахло. Мне лично важно, что ты за человек, а не то, что у тебя в паспорте записано. Богдан ты, Изя или Газинур.

– Сейчас на улицах полно мальчишек, которые в свои лет десять – двенадцать вовсю нурят, водку пьют из горла, глюки ловят. У вас было так же?

– Да ты что! На спиртное и курево был жесткий запрет. Мы это не уважали. В здоровом теле – здоровый дух. Я и сейчас этим не балуюсь.

– Что же стало с вашей группировкой?

– Как-то незаметно распалась. Кто школу закончил, кто ПТУ, отслужили в армии, устроились на работу... Кто-то, как я, например, занялся бизнесом. У меня сейчас жена,

сын; надо думать, как им нормальную жизнь обеспечить. Хотя со своими друзьями связи не теряю... Мы во многом друг другу помогаем, на праздники собираемся семьями, у некоторых ребят сейчас свои коттеджи появились – стараются жить как люди...

Ты пойми главное – все эти наши драки, шатания по городу были большей частью данью моде. А вот дружба, взаимовыручка, которые появились в ту пору, остались с нами до сих пор. Постоянная опасность нас, можно сказать, сроднила. Это, наверное, как на войне...

Работники разных ведомств, которые так или иначе соприкасались с проблемой подростковой преступности в Казани, в разговоре со мной повторяли одно – не надо писать об этом явлении, как о феномене чисто казанском, не так это. Группировки были не только в столице Татарстана, но и в Ульяновске, Пензе, Горьком, Набережных Челнах, Люберцах, да и во многих других городах бывшего Союза.

И если уж говорить о феномене, так лишь с той точки зрения, что в Казани с молодежными бэндами велась наиболее активная борьба.

Послушаем еще раз Муратова:

– Впервые в России именно здесь, в Казани, начались структурные изменения в органах МВД: в каждом районе были созданы спецподразделения «Лидер», которые занимались исключительно подростками. Главное в борьбе с группировками – убирать лидера. Опыт показывал, что без него все очень скоро разваливалось. Даже если место вождя и занимал какой-нибудь другой пацан, то ненадолго. Ведь это же целая наука – дергать бразды правления, уметь навести жесткую дисциплину. Одно дело – подчиняться человеку, который группировку создал, другое – слушаться того, кто

еще неделю назад был с тобой на равных...

– Работники спецподразделений, – продолжает Рифат, – контролировали буквально каждый шаг парней; «брили» зачастую прямо на месте преступления. Иногда нашим сотрудникам приходилось использовать не совсем честные методы, но в той ситуации, когда город буквально охватила паника, они были оправданы. Например, мы пустили дезинформацию, что гварь, которому ребята беспрекословно доверяли, на самом деле стучит на них в милицию. Или перед всей стайей оказывали на вождя такое воздействие, что он «ломался» и из крутого «авторитета» превращался в обыкновенного трясущегося от страха пацана.

И важно еще вот что: казанский обыватель понял, что «волкам» можно и можно дать отпор. В микрорайонах мужчины добровольно дежурили по вечерам; бабушки на лавочках, знающие все про всех, охотно делились своими знаниями с работниками милиции; до сих пор казанцы помнят сильных, уверенных в себе парней из боевой молодежной дружины, которые действительно умели навести порядок на улицах и от которых группировщики шарахались, как черт от ладана.

Рассказывает Михаил Аленсеев, бывший командир молодежной дружины:

– Мы держали под контролем почти всю Казань: дежурили пятерками – командир и четыре бойца. Дружина насчитывала шестьсот человек. Все – студенты авиационного института, все пришли туда добровольно... Если где-то случалась большая драка, мчались туда... И нам, бывало, крепко доставалось. Представьте себе толпу ребят, человек пятьдесят, которые не то что дерутся – бьются не на жизнь, а на смерть. Унять тут разговорами – дескать, нехорошо драться – невозможно. Поэтому приходилось лезть

в самую гущу... И мы лезли, и тоже дрались, и усмиряли их, растаскивали...

Но все-таки слишком сильна была пружина, толкавшая «волчат» на все новые преступления: попринкали в Назани – поищем другое место. И нанятые парни в телогрейках потянулись в Москву.

Жители столицы прекрасно помнят эти наезды. Когда их дети приходили домой без курток, шапок или ботинок. Избитые и окровавленные. Беспомощные и униженные. Вот миллионная статистика тех лет: в 1988 году из регионов Поволжья прибыли и были задержаны 469 человек в возрасте от 14 до 22 лет. За совершение грабежей, разбоев, краж, изнасилований и ношение оружия к уголовной ответственности привлечены 48. В 1989-м задержано уже 928 иногородних юнцов, к ответственности привлечены 169.

Вот тогда и заговорили о «назанском феномене»!

Можно смело утверждать, что в столицу малолетних преступников влекла исключительно жажда легкой наживы – не территорию же им с москвичами делить?! А отобрать вдвоем-втроем (именно такими компаниями они мотались по московским улицам) деньги, часы или одежду у какого-нибудь «лоха» – пара пустяков. Даже и бить-то не обязательно, так, слегка припугнуть.

Работникам созданного в конце восьмидесятых отдела МУРа по борьбе с групповой преступностью несовершеннолетних отдыхать не приходилось. Дежурили на вокзалах, отлавливая вновь прибывших «искателей приключений», вычисляли и брали штурмом притоны, куда после дневных и вечерних операций стекались несовершеннолетние разбойники, чтобы поделить добычу и обсудить планы на завтра...

В мае 1993 года в Татарстане была принята «Государственная про-

грамма по борьбе с преступностью на 1993–1995 годы». В октябре того же года – «Закон о молодежи». Документы эти увидели свет вовремя: обстановка в стране менялась стремительно. Пресловутое резкое разделение людей на богатых и бедных, крушение идеологии, при которой ничего нельзя, и замена ее на принцип вседозволенности изменили характер действий группировок. С улиц преступность ушла в сферу экономической. Подростки быстро поняли, что незачем больше махать кулаками ради каких-то иллюзорных законов стаи, если сильные руни можно «сдавать в аренду» за деньги, притом немалые. А жить легко и красиво подросткам пацанам уже как хотелось...

И нынешним, как выяснилось, тоже хочется. В прошлом году специалисты провели социологический опрос 830 несовершеннолетних в возрасте от 13 до 18 лет в школах, ПТУ и техникумах Назани: почему подростки ведут себя так, а не иначе, на какие ценности они ориентируются? И выяснили: рейтинг авторитетов криминального мира среди опрошенных гораздо выше, чем рейтинг даже самых знаменитых актеров или эстрадных нумиров. Причем, чем старше были респонденты, тем большее уважение испытывали именно к «крутым», уголовникам. Пик такого поклонения приходится на шестнадцатилетних. Почти 60 процентов опрошенных этого возраста, как мальчишек, так и девчонок, курят, крепко выпивают, спят с кем ни попадя и уже пробовали наркотики. То, что еще с десяток лет назад даже в группировках было «табу», теперь стало, увы, образцом поведения. Понятно, что молодежь с такими наклонностями не сидит дома за роялем или компьютером...

В прошлом году произошло почти невероятное для теперешней российской действительности – общее снижение преступности в Татарста-

не. Что само по себе говорит о работе местных правоохранительных органов, на деле исповедующих лозунг пролетарского поэта: «Моя милиция – меня бережет!». Милиционеров на улицах Казани я видел много. Некоторые вооружены не только резиновыми дубинками.

Но даже на этом фоне групповая преступность в республике за прошлый год все равно расширила сферы своего влияния почти на 12 процентов. Хотя с улиц убралась. Повзрослевшие «романтики» с удовольствием и выгодой для себя ушли под крыло теневой экономики, где их засечь куда труднее. И все-таки ловят. Только в 1995 году татарские сыскари «повязали» 544 члена группировок, из которых 60 – лидеры.

А вот данные по России, которые мне предоставили в Министерстве внутренних дел РФ. В 1994 году (статистика более поздняя к моменту написания этого материала еще не подоспела) в стране состояли на учете около 77 тысяч несовершеннолетних, входящих в преступные объединения. Побойщ на улице они почти не устраивают. Переквалифицировался молодняк – грабят квартиры, угоняют машины...

Да и в самом деле – куда выгоднее и безопаснее взломать замок и вынести чужого добра на кругленькую сумму или это самое добро, снабженное колесами, увести, рискуя попасться в руки милиции, срывать с прохожих шапки и отбирать у них кошельки. Тем более что у большинства они не такие уж тугие.

Группировки умерли, да здравствуют группировки? Задаю этот вопрос не случайно. Те пацаны, что лет восемь-десять назад бегали по городу с целями да настетами, наводя ужас на казанских обывателей, уже давно занимаются серьезным делом (кто-то легальным, кто-то криминальным...). Но

как же проводит время нынешняя казанская молодежь? Неужто сидит по домам, уткнувшись в учебник или телевизор? Оназывается, нет...

По данным МВД Татарстана, молодежная преступность становится все более жестокой. За пять последних лет убийств стало на 85,7 процента больше, количество тяжких телесных повреждений увеличилось в два с лишним раза. Каждое второе преступление совершалось несовершеннолетними в группах.

Не ищите здесь, читатель, противоречий. Мол, сначала говорил, что в Казани все спокойно, можно по улицам ночью безбоязненно гулять, а теперь вы как выходите. Да, группировки существуют. Но не на улицах. Не те это банды, что были раньше. Задачи у них иные – не случайных людей обирать и убивать, не между собой битвы устраивать. Нужны они в первую очередь криминальному бизнесу, чтобы он «нормально», в минимальной конкуренции, развивался. Этот бизнес без крови никак не может. Отсюда и рост числа убийств.

Но это уже не только казанская проблема... Так что нам и сегодня есть о чем задуматься: более 20 тысяч молодежных группировок – многовато ли даже для России?

Уже в Москве, когда я свел воедино сделанные наслух записи, у меня возникло чувство, будто об этом уже читал, и чуть ли не с теми же «героями»...

А ведь точно – читал! В антиутопии Энтони Берджеса «Заводной апельсин», сочиненной в Англии за пару десятков лет до казанских событий. Там тоже – группировки, разборки, жестокое драки, кровавая бессмыслица...

Кто мог предположить, что все это прямо с книжных страниц ворвется в нашу реальную жизнь?

Сострадательное НАКЛОНЕНИЕ

Житейские правила и правила грамматики – разные вещи. Но притерпясь к наклонениям повелительным да изъявительным и даже уверовав в их силу и необходимость, в мечтаниях не раз обращаемся к сослагательному «ах, если бы...».

А есть иное наклонение, выходящее за рамки нынешней российской жизни, – сострадательное. Ведь со-причастность, со-участие, со-страдание – воздух России. Нет этого – задыхаемся. И вовремя выплаченная зарплата не поможет... Если вера для многих стала чем-то вроде престижного «тавро», а колокольный звон частенько заглушается звоном боналов на презентациях-междусобойчинах, то сострадательный взгляд и сердечное пристрастие – многого стоят.

Немало людей сегодня ощущают себя выпавшими из жизни, не нужными никому. Такое тягостное чувство нуждается в участливом слове, поступке. Россия издревле общинна по житейскому укладу.

по образу и духу своему. А в зыбное, горькое время, особо, как никогда, важно слово, врачующее душу, плечо, на которое можно опереться, взор, понимающий и сочувствующий.

Лин на плащанице и лицо человеческое на черно-белом листе фотобумаги, озаренное духом и мыслью, разделяет время, но связывает пространство, – все было и будет на земле этой. ...Святой источник; вологодский игумен собирается понинуть обитель; новая жизнь начинается с крещения; труден путь к отеческим гробам по перекинутой «на сухое» дощечке... И все это наша Россия, но увиденная душой сострадательной.

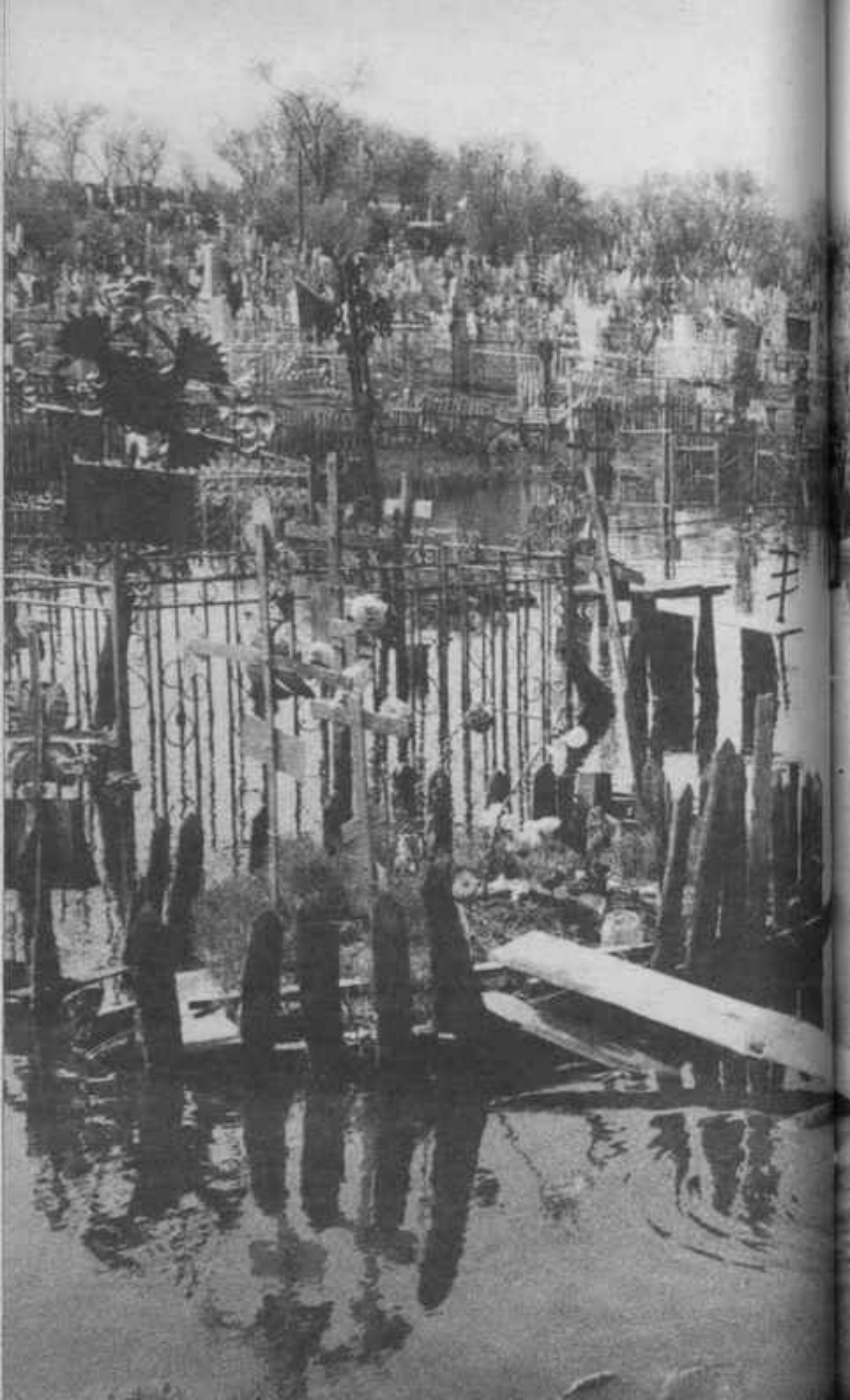
Посмотрите на эти фотографии. Смотрите внимательно, долго; а потом закройте глаза, останьтесь сами с собой – это как в поле, лицом к небу, когда время ощущаешь лишь по движению облаков...

ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ

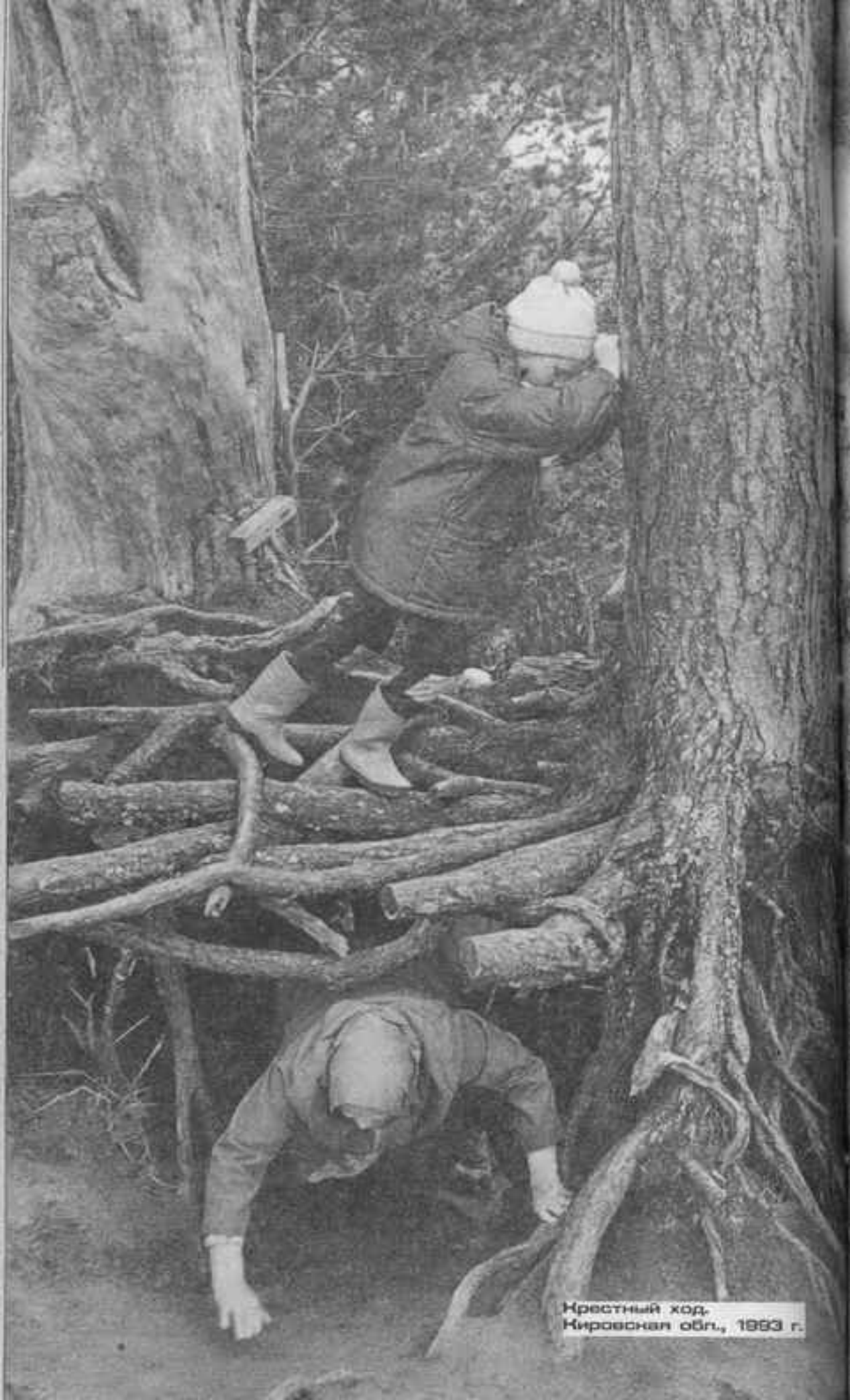
У святого источника.
Нировская обл., 1993 г.

Вешние воды. Астрахань, 1990 г.

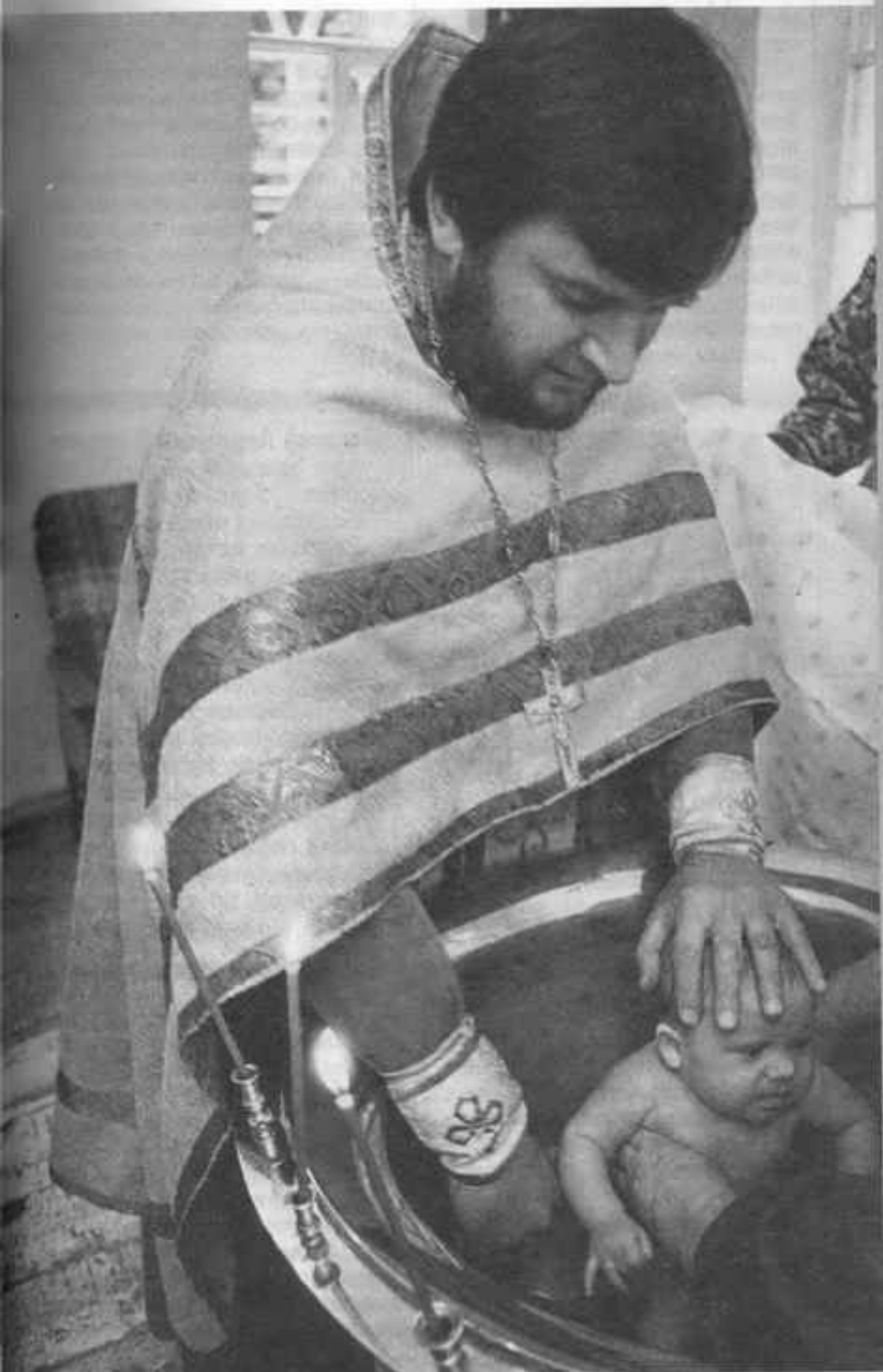

Крестный ход.
Нижегородская обл., 1993 г.

Игумен Ефрем.
Прилуцкий монастырь, 1893 г.

Крестины. Мичуринск, 1995 г.

Не хватайтесь за голову и за газеты

Оназывается, мы все очень любим трудиться. Если верить социологическим опросам, страх потерять работу твердо занимает первые места среди других общественных страхов. Но одно дело – бояться, другое – в самом деле оказаться в ауте. «Что же теперь делать?» – хватаются за голову многие новоиспеченные безработные. И первым делом начинают обзванивать друзей и знакомых: нет ли у кого на примете теплого местечка? А затем кипами скупают газеты с рубрикой «требуются» или заполняют купоны еженедельника «Из рук в руки» с подзаголовком «Ищу работу». Причем совершенно напрасно. Писать, например, в газету о поиске работы, по-моему, бесполезно – никакой шанс, что среди сотен подобных объявлений потенциальный работодатель выберет именно ваше? Я это, кстати, сам проверил. Написал в разные адреса, что я инженер, журналист, программист – ни на одно объявление отклика не получил.

Тем что лучше не тратить время и деньги на случайные поиски, а доверить свою судьбу профессионалам.

Все работы хороши...

В Управлении труда и занятости Северного округа Москвы полно народу. Здесь – биржа труда.

Вдоль стен – очереди безработных, ожидающих приема у специалистов управления. Несколько человек пытаются получить ответ у электронных автоматов для самостоятельного поиска работы. Сделать такую попытку может любой. Все предельно просто: выбираешь подходящую для тебя профессию, оклад, график работы, и спуска

пару секунд компьютер выдает справку о вакантных местах, имеющих в банке данных.

Я разговорился с одной из женщин, записывающих в бланк координаты работодателя.

– Уже три месяца ищу работу. Вообще-то я повар, работала в частном кафе. Хозяин счел его нерентабельным и закрыл – я оназалась на улице. Хотя с моей профессией и станем особенных проблем нет, найти место можно. Но

Евгений Андреевич Чесноков
два десятка лет назад
окончил вуз и стал инженером
в одном из столичных НИИ.
Двадцать лет он ежедневно
ходил на работу, чаевничал,
обсуждал с коллегами
в курилке последние новости,
стрелял червонец до получки,
крутился, вертелся.
Словом, как мог, шел
по накатанному жизненному
пути. Но пробил час.
Однажды Чеснокова вызвали
«на ковер», и начальник,
отводя глаза, сообщил, что в
учреждении сокращение
штатов, поэтому, старик,
извини, но сам понимаешь...

ведь хочется и зарплату хорошую, и чтобы поближе к дому.

– На бирже вы зарегистрировались?

– Пока нет... Искала работу сама, по объявлениям, через подруг. Одна из них мне и подсказала, что можно сюда обратиться. Вот видите, присмотрела несколько мест, попробую позвонить. Если и снова ничего не подойдет, тогда зарегистрируюсь. Хотя очень не хочется опускаться до этого

статуса – безработная, как-то не по себе...

И все-таки осмелюсь дать конкретный полезный совет: идите на биржу как можно скорее, если вдруг окажетесь за порогом своего завода или учреждения. Хотя бы из меркантильных соображений – чтобы получать пособие. Да и работу здесь найдешь быстрее, чем где бы то ни было. Тут масса специалистов – и профконсультанты, и психологи, которые быстро

мендательные письма. Назначим встречу через десять дней. За это время он должен обойти*или объехать предприятия, которые мы ему подобрали, и предложить там свои услуги. Если отказывают, то пишут на рекомендательном письме причину. Такие письма с отказами принять на работу и становятся основанием для признания человека безработным и выплаты пособия...

С этого дня наш подопечный приходит к нам два раза в месяц,

АЛЕКСАНДР ПЬЯНКОВ

РАБОТА

УМНЫХ ЛЮБИТ

ВАС СОКРАТИЛИ? МОЖЕТ, ЭТО И К ЛУЧШЕМУ...

сориентируют вас на рынке труда, помогут выбрать место.

Технологию работы биржи мне объяснила начальник управления Ольга Русина.

– Потерявший работу должен прийти к нам с паспортом, трудовой книжкой, документами об образовании и – для получения пособия – со справкой о зарплате с последнего места работы. Мы этого человека регистрируем, выдадим список подходящих ему вакансий и реко-

а мы подбираем вакантные места, пока он не устроится. Пособие при этом начисляется в таких размерах: первые три месяца – 75 процентов от заработка на последнем месте работы, следующие четыре месяца – 60 процентов, далее – 40 процентов. Но всегда: не ниже минимальной зарплаты и не выше среднего заработка по Москве.

– А если все-таки ваш подопечный так и не смог найти себе подходящее место?

– В зависимости от его желания и квалификации мы можем направить его на переобучение. У нас есть психологи, которые поговорят с ним, выяснят, к чему душа ленит, какие у него способности, и предложат новую профессию. Чтобы ее освоить, открыты учебные центры. Они ведут подготовку по тем специальностям, что пользуются спросом у работодателей.

Последнее замечание Ольги Русиной хочу подчеркнуть особо – сегодня многие профессии оказываются невостребованными. Скажем, заканчивает молодой человек институт со специальностью физика или искусствоведа, а потом бьется над тем, чтобы подыскать себе нормальную работу. И не находит. Приходится переучиваться на менеджера или бухгалтера; все бы ничего, да для государства накладно по два раза одного обучать. Есть психологические барьеры и для него самого: дескать, я готовился в элиту, в ядерщики, в великие ученые, а мне предлагают какие-то «Индезиты» попутателям проталкивать.

Я уж не говорю о рабочих профессиях типа каменщика или водителя автобуса...

Молодым овладеть новой профессией все-таки легче – от уроков и ленций отвыкнуть еще не успели. Чего не скажешь о тех, кому 35–40 лет: вроде состоялся уже как личность и что ж – снова садиться за парту?!

– Но мне приходят люди растерянные, потерявшие опору, чувствующие себя опустошенными, осорбленными, никому не нужными, – рассказывает психолог биржи Людмила Кабардова. – Это мешает им смотреть вперед, выбрать новую работу. Мне нужно доказать им самим, что они вполне в состоянии проявить себя; и, учитывая личные способности каждого, определить, где ему лучше ра-

ботать... Для некоторых потеря работы, как ни странно, даже благотворна. Представьте, сидел человек всю жизнь на одном месте, занимался безразличным для него делом, но в силу своей инертности ничего не хотел менять. Потеряв эту работу, он как бы получает импульс задуматься о своей жизни, о нереализованных способностях и видит, что вполне может применить себя в куда более интересной сфере. Такие обычно приходят к психологу просто за подтверждением – насколько реально получить выбранную ими специальность и смогут ли они достичь в ней успеха.

– Поговорим о тех, кто, потеряв работу, впадает в отчаяние. У москвичей еще на памяти случай, когда несколько лет назад 45-летняя сотрудница одного государственного учреждения выбросилась из окна, узнав, что ее должность сократили. Какую конкретно помощь вы оказываете людям, не умеющим справиться с новой для них ситуацией?

– Большинство наших подопечных именно женщины в возрасте оноло сорока и за сорок, как правило, с высшим образованием. Приходит, например, ко мне отчаявшаяся дама, закончившая технический вуз, но работавшая не по своей инженерной специальности, а кем-то вроде клерка в конторе. Ей кажется, что ничего другого, кроме оформления бумаг, она делать не умеет. Беседую с ней, провожу тестирование на компьютере (нстати, люди очень доверяют технике), показываю, какие у нее есть сильные стороны: ответственность, организованность, усидчивость, способность надолго сосредоточиться на работе, требующей внимания. Потом переходим к профессиям, где такие качества особенно желательны. Например, заведующий канцелярией, менеджер по работе

с персоналом, делопроизводитель. И уже смотрим, есть ли конкретно таное место... Она на крыльях от меня улетает – не все пропало, ее умения могут пригодиться.

Некоторым психологи предлагают освоить новую специальность. Можно выучиться на продавца, паринмахера, предпринимателя или, скажем, оператора гостиничной. Звучит, конечно, непривычно, но на самом деле ничего страшного, работа не требует физической силы, к тому же график – сутки через трое – многих устраивает.

Истати, люди, с помощью психолога взглянувшие на себя реально, отправляются осваивать новое для себя дело с охотой, поскольку понимают: зачастую это их единственный шанс – и значить что-то в этой жизни, и элементарно содержать семью и себя.

Поэтому Людмила Набардова советует всем, потерявшим работу, не расстраиваться, не впадать в уныние, не ставить на себе крест. Давно пора отказать от стереотипа – дескать, безработный – жалкий и ничтожный человек. Это все осталось в старых западных фильмах. Практика же показывает, если человек не строит воздушных замков и трезво оценивает обстановку, работу он обязательно найдет.

Не можешь – научим

Учебные классы Московского центра профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации на Рязанском проспекте столицы. Центр этот считается заведением престижным – безработные стремятся попасть именно сюда.

– Почему? – спрашиваю в одном из кабинетов тридцатилетнюю

Ларису. Она отрывается от компьютера:

– Окончила с красным дипломом вуз. Работала в проектно-институте. Он был ликвидирован, пришлось искать новую работу. Временно устраивалась то продавцом в палатку, то страховым агентом. Но это все не по мне. И я пошла на биржу труда. Психологи посоветовали – лучше всего мне подойдет работа секретаря-референта. Дали список учебных заведений, их программы. Я выбрала именно этот адрес, поскольку здесь готовят основательнее...

Заглянул еще в одну аудиторию. Там шла лекция по маркетингу. За партами сидели и совсем молоденькие девушки, и взрослые, с сединой, мужчины. Все старательно что-то записывали в тетради.

– Это группа предпринимателей, – пояснила мне заместитель директора центра Светлана Солдатовна. – Центр создан на базе колледжа предпринимательства, поэтому наш профиль – экономические специальности: бухгалтерский учет, сметное дело, предпринимательская деятельность, работа на ПЭВМ. И секретарей-референтов готовим... Безработных к нам направляет биржа труда, где они проходят отбор на профпригодность. Начав обучение, эти люди теряют статус безработного и становятся слушателями курсов. Пособие по безработице заменяется равноценной стипендией.

– Допустим, я получил у вас новую профессию. В какие двери мне стучаться?

– С нашим дипломом вы возвращаетесь на биржу труда. Там вам предложат вакантные места, но если они не подойдут, через десять дней вас снова регистрируют как безработного – до тех пор, пока не подберете подходящее место. Хотя обычно после окончания

наших курсов проблем не возникает – центр в Москве хорошо знают, и нередко работодатели забирают наших выпускников прямо отсюда, «свежеиспеченными».

– С новоявленными предпринимателями все, наверное, иначе?

– Департамент труда и занятости Москвы выделяет приличные средства на развитие малого бизнеса. После окончания курсов выпускник составляет бизнес-план и несет его на экспертизу в департамент. Если все сделано с умом и проект реален, выдается льготный кредит на создание предприятия. Да что на пальцах объяснять, лучше сходите к нашим бывшим ученикам, которые открыли свое производство.

«Навигатор-экстра»

Под таким названием двенадцать начинающих предпринимателей зарегистрировали свое дело – мини-типографию. Типография действительно «мини» – вся поместилась в небольшой комнате под самой крышей одного из зданий механического завода и состоит лишь из компьютера «Pentium-75», принтера и машины-дубликатора, выдающей 130 копий в минуту...

Директор малого предприятия – Татьяна Житникова:

– Началось с того, что мы, будущие создатели «Навигатора», однажды остались без работы. Я большую часть жизни провела за рубежом, там работал муж. Когда вернулась, поначалу сидела дома, но бездельничать не в моем характере. Когда-то закончила институт электронного машиностроения, но за долгое время квалификацию потеряла. Да мне это было уже и неинтересно... Решила – пойду на биржу труда, посмотрю, что они предложат. Когда узнали, что можно переучиться на

предпринимателя, сразу загорелась – это по мне. Проучилась в центре четыре месяца, со всеми перезнакомилась. Незадолго до выпуска мы решили – надо определиться с характером работы. Появилась идея организовать типографию... Наш бизнес-план одобрили в Департаменте труда и занятости. Перечислили деньги, познакомили с руководителями вот этого завода, где нам предоставлено помещение. Мы купили оборудование, бумагу, первые заказы пошли где-то в середине лета. Самое трудное, нан у всех производителей, – найти рынок сбыта. Наш круг клиентов – средние предприятия, не располагающие своими типографиями, но нуждающиеся в печатных услугах. Надеемся получать и прибыль... – ...и зарплату, – подхватывает Сергей Артюхов, тот самый человек, который подал идею создания именно такого предприятия. – С деньгами у нас пока туго, но надеемся выкрутиться. Думаем «взять» заказчика низкими ценами – дубликатор позволяет выпускать продукцию невысокой себестоимости.

Отработавший много лет в институте радиосвязи, Сергей Григорьевич стал набирать на компьютере макет какого-то бланка. Через десяток минут бланк был готов, и принтер отпечатал матрицу. А еще через пять минут из машины-дубликатора поплыла первая продукция.

Очередной заказ «Навигатора» пошел в тираж...

Ярмарка

К центру детского и юношеского творчества Восточного округа столицы, где на этот раз проходила ярмарка ванансий, народ тянулся с утра. К 10 часам – времени открытия – перед входом образовалась

впечатительная очередь. Ничего странного – здесь людей онищдал реальный шанс на трудоустройство.

В центре огромного холла – столы работодателей. Столов много. Всевозможные АО, ТОО, ООО, агентства и даже банк «Менатепп». Они появились здесь, чтобы набрать к себе на службу специалистов, временно оставшихся без работы. Ванансии самые разнообразные: требуются инженеры, механики, повара, продавцы, столяры, машинисты, агенты по недвижимости, менеджеры, бухгалтеры...

Самая длинная очередь выстроилась к столам Департамента труда и занятости, где можно познecomиться с компьютерным банком ванансий и получить консультации специалистов.

От одного из столиков отходит миловидная девушка. Знакомлюсь: зовут Елена, 21 год.

– В прошлом году закончила торговый техникум. Устроилась в магазин парфюмерии продавцом-консультантом. Магазин, хотя и престижный, на Тверской, оказался нерентабельным. Месяц назад нескольких из нас сократили. Прочитала в газете об очередной ярмарке ванансий, вот и пришла – чем черт не шутит? И, знаете, подобрала себе место, на следующей неделе пойду оформляться...

Около соседнего столика – женщина в возрасте... Мы разговорились. Зое Александровне 52. Работала в КБ инженером-конструктором, полгода назад бюро ликвидировали – обычная история.

– Записываться в пенсионерки не собираюсь. Зарегистрирована на бирже, но использую любой шанс, чтобы найти работу. Пока, правда, безрезультатно. Вот и сегодня в нескольких местах получила отказ. Но надежды не теряю. В крайнем случае, снова сяду за парту. Психологи говорят – могут стать менеджерами...

Вообще на ярмарке можно встретить людей разных возрастов и профессий. Приходят сюда не только безработные. Многие ищут работу с более высокой зарплатой, кто-то хочет попробовать себя в новом качестве. На одном из «ярмарочных» столов табличка – «Компания занятости военнослужащих и членов их семей «Стратегия». Да, военные тоже попали в круг людей социально незащищенных.

– Как правило, офицеры не идут на биржу труда, – говорит сотрудник компании Олег Белов. – У них, может быть, самый сильный психологический барьер: из командиров – в безработные? Да никогда! Но проблема-то есть: и вот для работы с военными была создана наша компания. Мы выполняем своего рода госзаказ на социальную адаптацию военнослужащих, уволенных в запас. В большинстве своем они готовы к работе «на гражданке», нужно лишь помочь им подучиться. Сназем, командир автобатальона прекрасно может работать начальником гаража, замкомандира по работе с личным составом без труда устроится менеджером по персоналу... В нашем банке более восьмисот специальностей и должностей, где бывшие офицеры могут применить свои знания, опыт: в экономике, юриспруденции, таможенной и охранной деятельности, туристическом бизнесе... Обучение для них бесплатное, так что сам Бог велел к нам обращаться.

Всего за пять часов посетили эту ярмарку около трех тысяч москвичей. Около двухсот нашли себе работу.

Не думайте о бирже СВЫСОКА

В этом году можно отметить три своеобразные круглые даты.

Ровно 90 лет назад в Москве была открыта первая биржа труда. Ровно 60 лет назад закрыта последняя биржа труда в СССР. И уже пять лет прошло с момента воссоздания в столице службы занятости.

О положении дел с безработицей мы беседуем с руководителем Департамента труда и занятости правительства Москвы Валерием Сидоровым.

— Валерий Анатольевич, много ли москвичей на сегодня осталось не у дел?

— Международная организация труда считает, что оптимальный уровень безработицы для большого города — 5 процентов. И даже 10 процентов — еще не катастрофа. У нас в столице уровень этот колеблется возле отметки в полпроцента. И, скорее всего, в ближайшие годы заметных скачков не будет. Для сравнения скажу: в Берлине зарегистрировано 400 тысяч безработных — на порядок больше, чем в Москве. В целом же по России безработица составляет три процента.

— Кто чаще всего обращается к вам за помощью?

— Почти нет представителей рабочих профессий. Проблема касается в основном трех категорий: молодежи (17 процентов от общего числа безработных москвичей), инвалидов (5 процентов) и женщин в возрасте около 40 лет с высшим или среднеспециальным образованием, имеющих одного-двух детей, с опытом работы в НИИ, КБ или учреждениях культуры — 70 процентов всех безработных.

Но к нам приходят не только те, кто остался без работы. За прошлый год в департамент обратились около миллиона москвичей — при том, что безработных зарегистрировано всего 40 тысяч. Люди интересуются более при-

быльным делом, спрашивают, как поменять профессию, как пройти переобучение. Обращаются и за правовыми консультациями.

— Уровень безработицы стоит на месте или все-таки потихоньку растет?

— На тысячу человек в месяц. К сожалению, в промышленности продолжается спад. И если в Москве уровень безработицы низкий, то только потому, что за последнее время создано около 31 тысячи новых предприятий. В основном торговых, финансовых, на рынке потребительских услуг. Они «всасывают» тех, кто остался на улице.

— Большая часть оставшихся без работы — женщины. Что конкретно для них делается?

— Активно поддерживаем предприятия, традиционно использующие женский труд. Это текстильная, легкая промышленность. Помогаем развитию новых проектов, ориентированных на привлечение женщин. Так, недавно заключили договор с закусочными «Русское бистро». Есть проект «Оптимус», по которому в столице откроются три тысячи салонов парикмахерских и косметических услуг. Это создаст 30 тысяч рабочих мест. С сентября начали подготовку сотрудниц для работы в муниципальных организациях в специально созданной Академии женского управления и предпринимательства.

— А как парню, девушке найти работу? Помогаете им?

— Позор для столицы, что подростки могут заработать, главным образом, мытьем автомобилей и продажей бензина... Сейчас в каждом округе Москвы создаются молодежные предприятия. Возрождается знаменитый когда-то школьный завод «Чайка», уже открыто несколько цехов — шелкографии (нанесение картинок на

футболки), по сборке телефонов, по лицензионной видеозаписи. Молодой человек должен иметь возможность поработать свои четыре часа и получить за это нормальные деньги.

Почему выпускники вузов часто не могут устроиться? Да потому, что опыта практической работы у них еще нет. Мы предлагаем работодателю – возьми их, а зарплату первый год будем платить мы. Молодой человек в таком случае не чувствует своей ненужности и невостребованности. Он работает, а не получает пособие. Н тому же привыкает к коллективу, становится своим, приобретает опыт. Для нас же расходы одинаковы – что платить ему пособие, что зарплату.

– А откуда, если не секрет, у департамента деньги на все подобные выплаты?

– Каждое работающее предприятие отчисляет в наш фонд полтора процента от своего фонда оплаты труда. Так что деньги есть и на зарплату, и на пособия, и на кредиты начинающим предпринимателям, и на осуществление новых проектов.

– И все-таки большинство до сих пор считает зазорным идти на биржу труда, пытаются найти работу сами.

– Это стереотип прежних времен, когда так называемые бюро по оргнабору вербовали людей чуть ли не в подворотнях, а слово «вербованный» воспринималось почти как «неудачник». Сейчас – не так... Биржи оснащены новейшей техникой, там работают первоклассные специалисты. Чтобы облегчить людям жизнь и избавить от неловкости тех, кто живет старыми представлениями, мы планируем поставить по Москве – в метро, на вокзалах – несколько тысяч электронных информаторов. Любой

желающий сможет получить сведения о состоянии рынка труда, причем не прибегая к помощи чиновников.

– Одним словом, потеряв работу, отчаиваться не стоит?

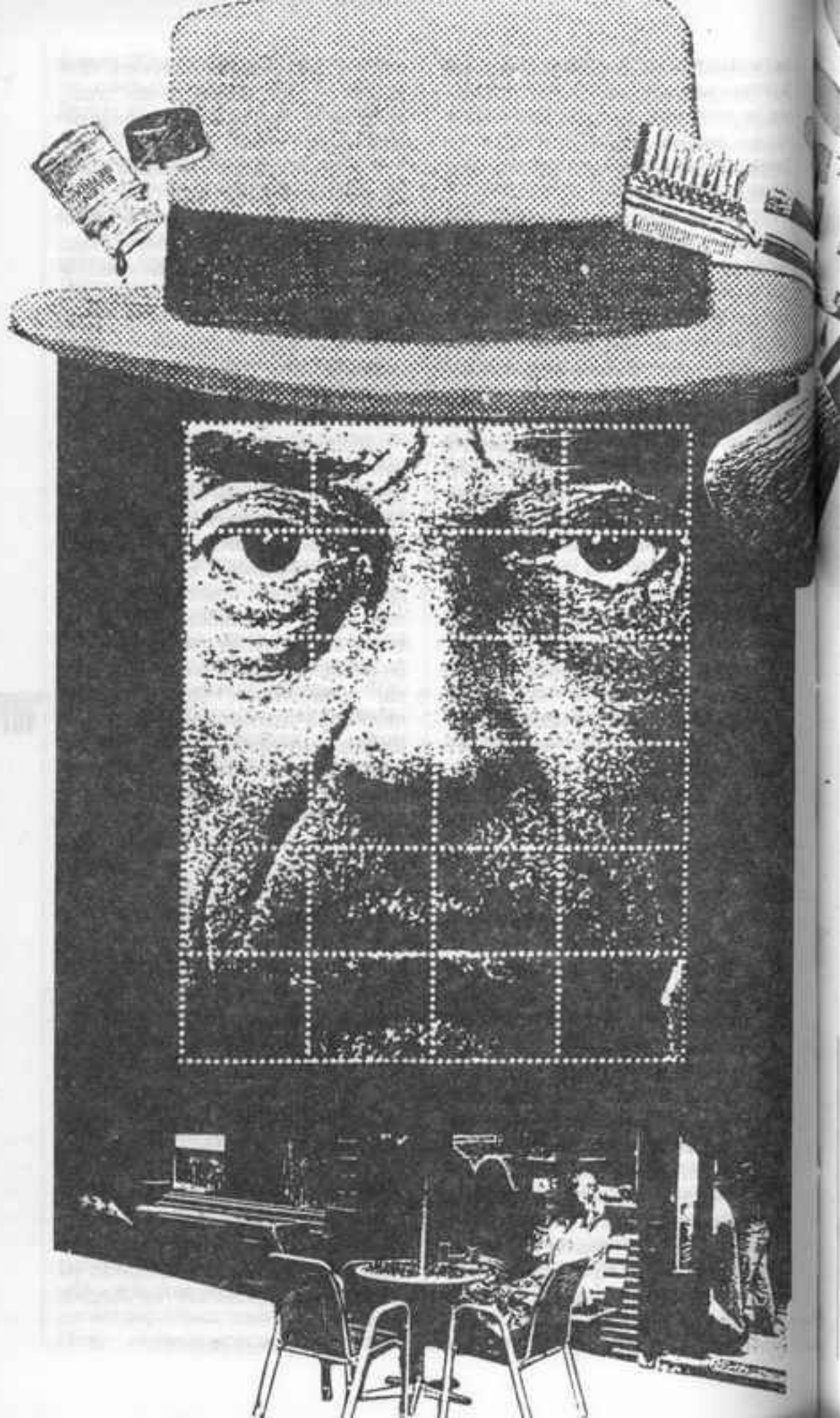
– Ни в коем случае. Уж в Москве-то работу найти можно. Надо лишь правильно оценивать себя и профессию, которой ты решил заняться. Может быть, стоит переступить через гордыню и даже сменить свой социальный статус. Во всяком случае, не бояться нового.

В самом деле, сразу припомнил я, при безработице среди москвичей столичный общественный транспорт, например, заполнен «гастарбайтерами», преимущественно с Украины, Белоруссии и других бывших союзных республик. Даже оставшись без работы, столичный житель считает для себя зазорным сесть за руль автобуса, троллейбуса, трамвая, сменить свой «белый воротничок» на шоферскую «робу». А ведь и в метро, и на наземный транспорт водители постоянно требуются, требуются, требуются...

Так что нашими стереотипами нам же и по голове – рабочие места приходится отдавать приезжим, которые всякой работе рады... Недавно слышал от одной женщины, что выбор работы для нее все равно что выбор мужа – один раз и на всю жизнь. Однако люди, бывает, и разводятся. И потерять мужа – совсем не трагедия, может быть, встретишь более достойного. То же и с работой.

...А вчера Евгений Андреевич Чеснонов, мой сосед по лестничной площадке, перестал от отчаяния пить горькую, взялся за ум и зарегистрировался на бирже труда.

Работа умных любит.

ДОРОТИ СЭЙЕРС

ЧУДЕСНОЕ ОЗАРЕНИЕ

мистера

БАДДА

«Вечерний вестник», неизменно стоящий на страже правосудия, счел нужным предложить вознаграждение в 500 фунтов тому, кто сообщит что-либо о человеке по имени Уильям Стрикленд, он же Болтон, который разыскивается полицией по обвинению в убийстве Эммы Стрикленд на улице Цветущей Акации, 59, в Манчестере.

Официальные приметы Уильяма Стрикленда: возраст 43 года; рост 6 футов 1 или 2 дюйма; цвет лица довольно смуглый; волосы густые, серебристо-седые, возможно, окрашен; длинные седые усы и борода – возможно, к настоящему времени сбриты; глаза светло-серые, довольно близко посаженные; нос с горбинкой; зубы крепкие, белые, заметно выдаются вперед, особенно при смехе; слева, на верхнем переднем зубе золотая коронка; на

левой руке ноготь большого пальца недавно изуродован при ударе.

Говорит довольно громко, уверенно. Речь правильная.

Одет, вероятно, в серый или темно-синий костюм со стоячим воротничком (размер 15) и мягкую фетровую шляпу.

Скрывается с 5 числа сего месяца; возможно, уже покинул или попытается покинуть страну».

Мистер Бада внимательно перечитал описание и глубоко вздохнул. Не было ни малейшей надежды, что Уильям Стрикленд выберет его маленькую, не слишком преуспевающую парикмахерскую из всех заведений подобного рода в Лондоне, чтобы побриться или постричь волосы, и уж тем более для того, чтобы их покрасить, если, конечно, он вообще в Лондоне, в чем мистер Бада весьма сомневался.

Со дня убийства прошло уже три недели, так что шансы были один против ста, что Уильям Стрикленд давно уже покинул страну, слишком уж рьяно пытавшуюся навязать ему свое гостеприимство. Тем не менее мистер Бада постарался как можно точнее запомнить приметы. Все-таки это был шанс – вроде как выигрыш в состязании на лучший кроссворд или же когда требуется что-нибудь угадать – например, победителя среди кандидатов на выборах или задуманную карту, или как в той игре, где все гоняются за сокровищем, которое охраняет дракон, предложенной «Ивнинг Клэрион». Любой крупный, бросающийся в глаза заголовок, если только речь в нем шла о деньгах, неизменно притягивал внимание мистера Бада в эти скудные, неурожайные дни, независимо от того, предлагалось ли в нем пятьдесят тысяч фунтов наличными с немедленной выплатой и в дальнейшем по десять фунтов на пропитание еженедельно, или всего лишь какая-нибудь скромная сотенка.

Может показаться странным, что мистер Бада, человек, умудренный опытом, в возрасте, когда время скорее собирать камни, а уж никак не разбрасывать их, с завистью просматривал списки победителей конкурсов, раздумывая о тех, кто хоть в чем-либо преуспел. Взять, к примеру, дамского парикмахера через улицу... Разве он не подрабатывал еще в прошлом году, добывая свои жалкие девятипенсовики продажей не менее жалких дешевых папиросок и комиксов? И не он ли откупил совсем недавно зеленую лавочку по соседству и, окружив себя изящными, изысканно причесанными помощницами, не открыл ли он там «Дамский салон» с лиловыми и оранжевыми портьерами, двумя рядами сверкающих белизной мраморных раковин, а также приспособлением, смахивающим на люстру викторианской эпохи, для перманентной завивки? И не снабдил ли он свое заведение громадной неоновой вывеской с яркой каймой, непрерывно бегущей по кругу, словно котенок, пытающийся поймать свой вечно ускользающий хвост? И не его ли «человек-реклама» как раз в эту минуту прохаживается по тротуару со светящимся объявлением об Услугах и Ценах? И разве именно в это мгновение нескончаемый поток молодых девиц не устремляется в благоухающие залы салона в отчаянной надежде успеть до закрытия вымыть волосы ароматным

шампунем и стать обладательницей «прекрасной и необычайно прочной завивки»?

И если служащая в приемной покачает головой, сожалея, что уже поздно, им и в голову не придет перейти через улицу, туда, где тускло светится витрина парикмахерской мистера Бада. Клиенты записывались заблаговременно и терпеливо ждали, с волнением поглаживая колючую поросль на затылке и непокорные прядки волос за ушами, отрастающие всегда слишком быстро.

День за днем мистер Бада наблюдал, как они мелькают, то вбегая, то выбегая из заведения соперника; он желал всей душой, он даже молился (бессознательно и без слов), чтобы кто-нибудь из них заглянул к нему, но этого никогда не случалось.

И все-таки в душе мистер Бада был уверен, что он непревзойденный художник. Он видел короткие, «под фокстрот», дамские стрижки, вызывающие, ни на что не похожие — ему они никогда не нравились, пусть даже и стоили по три шиллинга и шесть пенсов каждая. Стрижки с обгрызанной и неровной линией на затылке, стрижки, или уродовавшие красивую голову, или грубо выставлявшие напоказ недостатки уродливой, сделанные наспех, бессовестные, халтурные — в послеобеденные часы, когда народу особенно много, их поручали девчонке, какой-нибудь ученице, которая и обучалась-то ремеслу года три, не больше, и для которой великое таинство стрижки «на нет» было китайской грамотой за семью печатями.

А окраска? Его конек, его любимое детище, это таинство, которое он изучил досконально! Ах, если бы только эти не в меру приткие дамы заглянули к нему! Он осторожно отговорил бы краситься кошмарным ярко-рыжим красителем, который делает их похожими на заржавевших металлических кукол, предостерег бы против этого так широко рекламируемого состава, чье действие совершенно непредсказуемо, он применил бы все свои изощренные навыки, отточенные длительным опытом — окрасил бы волосы с такой тонкостью и искусством, которое, незаметное глазу, уже как будто перестает им быть.

Однако никто не заходил к мистеру Баду, за исключением чернорабочих да молодых бездельников или торговцев, неизменно торчавших под газовыми фонарями на Уилтон-стрит.

Но почему бы и мистеру Баду не вырваться из оков нищеты, не окружить себя всем этим мрамором и электрическими светильниками, не сколотить состояние, взлетев на волне прилива?

Причина довольно прискорбна, и так как, по счастью, она не имеет отношения к нашей истории, то мы лишь упомянем о ней вскользь.

У мистера Бада был младший брат Ричард, и он обещал матери заботиться о нем. В лучшие, более счастливые дни мистер Бада был владельцем процветавшего дела в их родном городке Нортгемптоне, а Ричард был служащим в банке. Брат скатился на плохую дорожку (несчастный мистер Бада жестоко терзался, горя себя за это). Сначала произошла неприятная история с девушкой, потом чудовищные сделки с букмекерами, а после этого Ричард, попытавшись исправить плохое с помощью худшего,

взял деньги из банка. Нужно было обладать куда большей смелостью, чем этот бедняга, чтобы успешно подделывать бухгалтерские счета.

Управляющий банком был суровым человеком старой закалки; он подал в суд. Мистер Бада выплатил все и банку, и букмекерам, взял на себя заботы о девушке, пока Ричард отбывал заключение, оплатил их проезд до Австралии, когда брат вышел из тюрьмы, и дал им еще деньжонок, чтобы было на что обосноваться на новом месте.

Но на это ушли все доходы от его парикмахерской, и он не мог больше смотреть в глаза соседям в Нортгемптоне, знавшим его чуть ли не с самого рождения. А потому уехал в Лондон, громадный и многолюдный, прибежище всех, кто скрывается от людских любопытных глаз, и купил это маленькое заведение в Пимлико. Дела шли неплохо, пока не появилась новая мода. Другим она была только на руку, но у мистера Бада средств не хватило, и это погубило его.

Вот почему глаза мистера Бада с таким жадным интересом обращались к заголовку, если в нем говорилось о деньгах.

Он отложил газету и, поймав при этом свое отражение в зеркале, улыбнулся, поскольку был не без чувства юмора. Не очень-то он похож на человека, способного в одиночку задержать безжалостного убийцу. Ему было уже далеко за сорок — с небольшим брюшком, с пушистыми светлыми волосами, начинавшими редеть на макушке, ростом не более пяти футов и шести дюймов, с мягкими и пухлыми ручками, как и положено парикмахеру.

172 Даже с бритвой в руке он вряд ли мог быть достойным противником Уильяму Стрикленду, шести футов одного или двух дюймов ростом, который так жестоко забил до смерти свою старую тетюшку, зверски расчленил ее тело на части и чудовищно избавился от останков, выбросив их в мусорный бак. С сомнением покачивая головой, мистер Бада подошел к дверям, чтобы бросить расстроенный взгляд на заведение напротив, где жизнь так и кипела, и чуть не налетел на здорового посетителя, поспешно входившего с улицы.

— Прощу прощения, сэръ, — пробормотал мистер Бада, в ужасе от того, что может упустить девятипенсовик. — Я только выглянул на минутку, подышать свежим воздухом, сэръ. Хотите побриться?

Верзила сбросил пальто, не дожидаясь, пока мистер Бада почтительно подхватит его.

— Окраску делаете? — спросил он отрывисто.

Вопрос так неожиданно переключался с размышлениями мистера Бада об убийстве, что на мгновение буквально вывел парикмахера из состояния привычного профессионального равновесия.

— Простите, сэръ...

Он загнулся, тотчас же подумав, что человек этот похож на священника. Ну пастор, да и только, со странными, очень светлыми глазами, густой, огненно-рыжей шевелюрой и коротко обстриженной, торчащей бородкой. Может быть, он даже пришел за пожертвованием. Это было бы совершенно некстати, ведь ми-

стер Бада уже считал, что девять пенсов у него в кармане, а если с чаевыми, так, пожалуй, и шиллинг.

- Вы волосы окрашиваете? - спросил мужчина нетерпеливо.

- О! - обрадованно воскликнул мистер Бада. - Ну конечно, сэр, разумеется, сэр!

Вот она наконец, удача! Окраска стоила дорого - дух его возлирился, взлетев на высоту семи шиллингов шести пенсов.

- Прекрасно, - сказал мужчина, усаживаясь и позволяя мистеру Баду повязать себе простыню вокруг шеи. - Дело в том, что моей юной подружке не нравятся рыжие волосы. Она говорит, это броско до неприличия. Девчонки из ее фирмы тоже насмеются надо мной. Ну и поскольку она намного моложе меня, мне хочется угодить ей. Вот я и подумал, нельзя ли их перекрасить во что-нибудь поспокойнее, а? В темно-каштановые, к примеру, - она прямо-таки млеет от этого цвета. Что вы на это скажете?

Мистеру Баду пришло в голову, что молоденьким девушкам это внезапное новшество может показаться гораздо забавнее, чем естественный цвет, однако в интересах дела он согласился, что темно-каштановый - цвет вполне подходящий и, разумеется, куда менее вызывающий, чем рыжий. К тому же, вполне вероятно, что никакой подружки и не было. Женщина, как он по опыту знал, может чистосердечно признаться, что ей хочется изменить цвет волос для разнообразия или потому, что это ей больше пойдет, но если уж мужчине придет в голову подобная блажь, он непременно постарается свалить ответственность за это на кого-то другого.

- Ну что же, прекрасно, - сказал клиент, - приступайте. И, думаю, мне лучше сбрить бороду. Моей девушке не нравится борода.

- Многим молоденьким девушкам это не нравится, сэр, - согласился с ним мистер Бада. - В наши дни она выходит из моды - не то что раньше. Главное, что, даже если мы и сбреем ее, это никак не отразится на вашей внешности. Подбородок у вас вполне подходящий.

- Вы думаете? - спросил мужчина, разглядывая свое лицо в зеркале с некоторой тревогой. - Я рад это слышать.

- Не желаете ли сбрить и усы, сэр?

- Хм-хм-м, нет... нет, пожалуй, оставлю, пока возможно.

Он огулу расхохотался, и мистер Бада с одобрением заметил ряд ровных и крепких зубов и на одном - золотую коронку. Клиент явно был готов раскошелиться, чтобы выглядеть подобающим образом.

В мечтах мистер Бада уже видел, как этот состоятельный и приличный клиент советует всем знакомым посетить «своего парикмахера» - «отличный парень - настоящее чудо - это с той стороны, за вокзалом «Виктория» - сами вы никогда не найдете - маленькое такое заведение, но он свое дело знает - постойте, я запишу вам адрес». Главное, чтобы все удалось.

- Я вижу, вы и раньше уже красили волосы, сэр, - заметил мистер Бада осторожно. - Верно ведь?

- А? - переспросил тот. - Ах да... да, дело в том, что моя невеста, как я сказал уже, намного моложе меня. Вы, наверное, заме-

тили, что я слишком рано начал седе́ть – и мой отец в свое время тоже, вот мне и пришлось красить волосы; но вы же видите – седина все равно проступает. Только больно уж моей девушке этот цвет не по нраву, вот я и решил – раз все равно надо краситься, то почему бы не выбрать такой, что ей придется по вкусу, правда?

Среди людей недалеких бытует мнение, что парикмахеры – народ чересчур разговорчивый. И это не лишено здравого смысла. Парикмахер слышит много секретов и еще больше лжи. Из осторожности он занимает свой непокорный язык болтовней о погоде или о политике, в противном случае, не в силах оставаться в бездействии, тот ринется без удержу в совершенно излишние откровенности.

Мистер Бада разглагольствовал о женских капризах и прихотях, а наметанный глаз его и ловкие пальцы делали тем временем свое дело, разглядывая и ощупывая кудри клиента. Никогда не могли эти волосы – слегка вьющиеся, густые и жесткие – быть рыжими. Видимо, когда-то они были черными, но преждевременно – как нередко случается у брюнетов – превратились в серебристо-седые. Это, однако, совершенно его не касалось. Он узнал то, что ему требовалось, – название красителя, которым клиент прежде пользовался, и отметил про себя, что следует соблюдать осторожность. Есть краски, очень плохо взаимодействующие друг с другом.

Рассуждая о том о сем, мистер Бада взбил пену на щеках и подбородке клиента, сбрил помешавшую тому бороду и вымыл ему голову обесцвечивающим шампунем, предшествующим окраске. Фен зажужжал; подсушивая волосы посетителя, парикмахер просматривал новости об Уимбадонском турнире, о снижении налогов и переходе на летнее время – и в этот миг будто что-то кольнуло его, и он непроизвольно взглянул на заметку об убийстве в Манчестере.

– Полиция, похоже, сложила руки, решив, что это гиблое дело, – заметил мужчина.

– Быть может, вознаграждение пробудит к нему хотя бы некоторый интерес, – сказал мистер Бада, поскольку эта мысль не выходила у него из головы.

– Ах вот как, вознаграждение? А я и не знал.

– Это в вечернем выпуске, сэр. Хотите взглянуть?

– Спасибо, с удовольствием.

Мистер Бада, потянувшись за газетой, на мгновение оставил фен, и мощный поток теплого воздуха взметнул, раздувая, огненную шевелюру клиента; он протянул «Вечерний вестник» посетителю. Тот внимательно прочитал весь столбец и парикмахер, наблюдавший за ним в зеркало, заметил, как он внезапно отдернул левую руку, до этого беспечно покоившуюся на подлокотнике кресла, и сунул ее под накидку.

Но не прежде, чем мистер Бада успел взглянуть на нее. Не раньше, чем он явственно разглядел жесткий, с наростом, изуродованный ноготь на его большом пальце. У множество людей бывают такие ногти, поспешно одернул себя мистер Бада.

Мужчина поднял глаза, их отражение в зеркале пронзительно всматривалось в лицо парикмахера.

- Все это впустую, - сказал мистер Бада, - голову даю на отсечение, что преступник давным-давно выехал из страны. Слишком поздно они спохватились.

Мужчина расхохотался.

- Пожалуй, вы правы! - заметил он.

Мистер Бада про себя прикидывал, у скольких людей с изуродованным ногтем на большом пальце левой руки есть золотые коронки на левом переднем зубе. Вполне вероятно, что в Англии найдутся сотни подобных. А также и с серебристой сединой в волосах («возможно, окрашены»), и в возрасте около сорока трех лет. Да, без сомнения.

Взявшись за фен, мистер Бада отключил его, поднял расческу, машинально проводя ею по волосам, которые никогда от природы не были огненно-рыжими.

Он вспомнил вдруг - с точностью, едва не лишившей его присутствия духа, количество и размеры ужасных ран, нанесенных убитой в Манчестере - немолодой, полноватой даме. Выглянув в распахнутую дверь, парикмахер заметил, что его конкурент напротив уже закрыл свой салон. На улицах полно народу. Как просто было бы...

- Пожалуйста, не могли бы вы побыстрее? - попросил посетитель, немного нетерпеливо, но достаточно вежливо. - Уже темно. Боюсь, как бы вам не пришлось задержаться.

- Нет, что вы, сэр, - возразил мистер Бада. - Ничего подобного. Ни в коей мере.

Нет, если он попробует запереть дверь, его чудовищный посетитель набросится на него, опрокинет, начнет душить, не давая позвать на помощь, а потом одним свирепым ударом - как тем, которым он раздробил череп тетушки...

Но ведь его положение значительно выгоднее. Решительный человек на его месте не стал бы раздумывать. Он выскочил бы на улицу, прежде чем посетитель успеет выбраться из кресла. Мистер Бада принялся потихоньку двигаться к двери.

- В чем дело? - поинтересовался клиент.

- Да вот, хотел выглянуть, посмотреть, сколько времени, сэр, - ответил парикмахер, покорно остановившись.

- Двадцать пять девятого, - сказал посетитель, - по радио говорили. Я оплачу сверхурочные.

- Да что вы, какие счета? - возразил мистер Бада. Поздно, он не мог попытаться снова. Лишь явственно видел, как спотыкается на пороге... падает... и громадный кулак поднимается, чтоб не оставить от него даже мокрого места. Может быть, под знакомой белой накидкой уродливая рука уже в эту минуту сжимает рукоять пистолета...

Мистер Бада отошел в глубину парикмахерской, подготавливая все необходимое для окраски. Если б только он был посмекальстой - вроде сыщиков в детективных романах - он бы тотчас заметил и этот ноготь, и золотую коронку на зубе, сделал бы нехитрые вычисления и выбежал бы на улицу, призывая на помощь, пока преступник сидел мокрый и намыленный, с лицом,

обернутым в полотенце. А то плескнула бы ему мыло в глаза – вряд ли кто-нибудь сумеет убить и даже просто сбежать с залепленными мыльной пеной глазами.

Да и теперь еще – мистер Бада взял флакончик, покачал головой и поставил его обратно на полку – даже теперь – разве поздно? Почему бы не рискнуть и не пойти напролом? Стоит лишь ему открыть бритву, тихонько подкрасться сзади к ничего не подозревающему клиенту и произнести твердо и громко, уверенным голосом:

– Руки вверх, Уильям Стрикленд! Ваша жизнь у меня в руках. Встаньте и не двигайтесь, пока я не отберу у вас пистолет. А теперь – выходите и вперед – до ближайшего полисмена.

Окажись на его месте Шерлок Холмс, он, без сомнения, так бы и сделал.

Однако, возвращаясь с подносиком, нагруженным пузырьками и инструментами, мистер Бада сообразил неожиданно, что он-то не из того теста вылеплен, что знаменитые сыщики. Он совершенно не мог себе представить, чтобы из этой попытки получилось что-либо путное. Ведь если даже он приставит лезвие к горлу мужчины и произнесет: «Руки вверх!» – тот, скорее всего, просто схватит его за руки и отберет у него бритву. И, главное, если мистер Бада так боится клиента, когда тот безоружен, то было бы истинным безумием собственноручно вооружить его, вручив ему лезвие.

Или, предположим, он скамандует: «Руки вверх!», а преступник ответит: «И не подумаю!». Что он тогда станет делать? Пере режет посетителю гордо и совершит тем самым убийство, если вообще ему удастся себя вынудить сделать подобное? Не могут же они так оставаться до утра, пока мальчишка не придет убирать парикмахерскую?

Быть может, полицейский заметит свет и незапертую дверь и заглянет к нему? Тогда он скажет: «Благодарю вас, мистер Бада, за то, что вы задержали очень опасного преступника». Но полицейский ведь может и не заметить – и мистеру Бада придется так и стоять, он устанет, внимание его рассеется, и тогда...

В конце концов никто ведь не призывал мистера Бада самодично хватать убийцу. «Кто сообщит что-либо о человеке...», – так было сказано в объявлении. Он мог бы сообщить, что тот, кого разыскивает полиция, был здесь, у него в парикмахерской, что у него теперь каштановые темные волосы и усы, а бороду он сбрил. Он даже мог бы незаметно прокрасться за ним, когда посетитель уйдет... он бы мог...

И в это мгновение Чудесное Озарение снизошло на мистера Бада.

Он как раз доставал бутылочку из шкафчика со стеклянными дверцами, когда ему вдруг вспомнился с необычайной ясностью старинный деревянный нож для разрезания бумаги, принадлежавший еще его матери. Бордюр из простеньких голубых незабудок окаймлял изречение, гласившее: «Знание – Сила».

Глубокое спокойствие и уверенность наполнили душу мистера Бада, все его сомнения исчезли, ум заработал. Он аккуратно, как ни в чем не бывало, убрал все лезвия, продолжая разгла-

гольствовать и ловко, искусными пальцами накладывать коричневую темную краску на волосы клиента.

Улицы уже опустели, когда мистер Бада проводил посетителя. Он смотрел, как тот, возвышаясь среди других пешеходов, перешел через Гросвенор-пэйс и сел в 24-й автобус.

Мистер Бада захлопнул дверь парикмахерской, потряс ее, как обычно, чтобы удостовериться, что замок в самом деле защелкнулся, и, сев в свою очередь в 24-й автобус, поехал к Уайтхоллу*.

Дежурный полицейский поначалу отнесся к нему недоверчиво, когда мистер Бада заявил, что желает видеть «самого главного из начальников», но так как брадобрей-коротышка настаивал, уверяя, что может сообщить кое-что об убийстве в Манчестере, тот наконец согласился его пропустить.

Мистера Бада сначала принял весьма внушительного вида инспектор в форме; он очень внимательно выслушал его сообщение и попросил повторить еще раз со всеми подробностями насчет золотого зуба и ногтя на большом пальце, а также про волосы, бывшие черными, до того как стать седыми или рыжими, а теперь превратившиеся в темно-каштановые.

Потом инспектор позвонил и сказал:

— Перкинс, мне кажется, сэр Эндрю захочет встретиться с этим человеком немедленно, — и парикмахера проводили в другой кабинет, где сидел исключительно пронизательный и вдумчивый господин в штатском, выслушавший его с еще большим вниманием и вызвавший другого инспектора, чтобы тот, в свою очередь, тоже послушал и как можно точнее записал приметы того, кто... да, теперь это уже можно было утверждать с полной уверенностью, являлся Уильямом Стриклендом.

— Но тут есть еще одна маленькая подробность, — сказала мистер Бада. — Я просто головой могу поручиться, — добавил он, — да, сэр, его уж вы ни с кем не перепутаете, в противном случае для меня все кончено...

Парикмахер взволнованно смял свою мягкую шляпу и перегнулся через стол, задыхаясь и глотая слова, торопясь изложить суть своей грандиозной профессиональной уловки.

«Дзи-и-нь... дз-дз-дз... дзи-и-нь... дз... дзи-и-нь... дзи-и-нь... дз...»

Пальцы телеграфиста на почтово-пассажирском судне «Миранда», направлявшемся в Остенд, так и летали, принимая сообщения, жужжавшие, словно тучи moskitov.

Одно из них заставило его усмехнуться.

— Передам-ка я, пожалуй, его капитану, — пробормотал он.

Капитан, прочитав, почесал в затылке и дернул за колокольчик, вызывая стюарда. Стюард быстро сбежал по ступенькам в маленькую каюту на корме, где начальник хозяйственной части пересчитывал деньги, проверяя, все ли в наличии, прежде чем запереть их на ночь. Услышав приказ капитана, он тотчас же спрятал банкноты в сейф и, прихватив список пассажиров, отправился на корму. Состоялось короткое совещание, и колокольчик опять зазвонил — на этот раз вызывая старшего стюарда.

* Улица в Лондоне, на которой расположены правительственные учреждения. — Прим. переводчика.

«Дз-з-з... з-з... дзи-и-нь-з-з... дз-з-з... дз-з-з».

Вдоль по Ла-Маншу, через Северное море, к докам у устья Мерси и дальше, в Атлантический океан, мчались, жужжа, потревоженные стаи mosкитов. На каждом из пассажирских судов радист сообщал капитану, тот посылал за начальником хозяйственной части, он, в свою очередь, вызывал к себе старшего стюарда, а этот уже собирал всех своих подчиненных. На громадных океанских лайнерах и маленьких суденышках, на военных кораблях и роскошных яхтах, принадлежавших частным владельцам, на каждом судне, имевшем на борту передатчик, — во всех портах Англии, Франции, Голландии, Германии, Дании и Норвегии, во всех полицейских участках, куда долетали послания комариного роя, слушали с волнением и смехом историю о коварстве и хитроумии мистера Бада. Двое мальчишек-бойскаутов в Кройдоне, ловившие сигналы с помощью самодельного лампового радиоприемника, расшифровали их и старательно записали в тетрадь.

— Вот те на! — воскликнул Джим, обращаясь к Джорджу. — Это ж надо до такого додуматься! Как думаешь, поймут они этого бедолагу?

«Миранда» пришвартовалась в Остенде в 7 утра. Мужчина с разбегу ворвался в радиорубку, где оператор как раз снимал наушники.

— Есть! — крикнул он. — Попался! Что-то там затевается; капитан уже вызвал полицию. Консул сейчас прибудет на борт.

Радист застонал и включил передатчик.

«Дз-з-з... з-з... дз-з-з...» — сообщение английской полиции.

«Человек на борту отвечает приметам. Билет приобретен на имя Уотсона. Заперся у себя в каюте и отказывается выходить. Требуется, чтобы к нему привели парикмахера. Мы связались с остендской полицией. Ждем указаний».

Капитан, покрикивая и властно жестикулируя, расчистил дорогу среди небольшой возбужденной кучки людей, столпившихся у каюты первого класса N 36. Некоторые из пассажиров учуяли, что «что-то там затевается». Он повелительно отослал их к сходням со всеми их чемоданами и баулами. Затем сурово командовал официантам и мальчишке-помощнику, торчавшему рядом, разинув рот, с полными руками оставшейся от завтрака грязной посуды, отойти подальше от двери. Он яростно приказал им попридержаться языки. Четверо или пятеро матросов стояли рядом с ним наготове. В наступившем молчании слышно было, как пассажир в 36-й каюте ходит взад и вперед по узкому номеру, как он что-то передвигает, звенит посудой и плещет водой в умывальнике.

Наконец раздались шаги наверху. Кто-то прибыл на борт и привез сообщение. Капитан кивнул. Шесть пар обутых в сапоги ног бельгийских полисменов на цыпочках, неслышно ступая, сошли к ожидавшим их людям. Капитан бросил взгляд на бумагу с печатью, которую ему подали, и снова кивнул.

— Готовы?

- Да.

Капитан постучал в дверь номера 36.

- Кто там? - окликнули его резко и хрипло.

- Пришел парикмахер, сэр. Вы ведь послали за ним.

- А! - В голосе говорившего послышалось облегчение. - Пожа-луйста, пусть он войдет, но один. У меня... У меня тут произошел несчастный случай.

- Хорошо, сэр.

Услышав, что защелка осторожно отодвигается, капитан сделал шаг вперед. Дверь чуть-чуть приоткрылась, и ее тут же с силой потянули назад, но нога капитана уже накрепко вклинилась в эту щель. Полицейские рванулись вперед. Раздался отчаянный крик и выстрел, но пуля, никого не задев, пробила окно кают-компании первого класса, и пассажира выволокли в коридор.

- Разрази меня гром! - пронзительно закричал паренек. - Разрази меня гром, если волосы его за ночь не стали зелеными! Зелеными!

Не зря, видно, мистер Бада изучал хитроумные взаимодействия разнообразных химических красителей. Доказывая глубину своих познаний, он пометил своего посетителя так, чтобы его можно было отыскать среди миллионов людей, населявших нашу Землю.

Разве нашелся бы хоть один порт во всем христианском мире, где мог бы незамеченным ускользнуть убийца, каждая волосинка которого была зеленой, как перышко попугая? Зеленые усы, зеленые брови и густая курчавая шапка волос сочного, точно летняя травка, зеленого цвета.

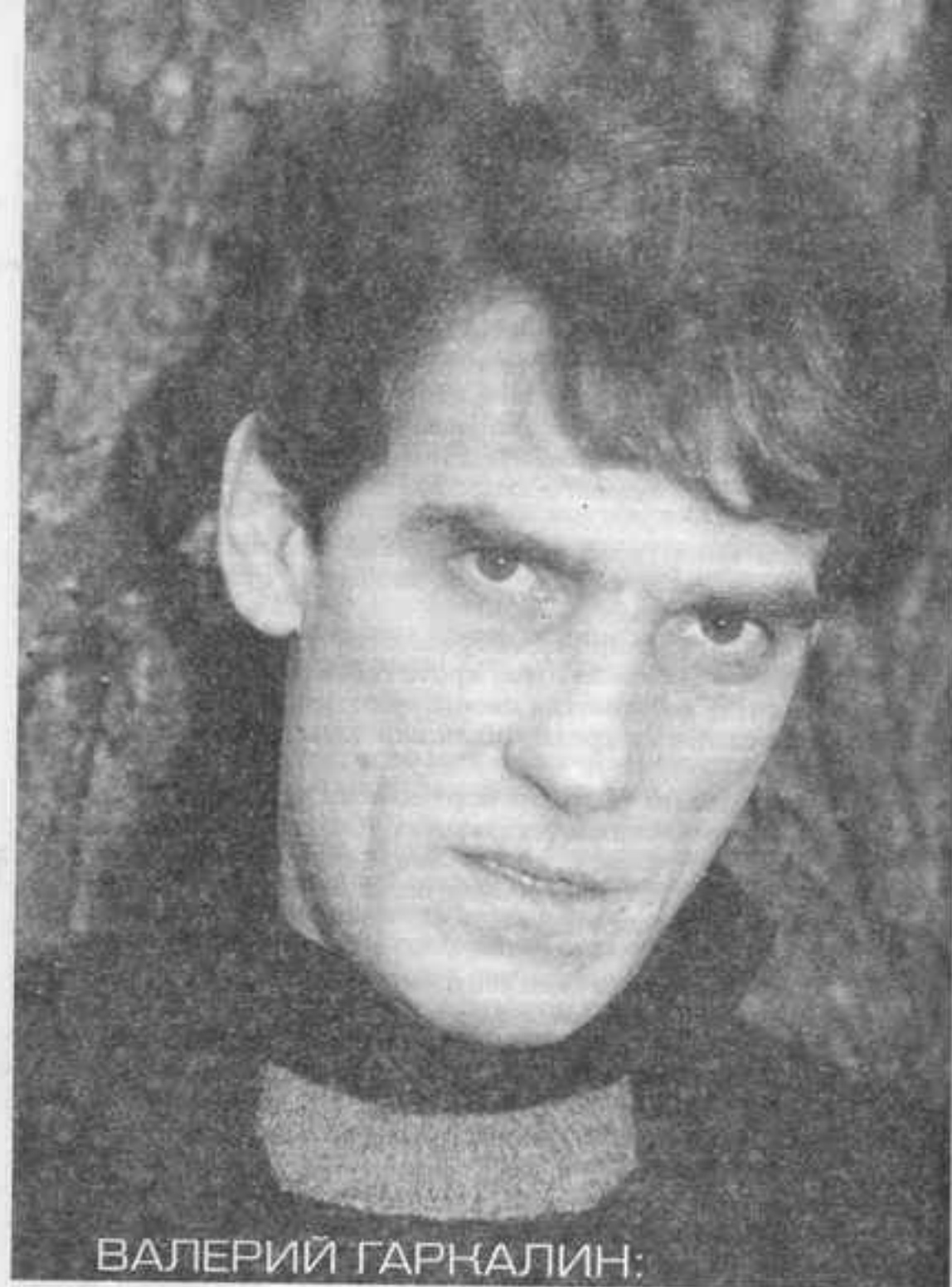
Мистер Бада получил свои 500 фунтов стерлингов. «Вечерний вестник» опубликовал сообщение о происшествии, во всех подробностях расписав хитроумие парикмахера. Тот с ужасом ожидал, что подобная слава погубит его заведение. Теперь-то уж, конечно, никто не придет к нему.

На следующее утро громадный голубой лимузин подкатил к дверям парикмахерской к величайшему изумлению всей Уилтон-стрит.

Дама, блиставшая мехами и бриллиантами, впорхнула в салон.

- Ведь вы и есть мистер Бада, не так ли? - вскричала она. - Прославленный мистер Бада? О, это великолепно! А теперь, мой дорогой мистер Бада, умоляю вас, окажите мне маленькую любезность. Прошу вас, покрасьте мне в зеленый цвет волосы, сию минуту. Немедленно! Так, чтобы я потом могла всем рассказывать, что я была у вас первая, и вы лично меня обслужили. Я герцогиня Винчестерская, а эта ужасная ведьма Мелкастер гонится за мной по пятам - кошка паршивая!

Если желаете, я могу дать вам адрес парикмахерского салона мистера Бада на Бонд-стрит. Только учтите, что берет он необычайно дорого.

ВАЛЕРИЙ ГАРКАЛИН:

"Оставляю
себе шанс
быть
непредсказуемым"

Валерий Гарналин в драматический театр и кино шел, по его собственному выражению, окольными путями. Хотя тропиночки эти начинались еще в московском детстве, вместе с желанием когда-нибудь выйти на сцену. Но вот незадача: все столичные театральные вузы, словно сговорившись, дружно не приняли его в свои ряды. У кого-то опустились бы руки, Гарналин же, не желая терять времени, решает на обходной манер: подает документы на нукольный факультет Гнесинского училища. И вот тут-то ему повезло с первой попытки — руководитель курса Л. А. Хаит, не колеблясь, взял его на свой курс.

Назалось бы, все predetermined: училище — театр С. В. Образцова — долгая, невидимая миру карьера артиста за ширмой, звездного успеха не сулящая. Впрочем, актерская судьба Гарналина не раз делала крутые виражи. Накрепко сдружившись курсом, выпускники Гнесинки не захотели расставаться. И предпочли стабильному столичному существованию неизвестность провинциального Немерова, куда и уехали все вместе. Там, в областной филармонии Кузбасса, создали театральный ансамбль «Люди и куклы», в котором Гарналин проработал семь лет.

Потом он вернулся в Москву. Захотелось продолжить образование. Гарналин поступает в ГИТИС на факультет режиссуры эстрадных и массовых представлений. Впрочем, он считает, что знание эстрадных законов пошло ему на пользу. К тому же, среди его однокурсников были такие известные мастера, как Нлара Новикова и Ефим Шифрин, частенько занимавшие его в своих концертах и спектаклях. Одновременно Гарналин играл привычные «кукольные» роли у Образцова.

А в сезоне 1988/89 годов еще один счастливый поворот колеса Фортуны привел Гарналина в московский театр Сатиры. Самостоятельная постановка (совместно с М. Зоннештралем) спектакля по пьесе С. Мрожека «Нонтрант» настолько понравилась труппе и художественному руководителю В. Н. Плучену, что он предложил артисту постоянную работу.

Истати, только театром Сатиры Гарналин не ограничивается. Его наперебой приглашают как известные столичные коллективы, так и более скромные театры-студии. Можно только позавидовать, какие роли ему уже посчастливилось играть: Петруччио в «Укрощении строптивой» У. Шекспира, Мастер и Понтий Пилат в «Шизофрении, как и было сказано» (версия «Мастера и Маргариты» М. Булгакова), Черт в «Братьях Карамазовых». А ведь есть еще и кино!

— Как вас на все хватает, Валерий Борисович? Не легче ли посвятить себя одному театру и жить спокойнее?

— Жалеть себя, готовить к каким-то особым ролям — это все слова, за которыми ничего не стоит. Потому что профессия актерская — практика, как у врача. Можно много теоретизировать вокруг нее, но практикуют ведь только актеры, которые выходят на сцену и в чем-то убеждают зрителя. Или не убеждают. И поэтому попытка совместить академическую стабильность с поиском — один из наиболее интересных вариантов актерской судьбы. Мне кажется, что как раз в поиске артист и способен состояться. В стационарном же театре можно частенько прибегать к тому, что ты уже когда-то делал, остаться в раз и навсегда заданном рисунке, если даже он и выполнен с помощью замечательной драматургии и режиссуры. Этим, на мой взгляд, грешат многие артисты академических коллективов. А

ведь один шаг назад, потом еще один — и наступает смерть артиста, как живого, меняющегося и непредсказуемого существа.

А вот антрепризы как раз и говорят о том, что жизнь — это пренебрежение всего движением. Если оно есть в жизни, то будет и на сцене. И я счастлив, что судьба, например, подарила мне встречу с Людмилой Рошнован, руководителем театра-студии «Человек». Шесть лет назад она пригласила меня в сплентанль «Стриптиз» любимого мною драматурга С.Мронена. И вот до сих пор я не могу себе представить, что хотя бы раз в месяц не выйду на эту маленькую площадку. Какие бы «высоты» я не брал, знаю, что всегда буду возвращаться сюда, ибо здесь — внутренняя школа и тот тренинг, который просто необходим каждому из нас, кто по-настоящему любит свою профессию.

— А взять, да и совсем уйти на «вольные хлеба» вам никогда не хотелось? Тем более что спрос на вас, к счастью, велик и разнообразен.

— Нет. Это все-таки мнимая свобода. Она отомстит. Это будет уход не в «свободные художники», а в свои комплексы. И артист в конце концов может оказаться их пленником. Как только начинаешь быть уверенным, что ты — сам себе судья и всегда прав на сцене, тут-то и стоит на всем поставить крест.

Начнется самое страшное разрушение, которое сам артист, да и очень хороший, не замечает. А тот, кто сидит в зале, видит, какой распад происходит. По другую сторону рампы заметно ведь очень многое. Можно целиком охватить картину сплентанля, увидеть, как в ней вдруг вырисовывается фигура артиста, как она соотносится со всем остальным. Кто, как не режиссер, постоянно работающий с артистом, может им руководить, уберечь от ошибок? Я вообще счи-

тую, свобода обретается в самом творчестве.

— В театре, судя по всему, ваша судьба складывается удачно. А удалось ли вам реализовать себя в кино?

— Я в кино случайно попал, причем сразу на «героическую» роль — в фильме «Натала» режиссера Сергея Бодрова. И это было для меня мучительно, потому что я до той поры считался актером комедийным. Пришлось переламывать свои человеческие привычки и проявления. Мой герой нетороплив, немногословен, он иначе смотрел, иначе двигался. То есть я работал на сопротивляемость материала. Может, потому и получился неплохой результат.

Потом случилась просто катастрофа, мне стали предлагать героя за героем, включая и знаменитого Денкина из «Белых одежд». В мою игру стали проникать какие-то фальшивые интонации, вырабатываться штампы. Я ведь совсем иначе живу. Для меня жизнь — трагикомедия, где рядом сосуществуют абсолютно противоположные вещи.

— То, что происходит с вашими героями — братьями Кроликовыми из фильма «Ширли-мырли»?

— Вот именно. И я очень благодарен Владимиру Меньшову, что он вернул меня к самому себе, дал какой-то новый поворот моей кинокарьере. Хотя этот фильм часто ругали, но мне кажется, режиссеру удалось избежать пошлости. Он пытался этой картиной объединить людей, объединить смехом. И одновременно рассказать о болевых точках национальной проблемы, которая, к сожалению, существует у нас. Не серьезно, казалось бы, говорил, но о серьезном.

— После «Ширли-мырли» вас на улицах стали часто узнавать?

— Ой, стали. Вот недавно шел на репетицию, и вдруг меня кто-то сильно и больно толкнул: «Здорово, Кро-

линов!». Вот такая популярность, такое «уважение».

- Ну а вы?

- Не понравилось мне... Я ему тиродночно говорю: «Ты рукам воли не давай, это не совсем прилично». А ему хоть бы что: «Да ладно, чего ты, пойдем выпьем!». Видите ли, считается за честь распить бутылочку с известным артистом. И это, к сожалению, не байни антерские, а правда. Многие артисты не выдерживают и распивают, да не одну.

- Но ведь, честно признаться, без популярности тоже тоскливо...

- Конечно, это как бы составная часть профессии, если не лунавить и не хитрить. Между прочим, артисты обладают женскими чертами характера. А женщины, как известно, любят быть на виду, любят поклонение. Это нормально. Популярность не приходит и уходит: то взлет, то затишье. Спокойно нужно ко всему относиться.

- У вас получается?

- Я могу так сназать: знаю, что я талантлив. Это вовсе не означает влюбленности в самого себя, которая у некоторых артистов безмерна. Я талантлив в выборе материала, пьес, режиссеров. Это ведь тоже, наверное, особый дар. Может быть, потому, что все-таки дураком не слыву, кое-что знаю, читал.

- А что, к слову, любите читать?

- Любимый автор - Владимир Набоков. Для меня это писатель, который просто вскрыл мою сущность. Я так глубоко в него поверил, потому что мироощущение его поразительно совпадает с моим.

- В чем именно?

- В любви к воображаемому миру. Там ведь можно все постичь - любовь, разочарование. Там такие яркие краски, роскошные декорации, все значительно - каждое слово, каждый жест. А в обыденной жизни все подчас исчезает, становится черно-белым.

- Где вы комфортнее себя чувствуете - на сцене или дома?

- Наверное, я слишком сильно люблю свою профессию. Я бы даже сназал, что ставлю ее выше самой жизни. Об этом знают и моя жена, и дочь. Хотя, когда родилась дочка, я почти три года посвятил исключительно ей. Мы с женой сняли дачу в Пушкино и уехали туда с ребенком. Я мог месяцами не выезжать в Москву, кормить дочь, гулять с ней. Ну а потом пришло время заняться карьерой. И я понял, если не отдам этому последний час своего утреннего сна, то не смогу состояться в профессии. Случались недели, когда я просто не видел дочь: прихожу - она спит, ухожу - она в школе. В общем-то, драматическая ситуация! И хорошо, когда близкие люди все понимают.

- Валерий Борисович, вы часто думаете о том, что с вами будет завтра?

- Есть гениальная фраза: «Нам не дано предугадать...». Не стоит стараться предвидеть все. А потому я оставляю себе шанс быть непредсказуемым. Это всегда интереснее, чем идти по проторенной дорожке.

Беседу велла ИРИНА АЛПАТОВА.
Фото ВИКТОРА ГОРЯЧЕВА

Неужто вновь поднимется рука
пером коснуться – (так она окрепла?!) –
страниц заброшенного дневника,
где жизнь былая стала горсткой пепла?..

Неужто сиротливые слова
не постыдятся снова выйти к свету,
как если б ты еще была жива,
и черным льдом не затянуло Лету?

Учусь писать по буквам слово «Нет...»,
как в прописях – страничка за страничкой;
да это ж помрачение и бред:
жизнь без тебя –
становится привычкой!

Быть может, ты с небес прочтешь рассказ,
где две строки всю нашу жизнь вместили:
«Там хорошо, где нет с тобою нас,
но, Господи, где все-таки, мы были!..»

ГОРОДСКОЙ РОМАНС

Прощай!
Мы теперь понимаем
безгрешных, а значит чужих,
и даже мостов не сжигаем,
поскольку не строили их!

Прощай!
Ни тоски, ни печали.
Взмахни загорелой рукой,
и все, что мы не обещали –
пусть сбудется в жизни другой.

Прощай!
В одинокую полночь
застонет безгрешная тьма,
и все, что уже нам не вспомнить
сводит меня будет с ума...

Прощай же!
Мы просто расстались,
как с тихой листвою сады,
спасибо, что в сердце остались
твои золотые следы.

Я похож на того, кто, как прощлая весть,
на глазах переходит в преданье,

*я похож на суглинок, на легкую персть,
превозмогшую тяжесть страдания.*

*Я похож на того, кто уже никому
никогда на любовь не ответит,
я похож на холодную вечную тьму,
что так страшно и греет, и светит..*

*Я похож на того, кто земной суеты
не изведал, и мне завещает,
я похож на безмерность простой немоты,
той, которой душа не вмещает.*

*Я похож на того, чья декабрьская прядь
словно шиб над моей седною,
в ком никто уже в мире не сможет узнать
горемычного сходства со мною.*

*Я похож на того, на кого не могу
наглядеться... Рыдание душист.
Я похож на того, кто на том берегу
встретит сына и слезы осушит.*

*Не дразни улыбкою стержозной,
не смотри сквозь челку с наглостью,
мне милей твой тихий взгляд серьезный
и твое домашнее лицо.*

*В тонких пальцах призрачным движеньем
для чего раскачивать вино?
Глаз моих ночное отраженье
ты ведь не расплещешь все равно..*

*Все равно в огне твоей игры я
не согреюсь, да и не сгорю,
и за это – может быть, впервые! –
я свою тоску благодарю.*

*Это ведь она – шальная сводня –
пробует нас нежностью спасти,
чтобы завтра, если не сегодня,
отрезанить и снова развести.*

*Вот и мне сполна открылся
главный смысл земных кручис
тот, кто жизнью отравился,
тот уже неизлечим.
Ни удача и ни слава,*

ни любовь и ни кабак
эту темную отраву
не размыкают никак.
Не унять ее слезами,
не залить ее вином,
не пронять ее словами,
не познать ее умом!..
От себя напрасно бегство,
обращение к Творцу,
есть одно, конечно.. средство,
но известно – лишь глупцу.
Да еще один чудила
философствовал не раз
и до нас, мол, это было,
это будет после нас..
Что ж, утешимся, любезный,
болью обжигая грудь,
что и нам из этой бездны
не забыли зачерпнуть!

...И грустный вид в России превосходен.
Блестит в дожде сентябрьских рощ парча.
Давай в осеннем золоте походим,
в простой одежде с царского плеча!..
В такой наряд полезно облачаться,
пока еще не тронутый зимой,
чтоб никогда уже не обольщаться
обманчивою брезвостью земной.
Смотри, как беспечально облетают
с деревьев листья.. Вспыхнули – и нет!
Но для чего они нас окликают
бессмысленной растраченностью лет!..
Пускай и нас легко в конце дороги
подхватит ветер и сметет с земли,
и да простят нас бедные итоги,
что мы их безнадежно подвели!..

МУЗЫКА

Есть музыка небесных сфер,
она лишь ангелам доступна,
но в час, очищенный от скверн,
она и в нас звучит подспудно..

Но в час высокой тишины,
когда в душе светло, как в храме,
в нас звуки музыки слышны,
невыразимые словами..

Поющей вечностью дыша,
где жизнь – всего лишь грош разменный,

поймем, что небо и душа,
душа и небо – соразмерны..
И если мы смогли пронести
в душе бескрайность небосвода,
то, значит, смерти нет, а есть –
нас просквозившая свобода...

ГОЛОС

Не ищи меня в лесах,
не броди в полях часами,
на тебя не я гляжу
васильковыми глазами.

Не ищи меня в снегах,
где мои продрогли птицы,
в доме нашем не ищи,
где мое тепло хранится.

И не стой на берегу –
вспять не повернешь течения,
словно в зеркале, в реке
моего нет отраженья.

Не ищи моей звезды
на рассвете и в закатах,
нет здесь тайны никакой,
никаких здесь нет загадок.

Я не там, где ищешь ты –
на пиру или на тризне,
это очень далеко –
дальше времени и жизни.

Только там к Любви любовь,
свет ко Свету припадает,
ни одной земной слезы
только там не пропадает..

О, сколько предстоит еще дерзание
доискиваться смысла бытия,
пусть вам мое не пригодится знание,
но – знаю я.

В огне грехов и в темном свете нимбов
я приобрел седую мудрость лет:
ни на земле, ни в небесах, ни в книгах –
ответа нет.

АНДРЕЙ ВАЛЕНТИНОВ

Фото ИГОРЯ ЯНОВЛЕВА

ШТУЧНАЯ МУЗЫКА

В России издавна были солидные и респектабельные школы игры на скрипке и гитаре, не говоря уже о балалайке и баяне. Но совершенно очевидно, что в прежние времена не играли на «кремонах», «ямахах» и прочих «прибабах». Думаю, у Паратова из «Бесприданницы» английскими или немецкими были машины на пароходе «Ласточка», а «Мохнатого шмеля» он пел под гитару, сделанную все-таки русским мастером.

Где же нынче наши умельцы? Неужто вымерли, словно мамонты, не передав своих знаний ученикам? Или, может быть, разучились делать хорошие инструменты, усвоив советские традиции: что из древесины получше — то на мебель. Оказывается, нет — не вымерли, не разучились.

Работают они в Российской ассоциации мастеров музыкальных инструментов, что вот уже почти десять лет существует в Москве. Руководит ассоциацией Альфред Харлович Гинзбург, который с 1969 года был директором

Московской экспериментальной фабрики музыкальных инструментов.

— У каждой эпохи своя музыка, свои композиторы, исполнители и свои музыкальные мастера, — говорит Альфред Харлович. — И если композиторов и виртуозов-артистов знают хорошо, то о тех, кто делает инструменты, почти не слышали. По-моему, это несправедливо. Если человек создал хороший инструмент, его имя тоже должно звучать. Посмотрите в прошлые века — мы помним только самых выдающихся композиторов, иногда — талантливых исполнителей, зато мастеров того времени — создателей прекрасных инструментов — знаем гораздо больше благодаря дошедшим до нас творениям их рук.

— Еще в бытность мою директором, — продолжает Гинзбург, — появилась идея начать выпуск продукции не только массовой, но и под индивидуальный заказ. Лет двадцать назад мы разыскали «последних из могикан» — старичков, которые делали

очень хорошие гитары, балалайки, домры. Предложили сотрудничать с нами на самых выгодных условиях. Мастера согласились... Н 1985 году фабрика, помимо ширпотреба, выпускала уже 80 видов инструментов – скрипки, альты, виолончели, жалейки, свирели, гусли... С нами работали практически все выдающиеся мастера Союза. Сейчас осталось только 90 человек из 350... Многие ушли на вольные хлеба. Ясно, что гораздо выгоднее продавать инструмент из рук в руки покупателю, в обход всех налогов. Но зато и морони больше – нужно материал найти, заказчина...

Проблем и у ассоциации хватает. Чтобы сохранить ассортимент, необходимо закупать 48 наименований материалов, в том числе – черное дерево, палисандр, струны, механику... Многие из этого можно приобрести только за рубежом, а стало быть – за валюту. Ее, к сожалению, не так много – ассоциации не помогают ни государство, ни спонсоры.

Потому и стоят инструменты очень дорого: балалайка – 1,5 миллиона рублей, гитара – от трех и выше, столько же скрипка, виолончель – 3–4 тысячи долларов, а всемирно известный и признанный за эталон баян «Юпитер» – 9–12 тысяч «зеленых»! Позволить себе роскошь иметь такие инструменты могут разве что училища и консерватории – основные покупатели ассоциации. Да еще иностранцы кое-что берут, сильно при том удивляясь, что в России производят инструменты столь высокого уровня. На Западе цены на подобную продукцию гораздо выше.

Среди своих потенциальных покупателей Гинзбург хотел бы видеть и «новых русских».

– Мовет быть, они поймут, как уже поняли во всем мире, что музыка нужна если не им, то хотя бы их детям...

(В Японии, между прочим, существует такая система. Если у вас есть трехлетний ребенок, вы можете пой-

ти в музыкальный магазин и на два года взять инструмент бесплатно, а потом несколько лет платить за него буквально копейки, то есть йены. И только когда малышу исполнится семь и вы захотите оставить любимую виолончель или гитару у себя, придется рассчитаться полностью. Неудивительно, что каждый маленький японец проходит азы музыкального воспитания... Наши же нумериши, отправляя детей на учебу аж в Сорбонну или Гарвард, музыке их научить, как правило, не удосуживаются...)

Создатели отечественных штучных скрипок и гитар доказали – не все заграничное лучше российского. Снажем, инструменты, произведенные на западных фабриках, хотя и превосходят нашу массовую продукцию, все же не идут ни в какое сравнение с работами мастеров ассоциации, разве что могут похвастать роскошью отделки. Звучание у них куда хуже... Это признают многие исполнители, играющие на с о т в о р е н н ы х здесь образцах.

Я намеренно говорю «сотворенных», ибо создание из куска дерева скрипки с божественным голосом – самое настоящее творчество, искусство – такое же, как скульптура, живопись, балет... Вот почему много лет назад, когда Альфред Нарлович был всего лишь главным инженером фабрики, он упразднил отдел технического контроля, то бишь ОТК. Говорить о параметрах качества, когда речь идет об искусстве, все равно что ставить «почетный пятиугольник» на полотне Гогена или скульптуру Родена.

По словам Гинзбурга, каждый мастер сам отвечает за то, как он сделал инструмент. Если сделал плохо, халтурно, то репутацию себе испортил надолго. Конечно, бывают неудачи (а у кого их не бывает?), но в большинстве своем инструменты в ассоциации делают отличные. Вряд ли найдется какой-нибудь международный конкурс, где бы они не завоевали призовое место. Например, альт мастера

Муратова получил большую золотую медаль на конкурсе в Кремоне...

Любопытный факт – первая гитара, которая отправилась в космос, тоже была сработана умельцами ассоциации. Ее в свое время заказал Валерий Рюмин. Теперь она хранится в музее космонавтики.

Я спросил Альфреда Карловича, кто еще играет на инструментах, сделанных мастерами ассоциации.

– Лучше спросите, кто не играет! Если вы хотите услышать громкие имена, то это оркестр народных инструментов имени Осипова, оркестр хора Питницкого, оркестр радио и телевидения под управлением Ненрасова, ансамбль Зыкиной. У Розенбаума наша двенадцатиструнная гитара...

Это имена знаменитых исполнителей. А вот имена тех, с кем я встретился в мастерских, среди всевозможных инструментов (не музыкальных – рабочих) и заготовок. В числе лучших мастеров-гитаристов – Владимир Чудаев и Станислав Рычков. Один из первых, кто возродил производство гуслей в России, – Андрей Лисенков.

Меня эти люди, честно говоря, поразили: ни тени высокомерия, избранности – вот, мол, какие мы необыкновенные. Наоборот, скромность и открытость, каких давно не встречал.

Недавно у Гинзбурга появилась новая идея – создать фонд музыкальных инструментов России.

– Бумбально каждый год мы теряем какие-то элементы народной культуры, в том числе – и музыкальные инструменты, на которых до сих пор играют в глубине. Ношение из них нам удалось восстановить. Находим людей, которые помнят такие инструменты, и по их описаниям, по чертенкам наши мастера воссоздают то, что могло бы бесследно исчезнуть из российской культуры.

На восьми технологических стендах уже хранятся в разобранном виде инструменты высокого класса, которые могут послужить образцами для мастеров будущего.

И, кто знает, может быть, сейчас, вот в эту самую минуту кто-то из отечественных маэстро смычковых дел полдует над скрипкой, которая если не затмит, то по крайней мере приблизится по звучанию к шедеврам великих итальянцев – Амати, Гварнери, Страдивари...

А почему бы и нет?

БРОДОУ

Глава двенадцатая

Выслушав доклад Гурова, Орлов сказал:

— Наша версия такая. Террорист живет на частной квартире, имеет наш паспорт. Дело ставит спецслужба, используя какого-то авторитета, который поставляет своих людей, но сути происходящего не знает. Пусть контрразведка проверяет гостиницы, а мы активизируем нашу агентуру и будем искать недавно появившегося человека в одной из группировок.

— Я имею подходы к Солнцевской через Акима Ленчика, — сказал Гуров. — Он сильно изменился, пьет, нервничает, предполагаю, именно Ленчика использовали в захвате денег и ликвидации Сабирова. Акима замазали так, что у него обратного пути нет. И еще, вновь повторяю — дача министра Юрченко является местом сбора преступников. Подозрительно, что они убрали с дачи Усова, якобы выдвинули его кандидатом в депутаты на предстоящие выборы в Госдуму. Скорее всего обманули, просто отодвинули в сторону. По неизвестной нам причине Усов стал им мешать.

— Шлепнули бы — и все дела, — возразил Крячко. — Зачем огород городить?

— Расшлепался! — рассердился Гуров. — Убийство дает право появиться милиции, а мы для них кость в горле. Как бы там ни было, но на сегодня у нас имеется лишь одна сильная фигура — Артем Дуров.

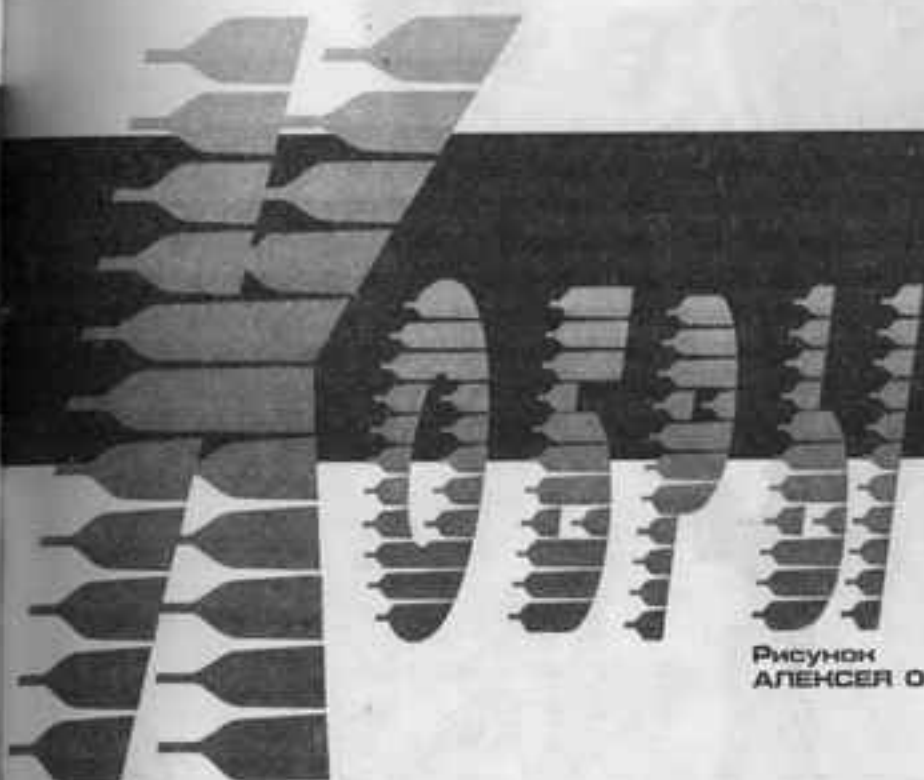

Рисунок
АЛЕНСЕЯ ОСТРОМЕНЦОВОГО

– Его зачислили в штат? – спросил Орлов.

– Тянут, ведь возможности Кулагина ограничены, он лишь начальник отдела, – ответил Гуров. – Только Усов пообещал Артему, что тот уйдет из казино и станет начальником охраны на даче.

– И замерзнет там накрепко, – возразил Орлов. – Контрразведка может испугаться иметь на даче своего офицера.

– В любом случае дача – не место, где может осесть террорист, – вступил в разговор Крячко. – Если мы правы и деньги Сабирова предназначались для террориста, то устраивать его в Москве будет Аким. Как хочешь, Лев Иванович, а тебе следует связь с ним восстановить.

Артем Дуров сидел на самодельной, грубо сколоченной скамейке у домика Усова, держал в руке миску с рубленным мясом и кормил стоявших рядом собак.

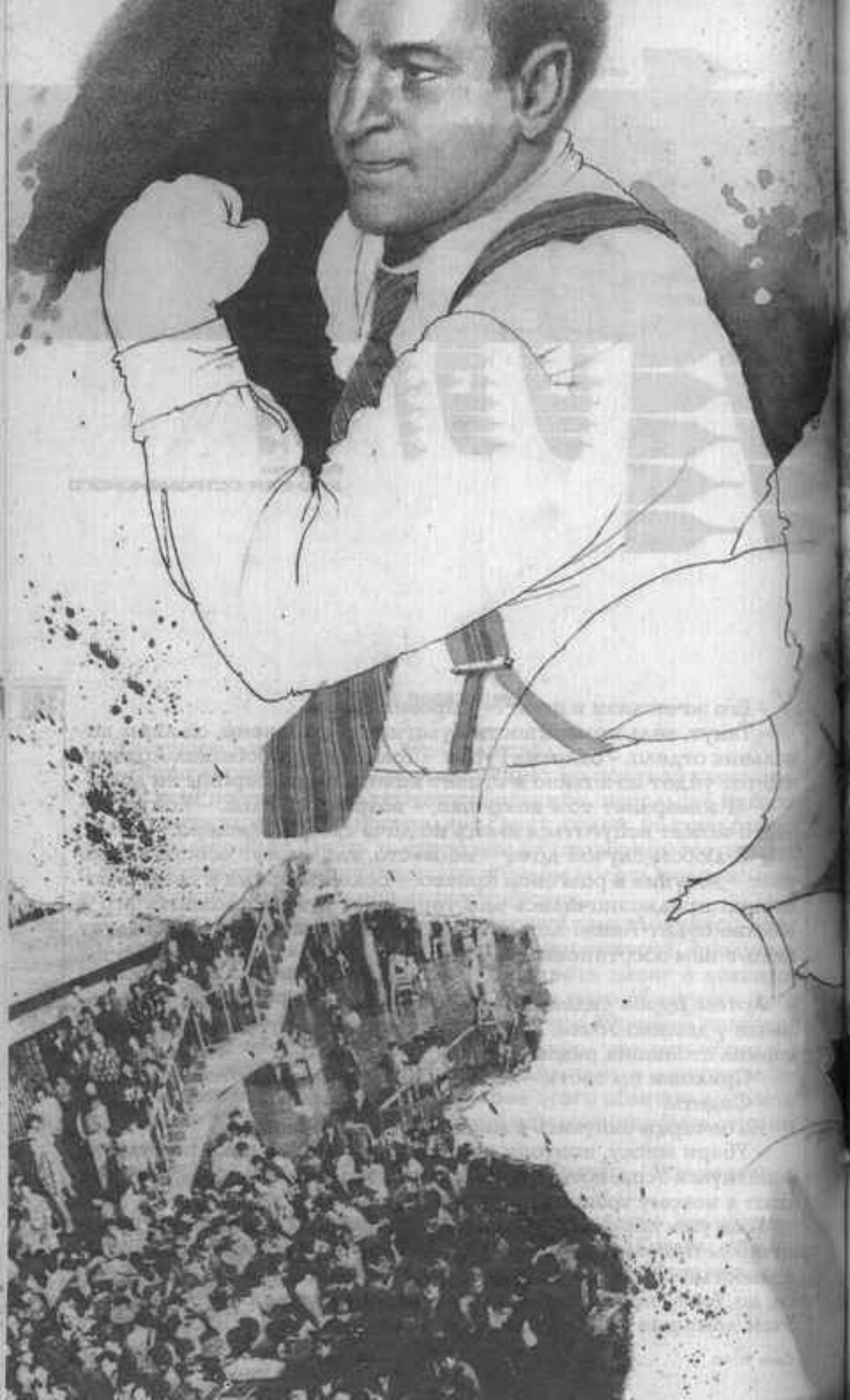
– Прикажи им сесть, – сказал сидевший рядом Усов.

– Сидеть!

Но овчарки тянулись к миске и не слушались.

– Убери миску, повтори команду и не корми, пока не сядут, – усмехнулся Усов, которому было приятно, что псы трудно привыкают к новому хозяину.

Усов уже переехал на свою квартиру, но ежедневно утром и вечером приезжал на старое место службы. В принципе Артем полностью освоился на новом месте, да и с собаками справлялся, но Усову нравилось бывать здесь. Безумная тихая жизнь в этом домишке тянула, словно в теплую берлогу. Предвыборная

суета вокруг него, любопытные, порой завистливые взгляды соседей раздражали. А здесь было тихо и спокойно, здесь он вынашивал свои наполеоновские замыслы, в которые, правда, с каждым месяцем верил все меньше.

Из домика вышел майор Сухов, ставший тут уже своим человеком.

— Артем, давай-ка проводим Павла Петровича и совершим традиционный обход государственной границы, — он хохотнул.

Артем взял собак на поводок, зашагал вперед, чувствовал, что Усов сегодня здесь последний вечер, и гэбэшнику надо с будущим слугой «народа» поговорить. Он трудно привыкал к своей новой холуйской жизни. В милиции даже в первый год службы Артем чувствовал себя самостоятельным. Тут же на него внимания не обращали и он не знал, куда себя девать, лишь открывал дверцы машин да неумело помогал выйти дамам.

Когда Артем поселился на даче, слезка за ним прекратилась. Он несколько раз без всякой надобности выезжал в город, аккуратно проверялся. Сомнений не было, «хвост» отпал. Очень хотелось встретиться с Гуровым, но не стоило рисковать, да и боялся, что сыщик посчитает его своим агентом. Однажды позвонил подполковник Кулагин, пригласил встретиться на конспиративной квартире. Там присутствовал не знакомый Артему молодой мужчина, представившийся Степаном Сидоровичем. И хотя он не назвал ни своей должности, ни звания, чувствовалось, что незнакомец — начальник Кулагина. Он почти все время молчал и только в конце встречи обмолвился, что личное дело Дурова уже затребовали, вопрос о его зачислении в штат и присвоении звания будет решаться. Артему понравилось, что мужик не сулил золотые горы, сказал, на звание капитана ему рассчитывать трудно, скорее всего, на одну звездочку понизят, но все будет решать результат операции. А до ее окончания нельзя говорить ни о должности, ни о звании, так как в оформлении документов принимает участие слишком большое количество людей, возможна утечка информации.

Артем понимал, начальник прав. Хотя организация и сверхсекретная, и люди, занимающиеся бумагами, десятки раз проверены, а определенный риск существует. Это одна правда. А другая правда в том, что сегодня Артем Григорьевич Дуров нужен и отношение к нему одно, а отпадет надобность — и отношение станет иное. На кой черт рисковать, брать неизвестно кого, да еще нести ответственность, когда можно дождаться осени, оценить урожай, а там пусть решает начальник.

Неожиданно Кулагин начал расспрашивать о полковнике милиции Гурове. И Артему стало ясно, присутствующий начальник Гурова не любит и не знает, что история закрутилась именно с подачи сыщика. Артем дал сыщику характеристику обтекаемо отрицательную, увидел, Кулагин и его молчаливый шеф остались довольны.

Основной задачей Артема, кроме наблюдения за гостями министра, определили разработку майора Сухова, сотрудника управления охраны, проявлявшего к даче повышенный интерес. Держаться с майором надо сдержанно, на дистанции, но естест-

венно. Ведь майор может обратиться к Артему с просьбой, дать какое-то задание, которое и проявит суть интереса охраны.

Артем с майором проводили Усова до калитки, попрощались. Совершив традиционный обход, спустили собак и сели ужинать.

— Не пойму, Олег, какой у тебя интерес к этой даче? — спросил Артем, разливая чай. — Министров много, если к каждому майора приставить, всего вашего управления не хватит.

— А ты откуда мое звание знаешь, я вроде не представился? — майор усмехнулся.

— Павел Петрович раскололся, когда я из него баксы вытряхивал, — беспечно ответил Артем, доставая из шкафа бутылку коньяка. — Тебе налить или на службе?

— Налей, промозгло сегодня, — сказал майор. — Министр твой мне даром не нужен. А вот ты, Артем Григорьевич Дуров, очень даже интересен. Из ментовки погнажи за пьянку, а ты почти не употребляешь.

— Не придуривайся, — Артем выпил. — И личное дело изучили, и с корешами моими из оперативников побеседовали. Знаете прекрасно, за что меня поперли.

— Так ни один начальник не любит, когда подчиненный много о себе думает, — майор налила по новой.

— Ты мне не начальник, твой интерес ко мне если и был, так кончился. Я вам баксы с того жлоба помог получить, и делу конец. Я с бизнесом завязал. Это у Усова планы... — Артем повертел пальцем у виска. — Я мужик скромный, мне много не требуется. Здесь штуку платят, заглашник у меня, сам знаешь, имеется. Слушай, Олег, а телку сюда я могу привезти? К Усову вроде мадам приезжала.

— А чего у меня спрашиваешь? Ты свое начальство спроси. Тебя контрразведка сюда определяла?

— Не представлялись, но полагаю, что родная краснознаменная ментовка. Беседовали со мной в райуправлении милиции и трудовая там осталась. Я хоть и работал в розыске, а в структуре бывшего КГБ ни черта не понимаю. Какое управление, чем занимается, они сегодня, наверное, сами толком не знают.

— Ты розыскник, своего должен узнавать.

— Должен, — согласился Артем. — Но честно сказать, меня дела больше не интересуют. Разок попробовал миллионером стать, не вышло, значит, на роду не написано.

— Меня интересует, кто тебя сюда оформлял? В райуправлении с тобой что за мужик беседовал? Я их кадровика знаю. Лет сорок с небольшим, высокий, спортивный, глаза голубые. Он?

Артем понял, что майор интересуется полковником Гуровым и изобразил задумчивость:

— Лет сорока точно, какого роста не знаю, он сидел, не думаю, что высокий. В глаза не заглядывал. Вроде бы не спортивный, упитанный такой, словом, типичный кадровик. А чего пытаешь, я был уверен, вы меня сюда пристроили. Или нет? Да пошли они все! Ты бы лучше помог мне в штат вернуться и звание восстановить, чтобы выслуга шла.

– Поговорю, хотя вряд ли, – майор явно потерял интерес к разговору. – Не станут наши в ментовские разборки лезть, службы разные, – но спохватившись, продолжил: – Хлопочи за тебя, а толку?

– Пользы от меня мало, – согласился Артем и отставил свою рюмку. – Мне хватит, в сон раньше времени клонит. Еще не поздно, может, зайвится кто из молодежи.

– Всякое случается, – майор поднялся. – Мне пора, проводи, вдруг псы не признают.

Артем взял фонарь, проводил майора до калитки, овчарки действительно подбежали, недовольно рыкнули.

– Ну, бывай, – сказал майор и как бы между прочим обронил:

– Я о тебе потолкую, только тебе надо какое-нибудь задание сочинить.

– Сочиняй, ты на такие дела мастак, – равнодушно ответил Артем и зашагал к главному дому.

Гуров пытался восстановить связи среди уголовников.

Конечно, главным и наиболее перспективным был Аким-Ленчик, но при последней встрече сыщик с ним верного тона не нашел. И не потому, что Гурова раздражало беспробудное пьянство Акима. Он не хотел поддерживать агентурный контакт с человеком, который подозревается в соучастии в совершении убийства. Сам факт, что к нему обратились за его людьми, способными выполнить серьезное задание, говорит о многом.

Теперь выясняется, что сыщик совершил серьезную ошибку.

Разыскивать террориста международного уровня нельзя в беленьких перчатках. Если через Ленчика есть шанс выйти на лежбище террориста, розыскник обязан такой шанс использовать.

Но теперь Гуров вряд ли найдет Акима на Речном вокзале. А если и встретит, то разговор не сложится. Авторитет наверняка будет снова пьян, да и второй раз толковать с ментом при всем честном народе не рискнет.

Необходимо найти Мишку Захарченко. Но тогда, у «Варшавы», за Мишкой тоже наблюдали, причем «вели» его не уголовники, значит, звонить ему на квартиру опасно. Вызвать в отделение милиции? И Гуров отправился в отделение ГАИ. Здесь ему повезло, начальник отделения, пожилой подполковник, в молодости работал опером, потому понял все с полуслова. Записал номер мишкиного «мерса» и сказал, что вызовет парня под предлогом, который даже у инспектора не вызовет подозрений, но чтобы все выглядело натурально, надо два дня обождать.

А тем временем контрразведчики проверяли интуристовские гостиницы, но результатов не было. Станислав работал с коллегами, придирчиво разглядывая каждого иностранца, хотя бы отдаленно походившего на разыскиваемого террориста.

Не веря в успех, Гуров все же встретился с Харитоновым на конспиративной квартире, «Барин» неожиданно повел себя агрессивно.

- Лев Иванович, слово надо держать. Я свои обязательства выполнил, даже ваше указание с полетом в Барнаул исполнил, вы обещали...

- Чай или кофе? - Гуров снял с огня закипевший чайник.

- Сахарина нет? Тогда чай, - уже более миролюбиво ответил Харитонов. - Я как с вами поговорю, у меня язва обостряется.

- Вы, Борис Михайлович, хорошего отношения к себе не цените. - Гуров налил чай, подвинул Харитонову чашку. - Отправляя вас в Барнаул, я, между прочим, о вас беспокоился, а не о себе. У Ямщикова с Бошаевым «стрелка» на Каширском была назначена?

- Не знаю, мне о своих встречах Лялек не докладывает.

- Борис Михайлович, не лгите, я могу рассердиться!

- Хорошо. Встречу действительно назначили, но она не состоялась.

- Это мне известно. Еще знаю, что на «стрелку» не пришел именно Ямщиков, а люди Бошаева прибыли. Их при возвращении в Москву остановили для проверки, у двух человек нашли стволы. Сейчас в Москве говорят, что Ямщиков каваха подставил.

- Кто говорит? - возмутился Харитонов. - Как это подставил, когда Лялек чукчу предупредил, что ехать не надо?

- А почему Ямщиков предупредил? И почему вы об этом мне раньше не сообщили? - Гуров пил чай и думал, как повернуть разговор в нужное русло.

- Я сам узнал, только когда вернулся.

- А может, если бы я вас из Москвы не отослал, то Ямщиков с Бошаевым встретились, и мы всю компанию взяли бы с оружием в руках?

- Да вы что, Лев Иванович? Думаете, я с ума сошел и предупредил?

- Не думаю, я знаю! - Увидев, что осведомитель испугался и путается, сыщик решил надавить. - Что же получается? Я предупредил вас, некто предупредил Ямщикова, а тот передал сигнал Бошаеву.

Гуров окончательно запутал Харитонova. Когда полковник «посоветовал» осведомителю на время из Москвы исчезнуть, то ни слова не сказал о готовящейся встрече авторитетов. Но сейчас, конечно, Харитонов забыл подробности разговора и испугался, что Гуров обвинит его в предательстве. Сыщик вел нечестную игру, но ему нужна была информация.

- Так по какому номеру ты позвонишь, куда напишешь анонимку, что полковник Гуров разглашает секретные сведения? - спросил он.

От страха у Харитонova задрожала рука, он чуть не выронил чашку.

- Лев Иванович, Богом клянусь, мысли не имел! Да кто я против вас? - быстро заговорил он.

- Сейчас поглядим, - Гуров выдержал паузу. - Гостиница «Будапешт» на вашей территории?

- Ну? - Харитонов начал судорожно вспоминать, что происходило в гостинице в последнее время. - Наша гостиница.

– Ишь ты, «наша». Не города, не «Интуриста»? – усмехнулся Гуров. – Так что в гостинице происходит?

– Мы ничего... Может, кражонки какие, так это не к нам. Хотя, – Харитонов замаялся. – В последние дни комитет навалился, никому продыха не дают, какого-то иностранца ищут. Девоч всех перехватывали, дали приметы... Говорят, шагу не дают ступить, не то что в номер пройти.

«Вот это работа, – подумал Гуров. – Именно так следует разыскивать террориста международного класса, идиоты».

– Меня комитетские дела не касаются, – он вздохнул. – Но сам знаешь, раз комитет вцепился, не отпустит. Вся ваша коммерция в воздух уйдет. Может, их иностранец и не в гостинице живет, а у какой-нибудь девицы на дому?

– Может, – Харитонов согласно кивнул. – А вас, Лев Иванович, он тоже интересуется?

– Мне он даром не нужен, – Гуров пожал плечами. – Раз в гостинице все о розыске знают, он съехал давно.

– А если действительно у кого-нибудь из девочек приютился? Если он платит хорошо, девчонка такого клиента в жизни не отдаст. Я могу поговорить, кое-кому присоветовать.

– Пробуй, позвони, если что узнаешь, – равнодушно сказал Гуров, прекрасно понимая, что Харитонов в заинтересованности сыщика не сомневается.

– Хорошо, приму надлежащие меры, – солидно произнес Харитонов, словно докладывал на бюро горкома.

– Тебе, Борис Михайлович, нужны не меры, а результаты, – сказал Гуров на прощание. – Ты завтра мне независимо ни от чего позвони. Договорились?

Михаил Захарченко подъехал к ГАИ минут за пятнадцать до назначенного срока, но Гуров уже был на месте. В «мерсе» рядом с Захарченко сидел парень примерно его лет. Михаил загнал машину на площадку для осмотра и пошел искать инспектора, узнать, зачем понадобился. Парень, одетый в модную униформу – кожаная куртка, джинсы и кроссовки, вразвалочку шагал рядом с Мишкой. Насколько мог видеть Гуров, парни между собой не разговаривали, методично двигая челюстями, жевали. Такое поведение ничего не означало, парень мог быть приятелем Михаила, приехавшим за компанию, но мог оказаться и сопровождающим. Такая ситуация Гурова не устраивала. Он отправился к подполковнику, который, как и договаривались, находился в своем кабинете.

Седому ветерану явно нравилось вспоминать оперативную работу, да и важняк из Главка был ему симпатичен.

– Воронцов, мать твою! – громыхнул подполковник, выходя на крыльцо. Оглянувшись, зашагал к «мерсу» Захарченко.

Дежурный инспектор заторопился к начальнику.

– Я здесь, товарищ подполковник!

– Мы сегодня с тобой, капитан, не товарищи, а господа! – подполковник сверкнул стальными коронками.

– Тогда я тут, господин подполковник! – капитан на ходу щелкнул каблуками. Чувствовалось, что они были дружны и капитан шефу подыгрывает.

– Сижу, пишу свои указы и вижу, как подкатывает разыскиваемый «мерс»! – подполковник оперся на крыло машины так, что она накренилась. – Чья тачка?

Ожидавшие техосмотра владельцы машин окружили подполковника и инспектора. Гуров присоединился к ним. Увидел, как из здания ГАИ вышел Михаил с приятелем и заторопился к своей машине. Сыщик внимательно разглядывал сопровождавшего Мишку парня, но ничего примечательного в нем не нашел.

– Кто хозяин?

– Моя машина! – крикнул Михаил, проталкиваясь через толпу. – Вот, вызвали. Не пойму, зачем... – он протянул повестку.

– Ваша, значит? – подполковник взял повестку, оглядел Мишку. – Техпаспорт, права.

– Чего случилось, командир? – спросил сопровождавший Михаила парень. – Месяц назад техосмотр проходили.

– А вы кто будете? – спросил подполковник, забирая у Михаила документы. – Адвокат?

– Просто приятель.

– Поднимите капот, Захарченко. – Подполковник повернулся к инспектору. – Капитан, проверь номер двигателя и все остальное. Внимательно! Оттереть до блеска! Вот ты, приятель, и три. А вы, Захарченко, пойдете со мной и подробно напишете, когда, у кого купили машину.

Подполковник вернулся в свой кабинет, подтолкнул замешкавшегося на пороге Захарченко, а Гурову сказал:

– Запритесь, на звонки не отвечайте, я вернусь через двадцать минут, – и вышел.

Мишка, увидев Гурова, все понял.

– Здравствуйте, Лев Иванович, здорово все организовали. А как узнали, что я под наблюдением?

– Профессия такая, парень, – ответил Гуров. – Рассказывай. Меня интересует, почему ты позвонил и сказал, чтобы я встретился с Ленчиком?

Выяснилось, что к Михаилу заявился незнакомый парень, сказал, что от Ленчика. Местный авторитет подтвердил, что тот действительно солнцевский и ему требуется перекантоваться в Москве недельку-другую. Михаил принял Василия, так звали гостя, но вскоре почувствовал, что тот проявляет к нему определенный интерес и, похоже, ни от кого не скрывается.

– А в чем интерес, конкретно? – спросил Гуров.

– Я так понял, он вами, Лев Иванович, сильно интересуется, – ответил Мишка. – Как-то выпили мы и стали обычные байки травить. Вася неожиданно спросил, мол, когда я последний раз полковника видел? Я прикинулся, не понимаю, какого еще полковника? Тут он и попер на меня. Встречу нашу давнишнюю напомнил. Сказал, ты тогда на всю округу раззвонил, что сыскаря пером ткнул. А недавно наш качок в одном зале с полковником тренировался, потом в душе вместе с ним мылся. Отметина на груди и под лопаткой у сыскаря от пули имеется, а следа от пореза на руке нет. Я бутылку схватил, драться собрался. Вдруг мой Вася на сто восемьдесят развернулся, давай меня успокаивать. Короче, не уходит он от меня, живет, выпивку покупает и как нит-

ка за иголкой. Вот и сегодня, я ему повестку ГАИ показываю, говорю, ехать надо. А он со мной увязался.

— Миша, дело не простое, я в нем сам разобраться не могу. У тебя к «мерсу» маяк прилеплен, думаю, и телефон прослушивается. Тебя все эти дела не касаются. Маяк в машине не ищи, а по телефону говори, как прежде, только мне не звони.

— А чего этому Ваське от меня требуется?

— Возможно, проверяют, нет ли между нами связи, — ответил Гуров, решая, можно ли в такой ситуации просить парня найти Ленчика. Вести игру против уголовников — дело одно, против спецслужбы — совсем иное.

Михаил почувствовал сомнения полковника:

— Не бойтесь, Лев Иванович, я не такой простой, говорите, чего надо.

— Ладно, — решил Гуров, — только никакой самодеятельности. Иначе тебя, Миша, даже не захоронят.

— Не пугайте, я и так боюсь.

— Раз боишься, хорошо, терпеть не могу бесстрашных. Встреться с местным авторитетом один на один. «Другу» заяви, если хочет много знать, пусть у самого авторитета и спрашивает. А пахану скажешь, что тебе нужно видеть Акима срочно и по личному делу. Начнет расспрашивать, пригрози, если не сведет, то Ленчик не простит. Понял?

— Не дурак. Только что мне передать Ленчику?

— Расскажешь ему о Василии все подробно. О спортзале, о душе. Обмолвись, что, по твоему мнению, никакой деловой в душ с полковником попасть не может, липа все это. Просто Вася ищет связь с полковником Гуровым. Полагаю, после разговора с Ленчиком твой гость быстренько съедет. Если Ленчик тебе какое задание даст, соглашайся. Тогда угол талона о техосмотре, что на лобовом стекле, приклей наискосок лейкопластырем. Я тебе позвоню, спрошу Юрия Петровича, ты матюгнешься и повесишь трубку. А на следующий день в одиннадцать утра поедешь в Сокольники через Марьину рощу. Тебя по дороге проверят, если слежки нет, я тебя останавливаю, если есть, остановит инспектор ГАИ и что нужно передаст. Пока он твои документы проверять будет, ты ему тоже пару слов скажешь. Не сложно? Все запомнил?

— Запомнил, не бойтесь, Лев Иванович, не подведу.

— Ты, главное, себя не подведи, иначе мне Бог не простит, — ответил Гуров.

Вернулся в кабинет подполковник и, словно Гурова в кабинете не было, сказал:

— Ну что, Миша Захарченко, «мерс» твой оказался чистым, считай, повезло, можешь отсюда уматывать.

Глава тринадцатая

Лейтенанта Пескова нашли в туалете ресторана гостиницы «Будапешт» лишь в десять вечера, хотя сменился гэбэшник в восемнадцать. Врач заявил, что он пролежал в кабинке не менее трех часов. Лейтенанту пробиты череп, но он был жив, хотя и потерял много крови.

Подполковнику Кулагину сообщили о случившемся лишь около полуночи. На оперативное совещание в кабинете генерала Орлова собрались только в два часа ночи. Такая затяжка во времени удивляла всех присутствующих.

— Из Склифосовского сообщили, что операция прошла успешно, жизнь лейтенанта вне опасности. — Орлов укоризненно взглянул на Кулагина. — Павел Юрьевич, как получилось, что о случившемся вы узнали в полночь, а заявили в уголовный розыск только после часа ночи?

— Я должен был согласовать вопрос с руководством, это же ваш сотрудник, — ответил Кулагин. — «Скорая» забрала его после двадцати двух...

— Лейтенанта пронесли мимо вашего сотрудника, который находился в администраторской, — перебил Орлов. — Поразительно! Вся гостиница знает о работе гэбэшников, только ваш сотрудник не знает, что в туалете несколько часов лежит без сознания его товарищ. Контрразведчики, называется! Кого вы найти можете!

— В России не бывает виноватых, — тихо произнес Гуров. — Преступлений не счесть, трупов не пересчитать, а виновных нет. Павел Юрьевич, ты дал команду составить список лиц, выехавших из гостиницы в течение дня?

— Разумеется, — ответил Кулагин. — Их приметы, заказывали ли они билеты на поезд или самолет.

Гуров уже знал, что около девятнадцати часов проживающий в гостинице француз сказал швейцару, что в кабине туалета лежит мужчина, на полу кровь. Швейцар передал об этом дежурному администратору. Но в туалет пришли только в десять, не могли выяснить, кто должен поднимать с пола пьяных. Как известие миновало дежурившего гэбиста — не понятно. Гуров взглянул на удрученное лицо Кулагина, не хотелось верить, что он участвует в двойной игре.

— Паша, ты раненого хорошо знал? — спросил Гуров.

— В глаза никогда не видел, лейтенант не из моего отдела.

— Значит, он и докладывает не тебе?

Кулагин понял подтекст вопроса и, подумав, ответил:

— Ежедневно каждый сотрудник пишет рапорт. Их первичную обработку проводят в подразделениях. Если находят что-либо заслуживающее внимания, рапорт пересылают мне.

— Значит, если Песков зацепился, ты об этом мог и не узнать, — подытожил Гуров.

— Меня могли обойти, — согласился Кулагин. — Но генерала — никогда.

— Но ни тебе, ни тем более милиции, твой генерал ничего интересного докладывать не станет. Хорошо работаем, главное, во благо России, — сказал Гуров.

— Какие предложения? — спросил Орлов.

— Какие предложения, если мы не все знаем? — Крячко развел руками. — Будем ждать, пока лейтенант не придет в сознание и с ним можно будет поговорить.

— Станислав, возьми это на себя. Поезжай в Склифосовского, подружись с сестрами...

— С нашим сотрудником будет разговаривать наш офицер, — резко сказал Кулагин.

Орлов удивленно взглянул на него.

— Господин подполковник, данный вопрос решаете вы лично?

— Извините, господин генерал-лейтенант, — смутился Кулагин, — но я представляю свое ведомство...

— Не будем спорить, — мягко произнес Орлов. — Надеюсь, ваше руководство предупредит пограничный контроль аэропортов, если установят, что гостиницу покинул человек интересующего нас возраста?

— Насколько мне известно, — ответил Кулагин, — мужчина возраста и с наружностью человека, которого мы разыскиваем, из гостиницы не выписывался.

— Насколько вам известно, — повторил Орлов. — Но не обязательно выписываться, можно просто уехать. Пока мы не побеседуем с вашим лейтенантом, вопрос не прояснится. Спасибо, Павел Юрьевич, вы свободны.

Гуров позвонил Харитонову в девять утра, судя по голосу, тот лишь проснулся, ответил недовольно:

— Ну? У кого горит?

— Здравствуйте, Борис Михайлович, — сказал Гуров. — Вроде не пьете, а голос похмельный. Вы дома один?

Харитонов узнал Гурова, заговорил другим тоном:

— Один, возраст уже не тот, чтобы на ночь оставлять.

— «Будапешт», вчера вечером, — Гуров не объяснил, что произошло, ждал реакции.

— Слышал, в туалете мелкая разборка произошла, — Харитонов помялся. — Айзики анашу не поделили.

— Борис Михайлович, я знаю, что произошло, меня интересуют подробности. Отправляйтесь туда завтракать, поговорите с девочками.

— Помилай Бог, в такой час какие девочки? Появляться там раньше двенадцати бессмысленно.

— Вам виднее, позвоню в пять. Годится?

— Другой разговор, — Харитонов явно приободрился.

Гуров пил вторую чашку кофе, когда позвонил Крячко.

— Лейтенант в сознании, с ним беседовал друг железного Феликса, разговор я записал. По-моему, интересно. Будить Петра или приехать к тебе?

— Петр уже наверняка поднялся, но ты заскакивай ко мне, я тебе кофе сварю.

Через полчаса Станислав уже сидел на кухне Гурова, пил кофе, хозяин слушал магнитофонную запись разговора Кулагина с пришедшим в сознание лейтенантом Песковым. Голоса звучали глухо, но слова были слышны отчетливо.

— Как ты себя чувствуешь, Андрей? Может, выждем, поговорим позже?

— Который час, господин подполковник?

— Сейчас уже утро. Андрюша, меня зовут Павел.

— Утро. Какого дня?

- Шестое октября, пятница. Ты не волнуйся, врачи говорят, череп твой в порядке, скоро бегать будешь.

- Упустил... Пятница, значит, почти сутки...

- Ну и черт с ним, никуда не уйдет. Кто?

- Триста двенадцатый номер, имя забыл... Короткое... Американец. Я его заметил, он ключ сдавал... Блондин, моего роста, плечистый. Я узнал, он два дня назад поселился... Как мы его пропустили? И номер одиночный, и приметы...

- Закончили разговор, мужчина, - произнес женский голос. - Сейчас мы Андрюше кровушки подольем, здоровее станет...

- Сестра пришла, я смотался, - пояснил Станислав. - Решил, ни к чему, чтобы меня Павел видел. Он хоть и слышал, что генерал мне приказал, но зачем лишняя перебранка?

- Молодец, Станислав, ты как всегда прав, - Гуров положил магнитофон в карман. - Паша сам поехал, никому не доверил. Американца уже, конечно, установили.

- Ты позвони Петру, а я у тебя сосну часочка два.

- Всего сутки не спал, а уже развалился?

- Возраст, - Крячко погладил себя по животу. - И подчиненных следует поощрять.

- Какой возраст, сопляк? - Гуров перешел в гостиную, позвонил Орлову. Коротко доложил и спросил:

- Станислав вздремнуть хочет, разрешить?

- Теперь нам всем дремать можно, - ответил Орлов. - Необходимость в нас отпала. Станислав пусть поспит. А мы подождем. Сегодня выяснится, твой приятель Кулагин нормальный мужик или нет, сообщат они мне что-либо или умолят.

- Сам говорил, Кулагин - офицер и выполняет приказы.

Пока Гуров разговаривал с генералом, Станислав осторожно забрался в холодильник, выпил рюмку водки, сполоснув посуду, пришел в гостиную.

- Судя по всему, я могу отдохнуть. Честно скажу, на одного рядового два командира - многовато.

- Ложись на диване, телефон придвинь, будешь за дежурного, мало ли кто позвонит. - Гуров надел плащ. - Разговаривай по-деловому, дурака не валяй.

О том, что авторитет Аким Леонтьев, по кличке Ленчик, ночью убит, Гуров узнал, приехав в министерство. Сообщение передал дежурный по МУРу.

- Совпадение или звенья одной цепи? - спросил Орлов. - Не люблю совпадений, но уж слишком одно к другому не вяжется.

- Для нас не вяжется, - Гуров протянул генералу кассету с записью разговора Кулагина с раненым лейтенантом.

Орлов прослушал пленку дважды.

- С лейтенантом необходимо поговорить еще раз и подробнее. Из его рассказа не понятно, почему американец пытался убить человека.

- Я могу съездить, - предложил Гуров.

- Я не перестраховщик, собственной тени не боюсь, но отношения с СБ и так напряженные, не хочется лишних свар.

— Какие свары, Петр Николаевич, мы работаем по одному делу, должны информировать друг друга. Мы же не в салочки играем, кто первый до «домика» добежит?

— Твоя поездка к лейтенанту бессмысленна, только лицо потеряем. Он скажет, что его уже допрашивали, сейчас плохо себя чувствует.

— Можно послать следователя прокуратуры. Ведь произошло покушение на убийство.

— А я, старый дурак, не догадался? — вспыхнул Орлов. — Нам не ссора нужна, а сотрудничество, — Орлов снял трубку, набрал номер. — Степан Сидорович? Здравствуйте, Орлов из розыска.

— Здравствуйте, Петр Николаевич, здравствуйте! — фальшиво жизнерадостно ответил генерал контрразведки Володин. — Как здоровье?

— Спасибо. Как чувствует себя Андрей Песков?

— Прилично. Вполне, — голос генерала потускнел. — С лейтенантом уже разговаривали, кое-что проверяем.

— Жаль, что не уведомили меня, генерал. Я позвонил в прокуратуру, сообщил о происшедшем, сейчас к Пескову выедет следователь.

— Совершенно лишнее. Согласно Указу Президента мы имеем своих следователей.

— Расследование по факту покушения на убийство ведет прокуратура, генерал. Я возглавляю уголовный розыск и должен знать, выделять мне людей на розыск преступника или нет. Как прокурор скажет, так я и сделаю.

— Зачем вмешивать прокуратуру? Кто квалифицировал происшедшее как покушение на убийство?

— Следователь допросит потерпевшего и примет решение. Не понимаю, почему вас беспокоит данный вопрос? Вы мне лучше скажите, вы установили американца? Нужна ли вам помощь?

— Американца... Какого американца? — удивился Володин.

— Вы забываете, с кем разговариваете, генерал-майор, — сухо сказал Орлов. — Всего хорошего. Звоните, — и положил трубку. — Ну, Лева, чего мы добились?

— Плевать. Сейчас мне нужно ехать в район, установить обстоятельства убийства Акима. Есть связь с покушением в «Будапеште» или нет, убийство авторитета высокого уровня — дело интересное.

— Только не говори, что ты что-то чувствуешь, — рассердился генерал.

— Так и есть. Группировки враждовали, но не настолько. Я поехал, в пять у меня встреча с Харитоновым. Он может быть в курсе обоих дел.

Но уйти из кабинета сыщику не удалось. Приоткрыв дверь, заглянула Верочка, зашептала:

— Петр Николаевич, к вам из Интерпола.

— Почему шепотом? Зови, раз пришли. Значит, у них с контрразведкой нелады, — подмигнул он Гурову.

После взаимных приветствий все расселись за столом для совещаний.

– Что у тебя, Юрий Петрович? – Орлов изобразил недовольство. – Кажется, дело сдвинулось с мертвой точки, и вы попали на след?

Еланчук быстро перевел. Пьер Руссо привычно улыбался, но отвечал сердито, Еланчук слушал, согласно кивал, потом заговорил:

– Вы что, не понимаете, что террорист международного класса не дерется в сортире? Мы проверили этого американца, он действительно улетел в Стокгольм. Коммерсант, работает в солидной фирме. Мы идентифицировали его личность, получили из Штатов его фотографии, показали в гостинице. Это один и тот же человек. И в какую историю вляпался ваш сотрудник, нам не известно, а главное, не интересно. Понятно?

– Ты же по-русски говоришь, – ответил Гуров. – Чего вы хотите от нас?

– Ваша контрразведка считает, что свою задачу выполнила: террориста обнаружила и вынудила его вылететь из России. Господин Руссо считает, данные выводы не соответствуют действительности, – Еланчук повернулся к своему шефу. Говорил с ним, что-то доказывая, то и дело поглядывая на Гурова.

– От туалетной истории и поначалу хреново пахло, – тихо произнес Орлов. – Ты верно подметил, удар скорее всего нанесен кастетом. Это оружие не террориста. Но дело не в кастете. Какие причины могли толкнуть преступника напасть на сотрудника? Уликой против террориста могут явиться только взрывчатка и факт подготовки. Нам необходимы полные показания лейтенанта.

– Обратитесь к Бардину, доложите министру.

– Глупости. Министр увяз в Чечне, ему не до нас.

– Пусть с гостиницей и улетевшим американцем колушаются гэбисты. Я попытаюсь выяснить, что там произошло, но эта версия в принципе не перспективная. Меня интересует убийство Ленчика, – произнес Гуров.

Еланчук перестал разговаривать с шефом, прислушивался к беседе сыщиков.

– Извините, господа, – сказал он. – Но мы вас вновь предупреждаем о возможных человеческих жертвах.

– Ты, Юрий Петрович, мать твою, пожил год за бугром и забыл Россию? – взорвался Гуров. – Когда Россию волновали человеческие жертвы? Ты переведи своему французу: полиция работает, что сможем – сделаем.

– Не надо, я понимаю, – сказал Руссо.

– Мы считаем, надо пахать, а что вырастет – то вырастет.

– Это не переводится, Лев Иванович.

– Твои проблемы. Извинись, мне нужно ехать.

Гуров зашел в свой кабинет, позвонил на квартиру, услышав голос Крячко, сказал:

– Поднимайся. Ночью убит Аким Ленчик. Поезжай на Масловку, разыщи Мишку Захарченко. Тебя там не знают, веди себя нахальнее, красься под делового. Если у него еще живет гость, врежь ему. У Мишки узнай, видел он Акима?

– Нахальнее? Это можно, – ответил Крячко.

Крячко позвонил в квартиру Захарченко. Дверь открыл Мишка, узнал Крячко и побледнел.

— Не один? — тихо спросил Станислав и рванулся в комнату.

Гость сидел за столом, Крячко в два шага пересек комнату, вышиб из-под парня стул, толкнул к стене.

Парень захрипел, согнулся. Станислав вынул из его заднего кармана брюк пистолет, вполсилы ударил по голове.

— Ты! — Крячко повел стволом в сторону Михаила. — Встань с ним рядом! — Схватил «гостя» за подбородок. — Так кто тебя прислал сюда?

— Ленчик, — парень сплюнул кровью.

— Лично?

— А кто ты есть, козел?

— Акима ночью замочили! — Крячко ударил парня спиной об стенку. — Кто тебя прислал сюда?

— Как замочили? — парень отер губы. — Он мне сказал вчера..

— Во сколько часов? Где? Где ты его последний раз видел?

— В девять на «Речном».

— Врешь, падла! — крикнул Мишка. — Я в начале десятого встречался с Акимом в другом месте!

В дверь позвонили. Крячко оглушил парня рукояткой пистолета, подошел к двери.

— Кто?

— Свои, открывай.

— Свои сейчас на базаре семечками торгуют. — Крячко сделал шаг в сторону.

Прогремел выстрел, пуля прошила тонкую дверь, впиалась в стенку.

— Скажи что-нибудь еще, — сказал Крячко и крикнул: — Захарченко, звони в милицию!

Гуров допрашивал охранников Акима до позднего вечера. Около восьми приехал Станислав, левый глаз у него почти заплыл, на губах выступала кровь, которую он постоянно слизывал.

— Группа РУОПа, — пояснил он на вопросительный взгляд Гурова. — Нервные парни, чуть что — сразу драться.

— Позже расскажешь, сходи в медчасть, я еще не закончил. — Гуров вернулся к допросу охранников.

Когда они заговорили, установить удалось мало что интересного.

Аким имел группу боевиков, человек двадцать пять. В Солнцево особым авторитетом не пользовался, промышлял в основном рэкетом, но к крупному бизнесу его не подпускали. На прошлой неделе у него появились новые знакомые, о которых охранники ничего не знали, и явно лишние деньги, не связанные с рэкетом. Охранники видели одного. Деловой, но не из воров, зоны не знает, говорит культурно. Брюнет лет тридцати пяти, среднего роста, фигура нормальная, походка легкая, говорит с акцентом.

Гурова новый знакомый покойного заинтересовал. Но смущало, что брюнет и то, что он засветился перед охранниками. Опытный преступник такого не сделает.

Вечер перед убийством Аким провел в казино «Фламинго». Ушел поздно, после часа. Пил мало. Сидел с проституткой, но с собой не взял. Охранники довели шефа до подъезда. Спустя час он был убит там же, у подъезда. Значит, он из дома вышел, судя по всему, к знакомому.

Гуров устал. Володя, так звали охранника, второй раз пересказывал, как проходил вечер в казино. Учитывая, что почти то же самое уже по два раза рассказывали его сотоварищи, сыщик слушал историю в шестой раз.

— Аким в тот вечер почти не пил, когда ему прислали коньяк, шеф отдал бутылку нам.

Гуров знал о присланной бутылке и что передал ее грузный усатый мужчина в возрасте, азербайджанец или грузин.

— Князь? — машинально спросил Гуров.

— Они все князья, — усмехнулся охранник. — Телка, что с ним сидела, так его называла. Они, стервы, знают, как мужику потрафить, чтоб платил больше.

— Толстый, говоришь, с усами? — Гуров насторожился. — Волосы короткие, черные, а надо лбом седая прядь.

— Точно. Неужто знаете? Он, видимо, при больших бабках, я заметил, как он своей девице доллары дал. Отправил в рулетку играть, но сам не пошел, один сидел.

— А женщину, что с Князем была, знаешь?

— Видел. Девица местная, многие здоровались, расшаркивались перед ней. И черный с ней не как с девкой держался, уважительно.

Такую отыщем, решил Гуров. Вызвал конвой, отправил парня в камеру и вновь позвонил Харитонову. Запланированная встреча с осведомителем днем сорвалась, телефон не отвечал. В этот раз сыщику повезло, трубку сняли.

— Слушаю, — устало произнес Харитонов.

— Добрый вечер, Борис Михайлович, — сказал Гуров с облегчением. — Куда вы пропали?

— В КПЗ отдыхал! — в голосе Харитонова звучали истерические нотки. — Демократия! Добились своего! Схватили в «Будапеште» без всяких оснований.

— Борис Михайлович, выпейте горячего молока с медом и ложитесь спать, я вам утром позвоню.

— Мне бы ваши нервы, Лев Иванович.

— Спокойной ночи, — Гуров положил трубку, повернулся к вошедшему в кабинет Крячко. — Ты Мишку не спалил?

— Нет. Но наша милиция! — Крячко закатил глаза. — Сказка!

— О милиции расскажешь завтра. Михаила виделся с Акимом? — Да, разговаривал. Ленчика убили не соратники, наши. Ну, не наши...

— Понятно, — перебил Гуров. — Зачем приехал? Отправляйся домой, отдыхай.

— Поделиться хотел.

— Все разделим, Станислав, — Гуров взглянул на часы. — Подожди, сейчас позвоню, кое-что выясню. — Он достал записную книжку, набрал номер.

— А ты сам собираешься спать?

— Обязательно. — Он прикрыл трубку ладонью. — Помолчи. Добрый вечер, дорогой Шалва, не могу запомнить твоего отчества. Гуров беспокоит.

— Здравствуйте, Лев Иванович. Как здоровье, дорогой?

— Спасибо. Как ты, семья здорова?

— Как вы, русские, говорите, все слава Богу.

— Извини, Шалва, если я сейчас к тебе подъеду, не сильно побеспокою?

— Дорогой, грузин гостю всегда рад.

— Выезжаю. Четвертый этаж, квартира двадцать семь, помню.

— Это Гочишвили? — поинтересовался Крячко. — Он вроде от наших дел отошел?

— Верно. Но Шалва видел Акима перед убийством.

Шалва Гочишвили еще больше располнел, еле помещался в кресле. Они сидели в небольшой комнате, уставленной коврами и, видимо, служившей хозяину одновременно кабинетом и спальней, о чем свидетельствовал письменный стол в углу и огромная низкая тахта, покрытая дорогим ковром.

Хозяин величественно восседал в кресле, старинном, тяжелом, красного дерева, похожем на трон. Гуров устроился на маленьком диванчике. Между ними стоял стол, заставленный бутылками, в центре возвышалась ваза с фруктами. Сыщик ел горячий лаваш с сыром, пил чай и слушал хозяина. Тот повествовал о тяжелой жизни грузинского народа и время от времени бросал на гостя внимательный взгляд.

— Какая забота, Лев Иванович, привела тебя в мой дом? — спросил, наконец, хозяин.

— Большая беда, Шалва. — вздохнул Гуров. — У тебя уже внуки?

— Трое. Все джигиты! — с гордостью ответил хозяин. — А ты все холостой?

— Работа, Шалва. Будь она проклята!

— Тяжелую ты дорогу выбрал, Лев Иванович. Я не понимаю тебя.

— Я ищу человека, который убивает людей. Ты можешь мне подсказать след.

— Я от всех дел отошел, а когда занимался, сам знаешь, с убийцами связей не имел.

— Ты вчера вечером в казино был, Акима видел. Ты туда к нему приходил?

— Он мне долг вернул. Я с Акимом никогда дел не имел. И ты ошибаешься. Аким не может убить.

— Теперь уж точно. Акима ночью убили.

— Я на его лице смерть видел, — Шалва налил в рюмки коньяк. — Он свою смерть чувствовал, а раньше хороший парень был.

— Неплохой, — поправил Гуров. — Шалва, расскажи подробно, как вы встретились, о чем разговаривали.

— Мы вчера два раза встречались. В час дня на Пушкинской, у «Известий». Я подъехал, он пересел в мою машину.

— В его машине люди были?

— Сзади сидели, кажется, двое, я не рассмотрел. — Шалва помолчал. — Нет, одного видел, он стекло опустил, сигарету бросил. Русский, не старый, но и не мальчик, рука мужчины.

- А почему решил, что русский?
- Светлый, но быстро видел, не узнал. Аким мне деньги передал, сказал, не хочу должником оставаться.

- Доллары? Много?

- Глупости, двадцать тысяч.

- Новые, или ими пользовались?

- Совсем новые, номера подряд шли, случайно посмотрел.

- В упаковке?

- Нет. Одна пачка, резинкой перетянута. Сказал, вечером в казино подъезжай, разговор короткий имеется. Адрес дал. Я сначала ехать не хотел, потом его лицо вспомнил. Плохое лицо. Приехал. Аким уже в баре сидел, знак подал, не подходи. Я один сел, ко мне девушка подошла. Мы с ней два года назад на одной свадьбе гуляли.

- Как зовут?

- Вика. Волосы, как старое золото, а глаза голубые. Вика совсем грустная была. Я так понял, у нее друг был, там работал, теперь ушел. Да! - Шалва шлепнул ладонью по лбу. - Вспомнил. Может, тебе и не надо, но Вика на Акима злая. Я ему бутылку коньяка послал, надоело ждать, думал подойдет. А Вика увидела и сказала, что ему не коньяк, а мышьяк надо дать. Все, Лев Иванович, с Акимом я больше не разговаривал. Посидел он еще недолго и домой поехал. Мало я тебе дал?

- Дорогой Шалва, много бывает только дерьма, хорошего всегда мало. - Гуров взглянул на часы, было начало одиннадцатого.

- От тебя можно позвонить?

- О чем говоришь? - Шалва протянул трубку, которая лежала рядом на столе.

Гуров набрал новый номер Артема Дурова.

- Дача, говорит дежурный, - ответил Артем.

- Простите, ошибся номером.

- Добрый вечер, говорите.

- Ты не мог бы сейчас подъехать к старому месту работы?

- Через сорок минут буду.

- Я в своей машине, - Гуров отсоединился, взглянул на хозяина. - Шалва, спасибо, извини за беспокойство.

- Лев Иванович, тебе поспать надо. - Шалва поднялся, подошел к письменному столу, достал какую-то коробочку, вытряхнул на широкую ладонь несколько темных орешков. - Возьми, этот корень еще наши деды в тяжелое время жевали.

- Спасибо, - Гуров высыпал в рот орешки. Они оказались горьковатые, с привкусом мяты.

Сыщик припарковался неподалеку от «Фламинго», чуть в стороне от стоянки. Ждать пришлось недолго, вскоре в зеркале заднего вида блеснул свет фар. «Жигули» встали рядом, и Артем быстро пересел в машину сыщика.

- Здравия желаю, - он крепко пожал руку Гурова.

- Здравствуй, какие новости?

- В принципе, никаких. Не могу разобраться, кому майор служит, чего ему от меня надо?

- Ну, он не из детского сада, выжди. Проявится, - ответил Гуров.

– Он сильно вами интересуется. Грешит, что в устройстве меня на дачу вы руку приложили.

– Плохо. С чего бы у него такая мысль появилась? Может, это Усов от давнего страха на воду дуэт?

– Разберемся. Зачем вызвали?

– Ты девушек, которые бывают в казино, знаешь?

– Постоянных знаю.

– Вика, золотистая шатенка с голубыми глазами?

– Что с ней? – Артем схватил Гурова за плечо.

– Жива-здорова. Что она за человек, в каких ты с ней отношениях? Профессионалка?

– Как сказать? С одной стороны, конечно, профессионалка.

– А с другой? Только ты Куприна не изображай. Влюблен в нее?

– Не знаю. Только не смейся, полковник, мы с Викторией дружим.

– Значит, она хороший человек, – убежденно сказал Гуров.

– Она очень несчастный человек. – Артем подумал и добавил: – В ее профессии достаточно циничных, глупых женщин, живущих одним днем. Вика, мне кажется, умна и всячески пытается скрыть свое недовольство жизнью.

– Как она относится к тебе?

– Ей нравится, что ее воспринимают как нормальную женщину. Боится обмануться, и не только во мне, но и в себе.

– Ты психолог.

– Каждый нормальный опер немного психолог.

– Мне нужно с Викторией поговорить, – Гуров взглянул на Артема испытующе, с нажимом повторил: – Поговорить. Если она сейчас в казино, ты мог бы найти ее и попросить уехать со мной?

– Вика проститутка, – сухо ответил Артем. – Она часто уезжает с мужчиной, если он ей нравится. Уверен, ты произведешь впечатление, зайди и пригласи.

Гуров долго молчал, затем ответил:

– Артем, я не стал бы без дела тебя просить. Иди в казино, скажи, что ее ждут в машине.

– Хорошо, Вика придет одна. Я задержусь, надо там покрутиться, как-то объяснить свое появление, – Артем выскользнул из машины.

Глава четырнадцатая

Гуров приспустил стекло и закурил. Вскоре перед машиной появилась темная фигура. Вика села рядом и от ее шубки пахло свежестью и хорошими духами.

– Добрый вечер, таинственный незнакомец, – сказала она, кутаясь в светлый пушистый мех.

– Здравствуйте, Вика, спасибо, что пришли. – Гуров тронул машину с места, привычно взглянул в зеркало заднего вида.

– У меня не будет с тобой неприятностей, парень?

– Надеюсь, хотя я большой специалист по неприятностям. – Гурову не понравилась едущая за ним машина, он крутанул руль, свернул в переулок.

– Мы едем к тебе?

– Да.

- Я не видела тебя в казино, откуда ты знаешь меня?
- Долгая история, приедем - расскажу.
- Пятьсот баксов, платить вперед.
- Артем не сказал, кто я?
- Я не отдел кадров, милый, меня твоя анкета не интересует.
Заплати, иначе я выскочу у первого светофора.
- У меня нет денег. Я полковник милиции, мы едем ко мне домой, но не в постель.
- Только полковник? - с вызовом сказала Вика, но голос ее дрогнул. - Мне ноги целовали генералы.
- Уверен, что они восхитительны. Я имею в виду твои ноги, а не генералов.
- Я приглашенная или арестованная?
- Ты очаровательная. Понимаю Артема. Вот мы и приехали. - Гуров подъехал к своему дому со стороны переулка, встал напротив посольства.

В передней Гуров помог девушке снять шубку.
- Проходи, располагайся, хотя лучше, если ты мне поможешь на кухне. Я целый день не ел, лишь перекусил у старого знакомого, который мне и сказал, что ты живешь на этом свете.
- Значит, Артем тут ни при чем? - Вика прошла по квартире, заглянула даже в ванную. - Живешь один, женщины бывают редко. Жилище твое мне нравится, простенько, но со вкусом.
- Меня зовут Лев Иванович, - Гуров достал из холодильника традиционные пельмени, поставил на плиту кастрюлю с водой, начал накрывать на стол.

Поужинали быстро, сварив кофе, перешли в гостиную. Гуров достал из шкафа бутылку виски.

- Ого! - сказала Вика, взглянув на этикетку. - Богато живешь, а говоришь, денег нет. Признайся, Лев Иванович, у тебя платных девочек никогда не было?

- Почему решила? - Гуров наполнил рюмки.
- Ты мужик сильный, уверенный, женщинам нравишься. А в нас не одни недостатки, есть и достоинства. - Вика пыталась держаться привычно раскованно, однако голубоглазый хозяин невольно сковывал женщину, которая видела многое и смущаться, казалось, давно разучилась. - Что-то в тебе не так, Лев Иванович... Ты не обычный. Строишь оценивающе, но интересуют тебя не моя грудь и задница... Ну, рассказывай, зачем привез?

- Вика, извини за нескромность, у тебя есть дети?
- Нет. Ни мамочки, ни папочки, одинокая. Мужиков не счесть, орава. А ты что строишь синими брызгами, такие вопросы задаешь? Подход ищешь? Решаешь, что мне можно сказать, а чего нельзя?

- Ты не заводи себя, я не клиент... Вчера вечером с толстым грузином за столом сидела...

- Я против Князя ничего не скажу, - перебила Вика. - Да и не знаю ничего.

- А я о Шалве все знаю, - улыбнулся Гуров. - Меня Аким интересуется.

- Ах, этот, - в голосе Вики зазвучало презрение. - Что в нем интересного? Бандит, каких сегодня много.

– За что Акима не любишь?

– Чего мне его любить, мужик и мужик, – Вика на секунду замялась. – Так, ерунда, этот козел подвел мою подругу.

– В чем именно?

– Тебе, Лев Иванович, не интересно, дела наши, профессиональные.

– Что касается Акима, мне все интересно.

– А ты знаешь, что за такие разговоры мне Аким запросто башку оторвет?

– Он уже никому ничего не оторвет, – сказал Гуров, внимательно наблюдая за гостьей. – Его прошлой ночью убили.

– Как? – Вика тряхнула головой.

– Из пистолета.

– Ты ищешь убийцу?

– Верно, я ищу убийцу.

– Сколько людей хороших убивают, а ты тратишь время на поиски бандита, который убил другого бандита.

– Возможно, Вика, ты и права. – Гуров подумал, что зря тратит время и силы, но привычка никогда не останавливаться на половине пути заставила сыщика продолжить разговор. – Так в чем, конкретно, подвел Аким твою подругу?

– Все тебе надо! Ну, привел клиента, сказал, проживет тот недельку, заплатит хорошо. Мужик переночевал, а на второй день и съехал, не заплатив. Считаю, Валюшка на тысячу баксов попала...

Гуров ощутил знакомый озноб, предчувствие удачи.

– Ты этого клиента видела?

– Мельком, на улице, – Вика пожалала плечами. – Культурный, не из деловых.

– А почему он, культурный, неожиданно уехал? Может, между ним и твоей подругой что-нибудь произошло?

– Ерунда, – Вика рассмеялась, подвинула свой бокал, – плесни еще. Вчера Аким за приятеля заплатил. Дал штуку баксов, сказал, что друг внезапно из Москвы улетел, вроде к семье вернулся. Валюша полагает, вранье. Мужик холостой, никакой семьи у него нет, и живет он за бугром. Мы, Лев Иванович, сыщики хоть куда, женатого от холостого мигом отличим.

– Почему он уехал? – Гуров спросил скорее себя, чем Вику. – Тысяча долларов – большие деньги... Откуда такая щедрость Акима? И что ты смешного вспомнила? Ну!

– Репей! И все тебе надо! Мужик тот носит парик. Он в койке разошелся, Валентина его за волосы схватила, они и сползли набок.

– Интересно, – Гуров тяжело вздохнул, словно доволоч непосильную ношу. – И какой же он масти?

– Брюнетистый, а на самом деле, видимо, плешивый.

– Телефон своей Валентины помнишь?

Вика взглянула на часы:

– Она еще в казино. Фрайеров раскручивает. Сейчас самый ход.

– Позвони ей на всякий случай. – Гуров переставил телефон, снял трубку. – Какой номер?

Вика взглянула на Гурова как на больного.

Артем вернулся в загородную резиденцию министра в начале двенадцатого. Открывший ворота сторож недовольно сказал:

– Тут прибыли, а вас нет. Они недовольны.

– Как это нет? – удивился Артем. – Вот он я!

Овчарки метнулись из кустов, радостно повизгивая, кинулись за машиной.

У парадной лестницы стояли две машины, БМВ и «мерседес». «Волга» хозяина отсутствовала, и Артем облегченно вздохнул.

В холле Артема встретил лакей, которому опер однажды задал трепку, после чего он, как оказалось, вполне приличный парень, проникся к начальнику охраны уважением.

– Артем Григорьевич, позвонил хозяин, предупредил, что придут гости. Велел принять и разместить в третьей и четвертой спальнях, ночевать останутся. Сейчас они в каминной зале. Ужинают. Когда захожу прислужить, недовольны.

– Государственные мужжи... Большие секреты, – Артем усмехнулся. – Небось о девках травят.

Каминным залом именовалась комната метров тридцати, конечно, с камином и почти без мебели. Тем не менее она была уютна, в углу стояло пианино, на котором никто в семье не играл, окно закрывали тяжелые вишневые, под цвет стен, портьеры.

– Добрый вечер, господа, извините, отъезжал по хозяйству, – сказал Артем, войдя в комнату. Он по-хозяйски поправил в камине поленья, задернул неплотно висевшую штору. Оглядел овальный, красного дерева, стол.

– Меня зовут Артем, – отчества своего он никогда не называл. – Я – местная охрана, меня можете вызвать, нажав вот эту кнопку, – он указал на бронзовую подставку, стоявшую на мраморной доске камина, переставил подсвечник, тем самым включив систему прослушивания.

Гости глухо молчали, причем один из них отвернулся от огня, прикрыв лицо ладонью, якобы слишком жарко. Артем не удержался и спросил:

– Может стол отодвинуть, слишком близко к огню?

– Не беспокойтесь, все в порядке, – неожиданно мягко и вежливо ответил мужчина постарше, лет пятидесяти, с сильной седой. – Артем, пожалуйста, распорядитесь подать бутылку водки, я не люблю виски.

– Сей момент рисуем. Разрешите идти отдохнуть? Если что – вызовите. В спальнях комнатах немного отопление барахлит, я покажу, как с ним управиться, – Артем, заметив, что гость упорно прятывший свое лицо, достал сигару, ловко выхватил из камина головешку и на изящном кованом совке поднес ему.

Тот прикурил и невольно показал лицо, Артем узнал популярного телевизионного комментатора.

– Водка сейчас будет. На горячее рекомендую мясо, рыба сегодня неудачная. Желаю хорошего аппетита и не прощаюсь, – Артем вышел, в коридоре сердито сказал лакею: – Чего у тебя водители в машинах? Пригласи в дом, накорми. Раз хозяева ночуют, дай ребятам выпить и спальню им угловую

прогрей, а то холодина в доме. Да, водки гостям подай. Чего ты русским людям виски суешь, да и сам глотни, а то замерз, вижу.

— Действительно, холодновато, Артем Григорьевич, ветер северный, и вообще, отопления на такой домино не хватает, — ответил повеселевшим голосом парень, понимая, что слово «глотни» очень обтекаемо.

Дома Артем первым делом запер дверь, накинув на скобу здоровенный крюк, и включил прослушивание. Громко звякнуло, видно, вилка о тарелку. Артем уменьшил звук.

— Кто у вас командует эфиром, что давать в программу, а что не давать? — спросил старший, и голос его совсем не был мягок и вежлив.

— Смотря какой материал, когда поступил. Кто в данный момент из начальства на месте, — ответил молодой. — Обычно главный редактор, если очень громкое дело, то директор.

— Предположим, вы получили официальное сообщение, что в метро произошел сильный взрыв. Катастрофа! Сотни человеческих жизней унесло. У вас пять минут до выхода в эфир, вы бежите получать разрешение?

«Значит, метро! — подумал Артем. — Для фашистов решение естественное. Сами-то в метро не ездят».

— Вы политик, и прекрасно знаете, — ответил молодой, — если сделал что-то неположенное, инициативу проявил — башку оторвут.

— Вы сообщаете о происшедших событиях без всяких комментариев, голый факт, так сказать.

— Главный комментатор у нас Александр Турин. Может, выпьем?

Наступила пауза, в которой можно было расслышать слабый стук, звяканье посуды.

— Ваше здоровье, — сказал молодой.

— Спасибо. Не надоело служить в холуях у демократов?

Телевизионщик хохотнул:

— А мне едино, демократы, консерваторы, честно сказать, я вас не различаю. Простите, мне кажется, вы и сами путаетесь.

— Случается. Многие мечтают, в глазах рябит. Ты парень взрослый, сам понимаешь, как говорил Ульянов: все решает вопрос власти. Каждый хочет сидеть в лодке, которая первой придет к берегу.

— Я тоже не идеалист, от рождения дальтоник, цвета не различаю.

— Некоторые хотят чужую лодку потопить, свою подтолкнуть. Сегодня шаткое равновесие, если произойдет взрыв...

— В прямом или переносном смысле слова?

— Сначала в одном, потом и во втором. Нынешняя власть стоит на краю, достаточно легкого толчка.

— И кто толкнет?

— Найдутся люди, твое дело о толчке сообщить.

— И что я буду иметь?

— Ты окажешься в нужной лодке.

В комнате Артема раздался звонок, оповещающий, что приехал хозяин.

— На ночь глядя! — пробормотал Артем, схватил куртку и выскочил на улицу.

В темноте у ворот лаяли собаки.

Когда Гуров переступил порог казино, у него создалось впечатление, что он пришел не в увеселительное заведение, а пересек границу перед посадкой в самолет.

Мальчики с белыми карточками на груди встречали посетителей еще на улице у стеклянных дверей. У кассы пришлось заплатить свыше двухсот тысяч, к счастью, такие деньги у полковника оказались. Затем парни, здоровенные шкафы, проехали шупом вдоль всего его тела, даже предложили повернуться спиной, хорошо, Вика о предстоящем осмотре предупредила, и он оставил «Вальтер» в тайнике машины.

Войдя в игровой зал, сыщик удивился количеству посетителей и вниманию со стороны профессиональных девочек, стоявших стайкой у дверей. Слева от входа располагался бар, перед которым находилось несколько столиков. Гуров взял сок, занял угловое кресло и закурил. Он никого не искал, рассчитывать, что здесь появится человек, неожиданно съехавший с квартиры проститутки, было глупо. Просто разглядывал публику с интересом и, надо сказать, с разочарованием. Гуров представлял себе посетителей дорогого ночного заведения более респектабельными. Почему-то считал, что галстук в казино обязателен, видимо, вычитал где-то. Мятые, несвежие воротнички мужчин на консервативного полковника произвели неприятное впечатление. Куртки, свитера, нечищенная обувь, много небритых, казалось, даже грязных. Возраст, примерно, от двадцати до сорока. Судя по всему, в мужчинах ценились лишь деньги. Он подумал, что по количеству денег занимает среди присутствующих последнее место.

Сыщик и Вика вошли порознь, договорились, что полковник будет ждать ее и Валентину у первого бара. Неожиданно сыщик поймал себя на мысли, что если бы Валентину убили, значит, он вышел на след террориста.

Обозвав себя подонком и сволочью, он переключил свое внимание с мужчин на женщин и тут же поймал заинтересованные взгляды.

Гурову приглянулась скромная девчушка, с чистым светлым лицом и простодушным взглядом красивых глаз. Было бы интересно с ней выпить по рюмочке и поболтать. Но он не рискнул пригласить девушку к столу, прекрасно знал, насколько внешность профессионалок обманчива. Да к тому же в любой момент может появиться Вика, и он будет вынужден, без объяснения причин, подняться и уйти. Подумав все это, сыщик чуть было не рассмеялся, так как в последний момент сообразил, что у него просто не хватит денег на угощение, следовательно, он решил сложнейшую задачу — стрелять или не стрелять из ружья, в котором нет патронов.

Он обменялся с очаровательницей прощальным взглядом и переключился на работу.

Если у Валентины провел сутки разыскиваемый террорист и тихо съехал, за жизнь девицы можно не опасаться. Решив ее убить, он убрал бы ее сразу, а не передавал через Акима деньги, не упоминал об отъезде из Москвы. Он профессионал, не хочет оставлять на своем пути труп, привлекать внимание розысников. Или данный след ложный? Нет. Слишком много совпадений. Наличные деньги добывали через Акима. Усов связан с казино, а ведь он служил в охране резиденции министра, где собираются политические лидеры профашистской ориентации. Профессиональная ликвидация Сабирова, затем убийство исполнителей, наконец, ликвидация самого Акима. Но в такой ситуации девицу не могли оставить в живых. Она знает террориста в лицо, случайно узнала, что он носит парик. Зачем парик? Какой же я тупой, подумал Гуров. Девицу оставили в живых потому, что был жив Аким-Ленчик. Труп девицы – казино – Ленчик и клубок разматывается, спецслужба выходит на след. Сейчас, когда Ленчика нет, они могут ликвидировать проститутку.

Гуров словно проснулся и тут же увидел проходившую мимо столиков Вику, которая сердито зыркнула на сыщика. Видно, не в первый раз проходит, понял Гуров и направился к выходу. В гардеробе он взял плащ, чаевых не дал, уж больно нелюбезны совковые лица у гардеробщиков. Увидев на стойке телефонный аппарат, хотел было позвонить Станиславу, но в зеркальных дверях мелькнула серебристая шубка Вики, и сыщик заторопился следом.

Как только он отошел от раздевалки, гардеробщик оживился, снял трубку, набрал номер:

– Гость вышел. Он один.

Гуров ехал в засаду.

Телефонный звонок разбудил Павла Петровича Усова в семь утра. Он сел, включил стоявшую на тумбочке лампу, затем, не торопясь, снял трубку.

– С добрым утром, Павел Петрович, извините за ранний звонок, – произнес мужской голос. Усов узнал майора Сухова и про себя выругался. Считал, что отношения со службой на время предвыборной кампании прерваны.

– Здравствуйте, Олег Артемьевич, – сдержанно ответил он. – Действительно, раненько, у меня распорядок дня изменился.

– Простите, оторвем вас сегодня от государственных дел. Если я заеду за вами через час, не будет слишком рано?

– В квартиру не поднимайтесь, в восемь я буду у своего дома, – ответил Усов и положил трубку.

Вежливость и просительные интонации майора не обманывали Усова. Бывший полковник прекрасно понимал, что, хотя подписку у него не брали, псевдоним не присваивали, он стал агентом КГБ. И даже пройдя в депутаты, все равно останется агентом. Обратной дороги нет, так было всегда.

Стоило ему выйти на улицу, как подкатила черная «Волга», значит, стояла неподалеку, ждала. Майор выскочил из машины, распахнул перед Усовым заднюю дверцу. Большому начальству ездить рядом с водителем не принято.

— Еще раз здравствуйте и извините, — сказал майор, усаживаясь рядом. — Знаю, вчера с журналистами вы малость засиделись...

Вышли они у гостиницы «Украина», поднялись в номер, где их ждал официант и накрытый на двоих стол. Усов оглянулся, думая, что сейчас появится некое лицо, к которому его, кандидата, и привезли.

— Присаживайтесь, Павел Петрович, будем завтракать, — майор помог Усову снять плащ.

Неожиданно бывший полковник подумал, что этот разбитной парень отнюдь не майор и не шестерка, а он, Усов, просто старый пень.

— Благодарю, Олег Артемьевич. — Усов неторопливо уселся, осмотрел стол. Накрыто было ловко, без икры, но с достатком. — Вы что же, повышение получили или моим куратором изначально замысливались?

— Для вас я майор и коллега, Павел Петрович, — он налил по стопке водки. — А кто я на самом деле, признаться, и сам толком не знаю. Сейчас вроде бы для этого дела рановато, — майор поднял рюмку, — но мы и не какие-нибудь англичане, чтобы жить по расписанию.

Усов ни разу в жизни не пил с утра, но философски рассудив, что все когда-нибудь случается впервые, опрокинул рюмку. Закусив великолепной селедочкой, положил на тарелку салат с крабами и сказал:

— Выкладывайте, что у вас стряслось.

— Нужен ваш сыщицкий опыт и совет. Ночью между уголовниками произошла стычка, убили одного авторитета, с которым мы имели связь.

Какая там стычка, сами вы и убили, подумал Усов и согласно кивнул.

— Случается.

— Наша доблестная милиция вместо того, чтобы искать убийц, забрала охранников убитого, которые на месте преступления не присутствовали.

А ты откуда знаешь, где кто присутствовал? Усов сам налил по второй. Утренняя выпивка оказалась на удивление приятна.

— Задержанных перевезли из района на Петровку. Ваше мнение, может полковник Гуров заинтересоваться данным делом? Ведь полковник — важняк главка, а разборки между уголовниками происходят почти ежедневно.

Усов выпил, не торопясь закусил, промокнул губы салфеткой и веско произнес:

— Милейший, если вы мне будете выдавать информацию в усеченном виде, я помочь не смогу. Почему вас интересует полковник Гуров?

— Ваша правда, колюсь! — майор развел руками, и Усов отчетливо понял, что всей правды малый никогда не скажет. — Вы считаете, что уйти из офиса Сабирова Артему Дурову помогли наши люди? Это не так, парню помог человек Гурова.

— Станислав Крячко! — выпалил Усов и чуть не подавился маслиной. — Что же вы раньше молчали? Лопухи вы, а не оператив-

ники! Гуров Артема завербовал. Вы поселили на мое место парня Гурова. А особняк министра прослушивается! И вообще! — Усов махнул рукой. — Щенки! Вам только против Гурова и воевать.

Майор вздрогнул, прищурившись, взглянул на Усова.

— Павел Петрович, давайте воевать вместе. Насколько мне известно, вы к полковнику особой симпатии не испытываете.

— Он сволочь, но розыскник сильнейший.

— Лучше вас? — подзадорил майор.

— Вам приятно пальцем в ране ковырять? Да, лучше! Но имея вашу поддержку, я с ним справлюсь. Если, конечно, вы будете говорить мне правду и слушаться.

— В отношении Артема Дурова вы заблуждаетесь, мы проверяли, он в агентурной сети не состоит.

— Я тоже не состою. Продолжайте. Имя убитого авторитета? Был ли он связан с Гуровым? Чего конкретно вы опасаетесь?

— Убили Акима Леонтьева, по кличке Ленчик. Гуров с ним неделю назад встречался в ресторане, разговор был короткий. Они поссорились.

— Их разговор записан?

— Нет, но его слышали, ничего интересного. По нашей просьбе Аким познакомил одного человека с проституткой. Тот провел у девицы около суток и уехал. Охранники Акима об этом знакомстве не знают. Гуров сумеет найти эту девицу?

— Если теоретически это возможно, он ее найдет.

— Теоретически все возможно.

— Чего вы ломаете себе голову? Вы убили Акима, уберите и деву.

— Но тогда мы привлечем к ней внимание. А нам бы этого не хотелось.

— Потому что ваш человек провел в ее квартире около суток. — Усов кивнул. — Дорогой для вас человек.

— Может, не рисковать и ликвидировать самого Гурова?

— Вот уж действительно — лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным. У вас нет киллера такого класса. А если бы и был, то любому киллеру требуется время для подготовки, а Гуров вам мешает сегодня.

— Но мы не можем позволить Гурову найти эту девицу.

— Тоже проблема! — фыркнул Усов. — Она проститутка, подсуньте ей «миллионера», отправьте на Кипр.

— Даже нам потребуется два-три дня.

— Поселите у нее миллионера сегодня! Стоп, стоп! — Усов поднял руки. — У меня идея! Все гениальное — просто. Потом объясню, а пока слушайте внимательно. Запомните, что, работая против Гурова, делать нельзя. Не выставлять за ним наружное наблюдение. Он наблюдение засечет, мало того, поймет, что против него работает спецслужба. Определите места его возможного появления. К примеру, раз сегодня охранников Акима перевезли в МУР, значит, Гуров на Петровке объявится. При плотном движении на улице пару минут за ним можно продержаться. Затем казино «Фламинго». Он там объявится почти обязательно. От его собственного дома Гурова лучше не брать. У него загото-

ялены различные фортели ухода и проверки. Ничего не лепите к его машине. Обязательно использует ваш маяк или передатчик против вас.

— Он, случайно, не Господь Бог? — майор усмехнулся.

— Когда ты, майор, или кто ты там есть на самом деле, прогуливал уроки, Гуров работал в МУРе.

— Хорошо, хорошо, Павел Петрович, вы меня убедили, — сдерживая раздражение, сказал майор. — Вы предлагали поселить у девицы сотрудника, затем у вас появилась идея. Поделитесь.

— Поселите у нее не одного, а двух миллионеров с пистолетами. Гуров человек очень осторожный, его трудно заманить в западню. Но он отличный сыщик и способен сам разыскать капкан. И чем труднее сложится его путь, тем больше будет уверен в своей безопасности. Он разыщет вашу девицу и сам приедет к ней, остальное — дело техники.

— Неплохо, — майор задумался. — Но он может девицу и не найти. Или явиться к ней дня через три. Что же, ребята так и будут сидеть у нее?

— Все тебе объясни да растолкуй. И за что тебе деньги платят? Если Гуров проститутку ищет, то придет сегодня в казино «Фламинго». Следить за ним опасно, но определить, в какую сторону он из казино поедет, вполне возможно.

Гуров вышел из казино раньше Вики, которая задержалась с подружкой в вестибюле. Когда она села в машину, сыщик выкатился со стоянки на улицу, свернул в переулок и тут же въехал во двор, встав за домом таким образом, чтобы видеть переулок.

— Ну, рассказывай, — он приспустил стекло и закурил. — Где твоя подружка, что удалось узнать?

— А чего мы стоим?

— Хочу прогреть мотор. Я тебя слушаю. — Гуров не сводил взгляда с пустынного переулка.

Сыщик не знал, что машина наблюдения не последовала за ним, а спокойно ушла в противоположную сторону. Старший группы доложил по рации, что объект потерян, согласно инструкции наблюдение прекращено.

— Надо же такое придумать! — восхищенно сказал водитель. — Хитрый, падла, последуй я за ним, вмиг бы засветились.

— Наше дело маленькое, пусть у начальства голова болит, — ответил старший. — Два часа ночи, двигаем по домам.

— Профессионал, — убежденно рассуждал водитель, — и тачка у него быстрая, иномарка...

— Перестань гундеть, отвези домой и в гараж. У тебя завтра выходной?

— Сегодня, командир, уже сегодня. Сейчас приеду, приму стакан снотворного и до обеда не кантовать. Конечно, здорово, что нас сняли, однако, интересно, какую с этим иностранцем операцию прокручивают. В газетах пишут, шпионы перевелись, да много ли они знают, загаженные газетчики. А номера на тачке нашенские, значит, не дипломат, доморощенный, сволочь. И тачка у него классная...

— Ты замолчишь или нет? — старший закрыл блокнот, где записал номер машины, приметы мужчины и женщины. Офицеры контрразведки понятия не имели, какое задание они выполняют.

— Жарко, выключи печку, — сказала Вика. — Ты здесь ночевать собрался?

— Хочу услышать от тебя что-нибудь интересное, — ответил Гуров. — Ну так что? Сидели в кабаке на диване, подошел малый, пригласил Валентину танцевать, были уверены, что не клиент, а он снял телку и увел в тачку. Какой парень? Почему решили, что не клиент? У него на лбу написано? — Гуров выехал в переулок. — Значит, Ордынка?

— Почему да как? Зануда ты, Лев Иванович, потому и бобылем живешь. Мужика сразу определить можно. Если у него галстук за четвертак деревянных, как он может пятьсот зеленых девочке заплатить?

— Да, сегодня с галстуком я чуть ли не один был.

— Я к примеру сказала. Парень может быть как угодно одет, а часы, к примеру, у него за две штуки. Потом, как держится, говорит, а если с ним танцуешь, сразу понятно, хочет он тебя или забавляется.

— Сколько ему лет?

— Тридцатник, такой должен крепко принять, чтобы он девочку снял.

— Тысячу раз слышал, не пойму, почему вы говорите «снял»?

— Отстань! Ты бы по коленке меня погладил, а то как с чурбаком едешь.

— Я считал, вам поглаживания надоели.

— Верно, с души воротит. Но с оловянным мужиком тоже никогда не ездила. Уже начинаешь думать, что и не женщина вовсе.

Гуров разглядывал идущую следом «Волгу»:

— А с кем ты в вестибюле застряла? Подруга?

— У меня подружка Валентина, остальные — товарки, сослуживцы, можно сказать.

— Так что тебе она интересного сказала?

Вика нахмурилась:

— А верно, сказала. Может, тебе и важно. Валентина не с одним уехала, а с двумя.

Гуров припарковался.

— Я женщин не бью, но ты доведешь. Откуда второй взялся?

— У тебя рука наверняка тяжелая, — Вика отодвинулась. — Второй в тачке за рулем сидел.

— Может, просто водитель?

— Задрипаный «Жигуль» и персональный водитель. Ну, ты даешь, полковник.

— Модель, хотя бы цвет «Жигулей» товарка не сказала?

— Я не спросила! — ответила Вика вызывающе. — Мне в вашей конторе не платят.

— А подруга у тебя одна, говоришь. И часто клиенты одну девушку на двоих берут?

— Случается, — Вика почувствовала недоброе, голос у нее дрогнул. — Чаще второй позже появляется, обычно на квартире

ждет. Она с двумя не любит ездить, вот товарка и удивилась, увидев, что Валушка с мужиком в тачку садится, в которой водила сидит.

— Вот оно, — пробормотал Гуров. — Когда в погожий день все одно к одному складывается, улицу переходи только на зеленый и бегом. Долго хорошо не бывает, не по жизни такое. Почему один в казино пошел, а второй в машине остался? Когда люди отдыхают, такое неестественно.

— Садисты? Увезли Валентину? Что ты стоишь? Давай, звони в свою контору, поднимай ментов! — Вика разразилась матерной руганью, схватила телефонную трубку.

— И что мы в ментовке скажем? — Гуров отобрал у Вики трубку, стал набирать номер. — Мол, проститутка уехала с двумя парнями и нам это не нравится? Станислав! Одевайся, я тебе перезвоню.

Гуров вел машину аккуратно, не превышая скорости, хотя улицы были пусты, асфальт сухой.

— Если все так, как я думаю, подругу твою пока не тронут, и она наверняка в своей квартире. Валентина еще нужна, позже ее, конечно, убьют.

Вика хотела ударить Гурова, но он отбил неловкий тычок девушки.

— Собери нервы, понадобятся.

Они проехали по Ордынке, Вика указала дом Валентины, облегченно сказала:

— Шторы задвинуты, но свет горит.

— Чай пьют, может, кофе, — Гуров взглянул на красную грязную «пятерку», стоявшую напротив дома проститутки.

— А может, нормально трахаются?

— Это вряд ли. — Гуров проехал метров пятьдесят и остановился, набрал номер. — Я на Ордынке, тебе рядом, жду.

— Я зайду, якобы мимо ехала, бабки завезла, — сказала Вика. — Взгляну, как там и что, и вернусь.

— Придумала здорово, начало хорошее, а насчет вернусь, так это вряд ли. Сиди, помалкивай, мне надо подумать.

Глава пятнадцатая

Проанализировав все известные ему факты, сыщик пришел к выводу, что в квартире проститутки устроена засада и ждут именно его, полковника Гурова. Хотят одним выстрелом убить и опасного свидетеля, и настырного сыщика. Верно такое предположение или нет, жизнь покажет, но решать ситуацию следует, предполагая худшее. Просматриваются следующие варианты. Ждать. «Гости» не могут находиться в квартире до бесконечности, и взять их следует на выходе. Самое простое, наименее рискованное решение. Но если они уйдут из квартиры, решив, что сыщик Гуров не смог найти девицу, то наверняка ее убьют. Значит, этот вариант отпадает. В квартиру следует войти.

Вызвать милицейский наряд, людей в бронежилетах и с автоматами. Много стрельбы, крови, а главное, женщину все равно убьют. Да еще начнут утверждать, что убили хозяйку случайно, отстреливаясь от нападения бандитов.

Сверкнув фарами, проехал «мерс» Крячко. Гуров отогнал свой «пежо» подальше, сказал Вике, что она может вздремнуть, и пересел в машину друга. Станислав все понял с полуслова:

– Ты прав, твоей даме идти в квартиру нельзя, а поддасткой соседке, которую ожидает развеселая компания, очень даже можно.

– Осталось найти соседку.

– Старая Москва, – Крячко осмотрел ближайшие дома, несколько окон светилось. – Все друг друга знают. Полагаешь, за этими окнами слушают фуги Баха?

– Надо, чтобы Вика или Валентину люди знали, иначе не пойдут.

– Смотри сколько выпили и сколько осталось, – философски изрек Крячко. – Если не хватает, то еще как пойдут, рысью побегут. Господин полковник, вы оторвались от своего народа.

– В принципе, мысль неплохая. Но зачем нам подставлять человека? Начнется стрельба...

– А мы не люди? – поинтересовался Крячко.

– На дурацкие вопросы не отвечаю, – Гуров вздохнул. – Вариант отпадает совсем по иной причине, дорогой. Никакой тете Маше, даже если она будет в доску пьяная, дверь не откроют.

– Ты плохо знаешь тетю Машу. Не пустить пожелавшую выпить тетю Машу способно только подразделение «Альфы». Я пойду к твоей крале, проконсультируюсь, нет ли у нее в ближайших домах родственников.

– Почему ты? Я пойду!

– Сидите, господин полковник, решайте задачи. С народом должен разговаривать их представитель, а не Бог знает кто из недобитых.

Крячко вышел из «мерседеса», направился, покачиваясь, к «пежо», но неожиданно остановился и быстро зашагал обратно, заняв свое место, спросил:

– У тебя орден имеется?

– Что? – Гуров растерялся. – Ты же знаешь...

– Ваше превосходительство, у вас для меня, персонально, орден найдется? – Крячко обнял друга и зашептал: – Их красная «пятерочка» стоит на охране.

– Ну и что? – удивился Гуров.

– Случается, великие математики забывают таблицу умножения. Ну и что? – передразнил Крячко. – А что приключится, если я «пятерочку» начну вскрывать? Она заорет благим матом!

Гуров все понял, едва не схватился за голову. Не в силах отказать себе в удовольствии, Крячко продолжал:

– Машина орет, и один из наших дорогих гостей вылетает на улицу! Возможно, ослепленный благородной яростью, он размывает пистолетом!

– Станислав, у меня нет для тебя ордена, я отдам тебе свой.

– Мы люди гордые, нам чужого не надо, – Крячко тронул «мерс» с места, объехал «пежо».

Гуров заглянул в свою машину.

– Во-первых, запрись, во-вторых, услышав выстрелы, не пугайся, – приказал он Вике.

Квартира Валентины находилась на третьем этаже, Гуров поднялся на второй, встал у стояка мусоропровода. Конечно, укрытие было никчемное, но для человека, летящего по лестнице через три ступеньки, годилось.

Крячко подошел к «пятерке», собрался подобрать ключи, передумал и сильно качнул машину. Она возмущенно засигналила. Крячко не унимался, машина продолжала кричать.

– Отойди от машины, мудака! – раздался уверенный мужской голос.

– Так домой надо, а ничего не ходит! – крикнул Крячко. – Я на твоей доеду!

Окно открылось и мужской голос приглушенно произнес:

– Оставь машину, браток. Выпить хочешь – подымись, я тебе налью. Машину ты все равно не откроешь.

– Я не халявщик! – орал Крячко. – У меня с собой есть! Что значит, тачку не откроешь. – Он достал пистолет и разбил боковое стекло.

Крячко стоял за машиной, из окна третьего этажа не было видно, чем разбили стекло, но звон был слышен прекрасно.

Мужчина в окне исчез, бросился вниз по лестнице. На втором этаже от удара пистолетом по шее получил ускорение и грохнулся к ногам Крячко, который, оставив в покое машину, подлетел к подъезду и принял в объятия почти бездыханное тело.

Гуров поднял оброненный бандитом пистолет, помог Станиславу поставить мужика на ноги.

– Ты что, мил человек, из-за паршивой железки готов шею себе свернуть? – Крячко, не давая парню упасть, прижимал его к стенке.

Голова у мужика безвольно клонилась, видно, при падении с лестницы он крепко расшибся. Гуров, опасаясь симуляции, оттянул ему веки, зрачки закатились, умышленно так не сделаешь.

– Ты из какой квартиры вывалился? – Крячко подхватил мужчину с одной стороны, Гуров – с другой и поволокли его наверх.

– Последний пролет тебе придется тащить его одному, – шептал Гуров, опуская пистолет незнакомца в карман Крячко. – Его пушка в твоём правом кармане, когда будешь возвращать, протани рукояткой вперед. Обязательно.

– Понял, – Крячко взвалил безвольное тело на плечи, крикнул.

– Годы, мать твою! – Он поставил «захватчика» у двери против «глазка», заколотил ногой в дерматиновую обшивку. – Эй, мужик, прими! Вот горе-бизнесмены, ну ничего не умеют! Сопляки! Ты откроешь, или мне его тут оставить?

Крячко вынул из кармана пистолет, начал колотить ручкой по двери, и она приоткрылась.

– Налить обещали! – Крячко ногой распахнул дверь, поддерживая под мышки парня, который уже приходил в себя.

В коридорчике было сумеречно, мужские фигуры закупоривали его плотно. Гуров бесшумно проскользнул в квартиру, встал у вешалки с верхней одеждой.

– Чего там? Мишка, ты? – Напарник, изображая пьяного, появился в светлом проеме двери, ведущей в комнату.

— Я! — прохрипел Станислав, протягивая пистолет рукояткой вперед.

Встречавший не смог сдержать рефлекс, вынул из кармана правую руку и попытался схватить протянутый пистолет. Крячко мгновенно отшвырнул свою ношу, коротко ткнул стволом «хозяина» в солнечное сплетение и, прежде чем тот рухнул на колени, выхватил у него из правого кармана пиджака пистолет. Достав наручники, он пристегнул бандитов одного к другому, после чего опустился рядом с ними на пол.

Гуров перешагнул через их тела, вошел в комнату. Валентина сидела на тахте, пытаясь ладонью прикрыть обнаженную грудь.

— Валентина, без истерик, все кончилось благополучно, — уверенно сказал Гуров. — Вика вас ждет в машине. Не торопясь, приводите себя в порядок и уезжайте.

Женщина смотрела на него застывшими глазами, молчала.

Гуров вернулся в прихожую, Станислав продолжал сидеть на полу. Оба задержанных пришли в сознание, один из них, который до последнего момента оставался в квартире и получил лишь один удар в живот, смотрел на Гурова ясно, спокойно.

— Не знаю, кто вы такие, но будете иметь серьезные неприятности. Разрешение на оружие у нас имеется, а отдыхать с девачкой не преступление. Полковник, ты вляпался в дерьмо, — уверенно сказал сидевший на полу наемник и натужно хохотнул. — Браслетики придется снять, пушки вернуть.

Не уголовники, точно — спецслужба. Либо Коржанов, либо Володин, не лично, естественно. Генералы с исполнителями не контактируют.

— Станислав, усади героев рядышком и надавай по щекам белобрысому, который с лестницы вертухнулся. А то он так в образ мудака вошел, что никак из него выбраться не может. Из карманов все заberi и в комнату на стол. Начнут дергаться, пушкой не бей, на трупах не должно быть повреждений, только пулевые отверстия.

Крячко ловко опустошил карманы захваченных, отвесил белобрысому звонкую оплеуху, доложил:

— Служебных документов нет, только паспорта и твоя фотография. — Крячко перевел взгляд на Гурова. — Похож, но в жизни ты краше.

— Ладно, иди и дверь прикрой, нам надо без свидетелей потолковать. — Гуров уселся на стоявший в коридоре табурет. — Значит, я вляпался, а вы оба в белом? Тебя как зовут? — спросил он темноволосого, явно старшего. — Молчишь, кретин? Я же могу в твой паспорт заглянуть. Пусть он и липовый, какое-то имя в нем написано.

— Петр, — наемник сплюнул.

— Иван, — представился блондин.

— Значит, карточку вам мою дали, а кто я такой не объяснили. — Гуров укоризненно покачал головой. — Мне сейчас вас обоих пристрелить, что рюмку водки выпить. Объясняю для тупых. Я беру ваши пистолетики, стреляю в дверь, в стенку лестничной площадки, выстрелов пяти будет достаточно. Затем мы со Станиславом из своего оружия всаживаем вам по пуле в лоб. Перестрелка. Только

мы лучше стреляем. Доходит? Документы, мою карточку, деньги вам по карманам рассыем, пистолетки к вашим пальчикам приложим и вызовем дежурную опергруппу. Мы тут появились по заданию своего руководства. А вы, как понимаю, с проституткой баловались. Ведь ваше начальство от вас отпрется. А в принципе, покойникам все едино. Вы, хоть и не большого ума, понимаете, девушка даст нужные показания. Пулевые отверстия на двери докажут, что стреляли только из квартиры. Мы, менты, лишь защищались. Ну, Петя, кто в дерьме, а кто в белом?

Гуров закурил и с интересом посмотрел на парней. Ему и на самом деле было любопытно, что они ответят. Из комнаты выглянул Крячко:

– Долго еще? Вижу, господа офицеры не могут задачу решить, сколько будет дважды два.

– Могут, только выговорить стесняются, – усмехнулся Гуров. – Ты не разрешай Валентине комнату прибираться. Ежели молодцы, спасая своих толстозадых генералов, решат героически умереть, в квартире все натурально должно выглядеть.

– Вы не посмеете, – пробормотал чернявенький, назвавшийся Петром.

– Поднимайтесь, пошли бумаги писать, – Гуров помог парням подняться на затекшие ноги. – А тебе, Петя, скажу, ты нормальный. Жизнь вот только не сложилась, подонкам служишь. Когда узнаешь, какое задание выполнял, в ножки поклонись. Считайте, мы со Станиславом спасли вас, парни.

Они писали долго. Гуров скрупулезно выуживал подробности. Кто давал задание? Кто инструктировал? Кто и как из начальства был одет? В каком кабинете разговаривали, какие телефонные звонки разговор нарушали? Что висит на стенах кабинетов, какие цветочные горшки стоят на подоконниках?

В шестом часу утра Станислав забрал все бумаги и пистолеты контрразведчиков, усадил в «мерседес» Вику и Валентину и уехал, а Гуров с вновь завербованными агентами остался в квартире. Он договорился с хозяйкой, что, уходя, плотно захлопнет дверь.

Как Гуров и предполагал, парни по существу операции ничего не знали. Им было сказано, что полковник милиции осуществляет связь между крупными бандитскими группировками, снабжает их оружием. Но арестовать полковника и отдать под суд нельзя, так как сгорит отличный разведчик и порвется агентурная сеть. «Предателя» следует ликвидировать.

Огорчало, что парни замыкаются на очень низкий уровень, не знают имени-отчества начальника отдела. Но в показаниях лейтенантов ФСК было много интересного, не говоря уже о самом факте попытки ликвидации офицера милиции. Кроме всего прочего, они сообщили приметы сравнительно молодого мужчины, который присутствовал при инструктаже, сидел в уголке и молчал. Гуров попытался выяснить об этом человеке как можно больше, чувствовал, личность значительная и знакомая, но результатов не добился. Мужчина все время сидел, боевики уверены, что он высокий, но стоявшим его не видели и голоса не слышали.

Гуров решил заняться выяснением личности незнакомца позже, сейчас требовалось решить дела срочные.

— Пушки верните, — сказал Петр.

— Не могу, они уже уехали в наши сейфы, — ответил Гуров. — Чего вам волноваться, пистолеты не табельные, за вами не записаны, но ваши пальчики на них имеются, вы, ребята, меня поймите. Я лично верю вам на сто процентов. — Он агад, без всякого стеснения. — Но у меня тоже имеется начальство. Я хочу с вами поговорить об ином. Вы боевики и можете оказаться в руках людей или хороших, или плохих.

— Перестаньте агитировать, — Петр был явно с характером. — Ваша взяла, вы диктуете.

— Нет, милейший, так не пойдет! — Гуров оказался на своем стадионе, владел инициативой. — Я не пошлю вас убивать, совершать подлости, кого-то предавать. Вы должны отчетливо представлять, какому делу служите. Я вам расскажу вещи совершенно секретные. — Он выдержал паузу. — Готовится теракт, который унесет сотни человеческих жизней. Я попал на след террориста, потому меня хотят срочно ликвидировать. Как политики-убийцы используют смерть людей, мне неизвестно. Думаю, поднимут дикий вой, что нынешнее правительство несостоятельно, потребуют отставки Президента. Раскрывать заговоры не наша с вами задача, мы обязаны найти террориста и спасти невинных людей. Петр, высказывайся.

— Значит, используют контрразведку...

— Не надо обобщать, — перебил Гуров. — В контрразведке служат честные ребята, просто некоторых используют втемную. Но мы не можем обратиться к вашему руководству, так как не знаем, кто конкретно участвует в заговоре.

— Начальство считает, что мы обгадились, — сказал Петр. — Нам перестанут доверять.

— Толковые слова, — согласился Гуров. — В таком случае вы должны не защищаться, а нападать. Вам поручили найти Валентину, якобы связную полковника Гурова. Вы девицу отыскали, сумели приехать к ней домой. Объясните, что это было отнюдь не просто. Выполняя задание, ждали продажного мента до... — он взглянул на часы, — пяти сорока трех. Неожиданно входная дверь открылась, и в квартиру вошла компания из пяти человек. Две женщины и трое мужчин. Стрелять на поражение, устраивать бойню вы не сочли возможным. Вы одолели в рукопашной троих амбалов, понесли легкие потери. — Полковник указал на лицо молчаливого Ивана. — Вам покалечили личную машину. Требуйте, чтобы ремонт «Жигулей» оплатили. А что мент в засаду не пришел, так виноваты те, кто засаду устраивал. Если у ваших начальников имеется хотя бы одна извилина на всех, вас похвалят.

— А как компания в квартиру вошла? — спросил, явно приободрившись, Петр.

— У любовника Валентины имелся ключ. Кстати, Петр, сообщи, что ты проститутке понравился, она хочет снова встретиться и обещала позвонить тебе на квартиру. Убежден, вас станут использовать в деле и в дальнейшем. Они не захотят привлекать к такой работе лишних людей.

- Верните вашу фотографию.

- Не могу. Один из пришедших оказался каратистом, сбил тебя ударом ноги в живот и забрал твой бумажник. От моего удара стволом у тебя к вечеру будет такой кровоподтек, никаких доказательств не понадобится. Все. Телефон мой помните, повторите приметы разыскиваемого террориста. Ты, Иван, - закончил инструктаж Гуров. - Я тебя слушаю.

- Ну, - лейтенант замялся. - Около сорока лет, рост сто семьдесят с небольшим, вес около семидесяти, брюнет, но может оказаться и блондином, одет стильно, но не современно, имеет легкий акцент.

- Уверен, что к вечеру сообщу дополнительные приметы, - сказал Гуров. - Все, разбегаемся.

Гуров заехал домой, принял душ, переоделся, выпил две чашки крепчайшего кофе и отправился на службу. Наступила суббота, коридоры пустовали, но Орлов был уже на месте. На столе генерала лежали два пистолета, стопочка бумаг, сам он сидел сгорбившись и закрыв глаза.

- Здравствуй, здравствуй, - поприветствовал он вошедшего Гурова. - Выглядишь отлично, как огурец с грядки, не то что некоторые, - Орлов кивнул на дремавшего в углу Крячко.

Тот, не открывая глаз, пробурчал:

- Я, между прочим, пожилой полковник, а не тридцатилетний боец «Альфы» в бронежилете. Кстати, - он встрепенулся, широко распахнул глаза, - Лев Иванович мне орден обещал, да, видеть, пожелался. Генерал, может, отгул дашь?

- Совесть поймай, - ответил Орлов. - Ты хоть немного поспал, а Лева третьи сутки на ногах.

- Извини, генерал, - Гуров подошел к столику с телефонами, набрал номер, выждал два гудка, разъединился, снова набрал.

- Вика, говорит Гуров. У вас все в порядке?

- У Валентины истерика.

- Свет в квартире горит?

- Нет, ты же не велел зажигать.

- Молодчина. Свет ни в коем случае не зажигай, к телефону не подходи, дверь никому не открывай и не приближайся к ней, чтобы взглянуть в глазок. Я или мой напарник скоро приедем, условный звонок помнишь? Все, телефон не занимай. - Гуров положил трубку и прошел к своему любимому подоконнику.

Орлов отодвинул пистолеты, взял листки с признаниями лейтенантов.

- С одной стороны, этим бумагам цены нет, с другой, - он пожал плечами, - если в обычную квартиру притащить роскошную люстру, ее негде повесить.

- Запри в чулан, - зло ответил Гуров. - Мог бы поинтересоваться, как я в засаду не вмазался.

- Я не задаю вопросов, на которые нельзя ответить, - тоже сердито сказал Орлов. - Лучше поделись, как тебе удалось заставить людей подобное написать. - Он постучал пальцем по бумагам.

Крячко тонко хихикнул:

– Иногда ловят на живца, случается, на пустой крючок. Они пригрозили, что расстреляют парней, инсценируют перестрелку.

– Испугались и поверили? – Орлов откинулся в кресле, сцепил пальцы на животе. – Поверили, что ты способен расстрелять безоружных?

– Вот именно, – Гуров смутился.

Орлов вновь наклонился к столу, взял листки с признаниями молодых контрразведчиков.

– Их убьют. Лева, надеюсь, ты сочинил им приличную легенду.

– Не убьют, – убежденно сказал Гуров. – Ты не видел, как выглядит тот, что упал с лестницы, у второго отличный кровоподтек на брюхе.

– Да, Лева, слов нет, – Орлов покачал головой.

– Яшин! Это Егор Владимирович Яшин! – Гуров соскочил с подоконника.

Орлов засопел:

– Какой Яшин? Бывший помощник Коржанова, что запутался в деле с фальшивыми долларами? Его же из управления охраны убрали. Причем он здесь?

– Взгляни в объяснения лейтенантов. Они утверждают, что при инструктаже, который проводил их непосредственный начальник, в углу кабинета молча сидел мужчина. Но парни уверены, что мужчина роста высокого, шатен, стрижка короткая, имеет привычку почесывать правое ухо. Я сразу подумал – что-то знакомое, все ломал голову. Так это же наш незабвенный Егор Владимирович Яшин.

– Возможно, возможно, – Орлов кивнул. – Но не понимаю, чего ты так обрадовался? Допустим, Яшин. Он что, твой агент? Что это нам дает?

– Яшин – любовник Вероники. Ждан, ейный муж, помощник Президента и приятель Анатолия Владимировича Барчука, который, между прочим, вице-премьер. Мы наконец выплыли на должный уровень. А то у нас получалось, что террориста международного класса выписывает или коррумпированный мент Усов, или мелкий авторитет Аким-Ленчик.

– А меня Яшин и его окружение не интересуют, – загремел Орлов. – Я начальник Главка уголовного розыска, где ты изволишь служить опером, и только. Нам нужен террорист, мы обязаны уберечь людей от взрыва. И только. Ясно, полковник? Станислав, ты что молчишь?

– Думаю. – Тон генерала не произвел на Крячко ни малейшего впечатления. Спокойно и рассудительно он произнес: – Привезти с собой взрывчатку террорист, конечно, не мог. Интересно, через кого он ее получит? Или уже получил?

– Ты в свое время задержал «Волгу», которая «возила» Бориса Аляшина, – напомнил ему Гуров. – В машине находился Артем, русский парнишка-шестерка, и двое кавказцев, ты их допрашивал...

– Это люди Усова. Но кавказцы из Москвы сразу улетели, я проверял.

– Кто улетел, тот может вернуться. Усова двинули в Думу, значит, на нем двойная петля. Проверь, не обслуживает ли его та же

«Волга» или тот же шофер. И не собирается ли Усов ехать на встречу со своими избирателями. Если собирается, то в какую сторону?

— Всех в одну кучу валишь, — недовольно заметил Орлов. — Ты великий фантазер, Лева.

— Они не могут к делу подключать все новых и новых людей, должны использовать уже знакомых и зависимых, — ответил Гуров. — А вообще, я устал и еду домой. Станислав отправляется за женщинами и привозит их ко мне.

— Ты слишком часто используешь свою квартиру, — осуждающе сказал Орлов.

— Домашней обстановки на конспиративной квартире не создать, а женщину не обманешь, она существо чуткое. Разговор же предстоит долгий, доверительный.

Крячко представил, как Гуров будет вести доверительный разговор, стало быть, часами толочь воду в ступе, переспрашивая об одном и том же, и вздохнул.

— Может, мне не обязательно присутствовать при этом? — робко спросил он. — Я бы пока депутатской «Волгой» занялся, узнал, кто на ней сейчас раскатывает?

— Возьми с собой двух толковых оперативников, привези женщин, а там посмотрим. — Гуров развернулся к Орлову, щелкнул кабелями. — Разрешите выполнять, господин генерал-лейтенант?

Гуров встретил женщин и Станислава в халате, с заспанным, недовольным лицом, но и в таком непрезентабельном виде он казался барином.

— Извините, я сейчас переоденусь. Вы завтракали? Нет? Отправляйтесь на кухню, попытайтесь отыскать что-нибудь съестное. Станислав вам поможет, все-таки розыскник. Если ничего не получится, сбегайте в магазин, только денег у меня нет. Вчера посетил ваше казино, истратил последнее.

В магазин бежать не пришлось, обшарили холодильник, на завтрак хватило. Гуров налил женщинам по рюмке виски и принялся рассказывать, как вечером в казино переглядывался с хорошенькой девчушкой. Женщины смеялись, гадали, кто это мог быть.

— Валентина, мужчина, что у тебя сутки прожил, пил чай или кофе? — спросил Гуров невзначай.

— Кофе.

— С сахаром или без?

— С таблетками, в такой коробочке.

— Сейчас модно, все фигуру берегут. Мне тоже пора на сахарин переходить, толстею, — Гуров провел ладонью по мускулистому животу. — Его как звали?

— Захар. Иващенко Захар Анатольевич, я паспорт видела. Сказала, если жить собираешься, паспорт обязательно покажи, ведь участковый заходит, интересуется.

— Молодец, — похвалил Гуров. — Ну, участковый-то мужик свой, случается, и выпьет рюмочку. Он не заходил случайно?

— Бог миловал, — ответила Валентина.

Все, поехали, понял Крячко, сейчас про школу начнет спрашивать, о родителях. Тоска. Сколько Станислав работал с Гуровым, никак не мог привыкнуть к его манере говорить о постороннем. И как у него терпения хватает, удивлялся Крячко.

- Валентина, вы с Захаром днем по городу много гуляли?

- Больше на машине, - женщина уже освоилась, отвечала свободно.

- Куда же вы ездили? По Тверской в центр, гуляли на Красной площади? На Воробьевы горы?

- Нужно ему! - фыркнула женщина. - Захар больше магазинами интересовался. В ГУМ, ЦУМ, но там ему не понравилось, он даже к прилавкам не подошел, оглянулся и на выход. Спросил, где детский магазин.

- Детский мир?

- Сказал, магазин для детей.

- И вы на Лубянку поехали?

- Точно. Но Захар, как увидел, что на первом этаже машины стоят, возмутился и ушел. Сказал, должен детям подарки купить, а тут машинами торгуют. Я объяснила, детские вещи, игрушки на верхних этажах, но он подниматься не захотел.

- У него с собой случайно фотоаппарата не было?

- А как же! Был. Полароид.

- И что он фотографировал?

- В основном меня снимал.

- И где же он вас фотографировал?

- У Храма Василия Блаженного, у ЦУМа, в кафешке, где мы перекусывали...

- А в магазине не снимал?

- Нет. Не снимал.

- Но если он вас фотографировал, то хоть одну карточку должен был вам подарить?

- Не захотел. Сказал, себе на память хочет оставить. Но одну я у него выпросила. Он два снимка сделал, я уж больно хорошо там получилась.

- Можно взглянуть?

Валентина взяла свою сумку, долго копалась в ней, но фотографию не нашла.

- Наверное, дома оставила.

- А где именно Захар вас сфотографировал?

- У дверей ЦУМа. Смехота, - Валентина махнула рукой. - Там тетка мороженым торговала. Захар меня окликнул, я повернулась, он меня и щелкнул.

- Но вы сказали, что таких снимков было два. Какой второй?

- Захар щелкнул, попросил сделать шаг в сторону и щелкнул второй раз, - удивленно ответила Валентина.

- Вы второй снимок видели?

- Он не получился, у меня лишь половина лица вышла.

- А что на второй половине?

- Да отстаньте вы от меня! Какое это имеет значение? Тетка, что торговала мороженым, видно подвинулась, она на карточке и получилась.

Гуров еще больше часа приставал к Валентине с различными вопросами, в конце разговора поинтересовался:

– А что Захар купил детям?

– Да ничего. Мы больше в детские магазины не заходили. Он сказал, что еще пару дней пробудет, успеется. А вечером я поддала крепко, любовью занимались, я его за волосы и схватила! – Валентина расхохоталась. – Мужик, а парик носят. А, черт с ним.

– Спасибо, – Гуров взглянул на часы и поморщился. – Куда же вам теперь поехать, девочки? Может, в какой пансионат, дня на три?

– Это зачем? – возмутилась Вика.

– Чтобы живыми остаться, – сухо ответил Гуров. – Станислав, мне необходимо отъехать по делу. Ты придумай, куда их упрятать. На квартиру за вещами не пускай. Упрячь надежно. Отвечаешь. Потом выясни в отношении «Воаги», дверь захлопни. Я опаздываю.

Гуров опаздывал на встречу с Харитоновым, от которой ничего не ждал. Но так как дал ему задание, то обязан встретиться, иначе в следующий раз Харитонов на встречу не придет.

«Барин» явился на конспиративную квартиру вовремя. Держался с подчеркнутым достоинством, даже высокомерно, из чего Гуров понял, что Харитонов раздобыл нечто важное. И хотя события, происшедшие в «Будапеште», сыщика уже не интересовали, он слушал осведомителя с преувеличенным вниманием, все время понимающе кивая.

Выяснилось, что американец не имел к нападению на оперативника никакого отношения. Собирал дань с девочек и приторговывал в гостинице наркотиками татарин Наиль по кличке Ноздря. Фамилии его Харитонов не знал. В тот день Наиль продал одной девчонке две дозы кокаина. Это случилось рано, около часа дня, девчонка была с иностранцем, произошел скандал, ее не пускали в номер, но настырная девка все же прошла. Видно, она иностранцу сказала, у кого получила кокаин, потому что во время обеда интурист подошел к Наилью и, сердясь, стал что-то ему выговаривать. Вмешался этот пацан-гэбэшник. А татарин к вечеру, скорее всего сам уже нанюхавшийся, оказался в кондиции. Тут гэбэшник ему под руку и подвернулся.

История была заурядная. Тем не менее Гуров осведомителя похвалил, что тот оказал серьезную услугу и как бы между делом спросил:

– Борис Михайлович, вы случайно Акима Ленчика не знаете?

– Знал. Но его уже схоронили.

– Неужто? – удивился Гуров. – Вроде он был в законе.

– Последнее время сильно поддавал, против старших возникал. Схоронили! – Харитонova похвала полковника раззадорила, хотелось произвести еще большее впечатление. – Но замочили Акима не деловые и не отморозки. Неизвестно кто. Авторитеты пытались разобраться, да концов не нашли. Я Акима за два дня до его смерти видел.

— Не болтай, Борис Михайлович, Аким за два дня до убийства из Москвы уезжал.

— Не знаю, кто вам в уши дует, но я Акима точно видел. Он был с Коброй и платной телкой, — Харитонов описал внешность Валентины и незнакомого брюнета. Выше среднего роста, худощавого, одетого стильно и с легким акцентом.

— А почему вы его Коброй называли? — небрежно поинтересовался Гуров.

— Мы с Акимом из зала вышли, он меня в гардероб провожал уже сильно поддавленный, там и сказал: молчи, что ты меня с Коброй видел. Я такой кликухи и не слышал.

Вот уж, действительно, неизвестно, где найдешь, а где потеряешь, думал Гуров, возвращаясь в министерство. Кобра? Человеку под сорок, он мог кличку получить, еще живя здесь, тогда может проходить по нашим учетам. Ну так не хотелось на встречу с Харитоновым ехать, казалось, абсолютно пропащее дело. И однако...

Глава шестнадцатая

В выходные дни сотрудники милиции перелопатили картотеки Москвы и области и отыскивали пятерых уголовников, имевших в прошлом кличку Кобра. Но в живых оказался лишь один, но ни по возрасту, ни по внешности к разыскиваемому террористу не подходил.

В понедельник Гуров просмотрел все бумаги и убедился, что намечавшаяся версия розыска бесперспективна. Гуров приуныл. Он возлагал большие надежды на кличку, в принципе она могла оказаться единственной реальной зацепкой. Разочарованно вздохнув, Гуров вновь стал просматривать донесение. Против одной фамилии было что-то напечатано, потом забито на машинке и вновь написано — погиб в Афганистане в восьмидесятом году. Первоначально прочитав, что человек погиб, он не стал вникать в подробности. А сейчас, внимательно ознакомившись с данными, ахнул: погибший подходил к разыскиваемому идеально. Возраст, рост, до призыва в армию проживал в Солнцево, дважды привлекался, судим за хулиганство, второй раз — возбудили дело за грабеж, подробностей дела и почему оно было прекращено, в справке не сообщалось. И то верно, чего расписывать, коли человека пятнадцать лет назад убили.

Крячко сидел напротив, сердито хмурился, писал рапорт по «Волге» из гаража, машины которого обслуживали депутаты Думы.

— Станислав, взгляни, — Гуров протянул через стол бумагу. — Как считаешь, что против фамилии Данина забили?

— Ну? — Крячко с радостью перестал писать рапорт. — «Волгу», между прочим, за Усовым закрепили. Интересное совпадение... — Он взял бумагу Гурова, посмотрел на свет, затем приложил чистый лист, что-то написал и сказал: — По количеству букв и интервалам подходит «пропал без вести». Предупреждаю, в Солнцево я не поеду, ничего уточнять не стану. В документации по афганцам полный бардак, даже если гроб прислали — не факт, что погиб.

Крячко отодвинул ненавистные бумаги, задумчиво продолжал:

– Я тебя понимаю, многое совпадает... Сейчас этому Данину было бы сорок, жил неподалеку от Акима-Ленчика, сержант-сапер. Но пятнадцать лет – не кот чихнул. Слушай, – Станислав оживился, – давай попробуем участкового найти. В те годы участковые дотошные были, все знали, не то что сейчас, с утра стакп принял и целый день свободен.

– Верно, – согласился Гуров. – Но инициатива наказуема, потому ищи, – и указал на телефон.

Крячко поспешно сложил бумаги в папку и запер ее в сейф, затем придвинул телефон.

– Райотделы переименовали в управления, но отделения, надеюсь, остались на местах. Кто там еще остался из работников конца семидесятых?

– Ты остался. Я тоже еще служу, почему участковый должен уйти?

Участковый, обслуживавший переулоч, в котором некогда жил погибший в Афганистане Вадим Леонидович Данин, был уже на пенсии. Иван Митрофанович Кузькин выглядел моложе своих шестидесяти, сухощавый, жилистый и, несмотря на позднюю осень, со следами стойкого загара на лице. Приглашению в МВД Кузькин обрадовался и, когда Крячко предложил прислать за ним машину, обиделся, заявив, что, слава Богу, ноги пока носят.

Когда бывший участковый появился в кабинете Гурова, тот, учитывая сложившуюся ситуацию, без предисловий задал вопрос напрямик:

– Иван Митрофанович, на обслуживаемой вами территории в семидесятых годах проживал Вадим Леонидович Данин. Понимаю, чуть не четверть века прошло, но, может, помните: он в семьдесят пятом привлекался за хулиганку, а через год – за грабеж.

– Раз привлекался, должен знать. – Кузькин нахмурился. – Вадим Леонидович Данин? Вроде у меня такого на примете и не было...

– Иван Митрофанович, – вмешался в разговор Крячко, – парню в то время двадцать минуло, отчества ему не полагалось. Вадим, считай, просто Вадька, может, кликуха какая имелась?

– Вадька? Кобра? Он срок по двести шестой отмотал, даже года не получилось, больно в зоне начальству понравился. Затем в армию собирался, но по здоровью закосил, остался. Грабеж у него ерундовый был, так, просто шапку с мужика сорвали. Мужичонка поганый попался, от заявления отказался. Вадьку-Кобру я отлично помню, он еще с малолетками путался, на коридорные кражонки подбивал.

– Акима Леонтьева тоже помните? – спросил Гуров.

– Помню, только его днями пришили. Отличным пацаном рос. Я его от Вадьки оберегал, но Аким все одно свихнулся. Водка его доконала, – бывший участковый вздохнул. – Видно, на роду написано:

— Так Ленчик с Коброй дружили? — поинтересовался Гуров.

— Какая у них могла быть дружба? Кобра мужиком, считай, был, а Акима по малолетству за ласковость Ленчиком звали. Знали друг друга, конечно. Ленчик, как все пацаны, Кобре в рот смотрел. Но что б дружили... Хотя... — Кузькин на время замолк. — Ведь у Акима старшая сестра жила, девка пригожая, — он показал, какая у пригожей девки была высокая грудь. — Имя запомнил. За ней Кобра ухлестывал, в доме бывал, так что, может, он и с Ленчиком ближе был.

— А в каком же году Данин в армию ушел? — спросил Гуров. — Его вроде комиссия забраковала.

— В армию Кобра от тюрьмы убежал. Он в семьдесят девятом разбой учинил, ножом пырнул одного... Тут война с Афганистаном случилась, Кобра в добровольцы и подался. Тогда не разбирай-пойми что творилось. Военкомату некогда было разбираться, ну, и моя вина, конечно. Но мой участок в то время квартирными кражами бомбили, я запарился, бегая.

— Случается.

— Чего вы Кобру копаете? Его сто лет назад то ли убили, то ли он без вести пропал. Хотя я лет пять или шесть назад вроде видел его, да как выяснилось, обознался. Сраму было, — он рассмеялся. — Я тогда еще работал, топая по центральной, гляжу, из иномарки Кобра вылезает. Я окликнул, мужик глянул на меня и по-иностранному что-то залопотал. А с ним дамочка была, переводчица, объяснила мне, что господин из-за бугра и по-русски не понимает. Смотрю, одет мужик не по-нашему, руки в перчатках, палка красивая, улыбается.

— А может, он и был? — спросил Крячко. — Костюм заграничный надеть каждый может.

Кузькин смутился:

— Чего уж, так и быть, расколуюсь. Я в тот день слегка поддал...

— Иван Митрофанович, а из старых дружков Данина сейчас в городе кто мелькает?

— Слышал, много к нам деловых понехало, старых и не осталось.

— В Солнцево бандиты перевелись? — улыбнулся Крячко.

— Хватает, но только молодежь, а кому сороковник, тот при коммерции.

Когда Кузькин ушел, Станислав подвел итог беседы:

— И много вроде, а в руки взять нечего. Данин-Кобра вполне мог остаться в живых и очень нам подходит. За пятнадцать лет он в кого угодно превратиться мог. Даже если мы его фотографию найдем, она нам ничего не даст. Где он живет? В гостинице? Даже если заставить все территориальные отделения...

— Пустое, — перебил Гуров. — Паспорт, который видела Валентина, давно уничтожен. Мое мнение, он в гостиницу не пойдет, выдавать себя за иностранца не станет.

— Он же говорит с акцентом.

— Специально нам кость бросил, чтобы мы ее искали. Ты куда упрятал женщин?

— Я не прятал, у них приятели в Петербурге, туда и укатили.

Гуров сидел, задумавшись, недовольно морщился. Крячко тоже умоак, настроение было паршивое, какое-то безнадежное.

– Мы плохо работаем, мечемся. Следует выработать линию и не отвлекаться, – наконец нарушил молчание Гуров.

– Хорошо. Я тебе перечислю варианты, а ты определишь один и скажешь, как именно действовать.

– Нурыай, здесь неглубоко, – Гуров не сдержал улыбки.

– Перво-наперво следует разыскать человека и канал, по которому поступит взрывчатка.

– Или уже поступила.

– Нет, Лев Иванович. Мы имеем дело с человеком обстоятельным, неторопливым. Он только сменил место залегания и надежно еще не обустроился. Ты прав, у него в Москве должен быть канал связи, полученный в момент передачи денег. Аким-Ленчик и Валентина – его собственная инициатива. Как говорят наши клиенты: «Лучше старое дерьмо, чем новая курица». Но он сам наложил с париком. Его соблазнила идиотская мысль, витающая в Москве, что во всех бедах виноваты черные. Он хотел обойти заготовленный канал, создать собственный.

– Конкретно.

– Пытаться определить объект теракта, брать на месте.

– Например метро. В Москве всего две станции. Ты дежуришь на одной, я – на другой.

– Метро отпадает в принципе.

– Почему?

– Ему платят деньги за катастрофу, вызвавшую грандиозный скандал, а различные несчастья в метрополитене, к сожалению, дело чуть не повседневное во всем мире. И происходят они не на глазах людей, а под землей. Журналистов и телевидение туда можно не пустить. Да и причину катастрофы удастся исказить, сославшись на неисправность коммуникаций, электричество. Считаю, метро нашему преступнику не подходит, – подвел итог Крячко.

– Согласен, – кивнул Гуров. – Ему нужен фейерверк кошмара, чтобы все видели и оповестили весь мир. Стадион. Ярмарка. Народные гуляния, хотя на открытом воздухе что ни взрывает, зона поражения окажется локальной, ограниченной.

– Трудно представить, что способен изобрести большой мозг... – Станислав замолчал, затем сказал: – Крупный магазин, в центре. Ведь что-то он у ЦУМа фотографировал?

– Я об этих фотографиях день и ночь думаю, – согласился Гуров. – Он снимал продавщицу мороженого, а точнее, ее тележку. С такой тележкой куда угодно проехать можно.

– Верно, только не мужчине среднего возраста. Женщина, молодой человек, но не мужчина. Все, господин полковник, мы опять растекаемся. Необходимо концентрироваться, а мы расширяемся.

– Не знаю! – Гуров вышел из-за стола, начал расхаживать по кабинету. – Я не знаю! Найти берлогу, где он залег, идея прекрасная. Выявить его связника, это оригинально. Подобные задачи решают полицейские и контрразведчики всего мира. Опре-

делит мишень, в которую он целится, и отобрать пистолет за секунду до выстрела – очень красиво. Как это сделать?

– Не психуй, пошли обедать.

– Не пойду, я ничего проглотить не смогу. Кто он? Даже этого не знаем.

– Предположительно Данин Вадим Леонидович, пятьдесят пятого года рождения, рост сто семьдесят шесть, русые волосы, светлые глаза, лицо овальное, особых примет не имеет.

– Имеется еще и Павел Усов. Оперативно грамотный, и его убрали из резиденции, якобы собираются выдвигать кандидатом в депутаты. Он полностью зависимый, хороший конспиратор...

– И личный враг полковника Гурова, – вставил Крячко. – Вот организовать покушение на тебя Усов способен, а для связи с законспирированным террористом не годится. Слишком засвечен и скомпрометирован. Уж если идти по этому пути, то бывший полковник управления охраны Егор Владимирович Яшин подходит больше. Его отстранили, убрали в тень, о Яшине все забыли.

Гуров согласно закивал, однако возразил:

– Яшин трус.

– Ну и что? От связника не требуется храбрости.

– Как к нему приблизиться?

– Ты знаком с его любовницей Вероникой Ждан. Она баба кремень, но на мужиков падкая. А ты настоящий мужик.

– Не говори глупости. Дай команду немедленно проверить, выезжал ли Яшин в последние месяцы за кордон. И вызови на связь Артема. Он вторые сутки молчит.

– Не беспокой его, Лев Иванович, – возразил Крячко. – Артем – опер грамотный, раз не звонит, следовательно, не считает нужным.

– Хорошо, выждем, – согласился Гуров. – Ты проясни, как живет Яшин, можешь даже встретиться с ним, поговорить, ведь дело по убийству Скопа так и не закрыто. Если я решу нанести визит Жданам, ты вроде бы подготовишь почву. А я поеду в ЦУМ, взгляну еще раз, чем там можно интересоваться.

Вадим Данин, по кличке Кобра, расхаживал по ЦУМу и думал не о предстоящем взрыве, а вспоминал молодость, каким был этот магазин много лет назад и как он, Вадыка, любил покупать здесь мороженое. Такое вкусное мороженое продавали только здесь и в ГУМе. Вафельный стаканчик с вкусняющим шариком наверху. Когда он получил заказ, сразу же подумал о ЦУМе с его многолюдьем и бестолковой суетней. Представил себе тетку-мороженщицу, ее голубую тележку, в которую легко загрузить любое количество взрывчатки.

Он осмотрелся, профессионально оценил огромные светлого металла контейнеры на колесиках. Хорошие емкости, что угодно войдет. Вон три ящика стоят, может, с товаром, а может, и пустые. Надел рабочий халат, и кати куда хочешь, никто ни о чем не спросит.

Сыщик Гуров в этот момент стоял от него метрах в тридцати, смотрел на те же ящики и думал почти о том же, о чем и террорист.

Кобра зашел в парфюмерный отдел, решил купить новой сожительнице духи.

Сыщик отправился искать обувной отдел, хотел выяснить, сколько стоят приличные уличные туфли.

Данину ЦУМ не понравился, взрыв в универмаге – происшествие, которое не потрясет людей. Конечно, жертв будет много. Но взрыв в магазине – событие не экстраординарное. В причинах теракта начнут искать коммерческие причины, а убийство из-за денег обыденно. Кобре нужно иное. Ему поставили задачу шокировать публику, потрясти людей жестокостью и бессмысленностью содеянного. И Абба впервые не выплатил все деньги вперед, а дал лишь четверть, сказав, что остальное он получит после работы и в зависимости от результата. Правда, два миллиона долларов Данин никогда раньше и не запрашивал.

Глава семнадцатая

Впервые вопрос о работе в Москве возник между Даниным и Аббой, когда они этим летом встретились в Ницце. Кобра не работал уже два года, последнюю акцию провел в Южной Америке, где взорвал машину одного дипломата.

Неожиданно Абба на очередной встрече сказал:

– Нами интересуется Интерпол. Советую заниматься коммерцией, а нужно будет – найду.

Между ними была установлена сложная, хорошо законспирированная система связи. И хотя оба много разъезжали по свету, найти друг друга могли достаточно быстро. В случае необходимости Данин посылал открытку в Вашингтон, а Абба отправлял свои послания на Канарские острова, где на скромной вилле жила супруга Кобры, немолодая женщина, безумно влюбленная в своего русского супруга.

Вадька Данин получил свою кличку Кобра в классе пятом или шестом. На уроке зоологии показывали фильм о змеях, оператору удалось снять кобру очень крупно, она смотрела в объектив, прямо в глаза зрителю.

– Во глазищи, жуть, – сказал кто-то из учеников.

– Точно, как у Вадьки Данина.

С тех пор Данина и начали звать Коброй.

Вадим Данин родился человеком не эмоциональным, равнодушным к чужим страданиям, боли. С возрастом, в уголовной среде, позже в зоне, он понял, что врожденное качество дает ему перед окружающими преимущество.

С Аббой Данина судьба свела при весьма трагических обстоятельствах.

До дембеля оставалось полгода, когда Кобра получил приказ очистить завал на горной дороге. Работа была обычной.

Выстрела Данин не слышал, но по тому, как упал лейтенант охраны, понял, что худшее началось. Горстка саперов и бойцов на узком шоссе походила на игрушечных солдатиков в тире, промахнуться мог только безрукий. Духи стрелять умели. Уничтожив практически всех, они посыпались с горного отвеса.

Автомат Данина лежал в стороне, Кобра даже не подумал о нем. Стоя у скалы, равнодушно смотрел, как добивают товари-

щей. Курил. Командовал отрядом бородатый атлет, но старшим был явно другой человек, европеец среднего роста. Он не стрелял, не кричал, по-хозяйски оглядывал поле боя. Европеец взглянул на спокойно покуривающего Кобру, сказал что-то атлету. Тот гортанно закричал, афганцы торопливо подхватили валявшиеся на дороге инструменты и оружие, начали подниматься в горы. Данина не пристрелили, даже не связали. Нагрузили пятью автоматами и рюкзаком со взрывчаткой. Он шел свободно в середине небольшого отряда, который растянулся цепочкой на чуть приметной горной тропе. Шли трое суток с короткими привалами. Через несколько дней Данина перевезли в лагерь военнопленных, где была обычная казарма, двухъярусные койки, кормили неплохо.

Впоследствии Абба не раз благодарил судьбу и собственную прозорливость, подсказавшую ему, что русский парень с мертвыми оловянными глазами, спокойно куривший под дулом автомата, многого стоит.

Абба имел много имен, был подданным нескольких государств, работал не на одну спецслужбу. Он не собирал секретную информацию, специализировался в основном на вербовке террористов. Обладая сверхъестественным чутьем на людей, выискивал у них не только скрытые пороки, но и нереализованные возможности, таланты.

Русский сержант понравился Аббе сразу, но опытный агентурист прекрасно знал: даже многообещающий человек требует кропотливой работы, длительного обучения. У русского были серьезные недостатки: низкий культурный уровень, незнание языков. И в то же время он смел, находчив, хитер, внутренне дисциплинирован.

Через неделю Абба наведился в лагерь. Улыбнулся Кобре, как старому знакомому, спросил:

— Ну как, пока живой?

— А чего мне сделается? — удивился Кобра, словно разговор происходил не в концлагере, а в доме отдыха. — Жду, когда вы решение примете. Я считал, что бюрократия только у нас, в Союзе, а в Америке решения принимают быстрее. Бумажки проверять — занятие пустое, человека проверить можно только в деле.

— Я не американец, не имею никакого отношения к ЦРУ, — сказал Абба.

— Слушай, мне плевать, кто ты есть на самом деле, — взвился Кобра. — Я хочу, чтобы ты быстрее забрал меня отсюда.

— Куда забрал? — не сдержал улыбки Абба. — На что ты способен?

— Взорвать кого-нибудь, — Кобра смотрел застывшими глазами. — Я тебе для других дел не нужен.

— Время покажет, — Абба выдержал паузу. — Завтра мы с тобой отсюда улетаем, твои документы уже готовы.

Бывший сержант Советской Армии Вадим Леонидович Данин оказался в Европе, получив вид на жительство в одной маленькой богатой стране, не имеющей своей армии и не состоящей ни в каких блоках. Поселили его на загородной вилле, где он якобы

работал сторожем и садовником. На самом деле по двенадцать часов в сутки изучал языки: английский, немецкий, чуть позже начал учить испанский. Взрывным делом занимался мало. Его подготовку проверили, остались довольны, только ознакомили с новинками взрывных устройств.

Много времени уделяли, обучая его нормально одеваться, правилам поведения в кафе, ресторане и магазинах, обращая внимание на такие мелочи, где держать деньги, как пользоваться кредитной карточкой и объясняться с дорожной полицией.

Вскоре Кобра начал работать по основной специальности, взрывником. Первые задания были несложные, он взрывал машины, затем задачи усложнились.

Летом Абба вызвал его в Ниццу. Встретились они на набережной.

– Жарко, – Абба, в последние годы располневший, стер пот со лба. – Пойдем выпьем по стаканчику вина.

Кафе и ресторанички располагались так плотно друг к другу, что понять, где начинается один и кончается другой, можно было лишь по цвету обивки кресел.

Отдыхающие пили и ели на улице, сидя под зонтиками, но Абба решительно спустился в темный прохладный подвальныйчик. Бармен, увидев гостей, оставил и без того сверкающие бокалы в покое, заторопился к ним. Абба заказал бутылку белого вина.

Хозяин принес вино, наполнил бокалы, смахнув со стола невидимые пылинки, вернулся за стойку, где с новым остервенением накинулся на свою сверкающую посуду.

– Ты давно был в России? – спросил Абба.

– Летом девяностого летал в Москву по коммерческим делам, где на второй день столкнулся с любимым участковым. Я же докладывал.

– Помню, помню. Черт понес в твою деревню. Хотя в принципе установить контакт с прежними друзьями и неплохо, особенно сегодня. – Абба попробовал вино, довольно кивнул.

– Так что Россия?

– Нам пора вернуться в строй. – Абба достал пачку сигарет «Галауз». – От русских поступило заманчивое предложение. Ты знаешь, что у них в декабре выборы в парламент?

– В Думу, – поправил Кобра. – Я читаю русские газеты.

– Тебя интересуют политические нюансы или только существо дела?

– Неважно. Рассказывай.

– В определенных кругах крайне недовольны дружбой Клинтона с их царем. Не волнуйся, тебе не поручат убивать русского Президента.

– Не смешно. Скажи еще, что мне не прикажут сбросить вторую атомную бомбу на Хиросиму.

– Ты всегда трезво оценивал свои возможности.

– Потому и жив.

– Да-да... – Абба закурил крепкую сигарету.

Кобра отметил, что учитель сильно сдал, пальцы у него слегка дрожали, и подумал, что с ним пора завязывать. Надо искать нового хозяина.

— Так что хотят русские? — поинтересовался Кобра. — У них своих специалистов предостаточно.

— Они желают провести теракт, который потряс бы избирателей, оттолкнул людей от сегодняшних правителей.

— Смеетесь? В Москве взрывают и стреляют ежедневно, и никого это не колышет.

— Надо взорвать так, чтобы всколыхнуло. — Абба выдержал паузу. — Два миллиона, и ты сможешь больше не работать.

— Что взрывать? — Кобра уже просчитывал варианты, понимая, что второго подобного предложения не дождется. — Кремль? Храм Василия Блаженного?

— Ты русский, тебе виднее. Акция должна быть бессмысленной и жестокой.

Кобра вспомнил ЦУМ, плотную толчею у прилавков и тележку с мороженым.

— С русских деньги только авансом, — произнес он.

— Я переговоры уже провел, нужно послать подтверждение. Тогда они пришлют человека, с которым ты оговоришь детали. И ты прав, оплата вперед, но главное, чтобы они обеспечили тебя в Москве материалом. — Абба имел в виду взрывчатку, которую невозможно было провезти через таможни.

— Где жить в Москве?

— Сейчас там тысячи иностранцев. И вообще, ситуация для теракта крайне благоприятная.

Кобра презрительно улыбнулся:

— С кем ты вел переговоры?

— Со спецслужбой. Поставили стратегическую задачу: трахнуть обывателя, поднять газеты, телевидение. Они сделают свое дело. Где и когда ты сможешь встретиться с их человеком?

— Через месяц, на Кипре. Там полно русских, публика едет разноцветная, в основном второй-третий сорт.

Глава восемнадцатая

В середине августа Кобра прилетел на Кипр, остановился в отеле «Эрмитаж Бич» в Лимассоле. Отель оказался далеко не так хорош, как на рекламном проспекте, но море действительно плескалось рядом, эвкалипты присутствовали, правда, кормили посредственно.

Русский связной жил в этом же отеле вместе с молодой любовницей. Как определил Кобра, миловидная простоватая девица была за границей впервые, заходила в каждый магазинчик и мечтала купить шубу.

Связной, высокий, рыхлый, с избыточным весом мужик примерно лет сорока, сразу не понравился Кобре. В нем непонятным образом сочетались военная выправка и разболтанная походка. Когда он появлялся у бассейна в плавках, то демонстрировал жирную грудь и дряблый обвисающий живот. Смешно, но, будучи в костюме, мужик живот подтягивал, а раздеваясь, вываливал. В общем, дерьмо, сделал однозначный

вывод Кобра. Он наблюдал связного, проверяя, не ведется ли за ним наблюдения, болтаясь следом по дешевым закуточным и магазинам. На второй день Кобра познакомился с русской парой.

Используя простейший прием, занял соседний лежак и принялся читать русскую книгу, а, отправившись окунуться в бассейн, оставил ее обложкой вверх.

– Здравствуй, вы русский? – встретила его девушка радостным возгласом. – Наташа, – представилась она. – А это мой муж, его зовут Егор.

– Здравствуй, Захар, – Кобра поклонился.

Егор, раскинув свои чресла на соседнем лежаке, лишь приоткрыл глаза. Кобра, получивший описание связного, узнал его еще вчера, как только увидел в отеле. Русский, также зная приметы Кобры, не отреагировал на него, даже услышав громко названное имя, заранее оговоренное. Или он мудака, или блестящий конспиратор, решил Кобра, непринужденно болтая с девушкой. Их встреча была назначена на три часа дня в магазине «Меха» и, видимо, «разведчик», мать его так, не считал нужным смотреть по сторонам раньше времени.

Кобра разыгрывал из себя нового русского, человека богатого, объездившего все модные курорты мира, избалованного женщинами и изрядно уставшего от всей этой суеты. Около двух Кобра «случайно» столкнулся с парочкой при выходе из отеля и пошел с ними по изученному накануне маршруту, по главной улице, из магазина в магазин. Егор демонстрировал к вещам, которые вызывали у Наташи восторг, презрение и подарков девушке не покупал. По мере приближения к магазину «Канадские шубы», где была назначена встреча, он начал поглядывать на спутника раздраженно, явно стал нервничать.

Интересно, как ты выпутаешься из ситуации, подумал Кобра, и увлек Наташу в красивый магазин. Там он начал выбирать для нее духи, чем привел девушку в смущение и плохо скрываемый восторг. Соблазняя девчонку то одним предложением, то другим, он наблюдал за Егором, который с каждой минутой нервничал все больше. Наконец тот не выдержал:

– Дорогая, не очень прилично принимать подарки от незнакомого человека.

– Старик, обижаешь! – Кобра протянул Наташе выбранный флакон.

Когда они вышли на улицу, Егор озабоченно взглянул на часы.

– Извини, соотечественник, но мы торопимся, дела.

Кобра подмигнул благодарившей его девушке:

– До встречи, – и отправился в нужный магазин.

Продавщица оказалась грузинкой, вышедшей замуж за грека, и свободно говорила по-русски. Они обсуждали достоинства каракулевой шубки, когда появились Егор и Наташа.

– Вот это встреча! – непосредственно воскликнула девушка, а ее кавалер раздраженно произнес:

– Сейчас земляк подарит тебе шубу.

– А почему бы и нет? – откликнулся Кобра и сказал первую фразу пароля: – Обожаю делать подарки.

Егор врубался в ситуацию несколько минут. Затем, запнувшись, ответил:

– Не люблю каракуль, он старомоден.

– Хорошие вещи никогда не выходят из моды. – Кобра посмотрел «разведчику» в глаза.

Тот потупился и произнес заключительную фразу:

– У богатых свои причуды.

Кобра оглядел его с головы до ног, вздохнул и обратился к продавщице:

– Оленька, если наша девушка у вас ничего не купит, это будет исключительно ваша вина.

Когда женщины увлеклись своим любимым делом, Кобра сказал:

– После девяти зайти ко мне в номер, я скажу тебе несколько слов.

– Какой номер?

– Узнай, ты же профессионал. – Кобра подошел к женщинам и принял участие в оценке меха. Господи, думал он, на родине ничего не изменилось. На место коммунистов пришли демократы, а дураки в начальниках остались. Умный не станет держать на серьезной работе такого придурка.

Вечером они встретились, но не в номере Кобры, а в баре гостиницы. Довольно быстро террорист пришел к выводу, что земляк совсем не так прост, как выглядит.

– Вы согласились с нашим предложением? – спросил Егор, усаживаясь за столик с бокалом в руке.

– Я думаю, предложение интересное, надо обсудить детали. В первую очередь – порядок выплаты гонорара.

– Данный вопрос меня не касается. К вам прибудет другой человек, который решает финансовые проблемы. Мне поручено с вами встретиться, получить принципиальное согласие. Затем я встречу вас в Москве, обеспечу машиной и необходимым материалом.

Если он знает о «материале», то знает и о теракте, понял Кобра.

– Без денег я переговоры не веду.

– Амбиции. Они не делают чести профессионалу. Как вам Наташа? Она девушка без предрассудков, у нее в Москве тихая двухкомнатная квартира. Наташа всегда рада гостям. К вашему сведению, она прекрасно разбирается в настоящих французских духах.

– Я это почувствовал, – гонору у Кобры значительно поубавилось. – Девушка обаятельна, очень естественна.

– Рад, что она вам понравилась. – Егор сделал небольшой глоток, поднялся и раскланялся.

В пять утра Кобру разбудил телефонный звонок.

– Слушаю, – ответил он недовольно.

– Доброе утро. Откройте дверь, я сейчас загляну, – сказал Егор и положил трубку.

Кобра быстро накинул халат и только повернул ключ, как дверь открылась. В номер вошел Егор, бросил на кресло кейс.

- Вадим, тебе позвонят домой на Канары, - и вышел.

Первой мыслью Кобры было: откуда знает его имя? Он же представился как Захар. Ключ оказался привязанным к ручке кейса. Кобра отпер его и увидел плотные пачки долларов. В кейсе находилось ровно пятьсот тысяч.

Начальник охраны дачи, бывший опер Артем Дуров, ни черта не понимал в политике, да и не интересовался ею. Но ежедневные визиты майора Сухова, обилие водителей и охранников, сопровождавших своих хозяев, злили Артема, нарушали его установленный порядок жизни.

Неожиданности начались с того, что перестала работать система прослушивания особняка. Артем не разбирался в электронике, потому не стал искать причины, но главное, не желал демонстрировать, что о прослушивании знал. Он позвонил Вике, но у нее никто не отвечал, а пользоваться местным телефоном для связи с контрразведкой или милицией было опасно.

Днем он выехал в город. На Кутузовском остановился у магазина. Возникло желание воспользоваться автоматом, но Артем удержался. Если отключили прослушивание, то за ним ведется наблюдение. Артем зашел в магазин, купил крем для бритья, лезвия и вернулся домой. Факт, что он прошел мимо автомата и не воспользовался им, должен служить косвенным доказательством, что начальник охраны двум богам не служит, никакой игры не ведет.

В этот же вечер Артем получил подтверждение, что в своих предположениях оказался прав. Около восьми приехал хозяин с супругой и еще три машины с гостями. Среди приехавших он узнал вице-преьера Барчука с женой, помощника Президента Ждана. Третьего гостя, тоже, видимо, с женой, здорового мужика с зычным голосом, Артем видел впервые.

Хозяева и гости вошли в особняк, Артем проследил за парковкой машин и неожиданно столкнулся с майором Суховым, приезда которого не заметил.

- Привет, Артем, - сказал майор. - Господа прибыли, теперь они вне твоей юрисдикции.

- Не дави интеллектом. Идем ко мне, согреемся.

Дома Артем включил чайник, достал бутылку и стаканы, вновь позвонил Вике. Послушав длинные гудки, положил трубку.

- Кому названиваешь? - майор разлил по стаканам водку.

- Когда в казино служил, была одна, общественная, но больно нравилась, хотел сюда пригласить.

- Шатенка? Голубоглазая? Дина.

- Вика, - подсказал Артем. - А ты откуда ее знаешь? Я ей третий день дозвониться не могу. Куда девка пропала?

- Ее ментовский полкаш Гуров увез.

- Гуров? Который из Главка Угро?

- Ты его знаешь? - удивился майор.

- А чего его не знать? Днями беседовали. А чего важняку валютная девчонка понадобилась?

- А что Гурову от тебя понадобилось? - Майор не скрывал интереса.

Артем пожал плечами:

— Мы лет десять назад, он еще в МУРе обитал, работали по одному делу. Недавно в Столешниковом встретились, разговорились, молодость помянули. Он возмущался, что меня из ментовки поперли... Ты говоришь, он Вику увез? Куда? Зачем?

Сухов точно не знал, что исчезновение Вики и Валентины устроил Гуров, но предполагал, что такое возможно. К тому же боевики, сидевшие в засаде на квартире Валентины, утверждали, что напал не Гуров и вообще не ментовка, а крутые ребята из отморозков. Майор попытался выяснить, есть ли связь между Артемом и Гуровым, на которой упорно настаивал новоиспеченный кандидат в депутаты Усов.

Из этого разговора Артем понял, что сегодняшняя поездка в центр наблюдалась и майор знает, что Артем имел возможность позвонить, но автоматом не воспользовался.

— Так тебя волнует судьба Вики? — с насмешкой спросил майор, раздосадованный тем, что разговор в нужном направлении не складывается.

— Судьба? — Артем рассмеялся. — Меня волнует ее грудь. А тебе, Олег Артемьевич, девчонка приглянулась?

— Меня не проститутка волнует, а полковник Гуров.

Судя по всему, бывший мент с Гуровым не связан и ничего не знает, решил майор. А может, его послать за взрывчаткой? Не годится. Чем больше людей, тем больше риска. Ехать должен свой человек, лучше всего если Яшин. А в охранники ему определим тех парней, что в засаде у проститутки сидели, все равно лейтенантов придется так или иначе ликвидировать.

— О чем задумался, Олег? — спросил Артем.

— Извечный вопрос, который стоит перед русским мужиком: пить или не пить?

Артем наполнил рюмки, кивнул:

— Будем. Как поживает кандидат в депутаты? Неужели он действительно будет заседать в Госдуме?

— Запросто, — майор выпил, взглянул на часы. — Бывай. Мне еще надобно в особняк заглянуть.

Майор вошел в дом через боковую дверь для прислуги и свернул в туалетную комнату на первом этаже. Яшин был уже здесь, стоял у зеркала, причесывался. Увидев майора, презрительно скривился:

— В подходящем месте встречаемся.

Майор заглянул в кабинку.

— Звонил?

— Нет.

— Плохо. Очень плохо. Почему он не вышел на связь после прибытия?

— Он звонил, сказал, что помощь не нужна.

— Знаю, и ваялся в историю с девкой. Почему не воспользовался твоей девчонкой? — Майор приоткрыл дверь, выглянул в коридор. — Зачем связался с уголовником и начал устраниваться сам?

— Задавать вопросы я тоже умею, — ответил Яшин.

- У тебя на Кипре с ним не произошло никакого недоразумения?

- Нет, все было в порядке. А вы остальные деньги перевели на его счет?

- Естественно, иначе он бы в Москве не объявился. Надо доставать материал, а мы не знаем, сколько и что конкретно ему требуется. Будем ждать, другого выхода нет. Учти, за материалом поедешь ты, Егор Владимирович. Охрану я тебе дам.

- Ты забываешься, Олег, я не мальчик.

- Считаешь, можно послать мальчика?

- У меня есть подходящий азербайджанец.

- Извини, но ты по фазе двинулся. - Майор так разозлился, что начал заикаться. - Черного можно послать только за овощами или фруктами, и то ГАИ у него все отберет. Ехать за взрывчаткой можешь либо ты, либо я. Но мне нельзя уезжать из Москвы, отходить от генерала. Я тебе дам охрану.

- Охрана в таком деле не поможет, если начнут досматривать машину, конец.

- Прекратим разговор. Командую я.

Майор, не прощаясь, вышел. Он вернулся в домик Артема и, не снимая куртки, присел к столу.

- Забыл спросить, у тебя есть возможность встретиться с полковником Гуровым?

Артем искренне удивился, пожал плечами:

- Конечно. Но я не хочу связываться с Гуровым. Да и его дела меня не интересуют.

Майор поднялся, сняв куртку, повесил ее рядом с курткой Артема и вколол ему в шов подкладки небольшую булавку.

- Давай выпьем еще по одной, кое-что обмозгуем. Гуров интересуется генерала, и не строй из себя девочку, ты знаешь, о каком генерале я говорю.

- Я не хочу связываться с полковником, это опасно, - решительно ответил Артем. Он понял, что майор задумал комбинацию, и он, Артем Дуров, пешка, которой хотят сделать первый ход.

- У нас дела паршивые, но, судя по всему, у майора Сухова положение не лучше, - сказал Орлов. - Очень интересно, кто этот простак-майор на самом деле и какова его действительная роль в операции?

- Майор - серый кардинал, ему в радость изображать шестерку. Значит, он если не джокер, так король или туз. Доверенное лицо Коржанова, - заметил Крячко.

- Тогда майор ведет двойную игру, - сказал Гуров. - Генерал не может плести интриги против Президента. Это равносильно самоубийству: нет Президента - нет и Коржанова.

- Потому я утверждаю: майор - двойник, если не тройной агент, - продолжал упорствовать Крячко.

- Террорист обойдется без посторонней помощи. И крышу найдет, и объект определит. Все подходы у него отработаны. Но вот как он достанет взрывчатку? - рассуждал Гуров. - Тот факт, что он обратился к Акиму-Ленчику доказывает, что его возмож-

ности ограниченны. Тогда должен просить помощи у заказчиков. У нас просматриваются две фигуры. Сейчас вы начнете меня ругать, но все-таки я повторяю: Егор Яшин и Павел Усов. Агентурных подходов у нас к ним нет.

– Артем Дуров? – спросил Крячко.

– Считаю, он засветился, – ответил Гуров. – И никто в этом не виноват. Ты, Станислав, спасал ему жизнь, а сложить два и два для оперативника несложно. Пашка же Усов оперативник настоящий.

– Тогда зачем Артема держат в особняке?

– Сменить только что назначенного человека, значит, признать свою ошибку.

– Иметь около себя чужого человека совсем неплохо, – буркнул Орлов. – Я знаю сыщика, который обожает такие ситуации.

– Не может быть! – воскликнула Крячко. – Кто же такой умный и хитрый?

В кабинет заглянула Верочка.

– Лев Иванович, вас по телефону разыскивает какой-то мужчина. Подойдете?

Орлов указал на один из аппаратов. Гуров снял трубку.

– Гуров слушает.

– Здравствуйте, Лев Иванович, говорит бывший сотрудник милиции Артем Дуров. Помните?

– Здравствуй, Артем. Что-нибудь стряслось, что ты меня по разным телефонам разыскиваешь? – Гуров взглянул на друзей, подмигнул.

– Лев Иванович, мы можем встретиться в городе?

– Сейчас я занят, позвони попозже, я выясню, как у меня день складывается.

– Большое спасибо, Лев Иванович, извините за беспокойство.

– Ладно, только больше секретарю генерала не названивай. – Гуров положил трубку и сказал: – Генерал всегда прав.

Гуров назначил встречу на Пушкинской площади, на автомобильной стоянке у здания «Известий». Он выбрал столь людное место, чтобы лишний раз доказать наблюдателям, что не придает свиданию с Артемом важного значения. А то, что за Дуровым будет вестись наблюдение, сыщик даже не сомневался.

Гуров умышленно приехал с опозданием на десять минут, поставил «пежо» рядом с «Жигулями» Артема. Приоткрыв правую дверцу, махнул рукой, мол, садись рядом.

– Здравствуй, Артем, жизнь за городом пошла тебе на пользу, хорошо выглядишь, видно, и пить стал меньше. – Он протянул бывшему оперативнику записку.

Артем взял записку, отдал Гурову заготовленный заранее конверт, который Гуров убрал в карман. Артем прочитал: «Издавай только легенду». Сыщик вынул из кармана сканер, прибор для обнаружения радиозакладок, провел вдоль тела Артема, выяснил, что тот «заряжен» и довольно кивнул.

– У меня времени в обрез, издавай, зачем я понадобился, – сказал он деловито.

- Лев Иванович, мне жить в резиденции министра хотя и не плохо, но я, как ни говори, опер, а не пенсионер. Обидно в тридцать с небольшим хоронить себя в сторожах да холуях.

- Раньше следовало думать, меньше пить и скандалить с начальством. - Гуров закурил.

- Да не пил я, оговорили...

- Давай, Артем, будем людьми деловыми. Если бы ты мне что существенное дал, тогда с начальством можно и поговорить.

- Есть у меня кое-что, может, вас заинтересует.

- Выкладывай.

- Хозяин раньше на даче бывал редко, последние дни зачастую. И гости у него собираются из верхов.

- Кто конкретно?

- Помощник Президента Ждан, вице-премьер Барчук, а майор из службы охраны Президента так не вылезит, лучшим моим корешем стал.

- Ну и что? Начальство нужно охранять.

- Непростой тот майор, почему-то очень вами интересуется.

- Мною? - удивился Гуров. - Что ему милицейский полковник?

- Еще он интересуется двумя проститутками из казино «Фламинго». Мне кажется, майор считает, вы в тех девках сильных свидетелей имеете. И куда-то их упрятали.

- На воду дует твой майор, - Гуров рассмеялся. - Зачем мне валютные проститутки? А почему он тебя об этом спрашивает?

- Так я же в «Фламинго» работал, и с одной из них у меня вроде чего намечалось.

- Зачем девки майору понадобились?

- Кажется, на квартире Валентины ждали вас, а пришли какие-то мужики и драка случилась.

- Брунда, не знаю никакой Валентины, с Викой твоей знаком, подвозил однажды. Но мне и в голову не пришло, что девчонка платная.

- Если платная, так и не человек вовсе? - зло спросил Артем. - Лучше шпалы класть или голодать?

- По мне лучше голодать. И хватит об этом, не агитируй, не депутат.

- Кстати, Павел Усов в депутаты подался.

- Флаг ему в руки, у меня на него злость прошла. - Гуров посмотрел на часы. - Заболтались. Ты меня без дела не беспокой. Усадьба твоя не по моему ведомству, майор, что захаживает, тоже не мой клиент, пусть им ФСБ интересуется.

- Так я пойду, - уныло произнес Артем.

- Иди, что для меня будет, звони. - Гуров неторопливо двинулся со стоянки, выехал на Бульварное кольцо и покатила в сторону набережной.

Глава девятнадцатая

На Центральном телеграфе в окошечке «До востребования» Кобра получил телеграмму: «У Хайца семнадцатого день рождения, не забудь поздравить». Это означало, что к нему прибыл связной, который ждет его ежедневно в семнадцать часов в ресторане «Пекин».

Кто мог прибыть и зачем? Ясно, этот человек знает Кобру в лицо. А его знают в мире лишь несколько человек. Француз... Араб... Еврей... перебирал он. Этих людей в Москву можно привезти только в наручниках.

Абба прекрасно выглядел и как всегда улыбался. Они встретились у дверей «Пекина», но в ресторан не пошли, прогулялись по городу и устроились в небольшом частном ресторанчике с таким грозным швейцаром у стальных дверей, что казалось, он охраняет как минимум отделение Госбанка.

За одним из четырех столиков сидела молодая парочка, пили коктейли и целовались. Официантка появилась мгновенно, взглянула на гостей оценивающе, улыбнулась и пригласила к столу.

— Сестренка, принеси нам срочно по сто грамм водки, на улице мерзко, — сказал Кобра, отодвигая для Аббы стул и усаживаясь сам лицом к входной двери.

— Ты как всегда в форме, — одобрительно произнес Абба, взял с принесенного девушкой подноса стакан, выпил, бросил в рот маслину. — Люблю Россию. Я прилетел сюда представителем крупной международной компании, которая интересуется возможностями развития в России туризма.

Кобра взглянул в меню, улыбнулся официантке:

— Милочка, накормите нас по-русски, но так, чтобы мы остались живы и могли двигаться. Договорились?

— О'кей! — воскликнула девица и исчезла за портьерой.

— Тобой интересуется очень сильный полицейский, — начал без предисловия Абба. — Он знает, что ты в России, осведомлен о твоей профессии и опыте, имеет паспортное фото пятнадцатилетней давности, пожалуй, и все. Кажется, у тебя уже произошли мелкие неприятности, поэтому и не хочешь встречаться с нашим человеком, да?

— Твой человек не годится...

— Это не мой... Я плохих не держу, — сердито ответил Абба. — Но тебе придется с ним встретиться. Ведь у тебя нет ни материала, ни даже машины. У тебя хотя бы надежная крыша?

— Я снял квартиру, сейчас в Москве это не проблема. Купил подержанные «Жигули». Так что твоя информация не верна.

Официантка начала накрывать на стол. Разговор пришлось вести об охоте и благоустройстве заповедников.

— Мы имеем дела с политиками, — сказал Абба, когда официантка ушла. — У них нет ничего, кроме амбиций и денег, которые они наворовали. Но мы эти деньги взяли, обязаны отработать.

— Еще их пасут спецслужбы, — заметил Кобра. — Мне нужен человек профессиональный.

— Ты, Вадим, парень опытный, знаешь, профессионалы не любят знакомиться с новыми людьми.

— Все дело в деньгах. Чем выше принципы, тем выше цена, и только.

— Хорошо, допустим, я достану тебе материал самого современного качества. Объект подготовил?

— Я могу устроиться туда на работу хоть завтра.

- Ты должен успеть до десятого декабря.

- Значит, успею до десятого, - ответил Кобра. - Но я должен иметь все данные на любопытного полицейского.

- Свяжись с Егором. Он знает все о полицейском, имеет к нему великолепные подходы.

Гуров не верил, что умные люди могут привлечь Егора Владимировича Яшина к серьезному делу. Но тот присутствовал при инструктаже боевиков и летом совершил поездку на Кипр.

Чем черт не шутит...

Он набрал номер Вероники Николаевны Ждан. Уже миновал полдень, но Вероника ответила так, словно еще не проснулась.

- Лев Иванович, какими судьбами? Дело этого несчастного Скопа давно закончилось, - растягивая гласные, пропела Вероника.

- Для вас, Вероника Николаевна, но не для несчастного милиционера, - ответил Гуров. - У меня к вам ерундовый вопрос, к тому же я не могу отказать себе в удовольствии увидаться с очаровательной женщиной.

- Агун! Последний раз вы разговаривали со мной ужасным тоном. В принципе вы мне симпатичны, но работаете в такой безобразной организации...

- Вероника, разрешите заглянуть к вам на чашку кофе?

- Что с вами поделаешь, приезжайте.

- Лечу! - Гуров положил трубку, достал из шкафа парадный костюм, начал гладить брюки.

Сейчас эта опасная стерва разыщет Яшина, сообщит о звонке милиционера. Возможно, Егор как-то и отреагирует на сообщении надоедливой любовницы...

Времени, чтобы одеться, у женщины было вполне достаточно, однако Вероника встретила Гурова в халате. Ее полная грудь тяжело двигалась под атласным материалом.

Гуров преподнес хозяйке пурпурную розу, приложился к сильно надушенной ручке. В гостиной он уже бывал ранее, тем не менее выразил восхищение дорогим мягким гарнитуром и безукоризненным вкусом обстановки.

- Присаживайтесь, Лев Иванович, рассказывайте: когда бандитизм в Москве закончится? - Вероника разлила по чашкам кофе.

Гуров опустился в мягкое кресло:

- Вероника, где вы так загорели? Уже ноябрь, а вы потрясающе бронзовая, - его передернуло от собственных слов. - На Кипре, со своим верным поклонником?

- На Кипр летают лишь тунгусы. Вы имеете в виду Егора? Я ему дала отставку. Но мне случайно известно, он этим летом вообще не отдыхал.

- Мне тоже случайно сообщили, что Егор Владимирович в августе загорал на Кипре с очаровательной женщиной, - сказал Гуров. - Очаровательная женщина это, конечно, вы, Вероника. Но я молчу, секреты женщины выше государственных.

– В августе? – Вероника наморщила лоб. – Он в августе отлучался по делам... Впрочем, какое мне дело?

Теперь ты вынешь из Яшина душу, допытываясь, с кем он был на Кипре, довольно подумал Гуров. Он взял со столика бутылку «Мартеля», капнул в рюмки.

– Не изображайте из себя европейца. Налейте как следует, коньяк отличный, а мы столько не виделись. Какой вопрос вас интересует?

Гуров мог придумать любую чушь по давнему делу, но изобразил смущение и, слегка запнувшись, спросил:

– Честно?

– Не дурите мне голову, полковник! Неужели менты умеют говорить честно?!

– Тогда молчу. Ваше здоровье, Вероника! – он поднял рюмку. – Вы потрясающе выглядите.

– Я вам не верю, – Вероника кокетливо оправила халат.

– Кстати, а где сейчас работает ваш отставной поклонник? Слышал, он ушел от генерала Коржанова.

– Вы же к этому руку и приложили.

– Вероника, помилуйте, я лишь чиновник, – искренне ответил Гуров и еще минут тридцать морочил голову хозяйке. Сыпал комплименты, порой задавал вопросы о ее личной жизни и об отношениях с Яшиным.

Сыцику было необходимо, чтобы в мозгу женщины прочно закрепился интерес милиционера к ее любовнику.

Наташа Крош, которая летала с Яшиным на Кипр, работала в издательстве на компьютере, училась на заочном отделении факультета журналистики МГУ, объяснялась на английском и испанском. Она любила гульнуть, выпить, потанцевать, если встречался мужик денежный, принимала подарки, брама и наличные. Однажды в баре познакомилась с солидным иностранцем, который оказался никаким не иностранцем, а гзбшником наружки, и попала в поле зрения этой могучей организации.

К Наташе начали приглядываться, девчонка казалась многообещающей. Умная, сексапильная, легко сходится с людьми, мужчинам нравится, говорит на двух языках. Наталью Крош уже собрались вербовать, но вовремя выяснили, что девица обладает серьезными недостатками. Не прочь выпить лишнего, болтлива, да еще влюблива, вместо приманки может легко превратиться в добычу. От вербовки Наташи гзбшники отказались, решили использовать на отдельных заданиях.

Когда Яшин обмолвился, что на курорте одинокий мужик будет походить на памятник, стоящий на площади, то даже недоброжелатели с полковником согласились. Но квалифицированную партнершу ему не дали, покопались в картотеке и выудили на Божий свет Наталью Крош.

Гуров поставил свою машину неподалеку от дома, в котором жила Наташа, и прогуливался у ларьков, торгующих раз-

поцветными бутылками, сигаретами и сникерсами. Телефон Наташи Крош уже три дня прослушивался, и сыщик знал, что сегодня девушка, сказавшись больной, не пошла на работу, и сейчас, как она доложила подруге, собиралась прошвырнуться по магазинам.

«Сейчас» — понятие растяжимое, а у женщин и вовсе неопределенное. Гуров гулял уже минут сорок и изрядно замерз.

Мысли его были заняты лишь одним — как познакомиться с Наташей, какую фразу сказать первой, рассмешить, сразу же создать легкую непринужденную атмосферу. Последнее время он находился не в форме, сказывались нервные напряжение, бессонница, постоянно плохое настроение. Сыщик был так удручен и озабочен предстоящим знакомством, что, припарковываясь, оглядел улицу небрежно. По стоявшей напротив «Волге» лишь мазнул взглядом и не обратил внимания, что в машине сидят трое мужчин.

Наконец-то появилась Наташа. Она была в модной каракулевой шубке, привезенной с Кипра. Сделав несколько шагов, она поскользнулась и налетела на стоявшего к ней спиной высокого мужчину.

Тот мгновенно развернулся, крепко обнял девушку, якобы удерживая ее на ногах, и рассмеялся:

— Правильно, молодость и красота должны все сметать на своем пути!

— Простите, не заметила, — Наташа посмотрела в голубые глаза мужчины, почувствовала силу его рук и тоже улыбнулась.

— Д'Артаньян, ступив на парижскую мостовую, стал налетать на королевских мушкетеров, — Гуров взял Наташу под руку. — Неловкий юноша все время извинялся, но никто его не простил. Пришлось юноше драться на дуэли.

— Но у меня нет шпаги, — включилась в игру Наташа.

Гуров посмотрел девушке в глаза:

— Вы владеете более опасным оружием.

«Волга» медленно тронулась с места, проехав метров сто, вновь припарковалась.

— У вас потрясающие духи, но шубка тоже великолепная.

— Правда? — Наташа зарделась. — Вам нравится?

Гуров остановился у своего «пежо», распахнул дверцу и посадил обомлевшую девушку в машину.

— На улице, Наташа, все на вас смотрят, а я мужчина ревнивый.

— Откуда вы знаете мое имя? — настроение у Наташи сразу испортилось, она подумала, что интересный мужик, конечно же, гэбэшник.

Гуров почувствовал перемену в настроении девушки. Видно, служба ее достает, предположил он.

— Наташа, не думайте черт-те о чем, поехали кататься, — Гуров взглянул в зеркало заднего вида и не обратил внимания на «Жигули», пропустившие его вперед.

«Пежо» шел в общем потоке и находился в «коробочке», впереди ехала «Волга», позади «Жигули».

— Хотя, какое катание в нашем столичном городе? — продолжал рассуждать Гуров. — Поехали обедать, самое время.

— А вам сколько рубликов выделяют на обед? — спросила Наташа, и Гуров убедился, что его предположение верно.

— Мне начальство выделяет только выговоры, — ответил Гуров весело, — потому я постоянно без денег. Осмелюсь пригласить вас в гости, Наташа, — голос его стал серьезен, — уверен, что я не похож на человека, который заманивает к себе наивных девушек и ведет себя непотребно.

— Разве я похожа на наивную девушку? — Наташа вздохнула и подумала, что повезут ее, конечно, на конспиративную квартиру. Иномарка, голубые ясные глаза, а суть все та же, дерьмо. Она взглянула на чеканный профиль мужчины, он смотрел на дорогу, но отреагировал мгновенно:

— Ошибаетесь, Наташа, очень даже ошибаетесь. Я значительно лучше, чем вы думаете. Забыл представиться, меня зовут Лев Иванович.

— А звание?

— Полковник.

— Значит, я двинула на повышение, — Наташа театрально хлопала.

— Почему? Егор Яшин тоже полковник, — Гуров решил идти напролом. — Август. Кипр. Гостиница «Эрмитаж». Вы приехали, я уезжал, мы столкнулись в холле. Терпеть Яшина не могу, потому не подошел, а он меня не заметил. Взглянув на вас, понял, что Бога нет, иначе он бы не допустил, чтобы с подонками красавицы отдыхали, а приличные мужики скучали в одиночестве.

— А что вам Егор сделал? — Наташа смотрела с надеждой.

— Он мне ничего сделать не может. И он не виноват, что подонком родился. Вот мы и приехали. — Гуров остановил «пежо».

Наташе понадобилось меньше десяти минут пробыть у Гурова, чтобы убедиться, что квартира не конспиративная, а хозяин классный мужик, только чем-то шибко озабоченный. Они вместе готовили обед и на полном серьезе решали, где накрыть стол. На кухне, по-простому, или в гостиной, празднично? Так как в процессе готовки они выпили по две рюмки водки, то вопрос, где закусьвать, отпал сам собой. Они поели стоя, а кофе отправились пить в гостиную.

Курили, пили кофе, вспоминали Кипр, на котором Гуров никогда не был. Хозяин Наташе очень нравился, а то, как он отзывался о липком и скупом Егоре, приводило девушку в восторг. Она упомянула о земляке, с которым познакомилась у бассейна. Гуров получил очень точное описание щедрого мужика лет сорока, с ладной фигурой, шатенистого, с короткой стрижкой, употреблявшего бластные словечки.

— Мужик битый и стоящий, — закончила свое описание Кобры девушка. — Вы, конечно, совсем другой, культурный, но у вас есть и общее. — Она задумалась. — Только не обижайтесь, Лев Иванович. Обычно мужики изображают волкодавов, а по сути — беспомощные дворняжки: визгу много, а силы и клыков нет. А вы весь из себя французский, а нутро железное, вам человека приши-

бить... – Наташа запнулась и покраснела. – Извините, несую невесту что.

– Глупости, чувствуй себя свободно, я не обидчивый, – Гуров, конечно, не обиделся, но такая оценка была ему неприятна. Значит, совсем изнутри коростой покрылся, если девчонка после часа знакомства подобное говорит.

– Давайте еще по граммулечке, – предложил он.

– А то!

Гуров не удержался и спросил:

– А у мужика, что нутром на меня похож, случайно, в разговоре акцент не чувствуется?

– Русский он, от и до!

– Я так и думал, что акцент лишь кино, – пробормотал Гуров, глядя на девушку и удивляясь, что она до сегодняшнего дня жива.

Их беседу прервал звонок в дверь, звонок был условный. Гуров отодвинул засов и впустил Станислава Крячко.

– Здравствуйте, – Станислав поклонился Наташе, взял со стола пустую бутылку, посмотрел на свет. – Прикончили? Ясное дело, как девушку разыскивать, так Станислав, а как ухаживать за ней, так начальство. Вынужден прервать вашу беседу. Господина полковника вызывает начальство, а барышню мы похищаем.

– Как это? Я никуда не поеду! Лев Иванович, объясните...

– Позже, Наташа, – Гуров подал девушке шубку. – Вы поедете с этим человеком, так надо.

Рядом с «пежо» Гурова стоял «мерседес» Крячко, а чуть дальше «Жигули», у которых прогуливался широкоплечий парень лет двадцати пяти. Крячко взял растерявшуюся Наташу под руку, подвел к парню.

– Знакомьтесь: Леонид. Наташа.

Парень поклонился, девушка руки не подала, вызывающе спросила:

– Может, вы мне объясните, что происходит?

– Объясним. Наташенька, садитесь в машину, – Крячко открыл дверцу «Жигулей», чуть не силой усадил девушку. – Леня, отвезешь ее домой, пусть возьмет все необходимое. Держи ушки на макушке, сам видел, люди серьезные. Двигай.

Гуров отключил в «пежо» сигнализацию, отпер дверцу.

– Чего стоишь, садись в свой драндулет, – повернулся он к Крячко. – Смотришь на меня, словно впервые увидел.

– Хорошо, что в первый, а не в последний. – Крячко взял у Гурова ключи от машины. – Открой капот, Лева из Могилева.

– Что? – Гуров расправил плечи и задрал подбородок. – Ты слушаем не заболел? Меня так даже в школе не смели называть!

– Так в школе в тебя из рогатки стреляли, – усмехнулся Крячко.

Гуров болезненно поморщился, поднял капот. Прилепленную взрывчатку увидел сразу.

– Петр мне сказал, что ты не в порядке, велел присматривать, – начал Станислав. – Тебя сегодня две машины «вели». Ты, командир, сейчас не опер, а ходячая мишень. Они тебя у дома

девицы ждали, затем до твоего сопровождали. Когда ты машину оставил, они ее и зарядили. За ними «наружка» ушла, но боюсь, нам это ничего не даст. Был соблазн взять их, когда они с твоей тачкой занимались. Я воздержался. Тремя бандитами больше или меньше, сути не меняет. Сказать они ничего не смогут, вряд ли что знают. А пока гуляют, у нас хоть призрачная, а перспектива.

Глава двадцатая

Каких-нибудь два года назад майор Олег Артемьевич Сухов верой и правдой служил генералу Коржанову, даже числился в друзьях, считался вроде офицера по особым поручениям.

Коржанов с каждым днем набирал. И майор неожиданно отстал от поезда. Между ним и шефом появились какие-то люди, которых с каждым днем становилось все больше. А от шефа он отдалялся все дальше и дальше. Когда Сухов понял, что остался на перроне один, ему в руки попала магнитофонная запись разговора лидера одной из фракций. Бисковитый и прилюдно позволял себе высказываться достаточно рискованно, а записали разговор совсем непотребный. Сухов прослушал пленку и отправился с ней к Бисковитому. Тот был мужик прямой, поэтому спросил:

– Ты когда шагаешь по земле, под ноги и вперед смотришь или задницей пятишься?

Майор не ответил, но политика понял и рассмеялся.

– Вступай в мою команду, за нами будущее. – Болтун и авантюрист, Бисковитый говорить умел. – Ты с сегодняшнего дня начальник боевой группы. У меня будет армия, но все имеет начало. Ты майор? Прекрасно. Император Всея Руси был всего лишь полковник. Нам не нужны цацки и погремушки, необходима реальная власть. Не лезь на глаза своему шибзику, подбирай верных людей. Мне не нужна дивизия, нужны штучные парни. Задачи я перед тобой поставлю четкие и конкретные. Когда я приду к власти, ты, Олег, не станешь маршалом, лишь скромным полковником, зато ты будешь распоряжаться жизнью людей. А маршалы вытянутся перед тобой в струнку...

Сухов подбирал людей неторопливо, обстоятельно. Вербовал из разных служб, стремясь, чтобы боевики-исполнители не знали друг друга и были разбиты на мелкие группы.

Аббу, затем Кобру разыскали зарубежные друзья Бисковитого. Майор остался доволен. Он считал, что исполнитель основной боевой акции должен прибыть со стороны. В России классного специалиста раздобыть, конечно, можно, только слишком опасно. Настолько смешалось, кто на кого работает, что легко налететь на подставу.

Бисковитый же требовал не рядовой диверсии, взрывы и стрельба и так гремят по Москве почти ежедневно.

– Запутавшегося в блоках и партиях обывателя следует трихнуть так, чтобы он вмиг забыл о предателях-коммунистах, заумных демократах и бросился в объятия папочки, под его защиту. – Естественно, защитником народа Бисковитый считал только себя.

Генерал Орлов сидел в кабинете главного врача и терпеливо слушал лекцию доктора о сложности человеческой психики. Когда врач двинулся по второму кругу и начал снова объяснять, что человек существо противоречивое, генерал кашлянул:

– Гуров болен или здоров?

– С одной стороны, он абсолютно здоров, но с другой, я бы рекомендовал ему серьезно подлечиться. У него нервное истощение... Скорее перенапряжение... Организм, защищаясь, как бы поставил ограничитель к восприятию внешних раздражителей, вследствие чего пациент несколько рассеян, заторможен. Мы пытались применить гипноз, но, к сожалению... – доктор развел руками. – Мы вторые сутки держим его на сильнейшем снотворном, он дико сопротивляется. Лекарства ему не помогут, только отдых, природа, рыбалка, женщина, в умеренном количестве спиртное. Мы не можем его долго держать в стационаре, тем более в отдельной палате.

– Я хотел бы его увидеть.

– Не рекомендую. Он спит, а если в сознании, то ваше появление повлечет за собой бурную реакцию.

– Странно. Он человек выдержанный. – Орлов поднялся.

– Я не говорю, что он бьет посуду. Хотя это и плохо, когда болезнь загнана вовнутрь...

– Вы же сказали, что он здоров...

– С одной стороны...

– Если он спит двое суток, то уже здоров не с одной, со всех сторон. Прошу вас, доктор, проводите меня к нему.

Гуров открыл глаза, увидев сидевшего рядом с кроватью Орлова, сказал:

– Привет, вредитель. – Он вытянул мускулистые руки, оглядел критически, словно за два дня они могли похудеть и одрябнуть. – Скажи санитарам: еще раз до меня дотронутся, изувечу.

– У них такая работа. И долго ты здесь собираешься прохлаждаться?

– Может, месяц. Врачи решают...

– Умница, – Орлов довольно кивнул. – Давай вместе подумаем, как жить дальше. Тебя решили убить. Убьют наверняка, ведь сейчас ты имеешь дело с организацией, а не с киллером-одиночкой, как в прошлый раз. – Генерал помолчал, вздохнул. – Жаль, если тебя прихлопнут. В моем возрасте такого друга больше не приобретешь. Да и людей жалко, кроме тебя, террориста никто не остановит.

– Только про народ и Россию не говори, – сказал Гуров. – Я мент, а не спаситель Отечества.

– Не перебивай старших. Слушай молча. Я сейчас договорюсь о переводе тебя в бывший цеховский санаторий. Часиков в семь к тебе пожелают ребята из конторы, проведут, так сказать. Ты дремли, зевай, жалуйся на головные боли. А после девяти придет Станислав, шмотки твои привезет и переправит на конспиративную квартиру. Там организуешь штаб по розыску Кобры. Официально руководить розыском будет Станислав, через него и действуй.

— За ним могут установить наружку, — Гуров с хрустом потянулся. — Ну, мы данный вопрос решим, Станиславу не обязательно бывать у меня. Сколько людей дашь?

— Ты руки не растопыривай. Не рыбак. Завтра утречком позвонишь по прямому. Верочке знать не обязательно. Ну, будь здоров.

Место своей работы в Москве Кобра приблизительно определил еще в Ницце, потому трудовая книжка у него была соответствующая: в меру потрепанная, должности от грузчика до завскладом, увольнялся исключительно по собственному желанию. В его представлении любой сотрудник отдела кадров если не гэбист, то агент или осведомитель. Идти туда очень не хотелось, но выбора не было. В это утро он долго решал вопрос, бриться ему или не бриться, наконец оставил однодневную щетину. Еще он приобрел очки с простыми стеклами.

В отделе кадров сидели две тетki неопределенного возраста. Они пили чай и болтали друг с другом о чем-то очень интересном. Кобре предложили обождать и продолжали разговор. Кобра послонялся в коридоре, затем вышел на улицу и в ближайшем киоске купил два «сникерса». Когда он вернулся, дамы на «сникерсы» отреагировали благосклонно.

Кобра сказал, что ищет работу, желательно ночным сторожем, так как днем вкалывает грузчиком в магазине.

— Это можно. — Та, что постарше, взглянула в паспорт, пролистала трудовую книжку, спросила: — Как с этим делом? — щелкнула себя по горлу.

— На службе не употребляю, — потупился Кобра.

— Смотри, — дама посерьезнела, — выгоним в момент. Нам охранник нужен. Сутки работать, трое отдыхать.

— Годится, на один день в неделю я в магазине договарюсь.

— Ты серьезный мужик или перекантоваться решил?

— Если честно, то до лета.

— Хорошо, что сразу сказал. Уверена, Игорь, начальник охраны, возражать не будет. Пойдемте отыщем его, я вас познакомлю, потом оформимся.

— Простите, а как вы платите? — спросил Кобра, следуя за кадровичкой длинными коридорами.

— Откуда вы такой взяли? — Она рассмеялась. — С этого же всегда начинают. Платим мы прилично, двести пятьдесят плюс премиальные, на руки около полумиллиона.

— Так я у вас готов и две смены работать, а из магазина увольюсь, — радостно воскликнул Кобра, досадуя за допущенную оплошность. Конечно, о деньгах следовало спросить в первую очередь. Теперь она меня запомнит, если жива останется.

Когда утром Яшину позвонили из управления кадров и попросили приехать к часу дня к заместителю начальника управления по кадрам, то «наружка», следящая за Яшиным, на этот разговор не среагировала. Тем более что полковник Яшин в настоящий момент конкретной должности не занимал, а находился в распоряжении этих самых кадров.

Яшин просить служебную машину не стал, сел за руль собственной «Волги». По дороге гадал, что его ждет, в какую дыру засунут. Или гнев всесильного генерала прошел, и «своему» человеку вновь предложат кресло в центральном аппарате?

Он припарковался в переулке, так как на стоянке у главного здания свободного места не оказалось. Когда вышел из машины, кто-то тронул его за локоть, раздался спокойный голос:

– Садитесь в бежевую «пятерку».

Яшин вздрогнул, повернулся. Рядом стоял мужчина, звонка которого он ждал уже второй месяц.

Яшин сел в «Жигули», хотел было сказать, что его ждет начальство, да вовремя сообразил, что вызов в кадры – туфта, звонил сам Кобра.

Кобра выехал из переулка, поехал по Бульварному кольцу.

– Мне необходимо срочно встретиться с вашим начальством.

– Где вы столько времени пропадали? – перешел в наступление Яшин. – Мы волновались. Пришлось ликвидировать последствия ваших ошибок. Неразумно было восстанавливать связи среди уголовников. Вы же прекрасно знаете, эта среда прослушивается.

Кобра ответил шутливо:

– Но я помню пословицу: не клади все яйца в одну корзину. Вы хотите предложить мне крышу у вашей девицы? Как ее здоровье, она уже надела свою шубку?

Яшин ответил обтекаемо:

– Наташа была готова принять вас, но не дождалась. Сейчас она в отъезде.

Кобра усмехнулся:

– Она сама решает, уехать ей или остаться? – Кобра свернул на Садовое, остановился напротив автоматов. – Вы, кажется, хотели позвонить.

Яшину начинало везти. У него оказался жетон, которого вполне могло и не быть, а майор ответил мгновенно.

– Олег, я в машине своего друга, стоим у площади Маяковского. Друг очень хочет тебя видеть. – Яшин ожидал гневных вопросов, но услышал спокойный ответ:

– Недалеко от Маяковского? Прекрасно, паркуйся у «Пекина», давай номер вашей машины, я через двадцать минут подойду.

Майор и Кобра обедали в «Пекине», спиртного не пили, осторожно приглядывались друг к другу. Они были примерно одного возраста, роста и телосложения, сухие, подтянутые. Яшина обежать не пригласили.

Они понравились друг другу. Держались так, словно не впервые встретились, а были знакомы давным давно.

– Ты припозднился, я ждал тебя раньше, – сказал майор, постучал пальцем по столу, пожал плечами, мол, черт его знает, возможно, и прослушивается.

Кобра понимающе кивнул.

– Хотел позвонить раньше, замотался, то одно, то другое. Жилье у меня нормальное, машина бегает, Москва большая, девок много. В общем, определился. Мне материал нужен. – Кобра по-

ложил на пустую тарелку заранее приготовленную записку, подвинул собеседнику.

Майор развернул ее, прочитал написанные три слова и отодвинул тарелку. Кобра убрал записку в карман.

— Я у твоего приятеля девчонку видел классную, попросил телефон, не дает.

— Кинула она его, — майор улыбнулся.

— Давно?

— Дня три. Я хотел ее тоже пригласить, да девка умотала, видно, подцепила кого-то с баксами. Сам знаешь, они все одинаковые.

Кобра посмотрел майору в глаза, облизнул губы. Первая мысль была — послать всех подальше и ближайшим рейсом улететь. Майор все понял и сказал:

— Ты прилетел давно, а объявился только сегодня. Жизнь идет своим чередом, нас не спрашивает.

Девка засветилась! Значит спецслужба знает о встрече на Кипре, знает о готовящейся акции. Не надо себя обманывать, рассуждал Кобра. Интерпол давно висел у тебя на хвосте, и Москву мог предупредить. Если очень умные, то разыскали Вадима Данина. И если они в Данина уперлись, то у них фотография и пальцевые отпечатки, ведь в уголовном деле все это имеется. Но в Москве невозможно искать человека по фотокарточке пятнадцатилетней давности. Значит, единственная ниточка ко мне — тот рослый мудака. Но наружки сегодня не было. Это совершенно точно. Я ехал за ним почти через весь город.

Майор молча пил кофе. Он понимал, что повлиять на решение Кобры не может, тем не менее, расплатившись за обед, сказал:

— Если бы я считал, что ты обанкротился, не пришел бы. Большая коммерция — дело сложное, рискованное, как не страхуйся. А не хочешь рисковать — сиди на печи.

— Ясное дело. — Кобра поднялся. — Идем, я тебя подвезу.

В машине Кобра спросил:

— Как ты связался с этим ...

— Егора не я выбирал, получил в наследство, у него было очень сильное прикрытие. Сейчас он выполнит последнее задание и уйдет.

— Какое задание? Я хочу знать.

— Тебя оно не касается, — майор замаялся. — Ты будешь работать? Выбрал объект? Россию сегодня тряхнуть трудно.

— Моя забота, за это мне и деньги платят, — сухо ответил Кобра. — Егору я больше не звоню, дай твой телефон.

Майор продиктовал номер.

— Теперь я хочу знать время и место передачи мне материала. Учти, кроме тебя, я никого не желаю видеть.

Майор рассказал о характере операции, разработанной бывшим полковником милиции, а ныне кандидатом в депутаты Думы, Павлом Петровичем Усовым.

— Неплохо, — Кобра кивнул.

— Что ты придумал? Мы хотим оценить товар, за который уже уплатили деньги, — твердо произнес майор.

– Ты передаешь мне материал, мы расстаемся, дай Бог, навсегда. Где я, как и что делаю, вам знать не обязательно, даже вредно. Ты меня понял? – Кобра посмотрел майору в глаза, тому пришлось собрать все силы, чтобы не отвести взгляд.

– До встречи. – Майор вышел из машины, аккуратно прихлопнул за собой дверь.

Третий день Гуров жил на своей конспиративной квартире. Третий день Станислав Крячко одиноко сидел в кабинете. Встречаясь с коллегами в коридорах и столовой, матерился, глядя врачей, засунувших начальника и друга в какую-то «психушку».

– Да еще и адреса не дают, – сокрушался он. – Видите ли, Гурову отрицательные эмоции категорически запрещены! Это я-то, лучший друг, отрицательная эмоция!

Третьи сутки сыщик расхаживал по квартире с тряпкой в руках, вытирая уже не существующую пыль. И думал, думал. В сотый раз повторял, что необходимо залезть в шкуру террориста, стать существом без сердца и нервов и найти объект уничтожения. Такой объект, чтобы привыкшие к ежедневным убийствам люди харкнули кровью, сказали, хватит, прекратите это. Что «это»?

Кремль? Белый дом? Мэрия? Трудно подойти к таким зданиям, тем более одиночке. Стадион? Рынок? Страшно, но малоэмоционально. Театр? Детский театр? Церковь? Служба в Храме? Что самое больное для людей? Дети и церковь.

Приехал Станислав, привез продукты и отправился на кухню готовить обед. Разгружая сумки, сказал:

– Зайди, есть новости.

Кухонька была маленькая, не то что в квартире Гурова. Он вошел, притулился в уголке. Сняв пиджак и засучив рукава, Станислав начал чистить картошку.

– Сегодня утром на двадцать четвертой «Волге» Яшин в сопровождении двух молодцов в десантном камуфляже и с автоматами выехал из Москвы. Они миновали Елец, ушли на Воронеж, Ростов...

– Направляются в Грозный? А парни с автоматами, конечно, известные нам лейтенанты?

– С тобой неинтересно. – Крячко поставил кастрюлю с картошкой на огонь, развернул пакет с котлетами. – Петр приказал к ним не приближаться, к «Волге» прилепили маяк, нашу машину ведет женщина.

– Красиво, только я в такую грубую работу не верю, – сказал Гуров. – Хотя чем черт не шутит... Полковник контрразведки с вооруженной охраной никакому досмотру не подлежит. Может, им действительно в Москве взять взрывчатку не у кого. Ты с Пашей Кулагиним говорил?

– Он ничего не знает. В принципе Яшин все еще числится за кадрами. Если его поездка связана с Коброй, то о ней может знать лишь один человек.

– Кто? – Гуров взглянул на друга с интересом.

– Спроси что-нибудь попроще. – Станислав начал переворачивать котлеты. – Я говорю один – не персонально, а с точки зрения количества.

За обедом Станислав рассказал пару старых анекдотов, затем они вымыли посуду и, взяв по чашке кофе, уселись за столом друг против друга.

– Я считаю, – сказал Гуров, – взорвут либо церковь во время богослужения, либо детский спектакль. – Он развернул газету и закурил. – Четвертого декабря. В этот день православный праздник.

– Они не успевают, – заметил Станислав. – Надо не только привезти взрывчатку, но и подготовиться.

– Не очень-то я верю в поездку Яшина, да и, возможно, у Кобры уже все готово. Ладно. Шестое декабря. Память Блаженного князя Александра Невского, – читал Гуров. – Престольные праздники в соборе Благовещения Пресвятой Богородицы в Кремле, в храмах, адреса указаны. Седьмого праздник... Восьмого тоже. А девятого и десятого ничего нет. Считаю, Кобра определил для себя один из этих дней.

– За неделю до дня выборов. Семь дней газетам и телевидению, чтобы разжечь пожар? – Крячко вздохнул. – И как ты представляешь нашу работу в храмах, среди толпы?

– Дурак ты, Станислав, – сухо констатировал Гуров. – Кобра будет работать ночью. Вообще-то церковное богослужение очень соблазнительно, но сложно для выполнения. Я бы предпочел детский театр. – Гуров перевернул страницу газеты. – Тут мы имеем Большой... Малый... МХАТ... Полковник, знаешь, сколько театров в Москве? Правильно, легче карманников пересчитать. Театр юного зрителя, Детский музыкальный, Детский камерный и все театры, имеющие детские спектакли, – Гуров передал газету Станиславу. – Завтра обойди все театры и цирки. Ищи человека, который устроился на работу в течение последнего месяца. Пожарным, охранником, кладовщиком, дворником, сам не маленький, понимаешь. Только осторожно, не топя. Придумай сыщикам легенду, чтобы в театре не заговорили, мол, кого-то ищут.

– В этом что-то имеется, – пробормотал Станислав. – Если совпадет возраст, рост, в основном рост... Сам знаешь, как сложно изменить рост.

– Знаю, – Гуров потер колени, вспоминая, как они болели, когда сыщика в целях конспирации «укоротили» на пять сантиметров. – На забывай, что можно горбиться. Если хоть что-нибудь подходит, начинаем проверять и разрабатывать.

– Чего разрабатывать? – возмутился Крячко. – Просто «берем пальцы».

– Станислав, – укоризненно произнес Гуров. – Если ты найдешь человека, лишь тенью похожего на Данина, никакой самостоятельности, немедленно сообщай мне.

– Мужиков, похожих на Данина, в Москве миллион, – усмехнулся Крячко, схватил свою куртку и выскочил из квартиры.

Первым Гурову позвонил Станислав. Справился о здоровье, сообщил, что работает в цирке у Никулина, пока пусто, но неко-

торые надежды проглядываются. Затем позвонил Орлов, о здоровье не спрашивал, но рассказал, что у двоих оперов имеются зацепки, сторожа в указанных ими адресах не проживают, у одного якобы семья, сегодня они не работают, выходные.

Снова объявился Станислав. Рассказывал о цирке, хвастался, что познакомился с Никулиным, сообщил новый анекдот.

- Не крути, Станислав, выкладывай! - приказал Гуров.

- Водку не всю выпил? - ехидно поинтересовался Крячко.

- Даже не притронулся, - Гуров почему-то обиделся.

- Позже приеду, махну сто грамм, расскажу про дырку от бублика.

Около шести вечера Орлов сообщил, что в двенадцать дня на шоссе в сорока километрах от Ростова «Волгу» с Яшиным и двумя сопровождающими разорвало в клочья. Машина направлялась в Москву. Взрыв был такой силы, что «Жигули», едущие по встречной полосе, выбросило в кювет.

- Петр, прикажи немедленно проверить в зоне взрыва радиацию! - закричал Гуров.

- Побереги голос, Лева. Радиация в норме, но специалисты считают, что количество взрывчатки рассчитано не на машину, а на дом. Что думаешь?

- А я давно не думаю, Петр, - ответил Гуров. - Извини.

- Ладно, - буркнул Орлов. - Тела собрать не представляется возможным, я приказал привезти черепа, проведем экспертизу. Надо точно знать, кто именно погиб в этой странной катастрофе.

- Ничего странного, генерал, все закономерно.

- Ладно, Лева, ты, главное, не кисни. Мы достанем его, я уверен.

- Хорошо, жду, - Гуров положил трубку. Ни в чем Петр не уверен, просто неуклюже успокаивает.

Три человека, участвующие в заговоре, выехали на одной машине и разлетелись на куски. Кобра и люди, стоящие за ним, свидетелей даже косвенных, не оставляют. Они хотят меня убедить, что взрывчатка до террориста не дошла? Что акция сорвалась? А если это действительно так?

Рассуждения сыщика были прерваны приездом Крячко. Он появился радостный, возбужденный. Вытащил из кармана и тут же надул огромный резиновый шар, привязал веревочку к дверной ручке.

- Затворнику и мыслителю с праздника жизни! - Он положил на стол фотографию, на которой был запечатлен в обнимку с медвежонком. Они сидели на скамеечке, медвежонок презрительно отворачивался от фальшиво улыбающегося Станислава.

- Не умею фотографироваться. - Он потер замерзшие ладони. - Вроде парень я искренний, а на фото как памятник себе. - Крячко направился на кухню, достал из холодильника бутылку. - На фронте полагалось, а мы работаем в условиях, приближенных к боевым.

Пока друг пил и закусывал, Гуров коротко рассказал о взрыве под Ростовом.

— Конечно, тот факт, что в одной машине находились Яшин и парни, которые ждали нас в засаде, тебя настораживает. — Станислав убрал бутылку, поставил на плиту чайник. — Тебя всегда и все настораживает. Не любишь совпадений. А что у любой, даже мощной, но скрытой организации ограниченное количество людей, ты учитывать не желаешь.

— Я о взрыве и думать не хочу. Случаен он или запланирован, нас с тобой это не касается. Мы должны работать, словно ничего не произошло. Потому выкладывай, что у тебя. Каковы результаты у остальных?

— Отбросив пустую породу, можно сказать, что определены три подходящих человека. В Театр юного зрителя в ноябре поступил на работу мужчина лет сорока, подходящей внешности, по указанному им адресу не проживает, в театре работает сменным сторожем... или пожарным, не поймешь.

Зазвонил телефон, Станислав замолчал, Гуров снял трубку.

— Я сейчас заеду за тобой. На даче Юрченко два трупа, — глухо произнес Орлов.

— Артем?

— Да.

— У меня Станислав на своем «мерсе». Мы выезжаем, встретимся на месте. Там работает служба безопасности?

— Черт их поймет, кто там работает. Сообщил Павел Кулагин из контрразведки.

— Мы едем.

Без майора Сухова убийство действительно не обошлось. Он сидел в кресле, откинувшись на спинку, с пулей в голове. Артем Дуров лежал в центре комнаты, тоже с простреленной головой. Трагедия разыгралась в доме начальника охраны.

К тому времени, когда прибыли сыщики, начальство уже переместилось в особняк, а врач констатировал смерть. На месте преступления работали два криминалиста, занимались осмотром, снимали пальцевые отпечатки.

Начальник отдела контрразведки Павел Кулагин курил на крыльце, встречал генерала Орлова и прибывших одновременно с начальством Гурова и Крячко.

Сыщики вошли в комнату, остановились на пороге.

— Майор! Вот уж не ожидал, — присвистнул Гуров.

— Врач говорил, когда и с какого расстояния стреляли? — спросил у экспертов Орлов.

— Шагов с двух, примерно пять часов назад, уточнит после вскрытия, — ответила одна из экспертов. — Малый калибр, думаю, с глушителем.

— Очень нужны пальцы. — Орлов, разглядывая положение тела Артема Дурова, опустился на колени. — Отберите пальцы убитых, если обнаружите отпечатки постороннего, немедленно ко мне. Я начальник Главка Угро.

— У нас свое начальство.

— Я договарюсь, — Орлов взглянул на Гурова. — Имеешь соображения?

Гуров оглядел комнату, накрытый на троих стол.

– Когда господа эксперты закончат, я хотел бы сам произвести осмотр помещения и трупов до их отправки.

– Оставайтесь здесь, я пойду договарюсь. Станислав, у ворот стоит сторож.

– Понял. – Крячко вышел следом за Орловым.

Генерал отправился в особняк. Станислав заторопился к воротам.

Орлов властным жестом отстранил стоявшего в дверях охранника, прошел через холл, открыл дверь в каминный зал, где находились пятеро мужчин.

– Здравствуйте, господа. – Орлов оглядел присутствующих, пожал руку помощнику прокурора Драчу. – Орлов Петр Николаевич, начальник Главка Угро. В России, как всегда, все через задницу! – Наступила тишина. – Сыщик должен быть на месте преступления первым, а приглашают последним. Вы, как я понимаю, хозяин, господин министр Юрченко; вы из контрразведки; вы от Коржанова; вы от службы безопасности. – Орлов, не скрывая бешенства, тыкал в присутствующих пальцем. – Генерал, сколько в своей жизни вы раскрыли убийств?

– Я только полковник...

– Не беда, произведут. – Орлов обратился к заместителю начальника контрразведки: – Степан Сидорович, мы работаем по данному делу, ты помогаешь плохо, так что не мешай.

– Илья Сергеевич лично послал меня, – сказал помощник Коржанова, но Орлов его перебил.

– Полковник Севастьянов, кажется. Майор, что устроился в кресле с пулей во лбу, как я понимаю, ваш человек? Утром на имя министра представьте рапорт, подробно объясните, почему майор Сухов дневал и ночевал в данном имении. Илье Сидоровичу передайте мой личный поклон, добавьте, что если мы убийцу не остановим, то никакая дружба с Президентом генерала не спасет. Старшим по розыску убийцы я назначаю полковника Гурова, и чтобы ни один генерал у сыщика под ногами не болтался.

– Гуров в госпитале.

– Я его вылечил! – успокоил контрразведчика Орлов. – Прикажете вашим экспертам, Степан Сидорович, чтобы они поторопились с отпечатками. Федун Иванович, пойдем, я хочу, чтобы ты помог Гурову, у тебя глаз хороший. А вас, господин министр, прошу задержаться, у меня к вам будет несколько вопросов.

Трупы увезли, в домике покойного Артема Дурова остались Орлов, Драч, Гуров и Крячко. Все остальные уехали, включая и министра, с которым при закрытых дверях минут пятнадцать беседовал генерал.

Сидели молча, пили остывший жидкий чай. На столе лежали две кучки различной мелочи, обнаруженной в карманах убитых. Крячко крутил в руках и внимательно разглядывал связку ключей.

– Восстановить картину преступления несложно, – сказал Гуров. – Только она нас не приблизит к убийце.

– Восстановление картин – любимое занятие сыщиков, – ворчливо произнес Драч. – Еще больше вы любите нарушать устано-

вленный законом порядок. Вещички, что лежат на столе, взяты из карманов убитых. А где протокол изъятия, подписанный понятыми?

Орлов нахмурился, а Крячко виновато улыбнулся.

— Прокуратуру хлебом не корми, дай возможность о ментов ноги вытереть. — Он открыл лежавшую на столе папку. — Вот протокол и подписи имеются.

— Черт хитрющий, где же ты понятых нашел?

— Мы же сыщики, господин прокурорский.

— Сдаюсь, — хохотнул Драч, повернулся к Гурову. — Хотя нам твоя картинка не поможет, но все же нарисуй, будь другом.

— Обязательно. Пусть сначала Станислав расскажет, что ему сторож у ворот сообщил.

— В шестнадцать десять на своих «Жигулях» прикатил майор, был в машине один. А в шестнадцать сорок майор опять на своих «Жигулях» укатил. Я книгу смотрел, все записано.

Орлов с Драчем удивленно переглянулись, генерал сердито сказал:

— Выкладывайте, вы уже все обмозговали.

— Майор приехал не один, убийца лежал на заднем сиденье. Сторож из будки не выходил, узнал машину и открыл ворота. Уехал на машине убийца. По времени все сходится, — закончил рассказ Крячко.

— Я не могу ответить на вопрос, зачем майор привез убийцу, — начал Гуров. — Кое-какие предположения, не более. Опасность представлял Артем, майора пристрелили просто за ненадобность. Таковы факты, остальное из области предположений.

Крячко осторожно положил связку ключей на папку с бумагами.

— Станислав, колись, что ты в этих вещах нашел, — приказал Орлов.

— Кольцо на связке плотное, в нем кусочек бумаги застрял. Не хочу трогать, пусть эксперт вынет.

Орлов взял ключи, осмотрел:

— Дай нож.

Крячко взял со стола нож, протянул генералу. Орлов вставил нож между плотными кольцами, отжал, на папку вывалился кусочек глянцевой бумаги синего цвета.

— Пальцы на таком кусочке не уместятся. Однако бумажка интересная, оторвана от какой-то открытки.

— Или пачки сигарет, — предположил Драч.

— Говори, сукин сын, ведь знаешь! — рявкнул Орлов, глядя на Крячко.

— Ничего не знаю! — Станислав перекрестился. — Нужно отдать на экспертизу.

— Знает, — уверенно произнес Гуров.

Глава двадцать первая

Кобра оформился на работу охранником и сразу же сообщил кадровичкам, что у него тяжело заболела мать и он вынужден уехать в Тулу. На дежурство выйдет лишь восемнадцатого, в понедельник, когда закончится эта кутерьма с выборами. Он пода-

рил теткам торт-мороженое и распрощался. Больше они Кобру не видели.

Он получил переносное ядерное устройство благодаря помощи Аббы. В условленном месте неизвестный человек положил в багажник его машины рюкзак и микросхему дистанционного управления. Вопрос оружия был решен. Самое простое, заложить рюкзак в основание несущей конструкции здания, скрыться и произвести взрыв во время представления, когда зал полон. Но Кобра отлично понимал, что сыщик прикажет прощупать специальной аппаратурой все уголки каждого здания и рюкзак найдет. Стало быть, его необходимо заложить только в день взрыва. Он взглянул на часы, шестое декабря, среда, до взрыва еще трое суток. Кобра подвинул телефон, набрал номер, который дал ему русский, тот снял трубку сразу:

– Здравствуйте, я хотел бы вас видеть, – сказал террорист.

– С удовольствием, но денег у меня пока нет, – ответила майор.

– Я материальный вопрос решил, – усмехнулся Кобра. – Давайте встретимся через час на том месте, где недавно расстались.

– С удовольствием, – майор положил трубку, облегченно вздохнул. Сообщение, что можно не заниматься взрывчаткой, привело Олега Сухова в отличное настроение. Он не знал, что его судьба решена и жить ему оставалось не более двух часов.

В ночь с восьмого на девятое декабря провели осмотр всех театров и цирков. Как Гуров и предполагал, взрывчатку обнаружить не удалось. У служебных и запасных входов выставили оперативников. В МХАТе на Тверском работала целая бригада.

– Как мент ни маскируйся, а опытный глаз его определит, – сказал Крячко. – Если Кобра нас увидит, то уйдет...

– Скорее всего мы ошиблись. Объект теракта – дети, видимо, цирк. Идем к Петру, у нас остались одни сутки.

Гуров и Крячко приехали в цирк около двух часов, перед центральным входом уже толпились люди, пришедшие пораньше. Представление начиналось в пятнадцать, двери вот-вот должны были открыться.

«А если я ошибся, и Кобра взорвет цирк не завтра, а сегодня? – подумал Гуров, глядя на ребятишек, галдящих у закрытых дверей. – Впрочем, нет, сегодня ему никак не успеть», – успокаивал себя сыщик.

– Нас здесь не пустят, нужно обойти здание, служебный вход с обратной стороны. – Крячко дернул друга за рукав.

«Если сегодня ничего не найдем, придется идти к Юрию Никулину, просить перенести представление», – думал Гуров, направляясь следом за Крячко к служебному входу.

В вестибюле творилось что-то невообразимое. Ребята со взрослыми толпились у раздевалок, особо шустрые прямо в верхней одежде торопились к двум медвежатам, которые, сидя на скамейках, приглашали гостей сфотографироваться на память. Конечно Кобре на представлении делать нечего, тем не ме-

нее Гуров просматривал людской водоворот, выискивая мужчин выше среднего роста и подходящего возраста.

— Господин полковник, — официальным тоном произнес Крячко, — обойдем арену по служебному коридору?

Гуров ничего не ответил, пошел следом за начальником охраны и Станиславом. Вдоль стен стояли ящики, на многих висели замки. Для специалиста подобные запоры сродни оконному шпингалету, отметил про себя Гуров.

— Ваши товарищи ушли только утром, — пояснил охранник, чувствовалось, что молчание Гурова тяготит его.

Сыщик похлопал его по плечу:

— Не обращайтесь на меня внимания, голова раскалывается, видимо, грипп подхватил.

— Эпидемия, чуть не каждый второй болеет, — охотно поддерживал разговор охранник. — Я уж забыл, когда у меня выходной был.

— Людей не хватает? — Гуров оглядывал ящики, огромные коробки с вещами циркового бродячего народа. — Цирковые похожи на цыган. В любой момент снялись с места, подхватили скарб да и двинули на новое место.

— Верно, нашим артистам не позавидуешь, — согласился охранник и взглянул на Гурова с симпатией. — Цирковой, даже с мировым именем, вечный гастролер.

— Одни уехали, другие приехали, случается, артист уехать не успел, новые уж прибыли.

Крячко понял: Гуров начал прорабатывать новую версию проникновения Кобры в цирк.

— Случается. Программа порой изменяется.

— Служба охраны постоянна?

— В основном. Однако на летний сезон большинство увольняется, ведь зарплата летом падает.

— Народ, наверное, пьющий?

— У меня в основном отставники, они уже свое выпили, — поспешно ответил начальник охраны.

— Днями к вам устроился парень лет сорока, какой же он отставник?

— Мужчина серьезный, но он еще на работу не вышел. В понедельник заступает.

— Пропуск ему выдали?

— Временный. Мужик мне понравился, обстоятельный, конечно, приглядеться необходимо...

— Ясное дело, — перебил Гуров. Он потерял к разговору интерес, вышел через черный вход во двор, взглянул на машины.

— Тачки наших ребят. Сейчас на улице машину не оставишь.

Гуров кивнул и ушел внутрь здания.

— Начальник у вас с понятием, — сказал охранник, обращаясь к Крячко.

— Он в цирке работал, — пояснил Станислав и пошел догонять друга.

— Вход со двора — самое уязвимое место, — сказал Гуров. — Завтра с утра выставишь у ворот двоих самых толковых оперов.

— Почему завтра? — рассердился Крячко. — Что ты уперся в завтрашний день? До семнадцатого еще восемь дней.

— Шестнадцатого поздно, скандал не успеет набрать обороты. А завтра последние спектакли для детей.

Начальник охраны провел сыщиков в ложу дирекции, и они начали смотреть представление под названием «Лед и пламень».

Круглая чаша цирка была переполнена, она вмещала две тысячи человек. Две тысячи жизней. Он смотрел на скользящих по арене красавиц и не видел девушек на коньках, ему мерещился кошмар возможного взрыва. Если даже потолок не обрушится и взрыв не сравняет цирк с землей, оставшиеся в живых передадут друг друга.

Девушки в кокошниках скользнули за портьеры, появились клоуны, вызвав дикий восторг детворы.

Гуров предложил Крячко спуститься в пустое фойе.

— Я не могу на это смотреть, — сказал он, доставая сигареты.

— Мужчина, здесь не курят, — недовольно предупредила билетерша.

Гуров послушно спрятал пачку в карман. Крячко, стараясь казаться бодрым, сказал:

— Мы возьмем его. Он же должен пронести пятьдесят килограммов, а такой груз в карман не спрячешь.

— Камуфляж под реквизит, провезет со двора.

— Там встанут лучшие сыщики, — возразил Крячко. — Снабдим их магнитами. Лично я считаю, что когда он увидит усиленную охрану, то откажется от замысла.

— Антисоциальный психопат, — пробормотал Гуров. — В обычной жизни ничем не примечательный, в экстремальных ситуациях решительный, бесстрашный.

— Что делать с девушками? Они в Москве, я говорил с ними. Конечно, напуганы, но придти сюда не отказываются.

— Бессмысленно. Он не появится здесь в своем повседневном обличье. — Гуров, задумавшись, сел на скамейку рядом с медвежонком.

— Будем фотографироваться? — спросил молодой человек с аппаратом. — Тридцать тысяч вон той девушке.

— Да, пожалуйста, я заплачу, — Крячко подошел к стоявшему рядом столику.

— Расслабьтесь, можете мишку обнять, — фотограф навел аппарат. — Да улыбнитесь...

Гуров положил руку на шею медвежонка, изобразил улыбку.

— Фотография после представления.

— Обязательно, — Гуров погладил медвежонка и поднялся. — Спасибо.

Сыщики спустились вниз, прошли к дверям, выходящим во двор.

— Кобра может надеть милицейскую форму, — сказал Гуров. — Нет, скорее служебный халат, да еще тележку и метлу прихватит.

— Что за чушь, — сердито ответил Крячко. — Я же тебе сказал, здесь встанут оперативники. Ночью выставим дежурных, пустим собак.

— Ночью он не пойдет. Выберет крайне простой, обыденный ход.

В воскресенье, десятого декабря, в девять утра Гуров, Крячко и девять оперативников уголовного розыска подошли к зданию цирка на Цветном бульваре. Они собирались сменить ночную охрану, встать по периметру служебного коридора. Вход со двора и ящики с личными вещами артистов, стоявшие вдоль стен, Гуров считал наиболее уязвимым местом.

Возле ограды бульвара стоял автобус, сыщики поставили в этом же ряду свои машины и направились в обход цирка к служебному входу. У дверей их встретил десантник в пятистой форме с автоматом.

— Приготовьте пропуска. — Розовощекий парень оглядел группу подошедших мужчин. — Артисты?

— Фокусники, — ответил Крячко. — Сынок, тебя кто тут поставил?

— Приготовьте пропуска и проходите, — парень повел мощными плечами, — скапливаться запрещено.

Гуров почувствовал неладное. Крячко прошептал:

— Видел автобус у бульвара, на нем ОМОН доставили. Они бы еще бронетранспортер приволокли.

Они вошли в здание цирка. Там находились еще один автоматчик, мужчина в форме постарше и знакомый начальник местной охраны.

— Полковник Гуров? — пятистый шагнул навстречу. — Майор Котов. — Он открыл внутренние двери. — Прошу, полковник, надо поговорить.

Гуров прошел в коридор.

— Ваши документы, господин майор. — Он предъявил свое удостоверение, взял удостоверение майора, внимательно изучил.

— Полковник, я получил приказ взять под охрану здание цирка до окончания вечернего представления. В моем распоряжении пятьдесят прекрасно обученных бойцов спецназа, у нас мышь не проскочит.

Гуров сочувственно посмотрел на майора, в творящемся бардаке парень не виноват, и миролюбиво спросил:

— И от кого вы собираетесь защищать объект, господин майор?

— Я получил соответствующие инструкции.

— От кого конкретно?

— Я подчиняюсь своему командованию.

— Да на здоровье, — Гуров пожал плечами, — меня это не касается. Майор, со мной десять сотрудников милиции в штатском, я прошу пропустить их в здание. Вы будете выполнять свой приказ, а мы решать свою задачу.

— Не могу, полковник. Посторонним в здании находиться запрещено.

Терпение Гурова закончилось.

— А артисты цирка, зрители?

— Умничают, — майор понимающе кивнул. — У артистов имеется удостоверение, у зрителей билеты.

— У меня есть персональное приглашение в ложу дирекции. — Гуров протянул приглашение, подписанное Юрием Никулиным.

Майор усмехнулся:

— Приглашение действительно на два лица, так что вы можете взять с собой одного человека.

Но Гуров уже его не слушал. Он отвел в сторону начальника местной охраны:

— Игорь Михайлович, мне нужно девять билетов на одиннадцать и столько же на три часа дня. У вас же наверняка имеется бронь.

— Все сделаем...

Решив вопрос с билетами, Гуров позвонил генералу Орлову:

— Что происходит, Петр? — поинтересовался сыщик как можно спокойнее.

— Черт его знает! — Орлов матюгнулся. — С этими выборами все с ума посходили. Со мной даже не советуются, просто ставят в известность. Слухи дошли до первого зама. К нему явились два депутата, журналисты. Жалуются на проведение повальных обысков. Наш Главк от работы по данному делу отстранен, так что ты там находишься вне закона.

— Кобра, конечно, солдат уже увидел, сейчас перестроится. Значит, до трех часов мы время имеем. Ты не можешь добиться...

— Лева, готовится приказ о моем увольнении.

— Петр, это не главное.

— Конечно, — ответил Орлов. — У тебя какие-нибудь идеи появились?

— Кое-что. Спецназ, естественно, мешает, но мы сделаем все возможное.

— Мне нечего тебе сказать. Но знай, твоя смерть ничему не поможет.

— Мы не уйдем отсюда до последнего мгновения, — Гуров положил трубку, взглянул на стоявшего в дверях кабинета Крячко. — Никогда не думал, что начну говорить красиво.

Кобра толкался среди ребятни и взрослых, ожидавших начала представления, поглядывал на бойцов спецназа и улыбался. Он был доволен: солдатики — не профессиональные сыщики, с вояками иметь дело легче. То что его отвлекающий маневр не прошел, Кобру не огорчило. Если трехчасовое представление отменят, шарахнем через пару дней театр, можно и МХАТ, решил он.

Распахнулись двери и ребятня ворвалась в вестибюль. Фойе заполнилось многоголосьем и смехом. Раздевшись, дети тащили родителей к зверям фотографироваться, в буфеты к лоткам, где продавали мороженое и разноцветные шары.

Стоявших у входных дверей спецназовцев бесцеремонно отеснили. Молодые парни в форме растерялись, не знали, как себя вести, завидовали своим товарищам, которые несли службу у служебного входа и во дворе цирка.

Парнишка лет восьми схватил одного из бойцов за рукав и требовал отвести его в туалет. Женщина, сопровождавшая группу «вождей краснокожих», увидев мужчину в форме, стоявшего, как она посчитала, без дела, нагрузила на него верхнюю одежду своих подопечных, приказав занять очередь в гардероб.

Сыщик у центрального входа работало лишь двое, они чувствовали себя в толпе привычно, сразу придумали себе занятие. Один держал веревочки с надувными шарами, за что продавщица была ему благодарна. Она только получала деньги, а сыщик отвязывал выбранный ребенком шар. За этой работой он профессионально выхватывал взглядом мужчин среднего возраста и подходящего роста. Второй опер встал у крайней раздевалки так, чтобы видеть входные двери, и помогал ребятам раздеваться, но видел все, что требовалось.

Гуров подошел к раздевалке, поднял брошенное на пол пальтишко, отдал мамаше. Опер тронул полковника за рукав:

— Если он пойдет через центральные двери, то выберет женщину с двумя детьми и младшего возьмет на руки.

— Обязательно. — Гуров одобрительно кивнул. — Ребенок на руках и молодая женщина со вторым чадом рядом — прикрытие великолепное.

Гуров заранее решил, как расставит своих оперативников. На служебный вход, где топтались без дела два бойца с автоматами, сыщик никого не выделил. Два опера курили за дверью, откуда шла лестница на верхние этажи, где располагались служебные помещения, артистические уборные, костюмерные. Здесь же жили артисты, которых переводили из одной труппы в другую. Тут находилось и служебное кафе—столовая, соответственно и кухня. Имелись лифты, которые очень не нравились сыщику.

Самая трудная задача, стоявшая перед Коброй, это доставка взрывного устройства в помещение цирка. Возле двери, через которую можно войти со двора, майор спецназа выставил двух бойцов с автоматами. Вскоре здесь начался скандал. Дворники, рабочие и другой обслуживающий персонал часто не имели при себе пропусков, все знали друг друга в лицо, и непонятно откуда появившаяся охрана, да еще с автоматами, раздражала людей.

За каких-нибудь пятнадцать минут у дверей собралась толпа. Не стесняясь в выражениях, они костерили растерянных бойцов и покрасневшего майора. Подвыпивший мужичонка, якобы случайно, расплескал из ведра краску. И одному бойцу пришлось уйти в автобус.

— В темном переулке вас нету, а здесь выставились, морды бесстыжие! — кричала уборщица.

Спецназовец привел начальника охраны, и тот выделил вахтершу, знавшую цирковых в лицо. Но так как дверь поминутно открывалась и у железных ворот гулял сквозняк, женщина заявила, что у нее пост внутренний, теплый. И гордо удалилась.

Кто-то сбегал в администраторскую, пришел заместитель директора, мягкий и обаятельный. Он знал, что по неизвест-

ным причинам охрана помещения усилена. Вчера познакомился с Гуровым и смотрел на стоявшего в стороне полковника с надеждой.

— Извините, но эти люди мне не подчиняются, — сказал сыщик и пошел коридором вдоль ящиков и сундуков с вещами и реквизитом.

Неподалеку от входных дверей два оперативника помогали чинить небольшой яркий фургончик. Один из мастеровых не сводил взгляда с дверей и происходящего там скандала. Когда Гуров проходил мимо, он поднялся с колен, достал сигарету:

— Огоньку не найдется? Лев Иванович, разгони их к чертовой матери, обзор закрывают, тут не человек, слон пройдет.

— Терпи, сыщик, наша доля такая, ментовская, — Гуров щелкнул зажигалкой, похлопал коллегу по плечу и отправился дальше.

Началась программа. У кулис собирались артисты, стучали копытцами ярко раскрашенные девушки, клоуны сверкали красными носами.

Не успел Гуров обогнуть артистическую братию, как к нему подлетел возбужденный спецназовский майор.

— У вас билет в ложу, вот и сидите на месте!

— Майор, у вас дети есть? — поинтересовался Гуров.

— Что? — ошалевший парень тряхнул головой. — Сын. Какое это имеет значение?

— Если мы уйдем, твой парень станет сиротой, — спокойно ответил Гуров. — Работать в розыске — не ладонью кирпичи рубить, думать надо. Ты бы сюда своего генерала притащил.

Сыщик усмешливо оглядел майора и пошел дальше.

Утренний спектакль закончился. Зрители двинулись на выход. Гуров зашел в кабинет замдиректора, где ждали своего часа два сапера. В огромной клетке сидел огромный красавец-попугай, поглядывал на людей круглым глазом.

— Господин полковник, мы понадобится или для подстраховки сидим? — спросил седой мужчина.

— Идите, перекусите, только быстро, — Гуров вынул из внутреннего кармана портативную рацию. — Ребята, говорит Гуров. Отвечайте, как меня слышите.

В ответ донеслось:

— Я первый, слышу хорошо... Второй, слышу отлично... Станислав Крячко давно оглох, — не удержался Крячко.

— Ну, парни, внимание, — сказал Гуров. — Мандражите? Хороший сыщик должен волноваться.

— Лева, помнишь, как мы маньяка в Сокольниках брали?

— Витя, у того парня было только шесть патронов. Все! Шутки в сторону. Возьмите в обзор туалеты. Считаю, он переоденется в туалете.

— Полагаешь, он уже в здании?

— Возможно. На парадном входе обращайтесь особое внимание на мужчин с ребенком на руках. Возле дверей во двор попробуйте сблизиться с солдатами, найдите к ним подход. «Спартак», девушки, начальники-придурки... Вас учить — только портить.

— Да я с одним уже побратался, но тут ихний командир шастает, — оперативник выругался.

Кобра пришел на утреннее представление. Контроль миновал действительно с ребенком на руках, переоделся в туалете на втором этаже. Сейчас в рабочем, заляпанном краской халате пил кофе в буфете, обслуживающем сотрудников цирка. Кобра смастерил себе из газеты шапочку, мазнул ее краской, не забыв грязной рукой провести по лицу. Ждал, когда начнут пускать людей на дневное представление.

— Ребята, — продолжал Гуров, — мы обязаны его взять с грузом. Если террорист сумеет груз пронести, то вновь переоденется и растворится в толпе.

— Но он не камикадзе и должен во время действия уйти из цирка.

— Кто там такой умный? Если мы его пропустим с грузом, то не дай нам Бог искать его пустого на выходе. Всем по местам! Предельное внимание! В зал придут ваши дети.

— Не дави на психику! — сказал Крячко.

Кобра по нижнему коридору катил тележку, какими пользуются носильщики на вокзале. Террорист заметил ее еще в первый день своего посещения цирка, когда в сопровождении начальника охраны осматривал помещение. Он провез тележку мимо бойцов, охранявших двери во двор, прошел к стоянке, где находились его «Жигули». Солдаты взглянули на «рабочего» в заляпанном краской халате, на тележку, на которой стояло ведро, лежали кисти и мешок с тряпьем, и торопливо захлопнули дверь, так как с улицы несло холодом.

Кобра, одетый в костюм Деда Мороза, подкатил тележку, на которой лежала метровая, обклеенная фольгой, ракета с надписью «Россия», к двери, стукнул в нее посохом. Боец выглянул, распахнул дверь:

— Дед, до Нового года еще три недели! — рассмеялся он.

— У вас, может, и три, а у нас елки скоро начинаются, — прогудел в бороду Кобра. — Подмоги, видишь, застрял.

Бойцы помогли преодолеть порог. Загудели определяющие металл приборы.

— Дед, ты контрабандист, — сказал боец. — Ну-ка покажи, что за снаряд везешь.

— Побойся Бога, воин! — Кобра огладил бороду. — Это же шутеная петарда, а моя тележка вся из металла, вот твоя аппаратура и подняла шумер. — Он хохотнул и двинул по коридору. Только скрылся за поворотом, как услышал уверенный голос:

— Далеко ли направляетесь?

Кобра повернулся, опустив руку в карман халата, плотно обхватил рукоятку ножа.

— На репетицию, — ответил он. — Проверить надо, эта штуковина то летает, то лишь фукает, позору не оберешься.

— Проверить, конечно, не мешает, — согласился опер, внимательно разглядывая Деда Мороза и его груз.

Оперативник решил подойти вплотную. Кобра это понял и молниеносно ударила ножом.

Гуров зашел в кабинет замдиректора, включил рацию.

– Говорит Гуров, все свободны...

– Пропал седьмой! Седьмого нет на месте! – откликнулся взволнованный голос.

– Где его пост?

– Нижний коридор, у выхода во двор!

– Станислав, – закричал Гуров. – Блокируйте все выходы. Двое ищут пропавшего. Я к выходу во двор.

Он побежал, в два прыжка пролетел лестничные пролеты, подскочил к бойцам, стоявшим у дверей во двор.

– Кто входил в последние десять минут?

Бойцы переглянулись, один лениво поправил ремень автомата:

– А вы кто будете?

– Клоун с огромной конфетой за плечами проходил? – Гуров решил, что примерно так должен был камуфлироваться Кобра.

– Клоуна не было...

– Дед Мороз проезжал. Артистов приказано пропускать.

– На чем проезжал? – Гурову казалось, что спецназовцы разучились говорить, с трудом выдавливали слова.

– Он вез тележку с шутейной ракетой...

Гуров не дослушал, кинулся к служебному выходу. Если Кобра выйдет из здания, всему конец. Эвакуировать людей, найти и обезвредить взрывное устройство не успеем.

– Троицким выйти на улицу, следить за окнами, выходящими на рынок и переулок с обратной стороны. В человека, который попытается уйти, стрелять на поражение! – крикнул Гуров и вылетел в вестибюль.

Кобра учел все, но ошибся во времени, которое имел для ухода. Смешно, но опытнейший террорист не подумал, что между оперативниками существует радиосвязь. Он считал, пока выяснят, что одного человека не хватает, пока обойдут посты и перепроверят, пройдет минут пятнадцать. А это более чем достаточно.

Он отодвинул один из ящиков с реквизитом, бросил туда «ракету», халат с блестками и прочую атрибутику Деда Мороза. Тело опера затащила в темный угол за урну. Отряхнув пальто, он причесался и, не торопясь, зашагал к выходу. И, хотя был уверен, что на выходе проверять документы не будут, приготовил временный пропуск.

За стеклянной дверью сидела дежурная, рядом маячил парень с автоматом. Кобра облегченно вздохнул: боец не опасен, главное, нет штатских. Он открыл дверь и уже шагнул через порог, когда почувствовал, что его взяли под руки. Кобра не дернулся. Лишь удивленно взглянул на появившихся по бокам оперативников.

– В чем дело? – он еще не верил, что его взяли.

Лишь когда из открытой двери, расположенной за столом дежурной, появился мужчина в штатском и, улыбаясь, сказал: «Данин? Вадим Леонидович! Вот так встреча, а мы тебя схоро-

нили!» – Кобра понял, что это конец. Он держал руки в карманах пальто, нащупал пачку сигарет, в которой помещалась микросхема, приводящая в действие взрывное устройство. Сейчас шархнет, зал разнесет. Потолок обрушится, надо упасть, а там посмотрим.

– Руки! – раздался крик за спиной. Кобру рванули за плечо. Последнее, что он увидел – голубые глаза незнакомца.

Гуров вложил в удар всю силу и злость, копившуюся месяцами, и врезал террористу в челюсть. Оперативники не удержали тело, оно рухнуло на пол. Гуров опустился на колени, вынул руки Кобры из карманов, надел на них наручники. Подняться с пола не смог, сел. Крячко подскочил, взял друга под мышки, поставил на ноги.

– Попова нашли? – Гуров тяжело опирался на плечо Станислава.

– Живой, вызвали «Скорую». Ножевое ранение под левое ребро...

– В кабинет замдиректора, – Гуров толкнул зашевелившегося Кобру. – Станислав, займись протоколом обыска и изъятия. Пошли, что-то мне неважно...

Раненого оперативника увезла «Скорая», врач после беглого осмотра заявил, что, видимо, жизнь его вне опасности. Гуров позвонил Орлову, сказал лишь одно слово:

– Взяли.

Генерал долго молчал, затем ответил:

– Поезжай домой, звякни, я подскочу на минуточку.

– Договорились. Сообщил в прокуратуру.

– Господин полковник, – позвал эксперт. – Хотите взглянуть на дистанционное управление? Микросхема вложена в пачку из-под сигарет.

– Я в этом ничего не понимаю. Взорваться не может? – Гуров указал на стоящую в углу и похожую на большую игрушку ракету. Казалось смешным, что такая штуковина способна разнести здание и уничтожить тысячи жизней.

– Не может. Мы взрывное устройство увезем?

– Это не ко мне. Я свою работу закончил. Станислав, долго буду тебя ждать?

Крячко торопливо начал собирать бумаги.

Закончился дневной сеанс, малышня штурмовала гардероб. Сквозь детские голоса пробивались сердитые женские окрики, мужчины сражались с потомством молча.

– Хочешь, я тебе шарик куплю? – предложил Крячко.

– Товарищ! – Гурова тронул за плечо молодой человек с фотоаппаратом на груди. – Что же вы фотографии не получили?

Крячко взял у фотографа снимки, взглянул и довольно хохотнул:

– Поместим в музей!

Эпилог

Павел Петрович Усов застрелился.

За успешное проведение операции по обезвреживанию особо опасного террориста заместителя министра Бардина предста-

нили к ордену, генерала Орлова – к очередной медали. Гуров и Крячко получили по окладу.

– Такое дело не грех и обмыть, – заявил Станислав, отходя от эпссы.

– Обязательно, – согласился Гуров.

– От меня получишь сюрприз. – Станислав усадил Гурова в свой «мерседес», подвез к театру, в котором работала Мария. Взяв с заднего сиденья букет роз, вручил другу. – Иди, девушка вернулась со съемок, сейчас у нее закончилась репетиция.

Гуров вернулся из театра через минуту, бросил цветы на заднее сиденье.

– Мария недавно ушла. – Он захлопнул дверцу.

– Поехали к ней.

– Зачем? Она вернулась из Италии три недели назад.

– Как?

– Обыкновенно, самолетом, Станислав. Поехали ко мне.

По дороге купим бутылку виски, да не простую, а с черной этикеткой. Каждому воздается, так, кажется, написано в Библии.

Шахматная эпиграмма

Под редакцией
международного гроссмейстера
ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

На страницах журнала знакомим читателя с оригинальными композициями V международного конкурса составления шахматных задач-миниатюр «Смена», а также с итогами прошлогоднего конкурса. В конкурсе многоходовов за 1995 год участвовало 157 задач 56 авторов (опубликованы 43). Из конкурса исключены: №№ 9, 30, 32, 43, 45, 108 – из-за предшествеников, №№ 28, 33, 44 – из-за побочных решений, №№ 46, 48, 65 – из-за дуалей, № 17 – как опубликованная ранее.

Присуждение предварительное. Замечания принимаются в течение двух месяцев после публикации итогов.

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ

122. Р. ЛИНКОЛЬН

США

Мат в 2 хода

123. Д. ГИЖКО

Чернигов, Украина

Мат в 2 хода

124. Ж. ЛУНС и Ж. КАПРОС

Аргентина

Мат в 2 хода

125. И. АФЕК

Израиль

Мат в 3 хода

126. В. ИВАНОВ и Н. ЧИКАНОВ

Карелия/ Молдова

Мат в 3 хода

127. Ж. РОТЕНБЕРГ

Франция

Мат в 3 хода

128. Л. МАКАРОНЕЦ

Израиль

Мат в 4 хода

129. В. ЖЕЛТОНОЖКО

Екатеринбург

Мат в 4 хода

130. Ю. СУШКОВ

Санкт-Петербург

Мат в 5 ходов

**I – II призы
М. ХОФМАН**

Мат в 10 ходов

**I – II призы
М. МАРАНДЮК**

Мат в 5 ходов

**III приз
Б. КОЦДОН**

Мат в 5 ходов

**Специальный приз
В. ИВАНОВ и Н. ЗИНОВЬЕВ**

Мат в 5 ходов

МНОГОХОДОВКА-95

I – II призы поделили задачи **М. Хофмана** (Швейцария) и **М. Марандюка** (Украина). В обеих задачах в трех близнецах представлены тонкие маневры белого коня. В первой – маршруты коня длиннее, но различны лишь вначале (зато мотивировки сложнее), во второй – маршруты коня геометрически совершенно различны.

а) 1. Hc7! Hpa1! 2. Ha6! Hpa2 [2...h5? 3. Hc5!] 3. Hb4 Hpa1 4. Hpc1 h5 5. Hc2 Hpa2 6. Hd4 Hpa1 7. Hpc2 Hpa2 8. He2 Hpa1 9. Hc1 a2 10. Hb3x

б) He8 – d1 1. Hf2! Hpa1! 2. Hd3! Hpa2 [2...h5? 3. Hc1] 3. Hb4

в) He8 – g8 1. He7! Hpa1! 2. Hc6! Hpa2 [2...h5? 3. Hd4!] 3. Hb4

а) 1. Hd8! Hpe4 2 – 4. He6 – g7 – h5 Hpd5 5. Hf6x

б) Cf2 – e3 1 – 5. Ha5 – c4 – b2 – d1 – c3x

в) Hb7 – g2 1 – 5. He1 – d3 – c1 – e2 – c3x

III приз. **Б. Коцдон** (Германия) Отличный первый ход приводит к двум вариантам с правильными эхо-матами. Игра подчеркивается сильными лонными следами.

1. Cc6! Hpe1 2. Hpe3 Hpd1 3. Ce4 Hpc1 4. Лb6 и 5. Лb1x, 1...Hpg1 2. Hpg3 Hpf1 3. Cf3 Hpe1 4. Лd6 и 5. Лd1x.

1. Cc2? Hpg1!, 1. Ce8? Hpe1!

Специальный приз. **В. Иванов** (Россия) и **Н. Зиновьев** (Казахстан). Подобные правильные эхо-хамелеонные маты встречались (например, в трехходовой миниатюре О. Вюрцбурга). Авторам удалось найти органичный четырехходовый механизм для осуществления идеи.

1. Cd8! Hpe4 2. Cf6 Hpf5 3. Hpg2 Hpe4 4. Cd3x, 1...Hpe5 2. Cd3 Hpd4 3. Ce7 Hpe5 4. Cf6x

1-я почетный отзыв. **В. Мельниченко** (Украина). Сходное превращение белой пешки в ладью и ферзя обычно заканчивалось линейным матом. Автор усложнил идею последующей двухходовой игрой.

1. Cg4! Hrh1 2. a7 Hrg1 3. a8! Hrg2 4. Лg8! [3...Hrg1 2. Cf3], 2...Hrg2 3. a8Ф Hrg1 4. He3!

1-й почетный отзыв
В. Мельниченко

Мат в 5 ходов

2-й почетный отзыв
В. Коваленко

Мат в 5 ходов

3-й почетный отзыв
К. Цунке

Мат в 5 ходов

2-й почетный отзыв. В. Коваленко (Россия). Два лонных следа (с патовыми опровержениями!) и решение – весьма весомое содержание! Цена – две «пешки»!

1. с6? Кра4 2. с7 Кра5 3. с8Ф Кра4 4. Фа6х, но 1...Кра6! 2. с7 Кра7 3. с8Ф – пат!

1. е6? Кра6 2. е7 Кра5 3. е8Ф Кра6 4. Фа4х, 1...Кра4! 2. е7 Кра3 3. е8Ф – пат!

1 – 4. g6 – g7 – g8Ф – Фа2х

3-й почетный отзыв. К. Цунке (Германия). Игра в двух близнецах заканчивается двумя парами правильных эхوماتов. Вступительные ходы неравноценны.

а) 1. Фf5 Крг6 2. Сa2 Кrh8 3. Фе5 – 4. Фе8 Кrh7 5. Фh5х, 4...Лg8 5. Фg8х

б) п.с7 – d7 1. Фс8 Лg8 2. Фс3 Лg7 3. Фе5 – 4. Фh5 Крг6 5. Фе8х, 4...Лh7 5. Фh7х

1-й похвальный отзыв. В. Мельниченко (Украина). Не будь белой Лa4, мат достигался бы в два хода – 1. Кrb6, но – пат! К сожалению, «сбросить» ладью и вернуться к первоначальному плану не удастся (1. Лс4? Сс4 2. Кrb6 Сd5!). Решение,

увы, логически не связано с лонным следом.

1. Лb4! Кра7 2. Лb6 Сf1 3. Лb7 Кра8 4. Нb6х

2-й похвальный отзыв. С. Демидюк (Беларусь). Здесь белый слон жертвуется с целью освобождения диагонали a1-h8.

1. Ch2! Кrh2 2. Кrh4 Кrh1 3. Крг3 Крг1 4. Фа1х

1. Сg3? Крг1 2. Фа1 Крг2 3. Фd1, но 1...Крг2!

3-й похвальный отзыв. Н. Чистяков (Россия). Симпатично движение белого короля по первой горизонтали.

1. Кrc1 Крд3 2. Крд1 Кре4 3. Кре1 Крд3 4. Сf5х

Специальный почетный отзыв. Н. Краплин (Россия). Кrf4, Се2, f8, пп. e3, e5, f2 – Кrh4. б) бел. На2. Мат в 6 ходов.

а) 1. Сf1 Кrh5 2. Кrf5 Кrh4 3. Ch6 Кrh5 4. Cf4 Кrh4 5. Сg5

б) 1. Ng1 Кrh5 2. Кrf5 Кrh4 3. Крг6 Крг4 4. Сb4 Кrh4 5. Се1

Специальный похвальный отзыв. А. Дашковский (Украина): Кра6, Ла4, Лс4, Нс6 – Кrb1, пп. a5, b2. Мат в 5 ходов.

1. Ла3 a4 2. Лd4 Кrc1 3. Лс3 Кrb1 4. Лd1 Кра2 5. Нb4х, 2...Кrc2 3. Нb4 Кrc1 4. Лс3 Кrb1 5. Лd1х

1-й похвальный отзыв
В. Мельниченко

Мат в 4 хода

2-й похвальный отзыв
С. Демидюк

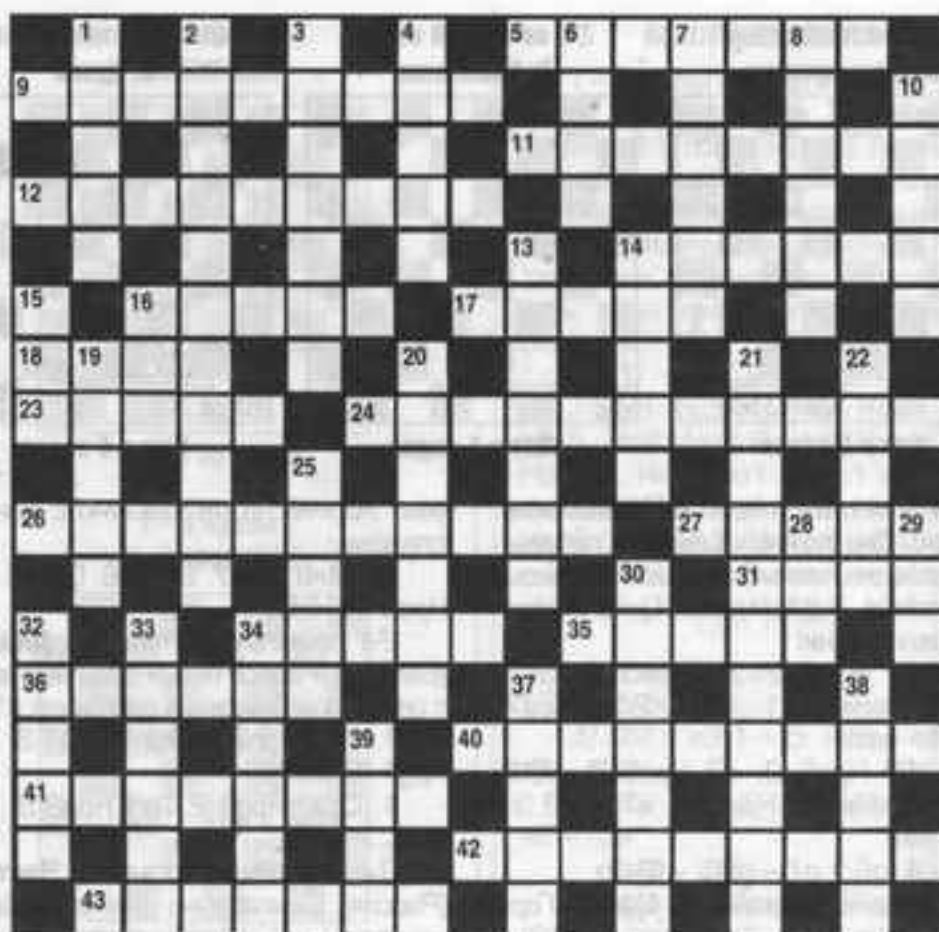

Мат в 4 хода

3-й похвальный отзыв
Н. Чистяков

Мат в 4 хода

ЗРУДИТ

Во горизонтали.

5. Цветок, с которым насекомое пытается спариться, при этом опыляя его. 9. Нинорениссер, начавший с «Вертинали», 11. «Страдания», «семеновна», «яблочко» (общее название). 12. Главная функциональная ткань легкого, печени, селезенки. 14. Второй по величине нит-полосатин. 16. «Отец «Крестного отца». 17. Наемный солдат англичан в Индии из местного населения. 18. Название на Руси количества убранных с поля, но не обмолоченного хлеба. 23. Птица, обитавшая в риге (И. Бунин. «Суходол»), 24. Человек, считающий, что утро приходит к минарету, когда белую нитку можно отличить от серой. 26. Массовая змея на болотах Флориды. 27. «Искусство разъединять» (Гете). 31. Овчарка, награжденная в Финляндии государственной премией за открытые ею месторождения серного колчедана. 34. Фигура пилотажа, впервые выполненная П. Нестеровым. 35. Металл, по свойствам похожий на лантан. 36. Граф Ф. Сумароков-Эльстон как князь после наступления совершеннолетия. 40. Орудие казни, у которого И. Тургенев нашел стройность длинной, «как у лебедя, шеи». 41. Русское название консультанта по юридическим вопросам. 42. «Измумная» лиана Дальнего Востока. 43. Название наручников в детективах.

По вертикали.

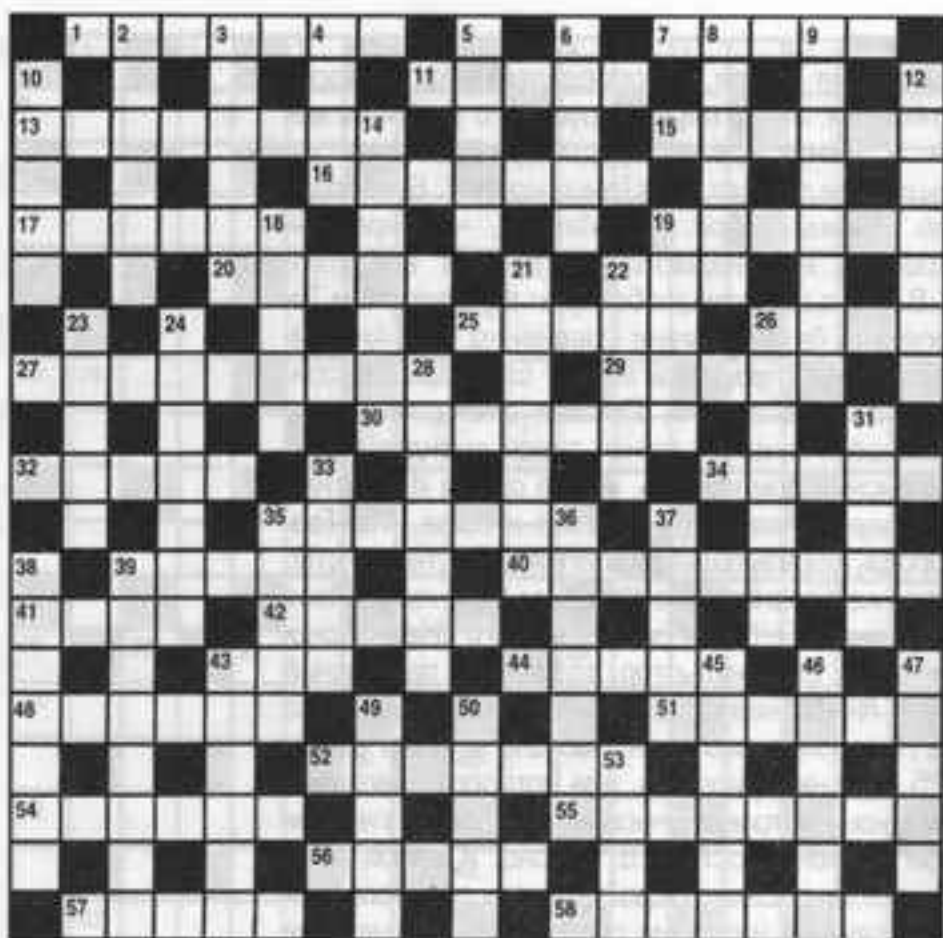
1. История любви, по определению французов.
2. Математик, автор первого русского учебника механики.
3. Банда краснородых, разбойничавшая в Маньчжурии сто лет.
4. «Танец колес».
6. Город с башней Жанны д'Арк.
7. Металл, чья крошечная добавка к ванадию «уничтожает» его хрупкость.
8. Одна из ведущих балерин в украинском театре оперы и балета имени Шевченко.
10. Английский драматург, предполагаемый соавтор Шекспира в ранних пьесах.
13. Лучший анекдотчик среди циркачей и лучший циркач среди анекдотчиков.
14. Испанский композитор, у чьей оперы «Норотная жизнь» (первый вариант) таковая и была.
15. Горная порода, образующая сталагмиты и сталактиты.
16. Один из проливов, по которым шла яхта «Йоа» Р. Амундсена.
19. Герой прозаического «Навмазского пленника».
20. Скульптор, создавший парижский памятник А. Мицкевичу.
21. Желчь-трава.
22. Река на юге Красноярского края, чье дно устлано топливом.
25. Русский философ, для которого благодаря Фламариону астрономическое небо стало первым образом бесконечности.
28. Месяц, в какой рени приносят в Онежское озеро четверть годового стока.
29. Прежнее название русской рени, узнавшей на своей «спине», что такое екатерининский инут.
30. «Интеллигент моря».
32. Змея, в знойные дни много пьющая и плавающая.
33. Саморазгружающийся ларь для бестарного хранения и перевозки сыпучих и кусковых материалов.
34. «Ленивая Сюзанна» в США.
37. Русский адмирал, один из самых просвещенных мужей Европы своего времени.
38. «Более» научное название фермента.
39. Обычный знак в стихах Эмили Дининсон.

ОТВЕТЫ**НА «ЗРИТ», НАВЕЧАТАННЫЙ****В № 10****По горизонтали.**

1. Эюд.
5. Снп.
10. Жанен.
11. Елена.
12. Иридий.
13. Бобр.
14. Вотан.
15. Штамп.
18. Панголин.
20. Нанарейна.
22. Финус.
23. Нларн.
24. Гандхарва.
27. Швейцария.
30. Дин.
31. Холерин.
32. Антигерой.
34. Марципан.
35. Ватто.
38. Ролин.
39. Слог.
40. Динуша.
41. Чутье.
42. «Зимой».
43. Лесс.
44. Царь.

По вертикали.

1. Эфиопы.
2. Юлиана.
3. Чай.
4. Герон.
6. Нлон.
7. Перш.
8. Дева.
9. Запп.
10. Жировик.
13. Барабан.
14. Вирус.
16. Трепач.
17. Мановник.
19. Бардо.
21. Словинка.
22. Фрейдист.
25. Балет.
26. Синолог.
28. Гопан.
29. Ненцкий.
30. Дяпауза.
33. Янтарь.
34. Мидия.
35. Вече.
36. Тать.
37. Осел.
38. Ройс.
40. Држ.

КРОССВОРД
Составил
М. Ахунч,
Вмск

По горизонтали.

1. Рыба, из чьей чешуи получили первый искусственный жемчуг. 7. На ногах. 11. «Корабельный крик» первооткрывателей. 13. Самоцвет, из которого вырезана голова змеи в гробнице Тутанхамона. 15. Поджаренный помтик хлеба. 16. Прилив крови. 17. Лирик, назвавший Нью-Йорк «Железным Миргородом». 19. Поверх валенка. 20. Мертвец, упоминаемый в «Гамлете» Шенспира. 22. Сногсшибательный боксерский удар. 25. Лошадь для поэта. 26. Правый приток Сана в Польше. 27. Белая тонкая ткань. 29. Русская народная игра. 30. Работник на паровозе или шофер в переводе с французского. 32. Горный край в России. 34. Пассажирское помещение в самолете. 35. Юридическая профессия, канюю прочил химику А. Лавуазье его отец. 39. Иссиня-черный скакун Автандила в поэме Шота Руставели. 40. Правление, основанное на насилии. 41. Клен из украинских сказок. 42. Русский адмирал, основатель Одессы. 43. «Помощники» парикмахера. 44. Князь русской свадьбы. 48. Мушкетер, чье имя - любимый псевдоним Ж. Сименона. 51. Периодическое издание. 52. Прерывистая линия. 54. Отзыв, оценка. 55. Антисептик с неприятным запахом. 56. Часть народа с рабской психологией, которую презирал А. Пушкин. 57. Помеще-

ние для самолетов. 58. Одежда Ивана в карауле (А. Ершов. «Нонен-горбунок»).

По вертикали.

2. Вид лошадиного галопа. 3. Народное название креста – высшей солдатской награды в России.
4. Простейший механизм. 5. Нестерпимая жара.
6. «Напитанское» имя попугая в «Острове сокровищ» Р. Стивенсона. 8. Волжский работник, «тягавший суда».
9. Огнестрельное оружие. 10. Удача.
12. Государство в Латинской Америке. 14. Марка автомобиля чингачев в «Золотом теленке» И. Ильфа и Е. Петрова. 18. Неуживчивый характер. 19. Навалерист с кивером. 21. Выборный представитель.
22. Дезабиле, неглиже, шлафор (общее название). 23. Птица, бывающая белой, бурой и серой.
24. Весельчак, шутник. 26. Американец немецкого происхождения, изобретший джинсы. 28. Нязь, убивший последнего льва в низовье Дона. 31. Вести, слухи. 33. Имя драматурга О'Нила. 35. Письменное приветствие. 36. Римский император. По Светонию, считать «его злодеяния по отдельности слишком долго».
37. Самая грязная столица мира, по утверждению Д. Фонвизина и Н. Карамзина. 38. Герой из «Винни-Пуха».
39. «Мыслитель-тунеядец» в «Золотом теленке». 43. Наука, чьи законы – в основе естествознания. 45. Противоположность тучности. 46. Государство в Африке. 47. Огонь костра. 49. Граница. 50. Церковное произведение искусства. 53. Производственная одежда.

**ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 10**

По горизонтали.

1. Флюид. 6. Цель. 10. Снайпер. 12. Лесото. 13. Хейвуд. 14. Лом. 16. Толонно. 17. Осинник. 18. Нин. 20. Янчо. 22. Туаз. 26. Фтор. 27. Амбар... 28. Лиса. 29. Депо. 31. Жиро. 33. Пин. 35. Тон. 36. Гон... 38. Схватки. 39. Испани. 40. Вин. 42. Ренорд. 44. Мистик. 45. Пильняк. 46. Базар. 47. Чайна.

По вертикали.

2. Лисель. 3. Истунан. 4. Дно. 5. Яйцо. 6. Цех. 7. Вредина. 8. Лавина. 9. Улита... 11. Эдинг. 14. Ломотив. 15. Монтанник. 19. Штрих. 20. Ярд. 21. Нап. 23. Ури. 24. Зло. 25. Истон. 30. Евтерпа. 32. Раплина. 33. Псарь. 34. Нванша. 36. Гнаток. 37. Нитна. 41. Ильм. 43. Дир. 44. Мяч.

**ИЗРАИЛЬСКАЯ ФИРМА,
5 лет успешно работающая
НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ,
предлагает широкий
ассортимент красок, покрытий
и специальных химикатов**

КРАСКИ

Водоземulsionные акриловые краски для любых поверхностей. Алкидные грунтовки и разнообразные по цвету эмали для металлоконструкций, стен и дерева. Эпоксидные краски для особо тяжелых условий эксплуатации, полиуретановые краски, нитрокраски, мочевиноалкидные лаки, меламиноалкидные краски горячей сушки, краски «металлик», мебельные лаки.

**Мир красок —
на все случаи жизни**

ПОКРЫТИЯ

Высококачественные защитно-декоративные покрытия с различной текстурой «под шубу» и под мрамор для внутренних и наружных поверхностей на основе водной акриловой эмульсии и на основе специальных органорастворимых морозостойких полимеров. Обеспечивают отличную защиту от жестких погодных условий при эксплуатации от +60°C до -60°C.

ХИМИКАТЫ

Различные химикаты для подготовки поверхностей и мытья оборудования и деталей машин, а также растворители для разбавления лаков и красок: автокосметика и моющие средства (стиральные порошки, кремы, пасты и шампуни).

*Доставка контейнерами
в любую точку России.*

Справки и организация контрактов для оптовых покупателей
по тел. (095) 251-03-51; факс 250-59-28

Дмитрий Белюкин

В наши дни историческая живопись представляется неким анахронизмом. Явлением отжившим и мирно почивающим в музеях. И все-таки есть и сегодня прекрасные живописцы, энтузиасты, работающие в этом труднейшем жанре. И среди них молодой московский художник Дмитрий Белюкин.

Дипломная работа Дмитрия «Смерть Пушкина» в свое время наделала немало шума в художественном институте имени В.И.Суринова, где он учился. В самом деле эта картина очень выгодно выделялась на общем фоне рыхлых и несобранных работ своим безупречным мастерством и какой-то классической ясностью. Классичность — именно то слово, которое наиболее подходит к работам Дмитрия. Мы как-то отвыкли за годы господства «сурового стиля» и увлечения авангардом и от профессионального рисунка, и от ясности форм и силуэта, от реалистичного изображения и низнепо-

добия, да и самое главное – от ясно-го смысла и содержания. Нас при-учали к мысли, что изобретать ре-альную жизнь – это слишком просто и примитивно, а вот иснажать жизнь или вообще подменять ее собствен-ными фантазиями и химерами – нуда почетнее и сложнее. Картины Дмит-рия Белюнина вновь возвращают нас к утерянной классической ясно-сти. И «Смерть Пушкина» – тому блестящее подтверждение.

У Дмитрия есть целая серия блистательных полотен о жизни по-эта: «Пушкин в Тригорском», «Пуш-нин и Языков в Михайловском». И как они все живы, легки и непо-средственны, как далены от скуч-ной казенщины и от школярского педантизма.

Впрочем, было бы неверным представлять Дмитрия Белюнина человеком, совершенно оторван-ным от жизни и ее насущных проб-лем. Да и сама жизнь не позволи-ла бы ему чересчур «оторваться», ведь ей нет дела до того, кто пер-ед ней – художник или крестья-нин. После окончания с отличием института Дима, как и все, служил в армии. Небольшая травма послу-жила причиной отправить его в во-енный госпиталь. Это был 1987 год – время еще продолжавшейся войны с Афганистаном, и в госпи-тале Дима с первых же шагов столкнулся с горькими и страшны-ми язвами той войны, увидев без-ногих и безруких мальчишек-аф-ганцев. Впечатление было страш-ным. Однако и в госпитале Дима оставался художником. 30 листов правдивой графической серии, за-прещенной одно время и репроду-цированию и показу – результат то-гдашнего потрясения.

С 1988 по 1991 год Дмитрий проходил стажировку в Творче-ской мастерской живописи Акаде-мии художеств СССР. Эти годы ста-ли для него временем напряжен-нейшей работы над громадным,

масштабным полотном «Белая Россия. Исход». Картина поража-ет прежде всего своим эпическим размахом и монументальностью. Молодой художник взялся за труд-нейшую, почти непосильную зада-чу – показать на полотне ту часть народа России, которая оказалась выброшенной за ее пределы. За-дача в композиционном и живо-писном отношении – невероятно сложная, но Дмитрий блестяще с ней справился. Каждое лицо, каж-дая фигура на полотне – целая ис-тория, повесть со своими действу-ющими лицами, но всегда с пе-чальным концом. К каждой из фи-гур, изображенных на картине, Ди-ма делал зарисовки и этюды с на-туры. Осенью прошлого года в Мо-скве проходила выставка, на кото-рой Дмитрий Белюнин кроме этого грандиозного, эпического полотна представил более 200 этюдов к нему...

А с другой его работой «Пушкин в Тригорском» произошла довольно любопытная и характерная исто-рия. В 1990 году она была продана за рекордную сумму на аукционе «Дрюо» во Франции. Картина по-правилась какой-то богатой фран-цуженке, имевшей довольно смут-ное представление о русской лите-ратуре и уж тем более о Пушкине. Спустя четыре года российское АО АТЭНС (меценат и коллекционер по-лотен художника) разыскало дав-нюю покупательницу и вынудило у нее эту работу.

Сейчас Дмитрий Белюнин ста-рается, чтобы ни одна его картина не уходила за рубеж. Чтобы его ис-кусство – такое русское и по духу, и по содержанию – не расплыва-лось по многочисленным частным коллекциям в разных странах, а оставалось в России, чтобы стать впоследствии национальным до-стоянием.

ГАЛИНА ТАРАСОВА

Весенний ветер

Дмитрий БЕЛЮКИН. Белая Россия. Исход.

Марса
Феррикова

